

Цви Прейгерзон (А. Цфони)

Когда погаснет лампада

Перевод с иврита Алекса Тарна

Содержание

Часть I.....	2
Глава 1.....	3
Глава 2.....	13
Глава 3.....	22
Глава 4.....	34
Глава 5.....	45
Глава 6.....	56
Глава 7.....	68
Глава 8.....	79
Глава 9.....	87
Глава 10.....	97
Глава 11.....	107
Глава 12.....	118
Часть II.....	133
Глава 1.....	134
Глава 2.....	144
Глава 3.....	155
Глава 4.....	165
Глава 5.....	175
Глава 6.....	186
Глава 7.....	199
Глава 8.....	210
Глава 9.....	222
Глава 10.....	234
Глава 11.....	249
Глава 12.....	262

Часть I

Глава 1

Провести отпуск на Полтавщине посоветовал Вениамину приятель, Соломон Фейгин, чьи родители как раз проживали в этой области, в городке под названием Гадяч. Вениамин, хорошо сложенный, мускулистый двадцатитрехлетний юноша с мечтательными глазами, учился тогда в одном из столичных институтов.

– Учеников себе в Гадяче наберешь, сколько душа пожелает, – прельщал друга Соломон, – и местных, и отдыхающих. А кроме того, у тебя есть стипендия! Заживешь там, как принц: сосновые леса, купание в речке Псёл, а главное – море спелых фруктов и девушек!

Не жалея самых чудесных красок, воспевал Соломон земной рай города Гадяча и его окрестностей – поистине, великолепие красот и благословление Господне! Такой уж был характер у Фейгина: начав восхвалять что-либо, он не ведал границ славословиям, зато и осуждая, не оставлял от предмета камня на камне.

Но на сей раз Вениамин решил прислушаться к совету друга и отправился в полтавский городок. Он провел свои каникулы в пяти километрах от Гадяча, в деревне Вельбовка на другом берегу реки Псёл. Там, под колышущимися кронами темных сосен, сживал он часами с книжкой в руках, то ли читая, то ли вслушиваясь в шепот ветвей. А вскоре в Вельбовку приехала сестра Соломона Рахель с дочерью Тamarой.

Ей было тогда около тридцати. Удлиненное лицо, серые, нееврейские глаза и два ряда великолепных зубов, меж которыми, как в Песне Песней, не сыскать было ущербных. За десять лет до того она развелась с мужем: вскоре после свадьбы сбежала от него в родительский дом и там родила дочку. А несколько лет назад устроилась помощницей счетовода в одну из городских контор. Отец Рахели, бывший резник¹, продавал на рынке вино и медовуху, и напитки его славились далеко за пределами Гадяча. Прохладные в летнюю жару и согревающие в зимнюю стужу, в меру сладкие и в меру с кислинкой, они пользовались неизменным спросом.

И действительно, не пожалел Вениамин, что внял дружескому совету отдохнуть в Вельбовке. Каждый день, отправляясь на речку, он усаживал на раму велосипеда маленькую Тамару, которая всю трезвонила в сигнальный звонок. С шутками и смехом летели они по ведущей на берег тропинке. Звон и хохот, веселая тряска с кочки на кочку, сверкающие на солнце спицы!

Рахель выходила из дому заранее, с плетеной корзинкой в руке. А в корзинке – фрукты, гроздья винограда, вареные яйца, помидоры, ломти хлеба с маслом. Долгие часы проводили они втроем на берегу реки.

Загорелы тела купальщиков, блестят их глаза, наливаются силой мышцы! Весь день царит тут веселая кутерьма. Одни разлеглись на солнцепеке и знай себе поворачиваются с боку на бок. То лягут ничком, а то и на спине, раскинув руки, как будто собрались заключить в свои объятия весь мир. Другие плавают в реке. Прыгают в воде макушки буйков, то пропадая из виду, то выныривая снова, но осторожные пловцы не рискуют отплывать далеко от берега. Они шумят на весь белый свет и колотят по воде руками и ногами, так что во все стороны летят серебряные брызги. Но вот слышится окрик с берега, и застывают на месте купальщики, нащупывая ступнями речное дно. Это родительница одной из девочек раздражается повелительным материнским криком: «Нина, назад!»

¹ Резник – человек в еврейской общине, чьей профессией является кошерный (т.е. совершенный в соответствии с предписаниями) забой птиц и животных. (Здесь и далее – прим. переводчика)

А вот забавляются купающиеся девочки: лупят изо всех сил по воде, поливают друг дружку струями и потоками – и визг, и хохот, и черт знает что! Видели ли вы что-нибудь подобное от мальчишек, этих маленьких мужчин? Задумываются ли они хоть на миг, перед тем как прыгнуть в воду? Вот к берегу направляется несколько сорванцов – всего два-три школьника. Серые глаза, короткая стрижка. Как они поведут себя? До края воды остается сделать еще достаточно много шагов, но штаны их уже в руках, а не на бедрах. Еще мгновение – и рубашки тоже брошены на раскаленный песок. Раз, два... – в воздухе мелькают загорелые тела, и вот уже вся команда в воде! Никто из них не нащупывает ногой дно; каждый – опытный пловец, как оно и положено в его компании. А что тем временем делают девчонки? Они часами сидят на берегу, играя в песок. На головах у них круглые панамы, чтобы, не дай Бог, не схлопотать солнечный удар. Они роют туннели и каналы, лепят из песка булочки, пироги и прочую выпечку и отдают этой чепухе со всем пылом своей души. Когда же вы собираетесь купаться, девицы-красавицы? Ага, вот, слава Богу, доходит и до купания. На цыпочках, мелкими шажками приближается девочка к воде. Но вот край воды рядом, что дальше? Дальше девочка замирает. Она стоит и размышляет. Затем осторожно вытягивает ногу и пробует ею воду. Сколько чуткости в этом движении, сколько тщательного осмысления и планирования!

О, время принимать поздравления: обе ноги уже в воде по щиколотку...

Всю эту премудрость Вениамин объясняет маленькой Тamarочке, обучая ее плаванию. Затем они сидят втроем в тени кустов и лакомятся едой из плетеной корзины. Голубой купальный костюм Рахели то ли что-то закрывает, то ли что-то обнажает. Дремлет горячий песок под августовским солнцем, гудит на берегу толпа детей и женщин; есть там и несколько мужчин. На лугу напротив пасется стадо.

Однажды, когда маленькая Тамара ночевала в городе у бабушки с дедушкой, уединились Вениамин и Рахель в лесу под Вельбовкой. Там, в вечернем лесу узнали они друг друга ближе некуда. В темных небесах полоскали свои кроны высокие сосны, клубились, подмигивали влюбленным звездные рои. Всю свою мужскую силу отдал в тот вечер Вениамин цветущей женщине, с которой свел его случай в полтавской деревне. Наслушался горячего женского шепота под звездным куполом ночи. И было в ее словах что-то театральное, как у актрисы на сцене.

Нет, Вениамину не пришлось раскаиваться в своем решении провести каникулы в Вельбовке. Год спустя, в 1939-ом он снова приехал в Гадяч, сняв для себя и матери комнату в доме старого Фейгина. Дом стоял на склоне холма, в тенистом от садов переулке, всего в полукилометре от реки. И снова потянулись прекрасные дни, полные смеха и беззаботных радостей. Иногда по утрам Вениамин отправлялся на рынок, туда, где восседал под своим навесом старый Хаим-Яков Фейгин, нацеживая крестьянам прохладную медовуху. Выпьет мужик стакан и вздохнет с удовольствием, утирая рот рукавом. Суетится, бурлит рынок из конца в конец. Стоят бабы возле своих корзин, лузгают семечки, белеют ряды головных платков. Между ними неспешно расхаживают покупательницы еврейки, внимательнейшим образом разглядывая все, что выставлено на продажу: кур, яйца, богатый выбор овощей, молочные продукты и прочее великое изобилие прилавков.

Ходит среди них и Вениамин. Глаза его вбирают живописную коловерть рынка, уши внимают бойкой базарной суете. В тени сидят на земле слепцы, перед ними миска для подаяний. Стонут, жалуются в их руках старые бандуры, поют свои печальные песни.

Побродив по рынку, покупает Вениамин немного яблок или груш и поворачивает к конторе, где работает Рахель. Вот она, сидит у открытого окошка и щелкает на счетах. Проходит еще немного времени – и они уже жуют фрукты на скамейке близлежащего городского сада. То смеются, то замолкают, то подшучивают друг над другом.

В самом ли деле стерлась из памяти Вениамина прошлогодняя ночь в лесу под Вельбовкой? Что вы, как можно такое подумать! Весь год ворочался он на скрипучей койке своего студенческого общежития, преследуемый образом этой женщины. Бессонные ночи, грешные мысли по утрам... И вот они сидят рядышком в городском саду и жуют груши в безмятежной тишине. Возможно, что-то произошло за время его отсутствия, но лицо женщины уже не сияет ему навстречу, как год тому назад; смеется она, и сердится, и ускользает от Вениамина.

Рахель возвращается к своим счетам, а Вениамин идет домой. Почти каждое утро, взяв с собой маленькую Тамару, он уходит на реку. По дороге за ними увязывается тамарина подружка Сара Гинцбург, курчавая черненькая девочка. Иногда они заглядывают в гробницу Альтер Ребе, Старого Рабби Шнеура-Зальмана Шнеерсона, которая находится на еврейском кладбище Гадяча. Кладбище расположено у речного откоса, справа от дороги на Вельбовку. Гробница святого рабби и его дочери окружена красноватой кирпичной стеной. Над могилой – невысокий купол; к этому месту несут люди свои записки, жалобы и просьбы. В соседнем помещении, именуемом «штибель», сидит отец Сары, кладбищенский габай¹ Аарон Гинцбург с книгой в руках. Разорен синагогальный ковчег, нет на нем расшитой золотом занавески, бедны корешки молитвенников и святых книг, груды наваленных в углу, убого выглядят свитки Торы, лежащие свернутыми на длинной скамье. Неужели так было всегда? Разве полвека назад царило тут подобное запустение? Нет, в те времена кипела жизнь вокруг усыпальницы святого рабби, стекались сюда хасиды² со всех концов света – с Украины, из Польши, из Литвы, а по субботам и праздникам далеко разносилось печальное пение хазана³. Через открытые окна штибеля слышались вздохи качающихся над могилами деревьев, и молчал великим своим молчанием Старый Рабби в соседнем шатре.

А в будние дни в штибель к сидящему там службе сходились жены Израиля, и он писал им записки на иврите с идишем пополам. И были те записки переполнены слезами больных и калек, стонами сирот и покинутых, плачем вдов и скорбящих. А потом женщины разувались и входили в шатер, к святой могиле. Великая тишь царила там. На маленьком столике в углу горел светильник. Летом и зимой, днем и ночью в течение одного и еще четверти века горел он, не угасая ни разу. Этого скромного света едва хватало на малую часть мира, но в этой малой части трепетала душа многих поколений евреев, еще со времен Наполеона.

А сейчас одиноко сидит в штибеле Аарон Гинцбург, кладбищенский габай, сидит, листает книгу. Мертвая тишина в комнате, никто не приходит, никто не пишет записок, никто не выплескивает горестей своего сердца на святой могиле. Лишь светильник по-прежнему освещает всё ту же малую часть мира. За светильник отвечает Аарон Гинцбург – чтоб не погас, чтоб не иссяк свет его огня.

¹ Габай – служитель в культовых учреждениях, ведающий организационными и денежными вопросами.

² Хасид – приверженец хасидизма – религиозной ветви иудаизма, возникшей в первой половине XVIII века на территории Польши и быстро распространившейся по еврейским местечкам Восточной Европы.

³ Хазан – человек, читающий молитвы в синагоге. Обычно чтение происходит нараспев, временами совсем превращаясь в пение.

– Папа! – возвещает Сарка. – Я иду на речку!
– Иди, иди, Сареле, – отвечает Гинцбург, поглаживая ее по курчавой голове. – Только, пожалуйста, осторожней.
– Со мной – как у Бога за пазухой! – говорит Вениамин и приветливо смотрит на чернявого служку.

Тот сидит за обшарпанным столом, и на лице его застыла усмешка. Но как убога она, эта усмешечка, как бледна и нелепа!

Они выходят из гробницы. Проворные ножки девочек торопятся вниз по склону. Начало августа. Шиповник уже покрылся красными ягодами; от их жаркого цвета кусты кажутся издали пламенеющими, как неопалимая купина. Тут и там торчат из земли каменные надгробья. Высечены на них надписи на иврите, в память о евреях, которые провели в этих местах свои недолгие годы. Вот, например: «Некто, сын Имярека, скончался во цвете лет».

– Дядя Вениамин! Дядя Вениамин! – кричат с берега девчонки.
Обе уже плещутся в воде; хохот и брызги вскипают вокруг.

В тот год Вениамин решил не давать частных уроков. Каждый день после обеда он посвящает несколько часов черчению. Его заказчик, профессор Эйдельман, лечит свои больные легкие в сосновой роще Вельбовки. Он пишет учебник, и Вениамин делает для него чертежи на листах ватмана, по цене от десяти до двадцати рублей за чертеж.

Когда Вениамин чертит, в комнате царит тишина. Мама Сара Самуиловна, сидит у окна и вяжет носок. В этом году мать приехала к нему из Харькова. Там же, в Харькове, живет его старший брат Семен, заводской инженер, семейный человек и отец четырехлетнего мальчугана. Сара Самуиловна довольна отдыхом в Гадяче и обществом своего холостого сына. Хотя и в Харькове ей тоже неплохо, рядом с обожаемым внуком Сашенькой, чья детская болтовня радует ее сердце. Но разве нужно тут кому-то объяснять суть непростых отношений между свекровью и невесткой?

Вот потому-то мать сидит у окна и вяжет носок. Жужжание мух лишь подчеркивает всевластие тишины. Засучив рукава, стоит Вениамин у чертежного стола. Окна распахнуты настежь, и лишь тонкие занавески отделяют комнату от переулка и садов. Снаружи свет и солнце. Лениво проходит пес, приостанавливаясь у забора, дабы зевнуть во всю пасть. Вечер еще не наступил, и тени пока не тянут в мир свои длинные пальцы.

Но вот начинается движение в хозяйских комнатах. Первым возвращается с рынка Хаим-Яков. Слышны его шаркающие шаги, обрывки разговора с женой.

– Бабушка, кушать хочу! – это в дом врывается Тамара и ее звонкий голосок. За нею возвращается с работы Рахель – ее легкая походка так знакома Вениамину! Да и в его комнате уже положил вечер свои мельчайшие тени.

– Я так устала! – утомленно произносит Рахель, и за стенкой слышен звук отодвигаемого стула.

Циркуль Вениамина вычерчивает маленькие тонкие окружности. Работа требует внимания и точности; острый наконечник грифеля осторожно продвигается по белому полю бумажного листа.

– Еще бы! – отзывается бабушка Песя. – Такая жара! Хаим-Яков, к столу!

Из соседней комнаты доносятся запахи еды и болтовня маленькой Тамары.

– А может, и ты поешь, Веня? – говорить мать, откладывает носок и уходит на кухню. В окно уже несколько раз заглядывал вечерний ветерок, но солнечные лучи все еще заливают комнату, окутывая золотом бахрому ковра.

Вот забегает маленькая Тamarочка, большая любительница поболтать. Она окидывает чертеж взглядом знатока, дает дневной работе Вениамина свою строгую оценку и растягивается на скамье.

– Дядя Вениамин, я тебе не помешаю. Обещаю молчать, честное слово!

И тут же, по обычаю прекрасного пола, обрушивает на него все сорок словесных сороков, данных Создателем этому миру, и две загорелые ноги вольно болтаются над скамьей в такт ее болтовне. Только представить себе: соседская девочка Катя слопала разом пять помидоров, а они вообще были немытые! А ведь Тамара ее предупреждала! Теперь у Кати непременно заболит живот, правда, дядя Вениамин? И так далее – подобных историй у маленькой подружки Вениамина хватает. Он заканчивает чертеж и чистит лист ватмана при помощи хлебной корки. Мать вносит в комнату вкусно пахнущую яичницу. Тamarочка тоже присоединяется к трапезе. Угасает день, голубая поволока затягивает окна, тонкая пленка надвигающейся темноты. Легкий вечерний ветерок трогает занавески. Окутанная тонким облаком благовоний, входит в комнату Рахель.

– Тамара, ты ведь только что пообедала! – удивленно замечает она дочери и присаживается на скамью. Комната полнится запахом духов «Красная Москва». Замшевый пояс подчеркивает тонкую талию женщины.

– Кавалер вас, верно, заждался, Рахель Ефимовна, – говорит Вениамин.

– А твоя барышня давно уже губы накрасила и все глаза проглядела, в окошко гляючи, – не остается в долгу Рахель и тут же обращается к Саре Самуиловне с каким-нибудь вопросом.

Странные вещи происходят в последнее время между Вениамином и Рахелью. Судите сами: вот благородный парень, приехавший к благословенной женщине из дальнего города, а вокруг – летние дни, чудесные и манящие, а к ним еще и полные томления ночи, ночи украинские. И что говорит ему та благословенная женщина? Она говорит: «Нет!» Как поступить тому парню, что ему делать со своим ноющим сердцем? Куда деть ему память о тоскливых пробуждениях в комнате студенческого общежития, за окнами, разрисованными ледяными узорами мороза, в холодной тиши, нарушаемой лишь храпом соседей?

Нет, не всё ладно между ними в последние дни. Конечно, Сара Самуиловна прекрасно понимает, что происходит. Понимает и молчит. Тем временем маленькая Тамара продолжает городить свои сорок сороков – теперь про козу. Известно ли им, что коза соседа Гаркуши слопала сегодня афишу, повешенную на заборе в нашем переулке?

– Дядя Вениамин, зачем козе понадобилось афиша?

– Наверно, из-за клея. Клей-то замешан на муке и крахмале. Приятен клей нёбу козы... Кстати, что было написано на афише?

– Это была афиша кинотеатра, дядя Вениамин. Фильм «Цирк» с Любовью Орловой.

– Наверно, козе не понравилась Орлова, – говорит Рахель, и Тамара весело смеется.

В дверь стучат; входят парикмахер Берман и Голда Гинцбург. Берман – невысокий мужчина лет тридцати пяти. Он со вкусом одет, зато волосы всклокочены – странно видеть такое именно у него, главного творца причесок и стрижек в городе Гадяче. Гладко выбритое лицо Бермана кажется молодым и загорелым; лишь тонкая сеть морщинок вокруг темных глаз выдает его истинный возраст. И так, перед нами холостяк не первой молодости, с мягким характером, любящий песни и развлечения.

– Привет, друзья! – восклицает Берман и протягивает каждому ладонь для рукопожатия, в том числе напоследок и маленькой Тamarочке. Это рукопожатие он совершает с преувеличенной серьезностью, а затем поворачивается к Рахели.

– Как дела, товарищ счетовод?
– Дела как сажа бела, – отвечает Рахель; ее белозубая улыбка блестит в полумраке комнаты.

Тамара подбегает к Берману и усаживается у него на коленях.

– Дядя Иосиф, – интересуется она, – ты еще не женился?

Как видно, даже малые дети наслушались шуток о холостяке Бермане.

– Пока еще нет, – отвечает он. – Что делать, Тамарке, ты растешь слишком медленно. Похоже, придется мне еще долго ходить холостым...

– Все слышали? – торжественно произносит девочка. – Дядя Иосиф – мой жених!

Сара Самуиловна достает из буфета миску с семечками. Маленькая Тамара хватает горсть и выскакивает наружу. В переулке уже слышны громкие восклицания играющих детей.

– Таки ждет кавалер, Рахель! – говорит Вениамин, бросив взгляд в окно.

В конце переулка появляется черноусый русский мужчина.

– Иду! – отвечает Рахель и встает.

Она склоняет голову и некоторое время стоит молча, будто ждет чего-то, а затем неслышно выходит из комнаты, оставив прочих смотреть в окно на ее легкую походку. В небе проступают звезды. Царица-тьма закутывает Гадяч в расшитую блестками накидку. Слышен лишь дальний лай собак и шорох деревьев.

Но вот подает голос и Голда Гинцбург.

– Чокнутые! – произносит она с забавным идишским акцентом. – И чего это мы сидим дома?

Что ж, значит, настало время взглянуть и на Голду, старшую дочь кладбищенского служки. Это двадцатилетняя девушка со свежим лицом, двумя черными косами и блестящими глазами. Ее крепкое телосложение и вся повадка напоминают о женственности и материнстве. Нет сомнения, что, если судьба даст ей шанс, она станет достойной еврейской матерью. Будет в муках давать жизнь маленьким беспомощным существам, чтобы росли, чтобы устремляли взгляд в дали этого мира, чтобы дерзали и набирались мужества в своем стремлении ввысь.

А если не повезет – уже через какие-нибудь два года поблекнет, пропадет эта девушка-мать, дочь кладбищенского служки. Десять детей было у Аарона. Шестеро – от первой жены и еще четверо от ее младшей сестры, на которой он женился, овдовев.

– Куда ты торопишься, Голда? – говорит Сара Самуиловна. – Посидите еще немного.

Она зажигает свет, берет книгу – это диккенсовский «Пиквик» – и водружает на нос очки.

– Что, сегодня ты не ходил к своей профессорше? – певуче спрашивает Голда Вениамина.

Тот качает головой: да, не успел закончить заказ... как оправдаться теперь перед профессором? Но к чему эти намеки насчет профессорши, Голденю? Имеется в виду, конечно, не жена профессора Эйдельмана, а его дочь, Лидия Степановна.

– Молод он еще за юбками бегать! – заявляет Берман и тут же предлагает пойти погулять, ведь вечер так хорош!

Со странным выражением лица он тянет Голду за руку к двери. Но нет ничего забавного в том, что немолодой холостяк тянет руки к таким еврейским девушкам, как Голда. За окном месяц плывет меж заплатами облаков. Пылают далекие звезды, ветер слегка шевелит деревья, застывшие в обморочной тьме,

безмолвен переулочек, едва доносится издали женская песня, печальная и тревожная, – таков он, этот вечер, в темном закутке среди садов. Вениамин смотрит на сплетенные руки Голды и Бермана и понимает, что сегодня они вполне могут обойтись и без него.

– Вы идите, ребята, я потом догоню, – мягко говорит он.

Расстояние между ним и ребятами быстро растёт, вот они уже и потерялись в ночной темноте.

Вениамин возвращается домой, к старикам. Почти каждый вечер в доме Фейгина собираются пожилые евреи. Неспешная беседа катится по мосткам да по кочкам, от дел давно минувших дней – к надеждам на будущее, а временами затрагивает и вопросы большой политики. Но почему так малочисленна эта компания? Что случилось в последние годы с Гадячем, некогда значительным еврейским городом? Живы еще те, кто помнит гадяцкую общину во всей ее красе и великолепии. Помнят бурлящий рынок, помнят полные евреев синагоги, помнят ешивы, где было не протолкнуться. Помнят хор детских голосов из окон многочисленных хедеров¹ и школ, помнят, как со всех концов земли стекались сюда хасиды Хабада² поклониться праху Старого Рабби.

Но вот – опрокинуло время полную чашу. Нет, не сразу, не в один миг покинули Гадяч его еврейские жители. Мало-помалу, один за другим, разъехалась молодежь по большим городам: кто на завод, кто в школу, кто в университет. А следом за детьми потянулись и родители. Семья за семьей – одни в Харьков, другие в Ленинград или даже в Москву. Туда теперь переселились евреи, а в Гадяче их осталось не более пяти сотен. Вот и сидят несколько стариков в доме Хаима-Якова Фейгина при свете тусклой лампочки. Из трубки хозяина поднимаются густые клубы дыма, слоятся вокруг лампы, как туман вокруг гаснущего солнца. Вениамин знаком с ними – и с Берлом Левитиным, и с Гинцбургом и со старым резником ребом Довидом.

Все тут бородаты, но борода Берла Левитина самая длинная. Происходит этот бородач из городка Короп, Черниговской губернии. У него пятеро сыновей и дочка, и теперь проживает Берл вместе с нею и двумя старшими в Харькове. Один из старших сыновей выучился на адвоката, второй заведует складом тканей крупного универмага, а замужняя дочка – врач. А вот у младшего сына, Йехезкеля, как-то не задалось, и он живет в Гадяче, работает на мельнице. Старики, Берл и его жена Хая, приезжают к сыну на летние месяцы, снимают комнату в городе или в Вельбовке. Старая Хая – крупная специалистка по блюдам и кушаньям, в чем Вениамин убеждается всякий раз, когда заходит в гости к Левитиным. Нравятся ему рецепты старой Хаи, особенно, фаршированная рыба и цимес. Но не откажется парень и от простого украинского борща с капустой, свеклой, помидорами, картофелем и прочими овощами, собранными в нужной пропорции умелой рукой Хаи. А от щедрого сердца самого Берла появляется на столе и бутылочка крепкого.

А сколько лет ребу³ Довиду, слепому на один глаз еврею-резнику? Уж никак не меньше восьмидесяти. Дом резника стоит здесь же, в переулочке, и Вениамин каждое утро видит в окно, как тот вышагивает своей нетвердой походкой, с палкой в руке, но с прямой, все еще не сгорбленной спиной. И в самом деле, невзирая на

¹ Хедер – начальная еврейская школа, которая содержалась на средства местной общины.

² Хабад (слово, образованное из начальных букв слов Хохма, Бина, Даат – Мудрость, Понимание, Знание) – одна из разновидностей хасидизма. Приверженцы Хабада называются еще любавичскими хасидами. Движение основано в 1772 году раввином Шнеуром-Зальманом из местечка Ляды, называемым еще Алтер Ребе (Старый Рабби).

³ Реб – уважительное обращение, как правило, к пожилому человеку.

все невзгоды, на детей, что разъехались, бросив его в одиночестве, как какого-нибудь бездетного вдовца, по-прежнему бодрится старый реб Довид, не дрожат его колени.

– Есть еще у нас Бог на небесах! – любит повторять старый резник.

И пускай крутится колесо времени, пусть мелькают дни, пусть неудержимо ползет цепь уходящих лет, и с каждым годом всё больше и больше тяжелеет мешок прошлого за плечами, – веселей глядите, босяки! Есть еще у нас Бог на небесах!

В тот вечер сидел за столом Хаима-Якова Фейгина и кладбищенский габай Аарон, бледный, с горящими глазами.

– Эй, Венька, сядь, посиди с нами! – зовет Берл Левитин, и гривой, и авторитетом главный лев в этой стариковской стае. – Неужели надоело медведю в лесу, что он так рано возвращается в свою берлогу?

– А это ему сегодня девушки отпуск выписали, – улыбается старый Фейгин.

Берл поворачивается к хозяйке:

– Песя, а не будет ли уместна на этой скатерти бутылка вина?

Проходит несколько минут, и вот уже полный порядок на столе. Тут вам и бутылка изюмной настойки, и медовое вино, и водочка. На закуску – селедка и соленые огурцы, помидоры и домашняя выпечка. Не посрамит своего дома старая Песя! Весь день вертится как белка в колесе, зато в нужный момент и глазом не успеешь моргнуть, как стол уже накрыт.

– Ну, лехаим, евреи! Лехаим, матери! – возглашает Берл Левитин. – Да пребудет с нами Божья воля...

Почти каждый вечер собираются старики промочить горло в доме старого Фейгина. Но разве только в выпивке дело? Боже упаси! За стаканчиком течет беседа – славная, веселая, в ясном уме и памяти. Ведь говорил же когда-то Старый Рабби, что печаль происходит от грубости духа.

Да и резник реб Довид никогда не преминет напомнить: есть еще у нас Бог на небесах!

Раскраснелись щеки стариков, развязались языки. Даже молчаливый скромник Аарон Гинцбург воодушевился, схватил Вениамина за пуговицу: послушай, мол, забавную историю про жениха, который умудрился утонуть в реке аккуратно в день свадьбы. Это ж надо такому случиться – все готовились идти к хупе¹, а попали на кладбище! То-то заваруха была тогда в городе! Когда ж это было?.. Лет двадцать тому назад.

– Приходи ко мне, Вениамин, посмотреть на его могилу и надгробье. Есть там надпись: «Умер во цвете лет»... ха-ха...

Вениамин смотрит на него широко раскрытыми глазами: чему тут радоваться? Нет, что-то не в порядке со служкой, что-то нехорошо...

Берл Левитин поворачивает разговор на политику. Он ежедневно, от корки до корки, читает газету «Правда» и имеет свое мнение по любому вопросу. Вот уж для кого нет тайн в лабиринтах высокой политики! Гитлер никогда не посмеет объявить войну всему миру. Война, достопочтенные мои, дело сложное и запутанное, особенно в наше время. Для войны нужны десятки тысяч танков и самолетов, боевых и грузовых кораблей, дальнобойных и противотанковых орудий, бомб и минометов... – и, конечно, множество спецов и профессионалов! Пехотинцы и танкисты, артиллеристы и кавалеристы, летчики и моряки. Нужен огромный флот и море горючего – откуда, спрашивается, Германии взять столько нефти?

¹ Хупа – обряд бракосочетания в иудаизме. Тем же словом называется навес (обычно это молитвенное покрывало, закрепленное на четырех шестах), под которым этот обряд совершается.

Такова экспертная оценка Берла Левитина, человека большой политики. Говоря, он в подтверждение своих слов рубит рукой воздух, причем не просто абы как, наподобие ветряной мельницы, а так сдержанно и в то же время резко, что никому даже в голову не приходит усомниться в сказанном. Постепенно Берл входит во вкус и громит немцев своими речами, не оставляя от них камня на камне.

– А еще ведь у нас есть Англия, помните? – грозно вопрошает он. – А про Францию забыли? А наша Красная армия – что, вот просто так, запросто, даст Гитлеру захватить весь мир?

– В Англии – Чемберлен... – робко вставляет Вениамин.

Но кому тут дело до какого-то Чемберлена? До Чемберлена тут еще меньше дела, чем до самого Вениамина...

– Ну, а Америка? – не унимается Берл Левитин, и рука его разрубает море политики до самого дна. – Положите на весы промышленность всего мира, и американская все равно перевесит!

– Бог даст, будет мир... – вздыхает в сторонке старая Песя, простая женщина, еврейская мать. – Пусть только будет мир и спокойствие...

Хаим-Яков Фейгин сидит во главе стола, клубится его всклокоченная каштановая борода, клубится дым, поднимающийся из трубки, облаком окутывая слабую лампочку. Лишь резник реб Довид, незрячий на один глаз, не интересуется политикой вовсе. Сидит себе, тычет вилкой в миску с огурцами.

– Наливайте, евреи! Еще стаканчик, чтоб Гитлер провалился! – говорит хозяин, наполняя стаканы.

Женщины отхлебывают медового вина, заедают выпечкой; мужчинам больше по душе водка и соленые огурцы.

Затем все запевают песню. Поют и «Чистоту нашего сердца», и «Владыку мира», и другие еврейские напевы древних времен. Дирижирует, конечно, Берл Левитин. К пению присоединяется и бабушка Песя; бусинки пота блестят в мелких морщинках ее лба, едва приметная улыбка трепещет на лице. Сара Самуиловна молчит, в глазах ее – тихая радость умиротворения. Сама она родилась в Судилкове, на Волыни, и впервые слышит, чтобы «Владыку мира» пели таким образом.

– А теперь, Венька, твоя очередь! – кричит Берл Левитин. – Выдай-ка нам «Ты уезжаешь...»

Нынешним летом именно эта песня ходит у старика в фаворитах.

– Ты уезжаешь от меня далёко, мой дорогой... – запекает Вениамин песню девушки, которая влюблена в парня, уходящего на армейскую службу.

Сара Самуиловна тихонько подпевает сыну: такая версия песни в Судилкове считалась канонической. Еще тридцать-сорок лет назад эти мелодии были известны в местечке каждому – наивные простые напевы простых еврейских девушек.

– Ой, как хорошо! Как хорошо! – оглаживая бороду, вздыхает Хаим-Яков, хозяин дома.

Тем временем, старому резнику надоело ворошить огурцы вилкой. Он начинает рассказ о своем сыне Шмуэле, которого призвали в армию. Шмуэль-то хром, не про вас будь сказано, хром на одну ногу с самого рождения. Ну, как можно призвать такого парня? Белый билет, и дело с концом! Такую хромоту лечить – только зря деньги переводить. Кто же мог подумать, что именно мой Шмулик не понравится докторам? Короче говоря, стали его врачи проверять; этот поплакал, тот поплакал, а в конце и говорят: притворяешься, мол, симулянт! Трудно поверить!

И старик пускается в длинный рассказ о больницах, поездках и прочих приключениях Шмуэля-недотепы, рассказ, который не слушает никто, кроме, разве что, Вениамина. Хозяин дома и Берл Левитин с головой уходят в спор, грозящий вот-вот перерасти в ссору. Каждый стоит на своем; пальцы вздыты, всклокоченные бороды дрожат, лбы прорезаны глубокими морщинами, щеки покраснелись... И кто бы, глядя на них, мог подумать, что предмет спора не стоит и ломаного гроша! Полная, правду сказать, ерунда: спорят, какой из хазанов лучше. Хаим-Яков утверждает, что нет и не было более значительного хазана, чем Сирота, в то время как Берл коронует в короли Пини Минковского из Одессы. Бывал ли кто-нибудь из вас в Бродской синагоге Одессы? Слышали ли чудо тех песнопений, тот блистательный хор, и голос Пини Минковского, превосходящий и затмевающий все остальное?

Спорщики бескомпромиссны и никак не могут прийти к соглашению, пока наконец Хаим-Яков не запеваёт «Скала Израиля» в манере исполнения Сироты. Мелодия взвивается вверх и низвергается вниз. Смолкает старый резник, в комнате воцаряется тишина, и лишь песня Сироты прорезает себе дорогу к каждому сердцу. Но вы зря полагаете, что Берл Левитин из тех, кто капитулирует за здорово живешь!

– И это ты называешь мелодией? – он презрительно кривит рот и качает головой.

Нет, Берл ни на секунду не усомнился в своей правоте. В качестве ответного аргумента он запеваёт «Царский Храм» по версии Минковского.

– Велика суббота... – поет Берл. – Велика суббота...

Что ж, благословенна и эта песня!

Пение размягчает сердца стариков, вновь наполняют они стаканы. Лехаим, евреи! Да удостоимся мы жизни и в будущем году!

– Амен, Владыка мира! – шепчут, вздыхая, женщины.

Но посиделки не могут завершиться без веселой хасидской песни – ее поют и мужчины, и женщины вместе. Это «Тенцель», и запеваёт ее не кто иной, как Аарон, бледный и бедный еврей, кладбищенский габай.

Через некоторое время Вениамин выходит в переулочек, проводить до дому ребя Довида. Он держит старика под руку, чтобы тот не оступился. Реб Довид что-то говорит, его бормотание доносится до Вениамина, как сквозь туман, словно из дальнего далека. По переулочку ходит грусть, прокладывает себе дорогу сквозь безмолвие ночи, напрямик к звездам. Рядом с домом старого резника стоит, завернувшись в сон, одинокий тополь. Заполошно кудахчет курица в близком курятнике, и снова стихает всё вокруг. Вениамин возвращается к дому Фейгина и садится на скамью у калитки. Украинская ночь крепко обнимает его. Легкокрылый ветерок приносит запахи трав, цветов и плодов, и Вениамин полной грудью вдыхает эту чудесную смесь.

В туманном конце переулочка появляется женская фигура. Это Рахель Фейгина, женщина с тонкой талией и серыми глазами.

– Вениамин, ты? – она присаживается рядом на скамейку – она и сопровождающий ее запах духов; теперь он заглушает собою все прочие запахи.

Вениамин осторожно обнимает женщину, гладит ее волосы. Рахель кладет голову ему на плечо и заливается слезами.

Глава 2

Левой, правой, левой, правой!

Вениамин поднимается по речному откосу на дорогу, ведущую к Вельбовке. Он только что искупался, и кожа еще хранит живительную прохладу воды. Шаги его упруги, походка быстра, а на устах – маршевая песня. Загорелая грудь открыта солнечным лучам, волосы влажны. Радостью, тишиной и сиянием наполнен этим утром весь мир!

Крепко сжимая под мышкой тубус с чертежами, Вениамин шагает по вельбовской дороге. Он держит путь в деревню, к месту летнего отдыха профессора Эйдельмана. В тубусе пять образцовых чертежей, так что Степан Борисович должен быть доволен. На небе ни облачка. Августовское солнце разбрызгивает свет полными горстями. Туго натянута лента шоссе. Справа и слева дремлют ряды кустов, а за ними – цветущие луга, залитые солнцем. На этих коврах тут и там видны отдельно стоящие деревья. Под одним из них сидит старый пастух с кнутом в руках. Стадо разбрелось по траве. Склоненные шеи, ритмично жующие челюсти; в прозрачном воздухе слышно мычание и блеяние.

Вениамин оглядывается назад, туда, где расположено еврейское кладбище, где краснеет за зеленью листвы стена гробницы Старого Рабби. Давным-давно построили наши отцы эту стену, зажгли огонек светильника на святой могиле. Этот свет – как непостижимая тайна, витающая над запертым домом...

Левой, правой, левой, правой... полоса реки тянется к горизонту. Где-то ниже по течению купают лошадей, солнечные лучи искрятся на воде. Подоткнув подола, стирают белье женщины.

Степан Борисович встречает своего гостя сердечно, усаживает на веранде. Коротенькое полное тело профессора облачено в просторную пижаму, на ногах – белые матерчатые тапочки, и весь он такой чистенький и опрятный. Волосы иссиня-черны: Степан Борисович красит их особой заграничной краской. Отец профессора, богатый киевский банкир, еврей от рождения, держал в свое время дом на широкую ногу. У ворот стоял швейцар в роскошном мундире, а внутри суетилась целая армия слуг и служанок, лакеев и кухарок, блюдолизов и прихлебателей. Своих отпрысков он воспитывал в аристократическом духе, так, чтобы, Боже упаси, не примешалось к их образованию ни одной еврейской капли. Степан – в те времена еще Семен – Борисович закончил реальную гимназию в Киеве, а затем крестился, от чего и произошла перемена имени. Прошел по конкурсу в Петербургский университет, а по окончании уехал в Соединенные Штаты Америки на трехлетнюю стажировку у Эллиса-Чалмерса в городе Милуоки, штат Висконсин.

Вернувшись в Киев уже двадцатисемилетним мужчиной, он женился на младшей дочери Элиягу Бродера, знаменитого богача. Клара Ильинична, сублильная тоненькая девица из тех, кого называют высококультурными, брэнчала на фортепиано и говорила по-французски почти без тени еврейского акцента. В 1914 году Степан Борисович опубликовал важный научный труд, получил профессорское звание вкупе с соответствующей институтской должностью и осел в Петербурге. С тех самых пор, вот уже двадцать пять лет, он верой и правдой служил этому институту. В нем профессор пережил мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, военный коммунизм, нэп, переходные годы и последующие пятилетки. Город, в котором он жил, сменил свое имя с Петербурга на Петроград, затем с Петрограда на Ленинград... – вот только климат его оставался прежним при всех именах. Влажность, дожди, туманы – плоха ленинградская погода для Степана Борисовича. Он постоянно простужался, болел пневмонией, а в последнее время стали одолевать еще и

подозрительно частые приступы кашля. Вот и прописали ему врачи воздух сосновых лесов Украины.

Так Степан Борисович оказался в Вельбовке. Он считался известным специалистом в своей области и отличался редкой трудоспособностью. Даже здесь, на отдыхе, не прекращал работать.

Вот он расстилает на столе чертежи, тщательно проверяет каждую их деталь и находит-таки неточности в двух местах: сплошные линии вместо пунктира. Хорошо поставленным преподавательским голосом он напоминает Вениамину законы проекции, и студент с подобающим почтением выслушивает эти давно известные ему истины. Когда урок завершается, Вениамин вносит поправки при помощи перочинного ножика и стирательной резинки и снова представляет чертежи на суд профессора. При этом старик в подробностях описывает юноше свой распорядок дня. Сегодня он встал в семь – как, собственно, и вчера; да будет известно Вениамину, что профессор встает в семь ежедневно – каждый день в то же самое время. А почему? А потому, что в девять начинаются занятия в институте. Умывание, бритье, утренняя прогулка.

Клацая искусственной челюстью, профессор прославляет пользу утренней прогулки. Это одна из главных составляющих здорового образа жизни как в городе, так и в лесу. В городе утром нет большого движения, пыль еще не повисла над улицами, и можно дышать действительно чистым воздухом. Утренняя прогулка – гимнастика для легких, для кожи и мышц, а также для нервной и сердечно-сосудистой системы. И уж если это верно для города, то что тогда говорить о лесе! Тут уже лечебным можно назвать каждый вдох. Ни за что теперь не променяет профессор Вельбовку на Кисловодск или Сочи!

После завтрака – продолжает свой рассказ Степан Борисович – он посвятил четыре часа работе. Отпуск отпуском, но без труда прожить невозможно. Такая у профессора привычка – всю жизнь работал, как мул, а уж если вспомнить годы стажировки у Эллиса-Чалмерса...

И тут, понятное дело, начинаются американские воспоминания. Вот несколькими штрихами обрисован образ американского бизнесмена, его распорядок и образ жизни. Главное – дисциплина. Порядок и дисциплина – это проявление культуры! Что возносит человеческую жизнь на подобающие человеку высоты? Простая вроде бы вещь – часы! Да-да, часы! «Тайм из мани» – время – деньги! День состоит из часов, часы – из минут, минуты – из секунд, и каждая секунда обладает самостоятельной ценностью! Между нами, в этой области мы, русские, еще можем многому поучиться у американцев. Если американский бизнесмен назначает тебе встречу, то он ожидает, что ты предстанешь перед ним минута в минуту.

Но тут приступ сильного кашля прерывает монолог Степана Борисовича. Его лицо искажается и краснеет, на лбу выступают капли пота, и профессор становится похож на простого больного еврея. Из комнат доносится вкусный запах мясного жаркого. Готовит здесь Вера – домработница, привезенная из Ленинграда. Клара Ильинична дремлет в лесочке, в гамаке, подвешенном меж двух сосен. В лесу тишина, нарушаемая лишь сдержанным щебетанием птиц. Здесь и тень, и сияние дня. На земле расстелен ковер из травы, листьев, хвои, сосновых шишек и лесных цветов. Солнечные блики слепят глаза, и голубая глубина небес простерла свой необъятный купол над молчащим лесом.

– А где же Лидия Степановна? – спрашивает Вениамин, воспользовавшись вызванной кашлем паузой.

– С утра ушла в лес за ягодами, – отдышавшись, отвечает профессор.

Он достает из кармашка идеально чистый платок и тщательно вытирает лоб и лицо. Разговор мало-помалу возвращается в прежнее русло. Теперь Степан

Борисович повествует о своей научной деятельности. Он составляет учебник по теме «Механизмы» и уже почти закончил часть, посвященную принципам кинематики и динамики машин.

Профессор подробно рассказывает о том, как ему удалось обнаружить ошибку в общепринятой математической формуле. Но в это время на тропинке показываются две девичьи фигуры, и сердце Вениамина начинает биться быстрее. На головах у девушек венки из ромашек, в руках – круглые корзинки. Вот они останавливаются, окутанные светом и тенью. Вениамин знаком с обеими. Одна – Клава Боброва, соседка Эйдельманов; она уже замужем и даже успела родить. Вторая... – вот она приближается легкой походкой, высокая, стройная, с узкими лодыжками, гибким станом и прекрасными глазами.

Девушка протягивает Вениамину маленькую ладонь с длинными пальцами: как дела? Ромашковый венок на волосах оттеняет ее загорелое лицо, делает его еще более открытым и дружелюбным.

– Клара, Лида вернулась! – кричит профессор своей дремлющей в гамаке жене. – Ну, Лидочка, какова сегодня добыча?

Она показывает отцу корзинку – она полна темно-синей черники и душистой земляники. Сегодня повезло: набрали на полянку, которой еще не касалась рука сборщиков ягод. Кустики черники были черны от ягод – с каждого полная горсть! На веранду нетвердой походкой входит Клара Ильинична; на ее шее – шерстяной платок. Клара Ильинична всегда кутает шею в платок, чтобы скрыть резко увеличенный зуб, следствие базедовой болезни. По той же причине и глаза у нее сильно нависают.

Но голос женщины звучит приветливо и свежо, несмотря на болезненный вид:

– Ну, Лидочка, хороша была прогулка?

Все смотрят только на девушку. Родители слушают и радуются – Лида непререкаемая повелительница и законодательница в семье Эйдельманов. А теперь она еще и объект поклонения для Вениамина. Как подходит этот венок к тонким чертам ее лица!

– К обеду! – возглашает Степан Борисович, и Вера начинает накрывать на стол.

Рябая деревенская деваха, она прислуживает Эйдельманам вот уже несколько лет. Хозяйка больна, и Вера тащит на себе всю домашнюю работу: ходит на рынок, по магазинам, готовит еду, стирает и убирает в комнатах.

Острый запах жаркого разносится в воздухе. На столе белая скатерть, а на ней – посуда с едой, столовые приборы, соль, горчица и нарезанный ломтями хлеб. Рядом с верандой укреплен на дереве умывальник, и все по очереди подходят к нему сполоснуть руки перед едой.

– Ну, что же ты, Вениамин? – говорит Степан Борисович. – Иди мыть руки, и за стол!

Но Вениамин чувствует себя не слишком свободно в доме профессора Эйдельмана. Он отговаривается от обеда и спускается по ступенькам веранды в лес. Там парень усаживается на пень и сразу забывает о неловкости. В лесу стоит полуденная тишина, короткие тени, выстроившись в одном направлении, отдыхают на земле под деревьями. Над кронами – голубой купол неба с редкими заплатками легких и чистых облаков.

– Вениамин! – слышен издали голос Лиды, и он вскакивает с места, будто застигнутый за чем-то недозволенным. Девушка подходит и сует ему в руки полную миску черники.

– Думал, я тебя тут не найду? Ты должен попробовать – ведь это я собирала, не кто-нибудь!

Вениамин послушно ссыпает в рот полную горсть. От ягод его губы сразу синеют, чернеют зубы и язык. Девушка смеется, глядя на него.

– У самой-то! – напоминает он. – Ну-ка, высуну язык!

Лида показывает ему язык – тоже черный. Смех звенит в лесу серебряными колокольцами.

– Пойдешь сегодня в город играть на пианино?

– Пойду.

– Тогда я провожу тебя.

Два года назад Лида закончила Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано, у профессора Юдиной. Сейчас она там же, в аспирантуре, специализируется по романтикам прошлого века, в основном, по Шопену. Но вот проблема – нет фортепиано в Вельбовке, а потому приходится девушке три раза в неделю ходить в город, в дом учителя Иванчука, где есть рояль фирмы Блютнера. Они возвращаются на дачу. Клара Ильинична уже лежит в своем гамаке меж двух сосен. На ступеньках веранды сидит Глаша, пятнадцатилетняя дочка хозяев. На ее загорелом лице поблескивают серые насмешливые глаза. Глашу и ее бойкие глазки Вениамин помнит еще по прошлому году. Все лето она устраивала ему засады, ходила едва ли не по пятам. Не раз он наталкивался в укромных уголках леса на ее смеющийся взгляд. Нимфа сосновой рощи, дикая лесная девочка, чья грудь уже расцветает под тонким полотном рубашки.

Она сидит себе на ступеньке, а профессор Эйдельман стоит рядом, толкуя о пользе образования.

– Как такое возможно? – удивляется Степан Борисович. – Такая большая девочка, как ты, не умеет читать и писать! Оглянись вокруг – на успехи, которые достигнуты в последние годы на ниве народного просвещения!

Вениамин не успевает и глазом моргнуть, как опять попадает в кабалу лекции Степана Борисовича. Глаша искоса поглядывает на него хитрыми глазами.

На ниве народного просвещения... Где сейчас найдешь неграмотных типа Глаши, эдаких неучей? Днем с огнем не сыщешь, особенно среди молодых...

Кашель прерывает поток речи Степана Борисовича. Все его невысокое тело сотрясается, лицо багровеет.

– Болен ты, Степан Борисович, вот что... – говорит Глаша. – Слишком много книжек читаешь.

Профессор пытается подавить последние судороги кашля. Вениамин приходит к нему на помощь:

– Лентяйка ты, Глаша, вот и не учишься.

– Ты-то откуда знаешь? – Глаша вонзает в него шпоры своих острых глаз.

Краска заливает ее лицо, она вскакивает и убегает. Степан Борисович безнадежно машет рукой. Он выносит из своей рабочей комнаты несколько карандашных набросков – чертежи принципиально новой паровой машины. Задача Вениамина: перенести чертежи – а всего их шесть – на листы ватмана, причем исполнить это с подобающей точностью. Особенно тщательно следует отнестись к цифрам и символам, которые поясняют работу деталей машины, – ведь в тексте учебника будут указаны те же обозначения. Такими вещами нельзя пренебрегать. Главное – порядок, дорогой мой Вениамин!

Вениамин вкладывает наброски в тубус и торжественно обещает соблюсти полный порядок, не отклонившись от него ни на йоту.

Через некоторое время он уже шагает вместе с Лидой по дороге, ведущей из Вельбовки к Гадячу. Шоссе то забирает вверх, на пригорок, то скатывается вниз. Два часа дня. Начало августа. Ласковое солнце стоит высоко в голубых небесах. Невдалеке петляет река Псёл. Тихо вокруг. Вдоль дороги – пыльная зелень обочин.

– Что вы будете исполнять сегодня, Лидия Степановна? – осведомляется Вениамин, указывая на роскошную нотную папку, черную, с тисненным изображением лиры.

– Полонез Шопена.

На загорелых ногах Лиды – спортивные тапочки и белые носки, на голове – легкая соломенная шляпка, придающая лицу дополнительное очарование. Складки белого платья, нотная папка, тонкие длинные пальцы пианистки – от всего этого веет чистотой, юностью, красотой.

Вениамин оборачивается, чтобы бросить взгляд назад, на Вельбовку, и видит на опушке леса девичью фигурку; держа руку козырьком, она пристально смотрит на шоссе. Неужели Глаша?

– Я не понимаю Шопена, – говорит Вениамин и готовится выслушать лекцию на соответствующую тему. В том, что касается лекций, дочь как минимум стоит своего отца.

Вот и деревянный мост через реку. Берега тихи, слышны лишь отдаленные восклицания малышей, которые плещутся в одной из укромных заводей. Навстречу идут с городского рынка крестьянки, несут на плечах мешки. Есть тут и такие, кому идти до Веприка – путь неблизкий. Платья женщин подоткнуты, босые ноги в пыли. Мягкий украинский говор слышен в жарком воздухе дня. А вот и бывшая городская тюрьма, окруженная высокой каменной стеной. Теперь в этом здании сельскохозяйственный техникум. Дальше пожарная каланча, а вот, слава Богу, миновали и почту.

Лидя рассказывает о любви между Шопеном, поэтом красоты, и Жорж Санд. Она говорит тихо, почти шепотом, как во сне. Они уже пришли и стоят в тени дома учителя Иванчука. В саду краснеют вишни – последние вишни этого года. Рядом с забором стоит дерево, усыпанное зелеными яблоками. Ботва картофеля уже начала желтеть снизу.

Девушка открывает калитку.

– Если хочешь, заходи потом, Вениамин, – произносит она тоном, не допускающим возражений, и скрывается в доме учителя. Вениамин сворачивает в свой переулочек.

– Дядя Соломон приехал! Дядя Соломон приехал! – Тамара выскакивает навстречу Вениамину с радостной вестью.

И, действительно, Соломон, младший сын, поздний ребенок Хаима-Якова и Песи, приехал в отчий дом из столицы. Они с Вениамином не только учатся в одном институте, но и живут в одной комнате студенческого общежития. Благодаря своему другу приехал сюда Вениамин в прошлом году, да и частные уроки в Вельбовке устроил ему тогда именно Соломон. Если бы не Соломон, не познакомился бы Вениамин ни со старшими Фейгиными, ни с Рахелью, ни с маленькой Тamarочкой, ни со старикинской компанией, никогда не узнал бы, не полюбил этот чудесный полтавский городок.

В честь приезда сына в горнице дома собралось всё семейство Фейгиных. Все тут дружны, все любят друг друга. Хаим-Яков по такому случаю закрыл пораньше свой киоск, Рахель отпросилась с работы. Бабушка Песя накрывает на стол, лицо ее сияет. Ради дорогого гостя приготовлен знатный обед: украинский борщ, еврейское жаркое, кунжутный пирог и грушевый компот на сладкое. Мать знает, что именно эти кушанья любит ее Шлеймеле. Одному Богу известно, как он питается там, в большом городе, вдали от дома и от мамы.

– Привет, Соломон! Что так задержало тебя в институте?

Два друга-студента обмениваются крепким рукопожатием. Вот уже три недели, как ждали Фейгины своего сына, все глаза проглядели, а сын все не ехал

и не ехал. Уж не держала ли его на коротком поводке какая-нибудь молодая госпожа? – так, по крайней мере, предполагал Вениамин. Любит девиц Соломон. И не только девиц, а примерно всех особ женского пола, без различия вероисповедания, гражданства, цвета и расы – лишь бы были они старше детского возраста и моложе пожилого.

Вот сидит он, благословенный Соломон, густые волосы уложены, глаза блестят, подбородок гладко выбрит, и белизна зубов добавляет красоты этой картине.

Маленькая Тамара показывает Вениамину новую куклу – подарок дяди Соломона. Остальные тоже не без подарков: маме Рахели – шелковое платье, деду – трубку и табак, бабушке – белый шерстяной платок. Видно, как крепко держатся вместе члены этой семьи, с какой готовностью приходят на помощь друг другу, как много любви связывает их.

– Садитесь с нами! – приглашает Песя Сару Самуиловну, и лицо ее светится. – В честь Шлеймеле!

Начинается трапеза. Соломон рассказывает последние столичные новости. Он был на открытии сельскохозяйственной выставки и слушал речь Молотова. Это так здорово, товарищи! Просто трудно поверить! Начать хоть со скульптурной группы работы Мухиной на площади у входа; а дальше – павильоны каждой республики. Наглядно видишь продукцию всей огромной страны – от Мурманска до Батума, от Минска до Владивостока. Снопы и мешки пшеницы, фрукты и овощи, множество растений и цветов. А какие там домашние животные! Например, свиньи чемпионской породы – до полутонны весом! А коровы, коровы... – таких доить не передоить, и молоко такое жирное – Господи, благослови!

– И все же, почему ты так задержался в Москве, Соломон?

– Комсомол, – отвечает Соломон, прихлебывая борщ.

На две недели задержали его в столице дела комсомольские. Надо, значит, надо – Соломон парень дисциплинированный. Объявлен государственный заем в связи с началом третьей пятилетки и нужно было организовать распространение облигаций.

– Я тоже подписался на двести рублей, – говорит Хаим-Яков. – У нас в Гадяче тоже есть комсомол.

– А чего ж ему не быть? – отвечает бабушка Песя, раскладывая по тарелкам жаркое.

С точки зрения Песи, участие в займе – дело святое. Прежде всего, это надежное вложение денег. Кроме того, может повезти в розыгрыше лотереи – не в этот раз, так в следующий. Ну и, конечно, государству тоже надо помочь.

– Лично мне, – возражает Хаим-Яков, – вполне хватило бы облигаций, купленных во время предыдущих займов...

Что ж, старики нередко спорят между собой по вопросам политики. Он готов поклясться, что с миром не случилось бы ничего страшного, если бы большевики провалились ко всем чертям, дав маленькому человеку жить свободно, как ему хочется. В ответ бабушка Песя ласково замечает, что, при всем уважении, ее муж рассуждает, как неблагодарная скотина. Не будет ли он так добр припомнить, каким было положение простых евреев в царские времена со всеми их запретами и ограничениями? А что сделали большевики? Не они ли провозгласили, что еврей – свободный человек, наравне со всеми другими? Вот и Шлеймеле, слава Богу, учится себе в институте, и никто не мешает ему заниматься комсомолом.

Впрочем, есть одна вещь, которую бабушка Песя не может простить большевикам: их презрение к делам небесным.

После обеда Песя укладывает сына отдохнуть с дороги, а Вениамин отправляется к дому Иванчука. Издалека слышны звуки музыки Шопена, рвущиеся в открытые окна. Хозяин дома, Роман Назарович, работает в саду вместе с курчавой еврейской девушкой.

– А ну-ка, подойди, товарищ студент! – кричит он, выпрямляясь над грядкой, и манит Вениамина пальцем.

Иванчуку около пятидесяти, он толст и усат. Уже двадцать пять лет он преподает в школе Гадяча. Среди его учеников множество авторитетных людей: инженеры, врачи, учителя, агрономы. Каждый из них, приезжая в Гадяч, считает своим долгом навестить Романа Назаровича. Соломон Фейгин тоже учился у него.

Подобно Берлу Левитину, Иванчук обожает поговорить о политике. На дворе август 1939 года.

– А ну-ка, товарищ студент, что ты думаешь о Польше? – спрашивает Роман Назарович. – Что в большом мире говорят о Польше и о Данциге?

Иванчук уверен, что война начнется уже в этом году. Вениамин считает, что Англия и Франция еще не готовы к этому. Чемберлен и Даладье отдадут немцам «польский коридор», так же, как прежде подарили Гитлеру Чехословакию и Австрию.

Роман Назарович отечески похлопывает Вениамина по плечу:

– Поживем, увидим, товарищ студент!

Курчавая еврейская девушка в течение их беседы продолжает полоть грядку – ее не интересует политика. Это Хася Гинцбург, одна из дочерей чернявого служки, ученица сельскохозяйственного техникума. Из окон льются звуки Шопена. Они усиливаются, словно идут на штурм, смыкают ряды, наступают, преследуют. Их горечь выплескивается в мировое пространство, чтобы тут же угаснуть, пропасть, завершив свою короткую жизнь – жизнь зова, вести, стога человеческой души.

– А вы, Роман Назарович, всё возитесь со своим огородом...

Огород – слабость учителя Иванчука. Все дни своего отпуска он проводит там: рыхлит, боронит, пропалывает, окапывает и подрезает растения. Грядки у Романа Назаровича чистые, без сорняков, кусты стоят ровными рядами, радуют глаз. Учитель принимается втолковывать Вениамину премудрость огороднического искусства. На сей раз Хася Гинцбург, молчаливая девушка, прерывает свою работу и внимательно вслушивается в слова старого учителя. Главное для овощей, чтобы земля была рыхлой и удобренной. А удобрять надо заранее, еще осенью. Как только собрал урожай, надо сразу отплатить земле добром и лаской: вскопать и покрыть слоем удобрений. В начале весны нужно вскопать снова, дабы придать почве воздушность и легкость, как у птичьего пера. Затем наступает время посева – каждому овощу свое время. Порядок таков: чеснок, морковь, свекла, картофель, фасоль и горох, лук, арбузы, огурцы, тыквы.

Дойди до тыквы, Роман Назарович воодушевляется. В области тыкв он настоящий специалист, профессионал. Иванчук гордится тем, что собственноручно вывел особый сорт, уникальный по своему весу и размерам. Он хочет назвать его «Таня». А эта девушка – Иванчук указывает на Хасю Гинцбург – помогает ему в работе.

– Долгое это дело, товарищ студент, – завершает он свой рассказ и снова хлопает Вениамина по плечу. – Нелегко ухаживать за овощами. Но постоянный труд и внимание непременно вознаграждаются, и тогда весь год будут у тебя картошка и овощи, кислая капуста, соленые огурчики и помидоры. А что до соленья, то и это дело требует немалого умения.

Вениамин понимает, что Роман Назарович вот-вот разразится лекцией об искусстве заготовки овощей, и спешит отступить в дом. Жена Иванчука, Мария

Матвеевна, стоит на кухне, вытирая посуду. Тарелки и миски пританцовывают в ее руках, мелькает льняное полотенце. Повсюду сияет образцовая чистота. С полки, обернутой прозрачной бумагой, смотрят ровные ряды кастрюль. Печь побелена, на подоконнике открытого окошка – горшки с цветами. В окно заглядывает снаружи нежная зелень сада.

Лицом и фигурой Мария Матвеевна похожа на своего мужа: среднего роста, толстовата и добродушна. Лоб хозяйки туго повязан платком, концы которого затянуты на затылке. Руки ее вечно в работе, а рот не умолкает, как оно и положено женщине.

Вениамин вежливо здоровается, получает в ответ широкую улыбку и переходит в соседнюю комнату. У пианино сидит Лида и рядом с ней – Таня, дочь Иванчуков. За возможность трижды в неделю упражняться на инструменте, Лида дает Тане бесплатные уроки. Сейчас Таня, ширококостная грудастая украинская девушка, играет гаммы, а Лида следит за темпом и правильностью исполнения.

– Садись, Вениамин, мы скоро закончим, – Лида указывает на стул.

Он пристраивается рядом с маленьким круглым столиком, покрытым плюшевой скатеркой и разворачивает газету, спрятавшись за ней, как за ширмой. Но трудно сосредоточиться на скучных газетных статьях, когда рядом сидит она, слегка наклонив голову на гибкой шее, похожей на стебелек ландыша. Танины руки бегают по клавишам, и по комнате разносятся однообразные звуки. Лида слушает, губы ее отсчитывают такт.

– Нет, Таня, не так! – останавливает она ученицу и показывает, как следует играть особо трудное место. И те же самые однообразные звуки вдруг словно окутываются прекрасным покрывалом. Пальцы Лиды придают им душу, силу и красоту.

– Теперь поняла?

Таня повторяет трудный отрывок, и снова блекнет, скучнеет мелодия. Нет, похоже, не поняла Таня. Еще много предстоит ей работы. Надо повторять упражнение снова и снова.

Лида записывает для нее задание к следующему уроку: три новые хроматические гаммы.

– Только выучи их хорошенько, Таня! Не меньше двух часов в день. Ну, Вениамин, пошли!

Она вскакивает со стула и начинает собирать ноты в свою черную блестящую папку. Вениамин сворачивает газету. Он просит, чтобы Лида сыграла ему что-нибудь из восточных мелодий.

– Только не Шопена, ладно? Надоел мне твой Шопен...

Лида задумывается, ее полужакрытые веки напоминают Вениамину радугу над озерной глубиной глаз. Но вот девушка начинает играть «Хайтарму» Спендиарова. Мелодия трепещет и бурлит, опадает, и гаснет, и снова набирает силу. В каждом звуке слышит Вениамин, как поет душа исполнительницы. Душа еврейской девушки из города Киева. А известны ли ей еврейские напевы, их грусть и юмор, их танцевальный ритм, веселящий хасидское сердце пуще любого вина? Из туманной памяти детства доносятся до Вениамина звуки мелодий родного местечка – песнопения «Трех трапез», напевы девушек, тоскующих о своих любимых, песни матерей над колыбелями.

Нет, незнакома эта музыка Лиде. Она живет в Ленинграде и никогда не сталкивалась с еврейской жизнью.

– Но пусть будет по-твоему, Вениамин, – говорит она. – Спой-ка нам что-нибудь такое.

Таня поддерживает подругу, и Вениамин запекает:

Ты уезжаешь от меня далёко,
мой дорогой, в солдатское житье...

Он поет, а лидины пальцы нащупывают, пробуют нужные клавиши...
Минута – и вот уже мягкие звуки пианино сопровождают печальную еврейскую песню.

– Ах, товарищ студент, дались тебе эти жалобы... А ну-ка, Таня, давай нашу украинскую «Думку»! – говорит, войдя в комнату, Роман Назарович.

Таня – его единственная, любимая дочь, радость и свет очей. Ради нее Иванчук готов на все. Годами откладывал копейку к копейке, чтобы купить девочке пианино, и не просто абы какое, но производства знаменитой фирмы Блютнера! И вот пожалуйста: сидит свет его очей за настоящим Блютнером, и мелодия «Думки» из оперы «Наталка Полтавка» разливается по комнате. Задумчивый украинский напев окутывает сердце, тревожит и радует его.

Настоящий интернационал музыки собрался сегодня в доме учителя Иванчука: Шопен и Спендиаров, народная еврейская песня и украинская опера. Звуки порхают по комнате и за окном, расцветают среди цветов, вспыхивают и гаснут.

Глава 3

Ненастный день. Влажный ветер гуляет по рынку, несет на своих крыльях первые опавшие листья осени, еще наполовину зеленые, но уже желтеющие. Деревья пока стоят в листве, но ветер охаживает их, треплет и трясет – авось слетит какой-нибудь не вполне здоровый лист в кутерьму площади.

Вениамин бродит по рынку, разглядывая дары земли, в изобилии выставленные на длинных прилавках, в мешках, плетеных корзинах, а то и просто наваленные грудками на земле. Цены дешевы, но поторговаться все равно не мешает.

Из Веприка привезли кур, яйца и овощи, из Сар – фрукты, молоко и сметану, из Андреевки – зерно, муку и бобы. Из всех окрестных деревень стекаются крестьяне на рынок в Гадяче. Высокий бородатый еврей прокладывает себе дорогу сквозь рыночную толпу, наталкивается на Вениамина. Они здороваются – это Берл Левитин. Лицо старика озабочено, и он делится своей печалью с Вениамином. Пришло письмо из Харькова: на складе тканей произошла кража, и сын Берла, заведующий складом, арестован. А-рес-то-ван! Его сын арестован и сидит в тюрьме, как какой-нибудь бездельник! И всё из-за чего? Из-за нескольких десятков метров обычной ткани!

Из дальнейшего рассказа становится ясно, что на складе произошла вовсе не кража, а внеплановая проверка, которая и обнаружила недостачу этих «нескольких десятков метров». Не иначе, как был тут донос. Кто-то стукнул, вот и заявились контролеры со следователями, а с ними – и несколько лет тюрьмы! Слыхано ли было такое в прежние времена, до революции? Была у тебя своя лавка и товары в лавке, и никто не лез к тебе с проверками – торгуй, как хочешь! И был у тебя свой заработок, большой или малый, но свой, без каких-либо фокусов!

Небо темнеет. Порывистый ветер гуляет по рынку из конца в конец, вздымая пыль, солому, обрывки бумаги. Хлопают на сквозняке двери и ставни. Ветер подхватывает волосы женщин, вьются концы головных платков. Наполовину зеленые, но уже желтеющие листья летят по рынку.

– Давай, зайдем к Ехезкелю, Вениамин, переждем дождь, – говорит Берл Левитин.

И снова приходится Вениамину выслушивать жалобы старика – теперь в адрес Ехезкеля, младшего сына. С детства был паренек не как все, не как четверо братьев. Сам подумай: весь мир думает о деле. Кого-то влекут книги, гимназия, университет; кто-то тянется к торговле, лесам, урожаем. А этот: буду, мол, мастеровым! Сапожником, портным, возчиком. Что за глупости, что за чушь! И что в результате? Рабочий на мельнице в Гадяче, лесоруб, водовоз, прости Господи... Слесарь он, видите ли! Чумазый, как трубочист, работает, как на каторге, с утра до ночи. Был бы еще нормальный заработок – да какое там! Жена вынуждена разводить свиней! Тьфу, прости Господи!

Дождь начинает стучать по крышам. Первые капли падают на земную пыль и тут же впитываются ею, оставляя после себя маленькие темные ямки – следы дождя, глашатаи ливня, высланные вперед. А за глашатаями приходит и сам ливень. Разверзаются хляби небесные, и дождь заполняет все пространство мира. На рынке вспыхивает суматоха – крики, смех, беготня. Под каждым навесом и крышей стоят люди, тесно прижавшись друг к другу и накрыв плечи мешковиной.

Дом Ехезкеля находится рядом с рынком, и Левитин с Вениамином спешат укрыться там. У самого входа лежит в загончике огромный хряк и жует тыкву. Жена хозяина Мириам проявляет удивительные способности к свиноводству. Она откармливает свиней овощами: тыквой, свеклой, репой, арбузными корками –

короче, витаминами! В конце концов, свинья есть свинья, для нее всё – витамин. Вот и жует хряк, не переставая, жует и толстеет.

Так, под аккомпанемент жалоб старого Левитина, они заходят в дом. В комнате развалился на скамье старший сын Ехезкеля, тринадцатилетний Екель. Он увлеченно читает «Милый друг» Мопассана. В соседней комнате лежит младшая дочь, болезненная Лея. Ну разве это не наказание Божье? По три-четыре раза в год начинаются у девочки судороги, конечности трясутся, на лбу выступает холодный пот, а на губах пена. После каждого из таких припадков она настолько истощена, что неделями не может встать с постели.

– Что ты можешь понять в Мопассане? – спрашивает Вениамин. – Не рановато ли для тебя?

Нет, не рановато. Мальчик вполне понимает Мопассана. Он уже читал и Толстого и Шекспира: дни и ночи напролет парень не отрывается от книг. Реб Берл кричит. Недоволен старик своим сыном Ехезкелем. «Он» работает, как вол, на мельнице, «Она» весь день занята свиньями – а кто займется воспитанием детей? За мутными стеклами окон едва различим маленький мирок. Дождь слабеет, но тяжелые тучи еще застилают небо. Вениамин выходит из дома. Прозрачные потоки низвергаются из водосточных труб в лужи и дальше – в сточные канавы по обеим сторонам дороги. Отовсюду слышится журчание и плеск воды. Опустевший на время ливня рынок возвращается к своему прежнему виду – если не считать того, что теперь посреди рыночной площади блестит грязевая лужа. В такое время нет цены случайным камням, тут и там торчащим из болота.

Вот он, Вениамин, среди тех, кто вязнет в грязи, кто прыгает с камня на камень, вот он – по дороге домой, к своему чертежному столу. Его обычный распорядок нарушен дождем – кто же купается в такой пасмурный день. Когда он пробирается меж прилавков, опять начинается ливень, и Вениамин спешит спрятаться от него под одним из навесов. И снова – крики, и смех, и беготня, и мешки на головах и на плечах.

– Вениамин, сюда! – слышен сквозь шум дождя голос Хаима-Якова Фейгина. Парень бегом преодолевает открытое пространство и, мокрый с головы до ног, влетает под навес старика.

– Что новенького? – спрашивает Фейгин с таким видом, будто не видел своего жильца целую вечность.

Вениамин рассказывает об аресте молодого Левитина. Хаим-Яков печально качает головой.

– Ведение дел в наши дни требует осторожности, – говорит он. – Надо знать, у кого брать и кому давать. Тут нужен опыт, и немалый...

Можно ли было предположить, что Вениамин именно сегодня услышит историю жизни старого Фейгина из его собственных уст? Отчего бы и нам не послушать – ведь мы не раз еще встретим на этих страницах представителей славного семейства Фейгиных. Тем более, что пока все равно никуда не выйти – сильные потоки дождя стучат по ржавой крыше навеса, низвергаются вниз и покрывают землю.

Когда-то работал Хаим-Яков резником, проверяющим и мозлем¹ – были когда-то такие искусники среди российских евреев. Понятно, что не был он богат, как Крез или как Ротшильд. Но все равно денег на жизнь хватало с избытком. Сорок рублей в месяц получал Фейгин от общины, не считая дополнительных доходов. В те дни такая важная персона, как он, обязан был жить на широкую ногу. Во-первых, расходы на семью – жену и детей, чтоб они были здоровы. Во-

¹ Мозль – человек, совершающий ритуальное обрезание крайней плоти.

вторых, дом, достаточно просторный для приема гостей, которые у Фейгиных, слава Богу, не переводились. Тогда ведь съезжались в Гадяч хасиды со всех концов земли к гробнице Старого Рабби. Съезжались сотнями и тысячами: этот помолиться, тот – испросить помощи, третий – поделиться горем. А у кого прежде всего остановится хасид, приехав в город Гадяч? Конечно, у резника! И Хаим-Яков беспрекословно исполнял святую обязанность приема гостей. В большущей комнате стояли, чтоб не сглазить, целых десять кроватей! Настоящая гостиница. А ведь каждому еврею нужно было еще и полотенце умыться, и еда поесть. И потому наняли Фейгины деревенскую бабу для содержания собственной коровы. Потому что, хотя еврей не откажется от куска кошерного мяса, главной его пищей была и остается молочная: стакан сметаны да немного маслица. А есть и такие, у которых с животом не всё в порядке, не о вас будь сказано, – так этим и вовсе только кислое молоко подавай. И, слава Богу, в фейгинском подвале всегда стояли в то время полные кувшины с кислым молоком – каждому проголодавшемуся!

Были среди хасидов и такие бедняки, которые не могли заплатить за ночлег и питание даже ломаного гроша. Но разве выгонишь такого: ведь человек пришел в Гадяч помолиться. Не мог Фейгин нарушить святое предписание приема гостей.

Как уже было сказано, помимо сорока общинных рублей, были у резника и другие доходы. Во-первых, «кишкес» – внутренности, по обычаю отдаваемые резнику с каждой идущей под нож скотины. А поскольку количество гостей росло, а с ним – и расходы, то решено было в общине заменить «кишкес» на два фунта мяса. Это во-первых.

Было еще и во-вторых: плата за особую, «сохранную» мацу, сделанную из пшеницы, которой не касалась вода с момента жатвы. Именно Фейгин поставлял «сохранную» мацу евреям Гадяча. А ведь известно, что на Песах даже самый бедный еврей обязательно купит себе как минимум шесть листиков такой мацы – по три на каждую праздничную трапезу. Ежегодно Хаим-Яков получал из Орши мешок «сохранной» муки, тщательнейшим образом закрытый и запечатанный печатями семи раввинов и праведников. В день «сохранной выпечки» сходились к его дому все евреи Гадяча от мала до велика. Под чтение псалмов раскатывали на длинных столах тесто. Какая была тогда теснота в доме – сохрани Господь! А в канун Песаха каждая семья отправлялась к резнику, чтобы получить из его рук свои шесть заветных листиков. Брала бережно, с благоговением, заворачивали в чистую салфетку и со всеми предосторожностями несли домой, чтобы, Боже упаси, не повредить или, того хуже, сломать хотя бы один листик мацы.

Третьим источником дохода было вознаграждение за обрезание. Из всех резников Гадяча лишь Фейгин считался подлинным специалистом в этом деле. Да таким авторитетным, что приглашали его даже евреи из соседних городов, а однажды, было дело, аж из самого Конотопа! Потому что знали: когда нож моэля в руках Хаима-Якова, за ребенка можно не беспокоиться – не будет ему никакого вреда. А уж когда он надевал свой специальный белый халат, так и вовсе походил на профессора в операционной. Главное в этом деле – чистота: нужно в семь глаз следить, чтобы не попало ни капельки грязи во время процесса обрезания.

Ремеслом моэля занимается Фейгин до сих пор, и несть числа сынам Израиля, которых он приобщил к бриту, к союзу праотца нашего Авраама со всемогущим Творцом. И ремесло это действительно приносит кое-какой доход, особенно, когда речь идет об «ишувниках» – богатых деревенских евреях. В таких случаях привозят моэля к месту праздничного события в роскошной коляске, запряженной парой прекрасных лошадей, а потом еще и угощают, и кормят, и поят до отвала. А на прощанье, вдобавок к рублям, дают ему с собой еще и полдюжины курочек, и сотню яичек, и другие подарки.

Но был у Хаима-Якова и еще один заработок. Как известно, в период между Песахом и Шавуотом, в дни «омера», запрещены свадьбы народу Израиля. Лишь за три дня перед Шавуотом дозволено жениться счастливым парам. Женихи и невесты идут под хупу, и тут уже по горло работы у тех, кто помогает свершиться святому обряду. В этот сезон счастья, бывало, устраивались по три-четыре свадьбы в день. Допустим, их играют у нас в Гадяче, и одновременно с ними назначена еще одна свадьба, у «ишувника». Что делать? Раввин в городе один – кто тогда освятит молодую пару в деревне? Как это кто – понятное дело, что он, Хаим-Яков, уважаемый резник! Эх, не знал настоящей радости тот, кто хоть раз не бывал на хупе в доме богатого «ишувника»! Особенно если он – из людей, известных своей еврейской ученостью!

«Реб Хаим-Яков, пожалуйста сюда... Реб Хаим-Яков, пожалуйста туда... Попробуйте того, обратите внимание на это...» – короче говоря, домой возвращаешься и сытым, и веселым, и таким хмельным, что Господи помилуй!

– Но, Ефим Айзекович, – перебивает поток его речи Вениамин, – почему же тогда вы бросили все это изобилие и занялись медовухой?

Дождь тем временем кончился; с края навеса падают на землю редкие капли. Снова расчистилось небо, все слабее слышны звуки дождевых потоков и ручейков, все сильнее поднимается шум рыночной суеты. Под его аккомпанемент слушает Вениамин удивительный рассказ бывшего резника Хаима-Якова Фейгина – рассказ об изюмном и плодовом вине.

Дело в том, что, помимо уже перечисленных источников дохода, был у Фейгина еще один – от пасхального вина. Покупаешь пудовый мешок изюма: обычно это такая единая глыба слипшихся ягод. Сначала рыхлишь эту глыбу, разделяешь ягоды, а потом сечешь их на мелкие кусочки, чтобы лучше было брожение. Тут важно знать меру, не переборщить. На фунт изюма идут два с половиной стакана воды. С полпуда ягод получаешь ведро, то есть пятьдесят стаканов вина. И еще: ни в коем случае нельзя мыть изюм до того, как забродит! Ведь от чего получается правильное брожение? Правильное брожение получается от крошечных бактерий, которые живут на ягодах изюма. Стоит только смыть эти бактерии – и всё, испортил процесс!

Вениамин удивленно наблюдает за тем, как распаляется старый Фейгин по мере рассказа. Стоит ли так волноваться из-за изюмного вина?

Итак, берешь размельченный и немыйтый изюм, закладываешь его в бочонок и заливаешь первую порцию воды из расчета два с половиной стакана на фунт. Ставишь бочку в теплое место, лучше всего возле печки, пусть бродит. Через три дня вынимаешь изюм, отжимаешь, перекалываешь в другой бочонок и добавляешь еще полстакана на фунт. После второго брожения снова отжимаешь, на этот раз особенно тщательно, и выбрасываешь получившуюся массу. Но если ты думаешь, что на этом всё закончено, то сильно ошибаешься. Нужно еще процедить! Это нелегкая задача, если ты хочешь получить вино действительно высокой очистки. Как происходит процеживание? Берешь кусок чистого полотна, расстилаешь его над пустой бочкой и заливаешь первую порцию вина. Сначала, пока еще не забиты промежутки между волокнами ткани, жидкость получается мутной. А потому нужно продолжать процеживание до тех пор, пока вино не станет прозрачным...

Странное дело: чем скучнее рассказ об изюмном вине, тем больше воодушевляется рассказчик.

– Ефим Айзекович! – снова прерывает его Вениамин. – Но почему, во имя Всевышнего, по какой такой причине вы оставили столь уважаемую профессию резника и занялись изюмным вином?

Старик качает головой. Всею причиной заместитель фининспектора. Дело было в двадцать третьем году. В один прекрасный день, незадолго до Песаха, когда солнце сияло в небесах, по горло занятое просушкой грязных улиц и подготовкой мира к весне, в доме Фейгина отворилась дверь, и вошел заместитель фининспектора Сидоров. Под мышкой Сидоров держал папку.

– Фейгин! – сказал он, усевшись на стул. – Я слышал, что есть у тебя хорошее пасхальное вино собственного изготовления. Принеси-ка его, чтобы я понял, о чем речь.

Что делает Хаим-Яков, услышав такие слова? Ясно, что прежде всего смотрит он на папку под мышкой у Сидорова, смотрит и сомневается. Известно ведь, что в этой папке подшиты протоколы, заявления, кляузы, налоговые декларации, инструкции и прочие тяготы на головы народа Израиля. Известно также, что стоит только Сидорову открыть свою папку и написать протокол о незаконном изготовлении вина, как тут же грянет конфискация имущества вдобавок к трем годам тюремного заключения.

– Ну, что же ты, Фейгин? – говорит Сидоров и откладывает папку в сторону. – Чего ты боишься? Неужто не угостишь меня своим знаменитым красненьким?

И тут Хаим-Яков отбрасывает свои сомнения и, как святым духом зачарованный, ставит на стол бутылку кошерного вина и подобающую к нему закуску. А что делает необрезанный? А необрезанный выпивает первый стакан, причмокивает и исполняется восхищения. Потому что виноградное вино и водка не были тогда распространены в Гадяче. Пили тогда в Гадяче самогон, а вкус самогона так же далек от вкуса хорошего вина, как запад далек от востока. Удивительно ли, что так понравился Сидорову его первый выпитый стакан?

– И сколько же стоит бутылка такого вина?

– Шестьдесят копеек.

– Если так, – говорит Сидоров, – то ты просто дурак. За бутылку такого вина нужно брать не меньше рубля!

И он вытаскивает из кошелька три красненькие бумажки и покупает, чтоб мне с места не сойти, пятьдесят бутылок вина! Ведь фининспектору положена скидка...

И с того самого дня начала разворачиваться новая винная история. Испили твари земные изюмного вина и увидели, что хорошо оно. Все – от самых уважаемых гадячских гоев, до ценящих хорошую выпивку гадячских евреев – все повадились ходить к Хаиму-Якову и в один голос требовать: а подай-ка нам изюмного вина, причем по рублю за бутылку! И было это во времена нэпа...

– Во времена нэпа... – задумчиво повторяет старый Фейгин, оглаживая свою каштановую бороду. – Жизнь тогда, вроде бы, вернулась в прежнее русло. Те же лавки, и те же евреи в лавках, тот же рынок, и те же люди, суесящиеся в поисках заработка и удачи в делах. А удача, Вениамин, дама непостоянная, легкомысленная: к этому повернется лицом, а к тому – спиной. К одному липнет, как зараза, а от другого убегает, отворачивается, да еще и язык показывает! Мне вот тогда повезло с этим вином. Не было в Гадяче свадьбы или какого другого праздника, чтобы не ставили на стол бутылку моего изюмного. Спрос все нарастал, покупали по-всякому: кто бутылку, кто ведро, а кто и целый бочонок! И если учесть, что расходовал я по тридцати копеек на бутылку, а продавал по рублю, то ты сам можешь рассчитать, какая это была прибыль. Золотое дно!

Хаим-Яков наклоняется поближе к Вениамину и шепчет, будто кто-то здесь может их подслушать. В те дни он зарабатывал по три тысячи рублей в месяц, вот чтоб ему с места не сойти!

Чтобы не упустить удачу, ему пришлось озаботиться соответствующей организацией производства. Все семейство Фейгиных, засучив рукава, приступило

к работе. В кухне выстроились батареи бочонков – десятками, один на другом. Работали днем и ночью: один мельчит изюм, другой отмеривает воду, тот отжимает, этот процеживает. Главное, как ты помнишь, процеживание. Эта процедура замедляла процесс производства больше всего.

– И ты еще спрашиваешь, Вениамин, почему я перестал быть резником... – говорит Хаим-Яков, и в бороде его мелькает едва заметная смущенная усмешка, – Дважды ты задавал мне этот вопрос. Но сам подумай: оставалось ли у меня время на работу резника? Что тогда случилось бы с вином? Не мог же я навалить всю тяжесть виноделия на Песю и детей – они были тогда еще совсем маленькими. А, кроме того, между нами, еврейское население Гадяча к тому времени уже начало таять. Задули в нашем изгнании новые ветры; семьи одна за другой переселялись в большие города – кто-то получал работу, кто-то поступал в университет или академию. Как будто эпидемия отъездов поразила еврейские местечки. Люди увязывали пожитки и уезжали в столицы. Вот я и прикинул, что к чему. Гиблое дело! Когда община в силе, тогда и резник уважаемый человек. А если община растаяла? И потом – ну кто такой резник с точки зрения советской власти? Слуга религиозного культа, лишенец, отверженный в своей стране. Дети такого человека не могут поступить в институт, да и на государственную службу их не возьмут. А коли так, то что с ними будет?

«Песя, – сказал я тогда жене, – придется мне распрощаться с должностью резника».

И что, ты думаешь, ответила мне Песя?

«Нет! – ответила мне эта женщина. – Твой отец, реб Айзек Фейгин, и твой дед, реб Цви-Гирш Фейгин, вечная память праведникам, всю свою жизнь были резниками. А потому нет у тебя права оставить эту профессию!»

«Коли так, Песеле, – говорю я, – что тогда будет с вином?»

«А ничего не будет, – отвечает она. – Будем делать его меньше, мир от этого не перевернется».

Так сказала Песя своему мужу Хаиму-Якову, голосом тихим и спокойным, по своему всегдашнему обыкновению. Уж кто-кто, а Песя никогда не повышает голоса. Никто не скажет, что его Песя криклива или драчлива, на манер многих дочерей Израиля, которые, бывает, так на тебя напустятся, что даже свет становится не мил. Только вот что? Только вот есть у Песи один недостаток: упряма, как черт. Уж если взбрело ей что в голову, то не сдвинешь ее с этой мысли ни на шаг. Хоть с утра до ночи уговаривай – ничего не помогает. Стоит на своем: не будет такого, чтобы Хаим-Яков забросил ремесло резника, наследие отцов, чтобы предпочел ему виноделие!

Что делать в этой ситуации Хаиму-Якову? Хаим-Яков тоже уступить не может: кто, в конце концов, хозяин в доме? Но споры между мужем и женой еще ничего не решали: чтобы отказаться от ремесла резника и перестать быть лишенцем, Фейгин должен был известить о своем решении публично. И вот, скрепя сердце, послал он объявление в газету «Харьковский пролетарий»:

«Я, Фейгин, Хаим-Яков Айзекович, проживающий в городе Гадяче, настоящим извещаю, что отказываюсь от должности резника и не имею отныне ничего общего с исполнением религиозного культа».

Газета пришла в Гадяч, и объявление попало на глаза Песе. Что тут началось! И скорбь, и стенания! Винное производство на полном ходу, покупательский спрос давит, а Песя рыдает в подушку, оплакивая прошлую профессию мужа!

Хаим-Яков завершает самую тяжелую для него часть рассказа и, словно сбросив камень с души, переходит к менее грустным событиям. Что было

дальше? Как тут не воздать хвалу Богу и изюмному вину? Карманы были полны денег, дом – полная чаша, да еще и несколько тысяч рублей отложены в сторонку на черный день, чтоб он никогда не настал.

Так и вертелось колесо удачи целых три года, пока не сломалось и не застопорило свой благословенный бег. Что ж, такова судьба, ничего не попишешь! Приехал в Гадяч новый фининспектор, еврей по фамилии Нисанов. Как-то зашел он в дом Фейгиных – а там кипит работа. Стоит в комнате батарея бочек, высятся груды изюма. Сел Нисанов за стол, открыл свою папку и написал протокол. А потом вложил этот пасквиль назад в папку да и пошел себе дальше.

Что делать? Конечно, Песя тут же принялась учить мужа уму-разуму, как это заведено у женщин. Ну что б тебе было, говорит, не оставаться резником, тихо-мирно, без всех этих фининспекторов, винных бочек, бед и холер. А теперь, говорит, висит твоя жизнь на волоске, вот-вот, не дай Бог, нагрянет милиция, и загремишь ты в тюрьму, горе мне, горе, да падет чума на врагов Сиона!

В этот момент к прилавку подходят два крестьянина, и Хаим-Яков наливает им по стакану медовухи. Воздух просветлел; где-то в полях гуляет умытое солнце. Там же расхаживают тени облаков: то подойдут, то отступят, то затеют игру в догонялки. Вот бегут они в панике, открывая блестящую поверхность пшеничного поля, словно утюгом разглаживая луг, полный зелени и цветов. Солнечный свет захватывает пространство, преследует убегающие облака, гонит их прочь. Но проходит немного времени, и опять набираются сил побежденные было тени, заново штурмуют они горизонт. Свет и тьма танцуют на полях!

На сегодня у Вениамина запланировано много чертежной работы, но он твердо намерен дослушать историю о вине до конца. А Хаим-Яков и не возражает – ничто не мешает ему одновременно заниматься медовухой и продолжать рассказ. Уж если проснулось в человеке желание поговорить...

Где мы остановились?.. – ах, да, протокол. Протокол был написан и начал свой путь по инстанциям, затягивая петлю на шее семейства Фейгиных. Вообще говоря, Хаим-Яков был в хороших отношениях со многими представителями городских властей. Милицейский начальник Супроненко собственной персоной первым, бывало, протягивал ему руку: «Шалом алейхем, Ефим Айзекович!» Да и прокурор Петрюк не отказывался от стаканчика изюмного вина. Вот только что? Вот только протокол живет своей собственной жизнью. Перемещается из папки в папку, из кабинета в кабинет, написанный, опечатанный и освященный авторитетом власти. Да, друзья и доброжелатели задерживают, пока могут, неумолимое движение документа, выигрывают недели и месяцы для Хаима-Якова, но значит ли это, что дело в конце концов не кончится судом? Кроме того, производство по понятным причинам свернуто, бочки отправлены в коровник, изюм больше не закупается, нет покупателей, нет дохода, а на сердце тревога и тяжесть.

После того, как закончились прежние запасы вина, стали одолевать Фейгина покупатели: вынь да положь им изюмного вина! Вот и пришел Хаим-Яков к прокурору Петрюку. Так и так, мол. Нужно, мол, что-то делать с этим протоколом! Думали-думали и придумали. Услали фининспектора Нисанова в дальнее село и в его отсутствие быстренько провернули суд. И на том суде по всем правилам, со свидетелями и данными следствия, было неопровержимо установлено, что обвиняемый Фейгин никогда не занимался производством вина на продажу или с целью наживы, а обнаруженные фининспектором бочки, изюм и напитки предназначались исключительно для внутреннего семейного потребления. На основании чего прокурор Петрюк обвинение отменил.

И дабы окончательно поставить точку в этой истории, пошел Хаим-Яков за советом к адвокату Бурштейну, предварительно, конечно, обсудив это дело с Песей. Что делать дальше с производством вина?

«Нужна лицензия», – сказал Бурштейн.

Потом он наморщил лоб, покрутил пальцами, порылся в книгах и добавил:

«Нужна лицензия, Ефим Айзекевич, причем не одна, а целых три. Одна – на производство, другая – на хранение и третья – на продажу».

Вот так совет, не правда ли? Мало того, что каждая лицензия стоит тысячи, так ты еще и превращаешься в нэпмана, иными словами – возвращаешься в положение лишенца, и дети твои опять не могут получить высшее образование, а тебя самого душат налогами, поборами и прочими несусветными бедами.

Что делает, услышав такое, Хаим-Яков? Хаим-Яков вежливо прощается с адвокатом и возвращается домой – продолжить обсуждение вопроса со своей Песей. Потому что его Песя – не из тех женщин, у которых в голове лишь споры да склоки или моды да игрушки, а то и вовсе – одна только глупость и легкомыслие. Когда беда у ворот, нет крепче опоры, чем Песя. Уж у нее-то, будь уверен, не перегорит твоя каша.

Посидели они, подумали, да и решили выкупать эти лицензии. Хаим-Яков заплатил тысячи рублей, получил все три разрешения и вернулся к производству вина. И вот проходит месяц-другой, поднимает Хаим-Яков голову от трудов своих, смотрит вокруг и видит, что дело швах. Бочонки полны превосходного изюмного вина, тысяча бутылок стоит наготове в доме, лавка тоже ломится от товара, а покупателей нет. Кончились покупатели, а с ними – и доходы.

Но куда же они подевались? Неужели надоело им изюмное вино? А причина-то проста. Из-за лицензий и налогов выросли расходы немерено – с тридцати копеек аж до рубля за бутылку. А коли так, то вынужден был Хаим-Яков вдвое поднять цены: теперь вино стоило уже два рубля. Видит это покупатель и говорит: чего это вдруг? Вот и лежит товар, никому не нужен, как камень придорожный. Зато фининспектору и дела нет до твоих покупателей и твоих доходов. Фининспектор знай себе требует: давай, давай! Плати налоги! Делай взносы за лицензии! И чтобы всё это вовремя! Уж если попал в нэпманы – пиши пропало. Не успел заплатить – получи штраф в тройном размере, тут тебе и вовсе конец!

«Песя, – говорит тогда Хаим-Яков жене, – не уменьшить ли цену на вино?»

«Как уменьшишь? – возражает Песя. – Тогда и дохода не будет никакого».

«Глупости, – говорит Фейгин. – Если слегка уменьшить количество изюма и слегка увеличить количество воды – например, до трех стаканов на фунт, то никто не заметит разницы, и все будут довольны!»

Услышав такие слова, желтеет Песя лицом и говорит, что не бывать этому никогда, что фирма есть фирма, что разбавлять вино – только имя позорить, стыдоба стыдная.

Так говорит Песя, не поднимая, по своему обыкновению, голоса. Но даже и в тихом этом звучании проникают песины слова до самого сердца и делают там свое дело. Долго ли коротко, прошло лето, пришла зима, а с нею и Пурым, и только проблема осталась там же, где и была. Вина, слава Богу, много – хоть залейся, а покупателей нет. Снова посидели муж с женой, снова подумали и решили дожидаться Песаха. Ведь на Песах, как известно, четыре стаканчика должен выпить каждый еврей – даже тот, который проживает в большом городе. А поскольку кошерного вина в столицах днем с огнем не сыщешь, то отчего бы не попробовать продать его именно там? Вот уж где должны быть толпы покупателей!

Встал Хаим-Яков, арендовал вагон, набил его под завязку тысячами бутылок вина и отправился в Ленинград. Да по дороге еще и руки потирал в предвкушении больших тысяч, которые ожидали его в большом городе. Вот уж где набросятся на его товар, всемером на бутылку! Будут тянуть каждый в свою сторону, только цену накидывай! Такие вот грели его мечты и фантазии, сны золотые.

Приезжает вагон в Ленинград, и тут выясняется, что Ленинград – совсем не Гадяч. Нет там никого, кто знал бы Ефима Айзековича Фейгина, кто протягивал бы ему руку при встрече, кто спрашивал бы о здоровье. Зато улицы полны фининспекторов, проверяющих, чиновников, бухгалтеров и прочих представителей власти. Налетели они на фейгинский вагон, как туча ворон, прости Господи, и все требуют бумаги на проверку, вглядываются в каждую букву, проверяют каждую мелочь – не дай Бог, выйдет этому Фейгину какое-нибудь случайное послабление. И поскольку все бумаги оказываются в порядке, говорит один из контролеров:

«А теперь давай-ка проверим твое вино на крепость. Потому что, согласно закону такому-то, подпункту сякому-то, крепость плодового вина не должна быть выше так-то и сяк-то градусов!»

И вот берет он свой прибор, и меряет крепость... – и ой-ва-авой!.. горе тебе, Ефим Айзекович!

– Ой мне, и ой душе моей! – говорит Хаим-Яков. – Крепость моего вина меня же и сгубила, зарезала без ножа! На целых три градуса оказалось оно выше нормы. Не успел я и глазом моргнуть, как весь мой товар был уже конфискован в пользу государства. Подсунули какую-то бумажку на подпись, хлопнули на нее печать, и остался я с этой бумажкой, гол, как сокол, без вина и без покупателей, без денег и без прибыли!

Так и сказал Хаим-Яков своей жене Песе, когда вернулся ни с чем в родной город Гадяч. И Песя, выслушав его горький рассказ, утешает мужа так, как это умеют только женщины. Ты, говорит она, не думай, что дело было именно в крепости. Потому что, если бы крепость оказалась в порядке, то нашелся бы другой закон, или другой пункт, или другой контролер. Так или иначе, отняли бы товар, и не в вине тут причина. А в чем тогда? А в том, говорит Песя, что наша власть, да продлятся годы ее, решила покончить с нэпом, и потому надо нам уносить ноги, пока живы. Тем более, что дети растут, и что с ними будет? Пора нам уносить ноги, говорит Песя, пора избавляться и от лицензий, и от изюмного вина, а уж Всевышний на небесах, да будет благословенно имя Его, найдет нам и новый заработок, и новый доход, и новую мотыгу.

И снова послушался Хаим-Яков жены и избавился от лицензий, от винодельни и от статуса нэпмана. А чем же ответил на это Всевышний, да будет благословенно имя Его? О, Всевышний не дает упасть падающему, посылает лекарство ушибленному и не оставляет своей заботой Хаима-Якова. В тот же год издали власти закон о развитии садового хозяйства. И написано было в законе, что отныне каждый гражданин вправе выращивать плодовые деревья, сколько душе угодно, без каких-либо налогов и поборов. А также разрешается гражданам торговать плодами этих деревьев во всех доступных видах: и свежими, и сушеными, и мочеными, и иным способом обработанными, то есть в виде соков, концентратов и плодовых вин. А продавцы плодовой продукции освобождаются от налогов на три года и нэпманами при этом не считаются.

Плодовое вино! И действительно – разве где-нибудь записано, что Хаим-Яков умеет делать только изюмное вино? А как же вишневое, грушевое или

сливовое? А красная и черная смородина или даже яблоки? Правда, для этого придется превратиться в садовника. Что ж, и это не беда.

Что делает Хаим-Яков? Хаим-Яков арендует у знакомого крестьянина вишневый сад. Между нами, аренда эта была произведена лишь для отвода глаз, и обошлась Хаиму-Якову – опять же, между нами – всего в полведра вина. Крестьянин проживал не близко, в деревне Сары, и никто из Фейгиных вплоть до сегодняшнего дня в глаза не видывал этот якобы арендованный якобы вишневый якобы сад.

Затем поехал Хаим-Яков в город Харьков, где проживала тогда только что вышедшая замуж Рахель. Там он поговорил со специалистами виноделами и набрал книг по производству самых разнообразных плодовых вин, потому что у каждого вина есть свои особенности и свои правила. В Гадяч Фейгин вернулся уже во всеоружии профессиональных советов и рецептов, с книгами и руководствами. После тщательного их изучения он приступил к работе. Прошло совсем немного времени, и на городском рынке Гадяча появилось прекрасное плодородное вино фейгинского производства всего по пятидесяти копеек бутылка! И увидели жители Гадяча, что это хорошо.

Хаим-Яков снова воодушевляется собственным рассказом и открывает Вениамину секрет своего производства. Берем, например, вишневый концентрат. А откуда берется концентрат? Покупаешь на рынке корзину вишен – известно, что в сезон такая корзина стоит всего ничего. Итак, берешь эти вишни, ссыпаешь их в бочку и выдержишь там два-три дня для размягчения кожицы. Затем разминаешь ягоды мялкой, и вот они готовы к выжимке. Из-под пресса и выходит вишневый концентрат – главное сырье будущего вина. Его нужно развести водой – пятьдесят на пятьдесят.

После чего приходит очередь сахара, из расчета восемь фунтов на ведро. Потом ставишь бочку рядом с печкой для брожения – и всё. Проходит всего несколько дней – и у тебя вишневое вино, чистое и прозрачное, а вся мякоть и муть лежит на дне бочонка. В этом главное отличие вишневого вина от изюмного. Там ты должен процеживать, и процеживать, и процеживать, что удлиняет процесс неимоверно.

Фейгин распаляется все больше и больше, но одновременно с ростом его воодушевления уменьшается энтузиазм Вениамина.

– Ты, верно, хочешь спросить, Вениаминке, что я делаю в другое время года... – говорит Хаим-Яков, даже не представляя, насколько далеко от истины его предположение. – То есть когда у вишен не сезон – откуда тогда брать концентрат для вина?

И он в деталях разъясняет своему молодому слушателю решение проблемы. В другое время года есть у нас, слава Богу, сухофрукты. Достаточно вскипятить сухофрукты в воде, и ты получишь сырье, не уступающее в качестве свежим плодам.

В этот момент на навес Фейгина обрушиваются новые потоки дождя. Хлещут капли по жестяной крыше, как маленькие плети, то сильнее, то слабее, и у каждой свой звук. Небо нахмурилось, тени облаков уже не гоняются друг за другом по дальним полям. Луга укрыты туманным покрывалом. Вновь опустел рынок, слышны лишь суэта людей и шум воды, крики девушек и женщин из базарных рядов. Вот медленно проходит пес. Голова его опущена, хвост поджат, чуткий нос дергается туда-сюда, вынюхивая еду. Дождь заливают все вокруг – но вот старый пес обнаруживает достойную внимания кость, и нет ему теперь дела до какого-то дождя.

Слава тебе, Господи, подошел к концу и рассказ о плодородном вине. Теперь Вениамин знаком со всеми тонкостями его производства. Если есть в этом мире

золотые клады, то виноделие, без сомнения, один из них. Судите сами: бутылка обходится Хаиму-Якову не больше двадцати копеек, а вино получается чистым, душистым и вкусным. Нравится это вино покупателям, а уж любителей выпить, слава Богу, хватает, и никаких тебе налогов, никаких лицензий и фининспекторов – рай, да и только! Благословенна наша советская власть! За эти три года наработал Хаим-Яков на десятки тысяч рублей. По сей день еще припрятаны у него денежки с тех благословенных времен...

Фейгин вздыхает.

– В чем дело, Ефим Айзекович, о чем вздыхаете?

– Да ни о чем... Просто вот припомнил те времена...

И он пускается в воспоминания о нэпе и о конце нэпа. Многие заранее почувствовали, что над нэпом нависла тень, а жена Фейгина Песя так и вовсе предсказала нэпу неминуемую гибель за несколько лет до его окончательного падения, когда он еще стоял достаточно крепко. Но вот настал день, когда партия сказала: конец нэпу! Индустриализация, коллективизация... Как грибы после дождя, стали подниматься колхозы, и положение нэпманов в городе стало совсем плохим. И тогда Песя сказала:

«Хаим-Яков! Надо понемногу заканчивать с вином!»

«С какой такой радости, Песя?»

«С такой, что дикие дела начинаются в мире, – сказала Песя. – Боже упаси тебя, Хаим-Яков, попасть в число кулаков...»

И Хаим-Яков по слову жены начинает понемногу сворачивать свое винное производство. Сворачивает потихоньку, полегоньку, пока не закрывает его вообще до лучших времен. Бочки и прочие средства снова перекочевывают из кухни в коровник, уходит рабочая суета, тишь воцаряется в доме. Проходит еще немного времени, и в городе берутся за нэпманов – давят трехкратными налогами и пятикратными штрафами, лишают денег и имущества, ссылают в Соловки да в Нарым, вытряхивают душу из живых. Гуляет по городу меч, сечет головы. В доме Фейгиных попрятали всё, что можно, затаились, втянули головы, как черепаха перед звериной пастью. Очистили дом от вина – нет даже капли. А если приходят покупатели, Фейгин делает удивленное лицо: «Какое вино?» Откуда взяться вину на продажу у простого человека, который живет себе тихо-мирно по закону Божьему и советскому, и Боже упаси, никогда к нэпманам не принадлежал?

Не выдал Владыка миров Хаима-Якова, отвел смертельную угрозу от его дома. Чудо, да и только! Никто не причинил ему вреда, никто не тронул ни его самого, ни имущества. Но, как только закончились страшные дни, и новое солнце взошло над нашей советской землей, как только пришло время мирного труда и объявлена была пятилетняя программа работы и строительства, Песя сказала мужу:

«Хаим-Яков, хватит бездельничать! Ты должен пойти к властям и сказать им, что тоже хочешь работать!»

Выслушал это Фейгин и ответил в том духе, что не собирается горбатиться на каторжных работах за буханку хлеба, что, слава Богу, еще осталось у них достаточно денег, сэкономленных в годы достатка, и что по этим причинам можно еще долго сидеть сложа руки и ждать более счастливых времен. Но Песя и тут не смолчала, а продолжала, как ночной комар, жужжать у мужа над ухом довольно странными словами. Наше, говорит, правительство заботится обо всех, а значит, и нам надо поучаствовать в общем труде.

Ну что тут скажешь? Сами знаете, сколько силы у женщины, если она твердо что-то решит. В итоге, в одно прекрасное утро Хаим-Яков Фейгин, бывший резник и бывший нэпман, вошел в кабинет товарища Майбороды, начальника гадячских кооперативов. Вошел и сказал:

«Николай Афанасьевич! Настало время организовать в нашем городе кооператив по производству плодово-ягодных вин!»

И вот сидит он в кабинете товарища Майбороды, толкует о секретах производства и о рецептах, приводит подробные расчеты и объясняет, что дело это – чистый клад, золотое дно. Товарищ Майборода слушает и созывает комиссию. И Хаим-Яков, приглашенный для такого случая на заседание, приходит туда в своем лучшем субботнем костюме и читает членам комиссии лекцию о виноделии, с теми же расчетами о доходах, расходах и положительном балансе. И комиссия, обсудив вопрос, постановляет выделить на это дело бюджет и назначить Ефима Айзековича Фейгина директором новорожденного винзавода. Чьим директором и ответственным по сбыту он пребывает и по сей день, начальствуя, ни много ни мало, над пятью работниками.

Нет, ничуть не раскаялся Фейгин в своем решении работать на кооператив. Зарплата, слава Богу, неплоха, хотя, конечно, далека от доходов былых лет. Он снова вздыхает и какое-то время сидит молча. Кончен рассказ. Такова история жизни Хаима-Якова Фейгина, повесть побед его и поражений. Как падал он в глубокие ямы, из которых поди выберись живым. Как вслед за тем поворачивалось колесо судьбы, вспыхивал огонек в темноте, и снова поднимался Хаим-Яков на ноги, отряхивался и продолжал свой путь.

Они молча сидят под навесом. Дождь закончился; Вениамину пора отправляться домой, к чертежному столу. Сегодня ему придется чертить сложный и необычный механизм.

Образ Лиды вдруг поднимается из его сердца и заслоняет собой весь мир. Медленно стекает вода из блестящих луж, на площади Гадяча возвращается беготня теней и печали. Вениамин шагает по улицам города, по сияющему умытому миру, шагает, окутанный радостью и мечтами. Шагает, напевая песню без слов – вечную песню влюбленного парня о несравненной возлюбленной. Дождь закончился. Иссякла сила воды, и словно праздник опустился на Гадяч. Город сверкает зеркальной гладкостью луж и падающими с крыш каплями, которые то лениво накапливаются на краю, то торопливо летят вниз. Но вот выходит солнце и принимается что есть силы лупить своими лучами по веселой влажности мира.

Вот и Садовый переулок. Здесь тоже кипит жизнь. Всею причиной, конечно, Аарон, двенадцатилетний сын сапожника. Он выстроил своих приятелей – в том числе и Тамару – в одну линию. Все они стоят, низко наклонив головы, а кто-то бежит вдоль строя и ерошит им волосы. Добегает до конца и тоже встает. Такая игра. В ней не участвует только маленькая Катя, дочка соседа. Она стоит босиком в одной из небольших лужиц, и в глазах ее выражение счастья.

Глава 4

В доме Фейгиных – праздник в честь приезда Соломона. Старая Песя занята по горло с самого утра: варит, жарит и печет. Сара Самуиловна и Тамарочка помогают, чем могут. В доме подъем и воодушевление, как накануне еврейского праздника. Всеобщая спешка, скрип дверей, треск поленьев во дворе, скрежет лопаты в углу, шум воды, переливаемой в бочку из ведра, стук сечки, мельчащей овощи или мясо, дразнящие запахи еды и топот ножек маленькой Тамары – она принимает участие решительно во всем и мешает решительно всем.

Среди приглашенных и Лида Эйдельман – это инициатива Рахели. А чтобы Лида чувствовала себя уверенней, Вениамину поручили пригласить еще и ее ленинградскую подругу, которая тоже отдыхает в Вельбовке. Вениамин пытался объяснить, что эти девушки никогда не жили в еврейской среде, а потому могут по незнанию не подойти этому празднику. Но Соломон и слушать ничего не захотел: веди девушек и все тут! А поскольку Соломон – виновник торжества, то и последнее слово остается за ним. Пришлось Вениамину приглашать Лиду с подругой. К его удивлению, девушки согласились сразу, без каких-либо сомнений.

Подругу зовут Клава Боброва, она замужем и мать полуторагодовалого ребенка. Эйдельманы знакомы с нею по Ленинграду. Муж Клавы – инженер, один из бывших учеников Степана Борисовича, а отец – доцент, химик; он работает в том же институте, что и профессор Эйдельман. Есть в Клаве какая-то скрытая искра, глаза вызывающе сверкают, а рот всегда готов к улыбке. Улыбка эта широка и открыта, а блеск влажных губ и красивых зубов обращает на себя внимание любого мужчины. Такова она, Клава, такой сотворил ее Всевышний – с любопытным носом, косами и манящим телом.

И вот наступает вечер, летний вечер в середине августа. По одному, по двое собираются в фейгинский дом празднично одетые гости. Туфли начищены, рубашки отбелены, на шеях повязаны красивые галстуки, и идеально прямые стрелки отглаженных брюк. Что уж говорить о нарядах девушек и женщин, одетых по самому серьезному вкусу. Взгляните, к примеру, на Голду Гинцбург. На ней платье из обычной ткани, которое, видимо, только что выстирано и отглажено, но коралловое ожерелье придает лицу девушки особое очарование. Лицо это покрыто легким пушком, но сквозь него сияет чистота; Голда единственная из девушек не накрасила губы.

А теперь бросим взгляд на хозяйскую дочь, Рахель Фейгину. Вот она проходит легкой походкой из комнаты в комнату, стройная, с узкой талией, и высокий блестящий воротник оттеняет ее красивые черты. Зато прическа этой цветущей женщины – мелкие колечки перманента – кажется Вениамину не слишком подходящей. В большой комнате накрыты столы, но трапеза еще не началась. Молодежь толпится в комнате Вениамина. Лида и Клава еще не пришли. Вениамин, ответственный за патефон, занят пластинками и иголками. Соломон и Голда танцуют. Голде не слишком знаком этот танец, но и Соломон танцует кое-как. Лицо его сохраняет рассеянное выражение, зато какой радостью сияют глаза Голды! Она осторожно переступает с носка на носок, отдается танцу всей душой и всем телом. В руках партнера она как глина в руке Творца. Соломон крутит ее и вправо, и влево, отставляет ногу, отступает назад. И Голда послушно кружится, движется в такт музыке, с носочка на носочек, и весь танец светится сиянием ее лица.

Вот в комнате появляется Рахель Фейгина – обязанности хозяйки заставляют ее то и дело входить сюда по той или иной надобности. Вениамин пользуется случаем, чтобы пригласить ее на танец. Возможно, он обнимает ее

при этом чересчур сильно; женщина отвечает парню серьезным взглядом. Музыка смолкает, и танцующие разочарованно отрываются друг от друга. Маленькая Тамара сидит на коленях у Бермана.

– С кем ты сегодня играла на улице? – спрашивает Берман.

– С Аароном. Бегали наперегонки.

– Придется мне вызвать его на дуэль!

– Кого?

– Твоего Аарончика!

Берман делает угрожающее лицо. Сразу видно, что Аарону не поздоровится, когда против него выйдет столь ужасный противник. Тамарочка благословляет своего защитника на бой:

– Угости его тумачами, дядя Берман!

Девушек из Вельбовки все нет и нет, и Вениамин выходит к ним навстречу. Соломон присоединяется к нему. Снаружи темные крылья молчаливого вечера. Соломон обнимает друга за плечи; они идут рядом, напевая тихую песню. Уже выйдя на ведущую к Вельбовке дороге, ребята натываются на Лиду и Клаву. Лида одета довольно скромно: черная юбка, голубой цветок на прозрачной блузке и очень идущая ей соломенная шляпка. Зато как выглядит идущая рядом с ней подруга Клава! Черный шелк и батист, туфли на шпильках, губы ярко накрашены, глаза сверкают, в глубоком вырезе видна загорелая шея, дразнит и манит смеющийся рот.

– Боброва, – говорит она низким грудным голосом и протягивает Соломону для рукопожатия кисть в тонкой перчатке.

Лида тоже, знакомясь, называет не имя, а фамилию, и компания сворачивает в переулок, в объятия мягкого вечера. Проходит минута-другая, и вот уже Соломон идет под ручку с обеими девушками – одна слева, другая справа. Слышны болтовня, смех и легкомысленные шутки. Нет, не такой Соломон человек, чтобы смущаться, когда на его пути встречаются девушки – хоть две, хоть двенадцать. Слава Богу, уж кто-кто, а он с представительницами прекрасного пола всегда поладит.

Вениамин шагает рядом с Лидой; он так и не взял ее под руку – робки влюбленные сердца! Это, конечно, не означает, что он, склонив голову, пресмыкается в пыли. Можно и от Вениамина услышать шутку или острое словцо, которое он то и дело вставляет в веселую беседу.

Вдруг слышится шум приближающегося стада; воздух наполняется бляением, мычанием, шелканьем кнута, топотом ног и облаками пыли. Пыли много – она окутывает животных и поднимается до самого неба. Время от времени от стада отделяется одна из коров и сворачивает к дому. Она останавливается перед запертыми воротами, задумчиво смотрит на них и, наконец, исторгает из глубин коровьего тела громкое «му-у-у!», печальное и протяжное, слышное далеко-далеко. Босоногая девчонка распахивает ворота, и животное заходит во двор. Девочка любовно поглаживает ее по спине и ласково бормочет: «Ну, Манька...»

Корова вернулась домой для дойки и ночного отдыха – добро пожаловать, милая! Как хорош вечер! Как приятен его теплый ветерок, порхающий по городским улицам, неся на своих крыльях запах молока и цветов.

А стадо продолжает свой путь в суматохе мычания, криков, трубных звуков рожка, в столбах пыли, свисте и щелчках пастушьего кнута.

– Бежим! – кричит Соломон, и компания со всех ног мчится в ближайший тихий переулок искать спасения от пыли. Там они, невольные беженцы местного животноводства, пережидают, пока пройдет стадо, и разглядывают последствия

своей встречи с коровами. Теперь нарядная одежда ребят покрыта пылью; особенно расстраивается Клава, глядя на свои выходные туфли.

Из окна слышен звук патефона – это танго «Идет дождь».

– Я целую вечность не танцевала! – говорит Клава; в ее глазах – грусть и ожидание.

Но разве Клава Боброва способна долго грустить? Вот уже снова смеются ее светлые глаза. В большой комнате стоят накрытые столы, готовые к празднеству. Уже собрались несколько стариков – Берл Левитин с женой, габай Гинцбург. Вокруг столов суетятся бабушка Песя и Сара Самуиловна, расставляют тарелки и бутылки, столовые приборы и рюмки. Компания идет в комнату Вениамина; рукопожатия, короткий обмен приветствиями... Голда Гинцбург вдруг заливается краской до самых ушей, но Берман мгновенно приходит к ней на помощь. Он сгоняет с колен маленькую Тамару и отвлекает на себя внимание гостей – весь воплощенный вежливость и учтивость.

И снова слышен хрипловатый голос патефона. На этот раз в танце участвуют три пары: прежде всего, Соломон с Клавой, за ними – Голда и Берман и, наконец, Вениамин с Лидой. Холодная ладошка Лиды лежит в пальцах юноши, ее вторая рука опирается на его плечо. Впервые он обнимает эту девушку. Да здравствует танец! Да здравствуют люди во всем мире, причастные к сочинению танцевальной музыки – все, напевающие себе под нос новые мелодии, а потом записывающие их на нотную бумагу! Легки шаги Лиды, она словно плывет, не касаясь пола, тонкий запах духов в ее волосах. Нет, Вениамин не осмеливается прижать ее к себе даже самую малость крепче обычного. Далека от него девушка, как небесная радуга. Звуки танца наполняют комнату – звуки скрипки и ударных, фортепиано и саксофона.

На этот раз патефоном занимается молодая хозяйка дома, Рахель Фейгина. Вот она снова ставит танго «Идет дождь». Долгая музыкальная каденция – как глубокий вздох, как стон тоскующего кларнета. К кларнету присоединяется проникновенный мужской голос: он поет о дожде и о девушке с грустными глазами. И снова Соломон и Клава – во главе танцующих. Похоже, что-то происходит между ними – ведь так белы и красивы зубы Соломона, зубы великолепного хищного зверя, так высок он, так темны его большие глаза! А Клава – молодая и влекущая, одетая в шелк и батист, в роскошных туфлях на каблуках – неужели ей до скончания дней предписано быть лишь домохозяйкой, лозой плодоносной и добропорядочной женой?

Они танцуют медленно, едва переступая, поворачивают то вправо, то влево, делают шаг вперед и отступают назад на маленьком пространстве пола, а ноги их следуют извечной мелодии женщины и мужчины. С лица Соломона исчезло обычное выражение спокойного равнодушия. Его партнерша тоже всем своим существом отдается любимому танцу, на лице ее застыла легкая улыбка, блестят зубы, розовеют десны. Полвека она так не танцевала – со времен девической юности, когда в ленинградском доме отца-доцента собирались друзья, или в фойе кинотеатра перед звонком, под гром джаза в толпе танцующей молодежи. А вы как думали? Что, не было у нее достаточно друзей – всяких, хороших и не слишком – до того, как Бобров накрепко прилип к ней и не отставал, пока она не уступила его ухаживаниям? А сейчас... сейчас она мужняя жена, Клавдия Николаевна Боброва, с сыном Сереженькой на руках, маленьким милым болтуном... – закована в цепи неразрывные.

Проникновенный мужской баритон поет о дожде и о печальной девушке. Вениамин и Лида тоже танцуют, но как далека она от него! Из окна льются в комнату сумерки. Никто не зажигает света – пусть приходит темнота, пусть расползаются по полу затаившиеся в углах тени, пусть звезды подглядывают в

щели, роясь в небе золотыми родинками, пусть наострятся уши и наполнятся любопытством глаза.

В дверях появляется Песя и зовет молодежь к столу. Но посмотрите на Соломона, верного сына! Он подскакивает к матери, обнимает ее, старую еврейскую женщину и подводит к двум незнакомым девушкам.

– Познакомьтесь с моей мамой! – говорит Соломон с гордостью, как будто есть какая-то особая причина гордиться этой обычной женщиной, Песей Фейгиной, с головой, вечно обернутой простым платком и руками, вечно занятыми домашней работой.

Рахель поднимается с места – высокая, стройная, со своей странной прической. Что она делала там, в углу, почему не танцевала? Она крутила ручку патефона, эта молодая хозяйка дома, и никто даже не подумал пригласить ее на танец. Хотя, если уж быть совсем точным, не так она и молода; год проходит за годом, вот уже и дочка подросла...

– Ну, товарищи, к столу! – провозглашает Рахель и в ее улыбке, несмотря ни на что, чувствуется прежняя молодая сила. – Еще натанцуетесь!

Молодежь выходит в большую комнату. Там накрыты два стола – для стариков и для молодых. И те, и другие празднуют сегодня приезд Соломона. Молодых на этот раз больше – их стол раздвинут полностью, чтобы было вдоволь места и для гостей, и для посуды, и для угощения. А угощения сегодня в изобилии. Водка и разные сорта вин; селедочка и фаршированная рыба, заливное – самое рыбное из всех рыбных блюд и красная икра; колбасы и сыры; хлеб и хала собственноручной песиной выпечки; богатый выбор солений – тут преобладают красные цвета свекольного оттенка; нарезанные помидоры и кабачки – как свежие, так и соленые. И еще много чего ждет своей очереди на кухне. Да продлятся дни старой Песи, чьи руки породили это необыкновенное изобилие!

Гости расселись по местам – молодежь за одним столом, старики – за другим. Вениамин сидит рядом с Лидой, слева от него – Голда, Соломон – вместе с Клавой. Здесь же Ехезкель Левитин и его жена Мириам. Во главе стола – Берман, поблизости от него примостилась маленькая Тамара. Рахель Фейгина заняла место на другом конце – на ней, как на хозяйке, лежит обязанность угощать гостей, следить, чтобы всего хватало на столе. Но вот кто-то поднимается с рюмкой в руке, чтобы открыть трапезу коротким вступительным словом. Это уже хорошо нам знакомый Берман. Первый бокал, говорит он, мы пьем за здоровье Соломона Ефимовича, нашего молодого друга. Здесь, в нашем городке, он родился и рос ребенком, подростком и юношей, со всеми свойственными этим возрастам шалостями и глупостями. А потом, повзрослев, он уехал в большой город, туда, где живут люди, которые и слыхом не слыхивали о нашем маленьком захолустном полтавском городке. Но вот он приехал, наш молодой друг, и снова сидит с нами, радуется жизни. Взгляните: вот он, здесь, за столом, как царь, окруженный красивыми девушками, и лицо его сияет. Так давайте же выпьем этот первый бокал за его здоровье и за ту радость, которую он приносит своему почтенному отцу и своей любящей матери!

Звенят бокалы, слышится «лехаим!», блещут глаза женщин и мужчин.

Гости приступают к трапезе – каждый по своему вкусу. Любители выпить не выпускают из рук стакана, на сей раз и Вениамин среди них. Во всей окружающей его веселой суматохе, среди звона ложек, вилок и бокалов, возгласов гостей, шуток и разговоров, видит парень одну только Лиду и голубой цветок на ее прозрачной блузке. Золотыми лучами окружен он, этот цветок.

Вместе с порядочным числом стаканов вина вливает в себя Вениамин и храбрость. Храбрость и мужество! Проходит несколько минут, и он поднимается с места. Кто-то из стариков громко хлопает по столу. Это Берл Левитин – он требует внимания, точно так же, как габай призывает к тишине молящихся в синагоге:

– Тихо, евреи! Вениамин говорит!

– Мой язык уже слегка заплетается – улыбается Вениамин, – не слишком я опытен в алкоголе, но хочется и мне сказать несколько слов, да извинят меня дорогие гости за это желание. Мой предшественник уже заметил, что вот, мол, уезжает один из наших в большой город в какой-нибудь институт и забывает там далекое местечко. Он там, а городок продолжает жить своей жизнью. И вот проходит несколько лет, и возвращается молодой человек домой. Но что делали все это время его родители? Почему вдруг сгорбились их спины и поседели волосы? Они продолжали ходить по улицам своего городка, увязать в грязи во время дождей, поститься в Судный день и смахивать слезу, вспоминая о детях, разлетевшихся в дальние края. И вот возвращается парень домой в одно прекрасное утро, и мать места себе не находит от радости: «Ой, Шлеймеле приехал!» И, конечно, она тут же бросается к плите – готовить свои лучшие кушанья, печь субботние пироги и праздничные торты, а потом созывает всех друзей и родных: ведь Шлеймеле приехал, такая радость! А потому, дорогие друзья и гости, давайте наполним наши стаканы и скажем все вместе: «Лехаим!» Лехаим, родители! Лехаим, старики! Лехаим, наши отцы и матери в далеких местечках! Лехаим!

Вениамин садится и вдруг видит, что глаза его матери полны слез. У нее, пожилой женщины и вдовы, тоже есть свои горести. Дети разъехались на четыре стороны света, оставив ее дожидаться почтальона... а того всё нету и нету. Лехаим, дорогая мама, лехаим, евреи!

За столом стариков тоже не дремлют. Боже упаси! Бутылки быстро пустеют, только и слышно, как звенят стаканы. Лехаим!

Ну-ка вместе сядем, сядем, как один,
Ну-ка встретим рабби, встретим, как один,
Пей стакан! Лехаим! Пей стакан! Лехаим!

Все гости – и пожилые, и молодые – хором поют эту старую песню. После рабби «встречают» виновника торжества Соломона, затем – хозяев дома, затем – гостей. Тем временем на стол подается дымящаяся супница и мясное жаркое. Слышен звонкий смех Клавы – она смеется шуткам Соломона. Он знает уйму еврейских анекдотов.

Например, о еврее, который купил корову и уже дома обнаружил, что это бычок. И вот настала эпидемия коровьей болезни, и бычок тоже заболел. «Надо же, – сказал еврей, – как доить, так он бык, а как болеть, так он корова!»

Весельем и желанием веет от Соломона. Клава смеется так, что руки ее беспомощно падают под стол – одна из них прямоком на колено соседа. Лида тоже хохочет смешной шутке.

Встает еще один желающий произнести тост – это не кто иной, как лев стариковской стаи Берл Левитин. Тихо, товарищи! Берл и его рубящая ладонь готовятся к короткому выступлению. Мы собрались сегодня вместе, говорит он, отцы и сыновья, в доме нашего друга, чтобы хорошо провести время. Кому, как не нам, матерям и отцам, чьи лбы прорезаны глубокими морщинами, а бороды длинны – Левитин захватывает в горсть свою длинную бороду – кому, как не нам, знать, до чего трудно растить сыновей. Вот выходит ребенок в мир, моргает глазками, двигает ручками и ножками. Проходят годы, и он превращается в

юношу, юноша – в мужчину. Много страданий, крупинка радостей. В любом случае это наши дети, плод наших чресл, и мы всегда будем переживать за них и следить за каждым их шагом. И потому сейчас, когда собрались мы в доме нашего друга, чтобы хорошо провести время, я хочу выпить этот стакан за здоровье наших детей. За здоровье детей, которые сидят с нами здесь, в этой комнате, и за здоровье других, разбросанных по всему свету, где бы они ни были сейчас. За больших и малых, за сыновей и дочерей! Лехаим! За их здоровье и за хорошую жизнь!

В комнате нарастает шум, каждый уже говорит что-то свое, лица гостей покраснелись. Резник реб Довид встает со стула, чтобы известить «босяков», что еще не все потеряно. Что, несмотря на все революции, институты и книги лжи, которые навалились на нас из больших городов, несмотря на то, что все вы тут сильно умные-разумные и ужасно ученые и точно знаете, в какую сторону крутятся мировые колеса, невзирая на все это – есть еще у нас Бог на небесах! И если вы даже встанете на голову вверх ногами, и поднимете шум-гам на весь свет, и бросите вызов всему сущему – даже если вы поступите так, то все равно останетесь глиной. Потому что есть еще!.. есть!.. есть еще у нас Бог на небесах!

Это странное заявление было выслушано гостями в смущенном молчании и по окончании не сопровождалось бурными аплодисментами и возгласами одобрения. Но разве не от сердца шли эти слова – от сердца дряхлого старика, человека молитвы, немало пережившего в жизни?

Женщины тем временем делают свою работу. На столе появляется чай, печенье, фрукты и всевозможные сладости. Да продлятся дни старой Песи! Вениамин и Соломон тоже не сидят без дела. Вениамин ухаживает за Лидой, немедленно доставляя к ней на пробу все самое вкусное, что появляется на столе. Его старания не остаются незамеченными – не только самой Лидой, но и Рахелью Фейгиной. Соломон продолжает шутить, причем его анекдоты и шутки становятся все более сальными. Ехезкель запекает украинскую песню.

Розпрягайте, хлопці, коней,
Тай лягайте спочивать...

Молодежь дружно присоединяется к нему – пусть старики слушают и удивляются! Вениамин видит, как Берл грозит ему пальцем, грозит и бормочет себе под нос:

– Ах, Вениамин, ах, шейгец¹...

Что бы это значило? Все поют украинскую песню, в том числе и Мириам, жена Ехезкеля. В ее волосах уже поблескивает проседь, хотя на лице все еще видно сияние молодости.

Розпрягайте, хлопці, коней...

Но о Мириам мы еще поговорим в другом месте. Застольный шум нарастает. Старики тоже не дремлют за своим столом. Вот они запевают старую хасидскую песню о споре между прилежными учениками рабби и любителями посмотреть в дно стакана.

Ехали к рабби хасиды. Холод, открытые дороги.
Ехали снежной зимою. Видят – кабак у дороги.
Как же туда не заехать? Чарку не выпить за чаркой?

¹ Шейгец (жарг.) – неуч, не выучившийся еврейскому учению молодой человек.

Выпили водки хасиды да и заспорили жарко.

Старики хлопают в ладоши, глаза их устремлены вверх. Они украшают песню трелями и речитативом «чири-бам-бам», веселым и печальным одновременно. На этот раз хором дирижирует габай Гинцбург – как видно, и он выпил достаточно чарок, этот кладбищенский сторож, который все еще не совсем понятен Вениамину. Габай с необыкновенным воодушевлением размахивает вздымаемыми вверх руками и вообще производит очень много шума.

Спорщик один заявляет: надо до рабби доехать!

Спорщик другой отвечает: выпивка нам не помеха!

Спорщик один заявляет: хватит сидеть, напиваться!

Спорщик другой отвечает: мы еще трезвые, братцы!

И снова чири-бам-бам, и веселый, и печальный. Но чем занят в это время Соломон? Он обвил рукой спинку клавиного стула и продолжает шутить. Поистине огромен запас его анекдотов! Теперь пришла очередь армянского радио.

«Что такое вокруг газ, а внутри холера? Армянское радио отвечает: женщина в газовом платье! А что такое вокруг холера, а внутри газ? – Мужчина выпил стакан содовой воды!»

И снова слышится смех вокруг Соломона и его старых-престарых шуток. Но Клава сияет: в отцовском доме редко рассказывали анекдоты, там ее воспитывали в строгости и трудолюбии. Да и после замужества ситуация не слишком изменилась. Ее Ваня – серьезный человек, день и ночь трудится на Кировском заводе, где руководит одним из важных отделов. А вот у нее, Клавы, есть в душе некая искорка, мешающая усидеть дома, зовущая в мир, наружу. Вот и сидит она в большой комнате Хаима-Якова Фейгина, едва ли не до слез хохоча над шутками Соломона. Приятный вечер! До чего же приятный вечер!

– Давайте немного потанцуем, – предлагает Лида.

Ей уже надоели анекдоты Соломона. Как видно, она не слишком похожа на подругу характером, да и вообще, это окружение кажется Лиде чужим. Бывает, что и в ленинградском доме Степана Борисовича собираются знакомые и друзья на ужин и на бокал вина. Легкая беседа, игра на пианино, иногда кто-то расскажет приятную историю... – все тихо, спокойно, вежливо, хотя временами эта церемонность и кажется скучноватой. Там, в Ленинграде, никто не говорит одновременно с другими. Что делает она, профессорская дочь, в доме Фейгина, где царит полный беспорядок, где все кричат и распевают дикие песни? Пьянство, пошлые анекдоты... короче говоря – бескультурие.

Вот, например, встает со своего места старый габай Аарон Гинцбург. Его борода черна, как смоль, глаза горят. Неужели он действительно так напился? Во всяком случае, ноги несут его к столу молодежи по не слишком прямому маршруту. Он присаживается рядом с виновником торжества и предлагает устроить состязание между столами, между стариками и молодыми. Он, Гинцбург, представитель стариков, вызывает любого из парней на поединок: чья рука сильнее?

– Ты, верно, шутишь, реб Аарон? – спрашивает Берман. – Или это стаканчик вина подает голос из твоего горла?

Нет, Аарон Гинцбург не шутит. Компания стариков действительно хочет померяться силами. И, кстати, еще не очень понятно, кто в итоге одержит победу.

Габай насилу ворочает языком. Тут самое время взглянуть на Голду, которая сидит здесь же за столом. Может, вы полагаете, что она смутилась при виде своего подвыпившего отца, вызывающего молодых на состязание? Вовсе

нет! Взгляд дочери полон ласки и гордости. Лицо этой девушки-матери светится любовью, она даже не думает отговаривать отца тягаться с молодыми.

Смех и суета. Дружными усилиями освобождается от рюмок и тарелок угол стола. Гости толпятся вокруг соперников. Молодых представляет Соломон – именно он усаживается напротив старого Гинцбурга. Мужчины ставят на стол локти, скрещивают ладони, и вот начинается схватка: каждый давит в свою сторону. Все глаза прикованы к двум крепко сцепленным десницам. Пока они стоят неподвижно, подпираемые с обеих сторон усилием каждого из соперников. Видно, что Гинцбургу нелегко, однако и Соломону приходится мобилизовать все силы. Посмотрите сами: рот его приоткрыт, блестят стиснутые зубы, но это отнюдь не улыбка. Нет, не до смеха сейчас шутнику-Соломону, сейчас ему приходится давить во всю мочь. Ведь на него смотрит Клава Боброва!

А теперь взгляните на Гинцбурга, героя-мужчину! Это ведь он был в дни своей юности чемпионом по борьбе на руках. У Аарона своя система: сначала он только защищается – атака последует позже! Зато Соломон, как вырвавшийся на волю жеребенок, очертя голову, мчится вперед, наступает, штурмует из последних сил руку кладбищенского служки. Еще немного, еще самую малость!

Напрасные надежды! Приходит конец оборонительной войне, и Гинцбург переходит в наступление. Берегись, Соломон!

Но нет спасения. Аарон усиливает натиск, и вот рука Соломона, которая только что едва не сломала его собственную, начинает приподниматься, дрожать... – и вот она уже гнется, склоняясь все ниже и ниже... – пока, наконец, не падает, униженная и побежденная, на поверхность стола.

Смех и аплодисменты. Славься, победитель! Соломон смахивает пот со лба. Поди заранее угадай, где подстерегает человека западня! Компания стариков, как и следовало ожидать, шумно празднует свою победу. Сыплются шутки и насмешки, поговорки и поучения, и еще черт знает что! А уж лицо Голды так и вовсе сияет. Как приятно звучит ее мягкий еврейский говор, как спокоен ласковый взгляд!

Но вот к столу подходит Ехезкель Левитин, рабочий с мельницы, представитель команды молодых. Теперь он садится на место Соломона.

– А ну, – говорит он, – почему бы и мне не попробовать свою силу?

И вот они сидят друг против друга – чернобородый Гинцбург и нескладный лицом Ехезкель Левитин, не слишком удачный сын Берла. Снова готовы к схватке две соперничающие десницы. И снова Гинцбург прибегает к своей излюбленной тактике, изматывает противника упорной защитой. Он экономит силы, а потому не возражает, если соперник немного продвинется вперед. Вот только не слишком ли он увлекся на этот раз, не позволил ли Ехезкелю чуть больше, чем следовало бы? А тот человек простой, без ухищрений – знай себе давит железной своей рукой.

И вот вздох проносится меж стариками. Поражение! Проиграл кладбищенский габай Гинцбург, пала его рука в борьбе с более сильным противником! Зато молодые громко хлопают в ладоши и радостным кличем приветствуют победу своего бойца.

Патефон играет вальс-бостон «Вечерняя звезда». Гавайская гитара жалуется, поет и стонет. Из глубин души поднимается этот стон, эта обращенная к вечерней звезде молитва. Среди нескольких танцующих пар – Вениамин и Лида. Сердце парня сжимается от счастья, юношеской грусти и выпитого вина. Тонкие черты лидино лица сияют в терпком полумраке комнаты. Осторожно обняв плечи девушки, Вениамин прокладывает танцу дорогу меж стульев и гостей. Раз, два, три – один шаг широкий, а за ним два маленьких.

Старики все никак не могут успокоиться после поражения Гинцбурга. Что ж, есть еще свежий дух в этой компании, еще не настало время списывать ее со счетов. Живы еще старики, жива их жизненная сила. И разве хорошая хасидская пляска не лучше в семь раз, чем все эти вальсы и бостоны?

Нет-нет, не успокоились старики – ни на грош, ни на копейку! Вот они запевают свою хасидскую мелодию – от бим-бама, до чири-бома; громко хлопают ладони, глаза воздеты к небесам. Еще немного – и забудут они обо всем, кроме этого плясового ритма. Руки лягут на плечи, ноги будут вытанцовывать сами собой, а головы мотаться из стороны в сторону. Живы еще старики, и песни их, и танцы – живы, еще завоюют они весь мир! Женщины тоже присоединяются к пляске: взгляните хотя бы на бабушку Песю!левой рукой она приподняла краешек платья, а правая машет платочком, как будто Песя шлет прощальный привет своим немалым годам. А рядом – старая Хая, жена Берла Левитина...

Разве может слабосильная гавайская гитара состязаться со слитным хасидским хором? Все звуки теряются в танцевальном громе «Тенцеля». Соломон первым из молодых бросает вальс и присоединяется к кругу стариков. Но что это? Неужели и Клава Боброва следует его примеру? Соломон подсакивает к женщине и подхватывает ее под руку. Бог ты мой, Бог Израиля! Ноги Клавы притопывают в такт, на лице ее – счастливая улыбка, вьется ее черное платье, дразнит Соломона... – и смех, и грех, и радость!

Аарон Гинцбург, преисполненный алкоголя и воодушевления, приближается в ритме танца к Вениамину и Лиде.

– Вениамин! – кричит он, дыша на молодых людей винными парами. – Что вы там стоите, как гости? Вставайте в круг! Танцуйте «Тенцеля»!

Он хватает Лиду и Вениамина за руки и вталкивает их в круг. Лида смеется и отрицательно мотает головой. Чужд и непонятен ей хасидский танец. Но Гинцбург не принимает отказов: будет Лида плясать, и всё тут!

– Не надо, реб Аарон! – уговаривает Гинцбурга Вениамин, но тот будто не слышит.

Собрав все свои силы, Лида вырывается из мертвой хватки странного служки, отбегаёт к двери и выскакивает наружу. Все танцуют, и, кроме Вениамина, никто не обращает внимания на ее уход. Он догоняет девушку в переулке. Ночь давно уже свой разверзла черный зев.

– Бог с тобой, Лида, чего ты так испугалась? – говорит Вениамин и берет ее за руку.

Она отталкивает парня и быстро идет по переулку. Чем дальше от дома Фейгиных, тем слабее слышен гром хасидской пляски. Вот он уже доносится, как из тумана, затихли звуки, пришло безмолвие. Волшебная украинская ночь легла на Гадяч. Легким облаком укрыт месяц. Закутанные в молчание и тьму, стоят деревья. Ветерок приносит печаль и прохладу. Вениамин и Лида спускаются к деревянному мосту через Псёл. В одном из дворов просыпается пес и рвет своим лаем тишину. Где-то вдали отзывается другая собака; ее лай, будто булавкой, прокалывает мягкий живот ночи с дальней его стороны. На дороге пыль и роса, капли ее блестят и на травяных лентах, протянувшихся вдоль шляха. Самой дороги почти видно – она дремлет в укрытии ночи, погруженная в свои протяженные сны. Тонкое покрывало тумана лежит на реке; отражение звезд дрожит и поблескивает в воде. Но вот месяц сбрасывает свое облачное одеяльце и заливают светом ночную землю. По краям дороги проступают кусты, и становится виден пустой выпас на склоне. Посреди луга дремлет одинокое дерево, одетое в серебро и туман.

– А я, дурочка, испугалась! – выпаливает вдруг Лида, словно оправдываясь.

Для Вениамина ее слова – как сигнал: он начинает говорить сам. Его слова падают в ночь одно за другим, наподобие малой молитвы, несуразного и, наверно, не очень уместного сердечного порыва.

Он не хочет пугать девушку снова, но уж больно часто она занимает все его помыслы. Лида должна понять: он родился в маленьком местечке, где отношения между людьми просты и очевидны. Девушка встречает там своего избранника на дороге, краснеет, склоняет голову, и пальцы ее начинают тереть косу.

Прохожие смотрят и качают головой: «Все ясно, влюблена». А он? Он сидит за чертежным столом, чертит линии и круги на листе ватмана и напевает какую-нибудь случайную мелодию. И вот через некоторое время он вдруг осознает, что уже давно, застыв, смотрит в окно. И пробуждается лишь от того, что его мать, которая вяжет носок по соседству, спрашивает: «О чем ты думаешь, Вениамин?»

– Я замерзла, Вениамин, – прерывает его Лида. – Слышишь, мне холодно!

Он снимает с себя пиджак и накидывает ей на плечи.

– Может, мои слова кажутся тебе странными, Лида?

– Нет, не кажутся.

– Наверно, я чересчур многословен сегодня; если так, то прости. Но я постоянно вижу тебя, как сон наяву, и временами мне кажется, что есть надежда, пусть даже очень слабая, но есть...

Восточный край неба начинает бледнеть, ветер становится прохладней и Вениамина охватывает дрожь – то ли от холода, то ли от его собственных слов.

– Ты еще мерзнешь, Лида? – спрашивает он. – Давай я обниму тебя немного?

Весь дрожа, он кладет руку на плечо девушки.

– Лучше побежим и согреемся! – говорит она, высвобождаясь из-под его руки, и легко, как птица, срывается в бег – вверх по уклону дороги. Вот уже белеют перед ними в слабой дымке рассвета стены домов Вельбовки, закрытые ставни окон. Быстро светлеет восток, одна за другой гаснут звезды. Лида что есть сил мчится по лесному шляху.

– А ведь ты и впрямь убегаешь от меня, Лида! – задыхаясь от бега, выкрикивает Вениамин и ловит девушку за руку.

Так, рука в руке, они и бегут дальше. Вот и дача Лиды, деревянные ступеньки веранды, спящие окна.

– Спасибо, что проводил! – она протягивает Вениамину его пиджак и вдруг хватается за голову. – Ой! Я забыла у вас шляпку!

Прекрасно лицо девушки в предрассветном полумраке, в лесной тиши, под звездами, меркнувшими в темной высоте. Помнишь ли ты, дорогой читатель, эти чудные ночи – летние, короткие? Помнишь ли печальную девичью улыбку, блеснувшую тебе из робкого сумрака первых минут рассвета, улыбку, которая прошивает грудь, чтобы взорваться в самой глубине сердца?

– Принесу я тебе твою шляпку, – говорит Вениамин и добавляет, видя, что она собирается ускользнуть от него за дверь: – Лида, неужели тебе совсем нечего мне ответить?

И она приближает к нему лицо, и произносит в свете последних звезд жесткие, безжалостные слова:

– Вениамин, ты должен выкинуть это всё из своего сердца. Слышишь? У меня есть парень в Ленинграде...

Несколько шагов по веранде, легкий стук в оконное стекло, звук отворяемой двери... ушла Лида.

У меня есть парень в Ленинграде, только не забудь принести шляпку! Хватит! Конец тоске, бессоннице и стихам в прозе! А ты, бедняга Вениамин, еще

валялся перед нею в дорожной пыли этой туманной ночи, расстилал мечты своего сердца под ее стопами!

Маленькая девичья фигурка вдруг появляется перед ним из темноты.

– Дядя Вениамин, это ты?

– Глаша? Откуда ты взялась, Глаша?

– Охраняю огород. А еще надо мне навестить пару белок на одном дереве.

Глашин взгляд остер и внимателен, под полотном рубашки – два бугорка, подарок Создателя, лицо и босые ноги черны от загара, в рассветном мороке поблескивают льняные волосы.

Вениамин стоит и молчит. Приятен его душе вид этих льняных волос – первый утренний свет красит их в темное серебро. Издали слышится птичий свист – глашатай утренней побудки. Постепенно рассеивается туман сумерек – доброе утро!

– Дядя Вениамин, ты просто должен увидеть этих рыжих белок! Смотри, у меня орехи...

Она разжимает кулак – на ладони несколько орехов.

– Эти белки слышат меня издалека. Я еще не подошла, а они уже вылезают из дупла и ждут. Берут прямо из рук! Идемте, я покажу!

– Как хорошо, что я встретил тебя, Глаша! Бродил наугад, как слепец в лесу, и вот – ты...

– Она обидела тебя? – вдруг спрашивает девочка.

– Кто?

– Тетя Лида.

– До свидания, Глаша. Тебе нужно выучиться читать и писать. Нехорошо, когда такая взрослая девушка неграмотна.

– Кто ж меня выучит?

– Что, нет здесь в Вельбовке школы? Хорошо, попробую найти тебе учителя.

Утренний свет завладевает миром. Громкий птичий посвист слышится отовсюду. Вениамин пускается в обратный путь. Прощай, Глаша!

Он выходит на шоссе, ведущее к Гадячу. Его встречают последние звезды, утренний туман и бледнеющий месяц. Вдруг до ушей Вениамина доносится женский смех – видимо, сдерживаемый, но безуспешно. Приглядевшись, он различает на дороге очертания обнявшейся пары. Вениамин сворачивает на обочину и прячется за кустами. Действительно, это Соломон и Клава. Они укрыты одним пиджаком, ноги их заплетаются. Прижавшись друг к другу, они проходят мимо, и Вениамин улавливает обрывок рассказываемого Соломоном анекдота. Поистине, неиссякаем этот фонтан.

Смех на дороге. Смех и губы, сливающиеся в поцелуе. На востоке разгораются огненные полосы – нащупывающие мир пальцы большого света. За рекой проступают очертания еврейского кладбища. Наполовину скрытая от глаз, видна за деревьями святая гробница. В ее оконце мигает слабый, едва теплящийся огонек. Сквозь годы и поколения мерцает малый язычок пламени на могиле Старого Рабби.

Вениамин спускается к реке и ныряет в ее студеную поутру воду.

Глава 5

Через десять дней, в начале сентября начинаются занятия в институте. Конец каникулам, прогулкам в лесах Вельбовки, купанию в реке Псёл, конец сердечным заботам. Мать Вениамина возвращается в Харьков, в дом его брата Шимона. Семейство Эйдельманов тоже скоро уезжает в Ленинград, до их отъезда Вениамин должен еще закончить пять чертежей для Степана Борисовича.

Лето еще не кончилось, далеко до осенних дождей. Беленые деревья в садах сгибаются под тяжестью налитых плодов. Глаз радуется при взгляде на огородные грядки. Овощи созрели. Уже пожелтела картофельная ботва. Круглятся капустные кочаны, топорща свои свежие листья наподобие слоновьих ушей. Красивыми рядами выстроились курчавые морковные хвостики; под ними прячутся в земле сочные розовые корнеплоды.

Нет, еще не закончилось лето, еще уготовано Гадячу несколько счастливых деньков, еще голубы небеса, ласково греет солнце, и не унялась веселая суматоха на речном берегу. Много еще там купальщиков. Здесь же и Вениамин со своими двумя подружками. Он учит их плавать, радуясь успехам Сарки Гинцбург – наиболее способной из двух учениц. В это лето Вениамин часто общался с этой курчавой черненькой девочкой, дочерью кладбищенского служки. Обычно она приклеивалась к нему и к Тамарочке по дороге на берег. Потихоньку-полегоньку Вениамину удалось научить девочек справляться со страхом глубины. Вот слышится команда: «Раз, два три!» – и Вениамин с девчонками дружно прыгают в воду рядом с берегом – там, где плещется малышня и снуют шустрые мальки. Затем они долго плывут к середине реки, стараясь во всех деталях следовать правилам и особенностям стиля под названием «кроль», а когда устают, ложатся на спину и отдыхают, уставив взгляды в голубое высокое небо. Тамара тоже неплохо выучилась плавать.

В небе гуляет солнце, его сияние разлито на полях и на речке. На берегу кутерьма, уютные речные волны лижут песок. Как прозрачна вода! Ты выходишь на берег, и кожа подрагивает от речной прохлады, а волосы слиплись во влажные стрелки и косички. Ты спешишь улечься на теплый песок и замираешь так на несколько минут. Солнце постегивает тебя по спине легкими щелчками лучей.

А что же Соломон? Со дня праздничной вечеринки Вениамин видел его лишь изредка. Целыми днями спит Соломон сном усталого труженика, уткнувшись лицом в подушку. Он лежит в постели, завернувшись, как в кокон, в бело-голубое летнее одеяло. Тишина в доме, лишь изредка доносится от кровати Соломона громкий и отчаянный всхрап.

Бабушка Песя ходит по дому на цыпочках и вздыхает. Что за зараза прилипла к ее дорогому Шлеймеле, Боже милостивый? Вот уже обеденное время, скоро вернется с рынка Хаим-Яаков, да и Рахель вот-вот придет из конторы, а этот только-только пробуждается от сна, стягивает с головы бело-голубое одеяло, а потом лежит еще некоторое время, потягиваясь, зевая и выкуривая одну за другой несколько папирос.

– Что ты все разгуливаешь по сонным мирам, Соломон? – наконец не выдерживает Песя. – Время умываться и обедать. Скоро день кончится.

Соломон встряхивается и начинает одеваться. Затем наступает очередь бриться. Он бреется ежедневно и при этом прихорашивается, укладывает прическу и душится одеколоном. Но вот проходит обед, еще не начали удлиняться дневные тени, и оп!.. – исчез Соломон, как и не было его в доме. Бабушка Песя вздыхает среди своих домашних забот. Наступает вечер, появляются звезды, проходит еще несколько часов, часов тишины и ожидания. Дом погружается в сон, в темных углах бродят тоскующие тени. Только доносится

иногда печальный вздох с материнской кровати: Соломона-то всё нет! Но вот сереют окна, со двора слышен крик петуха, звон пустых ведер и шум воды у колодца; скрипит по переулку телега, новый день прокладывает себе путь... – и только тогда – только тогда! – появляется в доме парень, похожий на крадущегося вора, растрепанный, неопрятный, с кругами под глазами. Он проглатывает завтрак, как голодный бес, сбрасывает одежду, заворачивается с головой во все то же бело-голубое летнее одеяло и затихает. Приятных снов тебе, Шлеймеле!

Но, дорогие друзья, что такое происходит с Соломоном? Неужели Клава Боброва причиной этому несчастью? Ведь она как-никак мужняя жена. Мужняя жена и молодая мать...

Кстати, муж, инженер Бобров, взял на заводе месячный отпуск и собирается приехать в Вельбовку, отдохнуть с женой и ребенком. Сегодня рано утром он приезжает на поезде в Гадяч, и Клава идет встречать его на станции.

Об этом Соломон рассказывает Вениамину, в то время как тот трудится над чертежами. Наконец-то получилось у них перекинуться словечком. Сидит Соломон в комнате друга и повествует о жарком костре, который может вспыхнуть только между мужчиной и женщиной.

Всё началось с того дня, когда он провожал Клаву с той вечеринки. Она выпила тогда больше, чем следовало бы, а может, опьянили ее танцы и праздничная кутерьма. Кутерьма и звезды, мерцающие меж кронами деревьев. Звезды и ласковый прохладный ветерок. После вечеринки они долго гуляли в лесу, пока не зашли в укромное место между кустов. Гуляли и смеялись без удержу – молодые, полные желания и немного пьяные. Каждое дерево кланялось им в ту ночь, каждый полевой цветок посылал свой скромный привет. И вот захотелось им присесть, отдохнуть в том укромном местечке. Соломон расстелил пиджак на мягкой траве:

– Сядь, передохни.

Она засмеялась и на это – всё казалось ей в ту ночь смешным. Клава села на пиджак, и птичий щебет пролился на них сверху с верхушек сосен.

– Действительно, ноги устали, – сказала она и сбросила свои выходные туфли на каблуках.

Как ему помнится, он рассказал еще один анекдот, и Клава снова расхохоталась. Смех – и гром свиста и щебета, утренней молитвы лесных птиц. Туфли стояли рядышком, как две сиротки; Соломон взял одну и принялся поглаживать, стараясь унять сильное биение сердца. Ну, а потом... потом он погладил и ее – замужнюю женщину со светлыми глазами и манящим ртом.

– Что ты делаешь, Моня? Это невежливо, Моня... перестань!

Теперь она уже не смеется – она отталкивает его, она сопротивляется. Но действительно ли она вкладывает силу в это сопротивление? Не забывает ли она на какое-то время необходимость оттолкнуть Соломона и встать на ноги?

Так вот и пришел черед этим чудесным ночам, лесным ночам августа, когда звезды падали между сосновыми кронами, и ночная прохлада разжигала еще больше желания, и лес слушал их горячий шепот, шутки, смех и звук поцелуев, легких, как летняя паутина.

Все это поведал теперь Соломон своему другу. И вот приехал муж. Он сейчас в Вельбовке, а значит, пришел час платить по счетам. Соломон, грешная душа, мог бы отделаться смешком, в очередной раз осквернить уста бородатым и похабным анекдотом и на том закончить дело. В конце концов не ему отвечать перед мужем. А Клава... что ж, Клава что-нибудь придумает – у женщин, как известно, есть свои хитрости.

Но нет, Соломон и не думает рассказывать анекдотов, далеки сейчас его мысли от пошлостей. Вот сидит он перед Вениамином, под глазами круги, и нет на

нем лица. Сидит и говорит очень странные вещи. Они с Клавой решили рассказать мужу обо всем! Клава разведется, потому что они с Соломоном любят друг друга и не хотят расставаться. А он, Соломон, переведется в какой-нибудь ленинградский институт, чтобы закончить обучение там.

Он смотрит в зеркало и видит там расстроенное лицо. Берет бритву, намыливает подбородок и щеки, соскребает с них отросшую щетину. Неужели он действительно собрался идти в Вельбовку на разговор с обманутым мужем, да еще и в самый первый день его приезда? Не лучше ли переждать, пока гроза немного уляжется?

Напрасно Вениамин пробует отговорить друга – тот не слушает. Словно прошел парень через сильную встряску и теперь не может найти себе места. Он повязывает голубой галстук, причесывается, брызгает на себя одеколоном и выходит из дому.

Вениамин же продолжает работу над чертежами – их нужно уже завтра отнести Степану Борисовичу. Его мать проводит утро на кухне – варит сливовое варенье. Баночки варенья из вишен, смородины и груш уже готовы к дальней дороге. Сегодня очередь слив. Часть банок заберет с собой Вениамин, остальное мать увезет в Харьков, в дом старшего сына. Уже три года после смерти мужа живет она у старшего, и что говорить, там тоже есть свои особенности отношений между людьми... Но в любом случае несколько баночек варенья не могут эти отношения ухудшить. Да и полпуда лапши были бы совсем нелишними. Завтра Сара Самуиловна намерена пригласить Эстер и ее дочь, продающих лапшу собственного изготовления.

Сара Самуиловна вносит в комнату медный тазик с готовым вареньем; лицо ее покраснело от жара плиты. В тазике поблескивает черное прозрачное варено. Отдельно – мисочка с пенкой: при виде этой душистой сладости тоже вряд ли кто станет презрительно кривиться. По крайней мере, так полагает маленькая Тamarочка. Она будто случайно забегает в комнату, и Сара Самуиловна немедленно угощает девочку.

– Тамарке, почему ты так не любишь пенку от варенья? – улыбаясь, спрашивает Вениамин.

– Не люблю? Еще как люблю! – отвечает Тамара, уплетая за обе щеки.

Близится начало занятий в школе. Тамара идет в четвертый класс, а, как известно, четвертый класс это вам не шуточки.

– Ты уже приготовила учебники?

Нет, новые учебники выдают в школе первого сентября. Но мама уже купила ей десяток тетрадей, карандаши и новый портфель. Так что небольшое хозяйство Тамары в полном порядке. Для игрушек и книг есть у нее в столе отдельные ящики, причем учебникам отведено одно место, а книжкам для чтения – другое.

В комнату заглядывает Рахель, и Сара Самуиловна приглашает ее на чашку чая. Рахель пробует свежее варенье, ей нравится вкус, и лицо пожилой женщины вспыхивает от радости. Разговор сворачивает на Соломона. Его нынешнее поведение не нравится сестре. Бегает без отдыха целые ночи, гоняется за ветром, а глаза матери плачут от боли.

– Боюсь, что тут замешана девушка, – замечает Вениамин. – Есть у Соломона слабость к прекрасному полу.

Нет, Рахель серьезно обеспокоена происходящим. Пусть хоть весь год гоняется за юбками, но те несколько дней, которые он проводит дома, хорошо бы посвятить родителям, оставив глупости в стороне.

Сара Самуиловна совершенно с нею согласна. Дети в наше время... Есть у нее, у Сары Самуиловны, своя сердечная печаль. В муках они рождаются, ты их

кормишь и пестуешь, переживаешь за них дни и ночи, но вот приходит время – и они разлетаются от тебя на четыре стороны света. Ждешь почтальона, как машиаха¹, но проходят дни, и недели, и месяцы, а ты получаешь одно лишь расстройство. Что тебе остается? Ложись к ночи на свое холодное ложе, да и лежи там без сна с открытыми глазами – одинокая стареющая вдова.

– Дети в наше время... – начинает Сара Самуиловна и... замолкает.

Она всегда немногословна – скажет полслова и всё, молчит. И письма ее такие же – короткие и обыденные.

«Дорогой Вениамин, получила твою открытку. Все мы тут здоровы. Майку, которую ты забыл в Харькове, я положила в надежное место, и ты получишь ее, если будет на то воля Божья, когда представится такая возможность. Каждое твое письмо – большое мне утешение. Пожалуйста, не забывай свою любящую маму».

Тамара выбегает в переулочек по своим делам. Сара Самуиловна собирает со стола чашки и выходит на кухню. Седьмой час вечера. Вениамин возвращается к чертежу – есть еще у него полчаса дневного времени.

И тогда в тишине комнаты слышится голос Рахели. Она собирается переехать из Гадяча в город побольше. Ведь что она видит тут? Разве это жизнь? Да, летние месяцы не так плохи – хотя бы какое-то движение. Но зимой? Улицы завалены снегом; он лежит на крышах, на деревьях и будто парализует всю жизнь. Городок замирает, и тяжелы тогда дни и ночи.

– Господь с тобой, Рахель! Разве нет у тебя здесь любимого человека? Неужели ты чувствуешь себя настолько одинокой?

Нет, нет у нее никого. Был когда-то, несколько лет назад, но уехал в Киев и там женился. А что будет с нею? Годы-то идут, а женский век короток. Вот если бы Вениамин мог найти ей какую-нибудь должность в столице – хоть какую, для начала. Говорят, что там требуются счетоводы. Ее нельзя назвать очень опытной работницей, но в Гадяче Рахель служит уже несколько лет и кое-чему научилась. Она просила помощи и у Соломона, но тот не одобряет ее намерения уехать. Почему? Говорит, что это преступление – оставлять здесь родителей одних.

– А что говорят сами старики?

– Мама считает, что я должна ехать. Мол, делай, дочка, как тебе лучше.

Такова, мол, наша родительская доля. Птенцы опереются и вылетают из гнезда в большой мир.

– А что будет с Тамарой?

– Оставлю ее пока в Гадяче. Мама согласна.

Две слезинки блестят на ресницах женщины. Вениамин поспешно заверяет ее в своей готовности помочь. Что и говорить, не все хорошо в доме Фейгиных. На первый взгляд, это дружная, крепкая сбитая семья, в которой царит мир и согласие, но если заглянуть за ширму... Вот возвращается из столицы сын, и тут же слетаются к нему со всех сторон сердечные приветы: добро пожаловать, Шлеймеле! В доме праздник, светлые деньки. Мать готовит его любимую еду, вся семья усаживается за столом и ведет дружескую беседу. Казалось бы, все прекрасно.

Чепуха! Проходит несколько дней, и где он, Соломон? Слоняется дни и ночи неизвестно где, бегаёт за юбкой замужней женщины, которая к тому же и не еврейка! Мало того, что сам лицом осунулся, так еще и матери морщин прибавляет.

¹ Машиах – (спаситель, избавитель, помазанник) – потомок царского рода Давида, который, согласно иудейской вере, придет в будущем, дабы окончательно избавить от зла и от бед Израиль, а с ним и все человечество.

Или взять дочь. Тут тоже нет радости. Выскочила смолоду замуж – юная, легконогая девочка. Прошло совсем немного времени, и вернулась домой – заплаканная, испуганная и еле живая. Оказался муж на поверку грубым невежей, скупцом и еще черт знает чем! Но, может, не так уж и плох был он. Может, просто не сумел понять юной жены, ведь сам он был старше нее на целых десять или даже двенадцать лет. Может, мечтала девушка о чем-то туманно-красивом, а столкнулась с повседневностью незнакомого дома, упреками мужа и ворчанием свекрови. Так или иначе, но в страхе сбежала Рахель к родителям, и там уже появилась на свет дочка Тамара. И вот – минуло еще несколько лет, а она по-прежнему в том же родительском доме, одна в целом мире.

Нет, определенно не все в порядке в семействе Фейгиных!

В переулке сгущаются сумерки. Вениамин завершает работу и собирает инструменты.

– Давай выйдем ненадолго, Вениамин, – просит его мать. – Я хочу поговорить с Эстер относительно лапши.

Сразу предостерегаю вас, дорогие читатели, от каких-либо сомнений в важном деле изготовления лапши для дачников Гадяча. Возможно, это одна из причин, по которым устремляются сюда отдыхающие из столиц и больших городов. Когда подходят к концу беззаботные дни лета, мужчины меняют легкие летние штаны на брюки рабочих буден, женщины повязывают свои обычные передники, и начинается процесс варки, сушки и выпечки, упаковки и увязывания. Самые лучшие дары земли укладываются в мешки и чемоданы для отправки в город. И плоха та хозяйка, среди банок и свертков которой не окажется хотя бы одной пачки еврейской лапши, изготовленной руками старой Эстер!

Эстер и ее дочь занимались тем, что в летнее время ходили из дома в дом, изготавливая лапшу. Да-да, всемогущий Господь, есть и такая профессия у дочерей Израиля! И ошибается тот, кто полагает, что это легкая работа, которую можно делать как Бог на душу положит!

Вот, допустим, разбиваешь ты яйцо... – кстати, кто-нибудь из вас занимался ли когда-нибудь ремеслом разбивания яиц? Я уже вижу ваши усмешки: подумаете, разбить яйцо, что тут такого? Тоже мне, профессия! Скажи еще, что для этого надо окончить университет! Секундочку, дорогие, не торопитесь с выводами. Ведь когда яйца разбивают над миской, то достаточно малейшей ошибки, чтобы прахом пошли и труд, и наработанное прежде сырье, во всем богатстве его белков и желтков. Представьте себе, что одно из сотни яиц оказывается тухлым и вы с разгону вливаете его в одну миску с хорошими. Вряд ли тогда кто-нибудь, включая и меня, обрадуется вкусу получившейся лапши. Вонючая лапша? Спасибо, не надо. Так что, давайте возблагодарим Господа за то, что Эстер и ее дочь хорошо знакомы с искусством разбивания яиц. Прежде чем пустить яйцо в дело, они тщательно изучают его достоинства и недостатки над отдельной мисочкой. В лапшу идут только самые лучшие!

Вениамин познакомился с этими двумя женщинами еще в прошлом году и даже имел беседу с младшей из них, семидесятилетней Нехамой, дочерью Эстер. От нее-то он и узнал этот секрет. Вдобавок к развитому воображению и любви к чтению, Вениамин унаследовал от родителей еще и ненасытное еврейское любопытство. Ведь, если вдуматься, то какое ему дело до этой лапши?

Главное – замес! Так объяснила Вениамину Нехама. Если вы думаете, что женщины зря берут за работу пятнадцать рублей в день, то вам достаточно посмотреть на замес, и вы сразу убедитесь в обратном. А нет – так, пожалуйста, сами подойдите к миске и попробуйте свои силы! Напомню: все это происходит летом, в жару, и вокруг летает туча мух, комаров и прочих жалящих, кусающих и кровососущих существ, весьма почему-то охочих до *локшен* – еврейской лапши, и

пот заливает глаза, а руки и лодыжки обнажены и беззащитны. Муха – враг упрямый; она жужжит и кусает, жужжит и сосет кровь, жужжит и вертится над ухом. Добавьте к этому еще раскатывание теста, сворачивание листов и тонкую работу разрезания – и тогда, может быть, вам станет примерно ясно, что такое лапша и что значит ее приготовить.

Так говорит Нехама. А пока что Вениамин и его мать шагают по улицам Гадяча к дому Эстер, мастерицы лапши. Они проходят по Полтавской, сворачивают на Ромнинскую, а оттуда – в переулок, где стоит покосившийся домик Эстер. Старая хозяйка, опершись на палку, сидит на дворовой скамейке. Жар угасающего дня греет ее прорезанное морщинами, медное от загара лицо. От глубоких борозд на лбу и щеках во множестве разбегаются более мелкие канавки, а от них – и вовсе едва заметные тропки, которые теряются в тени.

– Добрый вечер! – говорит Сара Самуиловна и садится на скамейку.

– Добрый вечер! – повторяет за ней Вениамин и тоже садится.

Старая Эстер медленно переводит на них взгляд и молча кивает.

– Мы по поводу лапши... – робко говорит Сара Самуиловна.

Эстер слегка поворачивает голову в сторону дома и кричит:

– Нехама!

Ее голос неожиданно силен и полон энергии. Может быть, в этом командирском голосе, в его силе и энергии, и заключается секрет ее девяностолетнего возраста. Не будь этой силы, что помогло бы Эстер до сих пор жить, готовить лапшу и властно повелевать своим небольшим царством? Вот уже семьдесят лет, а может, и больше, каждый летний вечер восседает Эстер, мастерица лапши, на скамейке во дворе своего дома. Было время, присоединялись к ней и другие женщины. Сиживали рядом и дети – малые птенцы, которые росли и росли из года в год. Но время текло, прорезая морщины на лице Эстер, и одна за другой отходили в мир иной еврейские женщины, ее соседки по скамье. Выросли, разлетелись дети, опустело пространство вокруг нее и ее вечной скамейки. Но по-прежнему сидит во дворе летними вечерами Эстер, мастерица лапши, сидит, опираясь на палку, и жар угасающего дня гладит ее морщинистое загорелое лицо.

– Откуда вы приехали в Гадяч? – спрашивает она Сару Самуиловну.

– Я из Харькова, а сын учится в столице.

Старая женщина задает еще несколько вопросов, и тон их не подразумевает уверток и возражений. Приходится Саре Самуиловне вкратце излагать историю своей жизни. Вот, мол, три года назад овдовела, дети разъехались по разным городам. Теперь она проживает в Харькове у старшего, женатого, а летом приехала к младшему в Гадяч. Вот вроде и всё. Но пронцательная старуха задает еще один точный вопрос, и разговор сворачивает на большую тему взаимоотношений с харьковской невесткой. Позвольте, неужели это молчаливая по природе Сара Самуиловна? Если так, то с чего это она вдруг выплескивает всю обиду своего наболевшего сердца в морщинистые уши старой Эстер, которую видит впервые в жизни? Странен, что и говорить, женский характер.

Как могут малые, казалось бы, вещи отравить жизнь человеку! Невестка ежемесячно выдает ей четыреста рублей на ведение хозяйства. Разве достаточно такого количества, чтобы накормить четверых? И куда только уходит вся их зарплата? Ведь Шимон, ее старший сын, да продлятся его дни, работает инженером и получает тысячу двести в месяц. И все это рассеивается, как сон! Потому что невестка только и знает, что театры, танцы, вечеринки, портнихи и красивые тряпки. А тут вдруг взяла и купила за сто пятьдесят рублей картину для украшения стены, а на картине бурное море и парусник в волнах. Сто пятьдесят

рублей! Сколько денег уходит на эту чепуху! А стоит раз в сто лет сделать какое-нибудь замечание – всё! Пиши пропало. Есть у невестки обыкновение наказывать свекровь молчанием. Когда простой человек сердится, то кричит или ругается, а эта – нет. Эта губы сомкнет и всё! Ни звука! Не говорит ничего, не отвечает – так что свекрови остается только плакать в своем уголке.

Эстер, мастерица лапши, слушает рассказ Сары Самуиловны и качает головой. И верно, нет ничего нового под солнцем: часто приходилось старухе слышать подобные истории. И двадцать, и шестьдесят лет назад. Уж больно много еврейских женщин разных поколений сживали рядом с ней на этой скамейке. Кто не знает, как горька судьба вдовы? Но знает Эстер и о том, как тяжела подчас рука свекрови. Помнит она и о слезах молодых невесток, которые, как ласточки, должны сразу после свадьбы вить собственное гнездо, да при этом еще и петь. И был бы прекрасен мир, и беззаботна жизнь человеческая, если бы не свекровь, старая, чужая женщина, чьи руки вечно заняты работой, а лицо неприветливо, темно и неулыбчиво. Лишь попреки и требования слышишь от нее...

Да, немало такого слышали ее уши за долгий век. Опершись на палку, сидит Эстер на своей скамейке, качает головой.

– Надо тебе немного уступить, дочка, – говорит она. – Таков уж этот мир. Молодые и малые выходят вперед, а мы должны освобождать им место. Пройдет немного времени, придет и по их душу новая молодежь. Крутится колесо, ничего не поделаешь.

Эстер снова поворачивает голову к дому и кричит:

– Нехама! – кричит громко, требовательно, властно, а потом, не дождавшись ответа, хмурится и сердито добавляет: – Наверно, возится там с ужином. Ползает, как червяк!

– Я зайду к ней поговорить о лапше, – говорит Сара Самуиловна и поднимается со скамейки.

Вениамин остается со старухой. Ее раздражение мало-помалу утихает. Мягкие шаги вечера звенят в темнеющем воздухе. Вот вышла первая звезда, но небеса еще светлы, и дневная смесь ярких цветных пятен постепенно бледнеет в преддверии темноты.

– Бабушка Эстер, – осторожно говорит Вениамин. – Здесь в Гадяче много лет назад был похоронен рабби Шнеерсон. Помнишь ли ты людей, которые видели его похороны?

Она долго молчит, прежде чем ответить. Вопрос Вениамина сиротливо порхает в воздухе, не находя пристанища. В переулочек залетает легкий вечерний ветерок и треплет кроны ближних деревьев. Чуть слышно перешептываются ветви. Туман наползает на небесный купол, откуда-то издали слышна печальная украинская песня.

– Помню, – говорит Эстер, мастерица лапши, – как не помнить? Моя бабушка была тогда молодой, она и рассказала...

Тем вечером довелось Вениамину услышать из уст этой дряхлой женщины несколько полузабытых историй о Старом Рабби Шнеуре Залмане. Августовский вечер в Гадяче. Тишина. Какое-то время в переулочке еще слышались смех и восклицания играющих детей, но вот смолкли и они, и ночь легла на мягкие шорохи отходящего ко сну города. Лишь где-то в сторонке, на Ромнинской, главной улице Гадяча, возле кинотеатра прогуливались, лузгая семечки, компании парней и девушек.

В памяти Вениамина осталось несколько рассказов старой Эстер. Вот они перед тобой, читатель: «Смерть рабби», «Для детей дома Учителя», «Похороны» и «Иди-себе-Авигдор».

Смерть рабби

Когда настали трудные времена и армия Наполеона вторглась в Белоруссию и достигла городка Ляды, где проживал в то время Старый Рабби, собрал реб Шнеур-Залман своих домашних и двинулся на юг, подальше от войны. В одной из деревень, называемой Паны, почувствовал он приближение смерти и возлег на смертном одре, отвернувшись лицом к стене, и не было с ним никого, кроме старого служки. Все его близкие стояли в тот час снаружи, обратив лица к небесам и читая псалмы. А дело было зимой, январь, конец месяца Тевет, и мороз жуткий.

И когда вознеслась к небесам чистая душа рабби, послышался оттуда звук, похожий на стон – как видно, стон самого Господа, да будет благословен. И объят был народ из конца в конец страхом великим, смятением и паникой, криками и рыданием. И поднялся ужасный ветер, и вой, и свист, и принес он на крыльях своих столько снега, что всё окрест покрылось толстым белым ковром – и люди, и мир.

В тот же день долетела горькая весть до ближних местечек, и устремились в деревню Паны люди со всех сторон, из городов Прилуки, Конотопа, Сумы и Ромны. И стали представители этих общин спорить за право похоронить рабби на своем кладбище. Вышел тогда старый служка к людям и сказал:

– Тихо, вы все! Перед тем, как отлетела душа святого рабби, произнес он одно и только одно слово. И слово это: Гадяч!

И тогда вынесли тело рабби из деревенского дома, уложили на сани, на мягкую солому и повезли в Гадяч. И народу, который шел за санями, все прибавлялось и прибавлялось, пока не стало много до необозримости. А когда сани проезжали через населенное место, то лавочники закрывали там свои лавки, ученики прекращали учебу в хедере, портной откладывал иголку, а сапожник шило, и все выходили провожать Старого Рабби. И повсюду, где проезжали сани, слышались скорбные молитвы и плач.

И по-прежнему дул ураганный ветер, и мороз жег людей смертным холодом в полях и на дорогах.

Для детей дома Учителя¹

Когда процессия достигла города Ромны, то все его население вышло на улицу, от мала до велика. И был там один подросток по имени Лейбка, сын бедной вдовы, еще не достигший тринадцати лет, возраста бар-мицвы. Услышав о шествии, он выбежал из хедера на улицу и сначала услышал шаги тысяч людей, а потом и увидел огромную толпу евреев, которые в полном молчании шли за санями, и каждое лицо было искажено горем, и в каждом сердце – скорбь. Сани остановились у главной синагоги города, тело рабби внесли внутрь и положили там на *биму*, возвышенное место. Было зажжено множество свечей, и плачущий хазан спел молитву «Эль мале рахамим» – «Бог, исполненный милости». И все, кого смогла вместить синагога, слушали хазана и смотрели на биму глазами, полными слез. А тысячи остальных стояли снаружи, и ждали, и тоже плакали. Но юный Лейбка был ловок и проворен и потому смог протиснуться едва ли не к самой биме и увидеть всё то, что увидел, и услышать всё то, что услышал.

¹ Дети дома учителя – талмудическое понятие, подчеркивающее жизненную важность учащих детей для будущего всего народа («Важнее строительства Храма» - Талмуд Бавли).

После «Эль мале рахамим» погребальные носилки вынесли из синагоги, положили на сани и снова пустились в путь. Так продвигалась эта печальная процессия из города в город, из местечка в местечко, из деревни в деревню, с хутора на хутор. Лейбка из города Ромны был из тех подростков, которые делают все, что им Бог на душу положит, не спрашивая ни у кого позволения. Поэтому он присоединился к шествию, твердо вознамерившись проводить рабби до самой могилы. Но одет он был так, как только и может быть одет сын бедной вдовы: рваный тулуп, а на ногах – худые лапти, где дыра на дыре.

Когда отошли уже на несколько верст от города, понял Лейбка, что вот-вот отморозит ноги. Он стал прыгать на месте и стучать ногой об ногу в попытках согреться, но все было напрасно. Безжалостный холод не собирался отпускать свою добычу: он залез под дырявый тулуп мальчика и теперь пробирал его до самых костей, до самого сердца. Лейбка уже не мог унять дрожь, зубы начали стучать, а парень начал скулить, потому что только голос пока еще слушался его. Один из евреев, идущих за санями, обратил на него внимание:

– Что с тобой, мальчик?

– Замерзаю... – отвечал Лейбка сквозь слезы и стук зубовой. Посмотрел тот еврей на бесчисленную массу людей, идущих за санями, на их горе и печаль, на их несчастные лица и сгорбленные спины. Посмотрел на гневное мрачное небо, прислушался к вою и свисту пронизывающего степного ветра, а потом снова перевел взгляд на замерзающего мальчика.

– Отец! – сказал он, оборотившись к саням, на которых лежали погребальные носилки с телом святого рабби. – Отец! Сотвори что-нибудь для детей дома Учителя!

И вот прошла минута-другая – и вдруг унялась буря, и увидел пораженный Лейбка, как осветился весь мир чудным светом, и теплый ветерок овеял замерзшие поля.

И был тот еврей продолжателем дела святого рабби и звали его Дов-Бер, господин наш и учитель, по прозвищу Мителер Ребе, Средний Рабби.

Похороны

В час, когда отлетела душа Старого Рабби, вдруг вспыхнул и затеплился огонек на еврейском кладбище маленького городка Гадяч в королевском лесу на берегу реки Псёл. Бушевали вокруг ветра, и зима заваливала землю непроходимыми сугробами, но ничто не могло погасить этого малого язычка пламени – нет, казалось, на земле такой силы.

Говорили, что была это искра Негасимого Огня Бесконечности, которая спустилась на землю, дабы отметить и освятить могилу Старого Рабби. Когда опустили тело Рабби в могилу, завершив тем самым его земную судьбу, с неба ударил гром. Разверзлась земля, и образовалась в ней глубокая пещера от могилы до речного откоса. И ужасный крик поднялся на кладбище, и многие в панике бросились бежать, решив, что настал конец света.

Потом поставили шатер над святой могилой, окружили его стеной, которая стоит до сих пор, и, взяв огонек, зажгли от него светильник, светильник Негасимого Огня.

И говорится среди хасидов Хабада, что должен гореть этот светильник во веки веков, поскольку теплится в нем душа народа. А в день, когда все же погаснет огонь, явятся в мир ужасные беды и горести народу Израиля, и зло, не виданное прежде; и тьма скорпионов придет на тело народа сего, и не спасутся ищущие спасения.

И по этой причине с тех самых пор и по сегодняшний день тщательно следят хасиды за тем, чтобы всегда горел светильник на могиле Старого Рабби.

Иди-себе-Авигдор

Был некогда доносчик по имени Авигдор, и оговорил он раввина из местечка Ляды перед властями. Схватили Старого Рабби, заковали в кандалы и бросили в тюрьму. Всполошились тогда хасиды во множестве городов и местечек, выбрали несколько представителей и послали их в Петербург, просить за святого человека. И помог им милостивый Господь, и вывели Рабби из тюрьмы, и предстал он перед самим императором Павлом. Поговорив с Рабби и убедившись в его великой мудрости и честности, решил император наказать оклеветавшего его доносчика Авигдора. И был передан Авигдор в вечное рабство, в полное распоряжение Старого Рабби. Посмотрел Рабби на доносчика и сказал: «Иди себе, Авигдор! Лишь раз в году, в двадцатый день месяца Кислев, будешь ты приходить ко мне». Сказал и отпустил на свободу.

А двадцатый день месяца Кислев повсеместно отмечается хасидами как праздник освобождения Рабби из тюрьмы.

Теперь нужно кое-что рассказать о возчике Зерахе, первом муже Эстер, мастерицы лапши. Однажды, как раз двадцатого Кислева, ехал Зерах на своей телеге из Зенькова в Гадяч. Ехал и подремывал, поскольку был слегка под хмельком. Лошади едва тащились. Вдруг возник перед ним на дороге старый-престарый еврей с клюкой в руке и котомкой за плечами, очень похожий на тех, которые живут подаянием.

Но нет, не нищим был тот еврей, и не к дверям городских домов держал он свой путь.

Посмотрел Зерах и увидел, что старик перешел через мост и свернул налево, в сторону еврейского кладбища. Тогда, одержимый неожиданным любопытством, соскочил возчик с телеги и предоставил лошадей самим себе, потому что знал, что не заблудятся они по дороге в домашнее стойло. Уже вечерело, но следы ног старого еврея были хорошо видны на снегу, и Зерах пошел по ним.

Вот миновал старик кладбище и двинулся дальше к берегу реки. Постоял там несколько минут, котомка за плечами, клюка в руке, и вдруг исчез! Озирается возчик Зерах в полном изумлении – нет старика!

Испугался возчик – и в самом деле, где такое видано, уж не призрак ли тот еврей? – однако решил всё же выяснить загадку до конца. Он добрался до того места, где исчез старик, и стал шарить меж кустов, пока не обнаружил дыру, скрытую от глаз и заметную лишь в самой непосредственной близости. Заглянул Зерах в дыру и увидел глубокую пещеру и согбенную спину старого еврея, который пробирался вперед в темноту, время от времени повторяя: «Бог мой, Бог мой, почему ты покинул меня?»

И вот, соблюдая всемерную осторожность, двинулся Зерах за стариком. Идет и глазам своим не верит: уж не сон ли это? Но вот и конец пещере, а в конце – маленькая дверка. Подошел старик к дверке, стучит – раз, другой... И вдруг – голос отдаленный:

– Кто там?

– Рабби, это я, – отвечает старик. – Иди-себе-Авигдор.

Тут уже не совладал Зерах со страхом, выбрался из пещеры и бросился бежать. До дому-то он добежал, но заболел ногами и вскоре после этого умер.

– А ведь был он божий человек и кошерный еврей, мой Зерах, – задумчиво говорит Эстер, мастерица лапши. – Хотя и пил горькую. Она-то его и сгубила.

Умолкла старуха. Они еще сидят какое-то время, слушают, как ночь шепчет и шуршит в переулке. Кое-где еще мерцают огоньки в окнах, но в большинстве домов уже спят.

– Мама, иди ужинать! – слышен во дворе голос Нехамы.

Выходит во двор и Сара Самуиловна. Мать и сын возвращаются домой, путь их окутан тьмой и безмолвием. Тихо и на главной, Ромнинской улице. Лишь рядом с кинотеатром еще сидят парни и девушки. Сидят, лузгают семечки.

Глава 6

Насилу вырвавшись из рук проказливых девчонок, Вениамин поплыл к берегу. Вот ведь чертовки! Лежит себе молодой человек на спокойной поверхности реки, весь во власти своих мыслей и мечтаний. А рядом две девчонки, Тамара и Сарка, плещутся и шумят, начисто потеряв страх глубины. С затаенной завистью следят за ними с берега девочки в круглых белых панамках: им доступны лишь скучные игры в песочек. И вдруг, ни с того, ни с сего, как одержимые бесом, набрасываются Тамара и Сарка на Вениамина, толкают и щиплют, щекочут и обливают потоками воды, и слепят, и притапливают, и еще черт знает что! А женщины и дети на берегу смотрят и посмеиваются. Делать нечего – приходится Вениамину включаться в игру и организовывать контрнаступление на двух разбойниц – и вот в воздух поднимаются фонтаны воды, слышится визг и хохот. Когда, ускользнув наконец от юных чертовок, он выходит на берег и падает на песок, то долго еще не может отдышаться и унять колотящееся сердце. Вениамин быстро переодевается; у него чудесное настроение, и он не видит причин отказать себе в удовольствии спеть короткую песню, веселую и радостную, такую, что может вместить весь мир. Вселенная лежит у его ног. Прекрасно летнее утро на берегу реки: голубой купол небес, радостный блеск солнца и синий венчик горизонта.

Вениамин быстро переодевается; нет у него времени на девчоночьи шалости. Сегодня он твердо намерен найти и обследовать пещеру – и будь что будет! Если не врет рассказ возчика Зераха, и если старая Эстер еще не выжила из ума, то где-то поблизости должен быть вход в подземелье Иди-себе-Авивдора.

Сегодня он чувствует себя ученым-археологом, охотником за древними тайнами.

Вениамин минует кладбище и идет дальше вдоль берега. Какое-то время он еще слышит крики купающихся детей, но вскоре вокруг воцаряется тишина. Лишь в траве и на полевых цветах кипит жизнь. Бабочка вспархивает с одного цветка и летит к другому, и все цвета радуги мелькают в быстром взмахе ее крыльев. Стрекохот в траве кузнечики. Необыкновенный покой на душе Вениамина, полной грудью вдыхает он прозрачный душистый воздух. Вокруг него улыбаются в траве ромашки, покачиваются желто-белые гроздьи львиного зева, а слева синееет река в великолепии своих лилий, кувшинок и острых копий зеленого тростника.

Но вот и кусты... те ли, о которых рассказывал Зерах? Время забыть о глупостях – начинается серьезное дело. Вениамин мысленно размечает площадку квадратами два на два метра, а затем достает блокнот и в масштабе чертит геодезическую схему. Затем начинаются поиски. Он тщательно обследует пространство между кустами, проверяя каждый квадратный сантиметр, ощупывая каждую ямку. Проходит полчаса... час... два... – упорство Вениамина все еще при нем. Он продолжает методично исследовать размеченные квадраты. Вот остается всего один кусок, покрытый самыми густыми зарослями. Если и там нет пещеры, то останется предположить, что привиделась она возчику Зераху, да будет ему уютно в мире ином. Мало ли чего не нафантазирует себе человек под действием винных паров!

Густо сплетены кусты в этом месте на высоком речном откосе – так, что и земли не видать. С большим трудом продирается сквозь них Вениамин, пот заливаает ему лицо. Он приостанавливается протереть глаза и, с силой раздвинув ветви, просовывает между ними голову.

И вдруг видит вход в пещеру.

Его закрывает такой клубок трав и кустов, что пещеру невозможно обнаружить, пока не подойдешь вплотную. Даже дневное солнце и ночные звезды не в состоянии разглядеть ее – что уж говорить о глазе человеческом.

Вениамин вынимает из кармана фонарик-динамо и протискивается внутрь. В пещере влажная прохлада и темнота. Вениамин нажимает на рычаг движка, и фонарик освещает стены подземелья. Легкое жужжание динамо помогает парню успокоиться. Он пригибается и начинает спускаться в глубь пещеры, считая шаги.

Три шага – два метра. Сто пятьдесят шагов – сто метров. Сделав сотню шагов, Вениамин загибает палец. Спустя два загнутых пальца и еще семьдесят семь шагов он добирается до конца пещеры. Значит, длина ее примерно сто восемьдесят метров.

Луч жужжащего фонарика падает на маленькую дверцу в песчаной стене. Так. Теперь постучать. Раз. Два. Три.

Тишина. Нет ответа. Тогда постучим снова. Раз. Два. Три.

– Кто там? – доносится до Вениамина голос.

Это голос матери, и он идет словно из мира иного. Вениамин открывает глаза и видит женскую фигуру в окне. Утро едва забрезжило; Вениамин лежит на своей кровати. Кому это пришло в голову стучаться в окно в такую рань? Неужели это Вера?

Он вскакивает с постели, второпях натягивает на себя одежду и выходит на улицу.

– Вера, что случилось?

Ее прислала сюда барышня Лидия Степановна. Вениамин должен сейчас же бежать в Вельбовку. Бобров сильно избил этого студента, Соломона, и теперь нужно срочно доставить его в город, в больницу.

На изрытом оспой лице Веры нет и тени сожаления. Напротив, она прикрывает рот кулачком, подавляя радостный смех. Но смех прорывается наружу, домработница уже открыто смеется, подхватывает с земли корзинку и поворачивается уходить – у нее еще уйма дел. Ведь она забежала известить Вениамина по дороге на рынок. Они налетели друг на друга, как два петуха, но Бобров оказался сметливей. Он раздробил Соломону ногу тяжелым колом, а потом выбил зубы и потоптал сапогами.

Вениамин на минутку возвращается к себе в комнату. Еще очень рано, и дом Фейгиных погружен в сон. Парень быстро умывается и выбегает наружу. Тихи и безлюдны в этот час улицы Гадяча. Лишь коровы медленно бредут к постоянному месту сбора, откуда пастух забирает стадо на пастбище. Восточный край горизонта едва только начал краснеть, и над небом еще властвует прохладная темь. Капли росы поблескивают на дороге, на соломе и в уличной пыли, безмолвие окутывает дома и заборы.

Возчик Мордехай, бывший мясник, запрягает лошадь во дворе. Ромнинский поезд прибывает в Гадяч на рассвете, и Мордехай ежедневно встает затемно, чтобы вовремя успеть на вокзал.

– Доброе утро, реб Мордехай! Надо срочно ехать в Вельбовку!

– Чего это вдруг?

– Я должен привезти человека в больницу.

И вот уже крутятся колеса по дороге в Вельбовку. Первая половина дороги идет под уклон, и лошадь проделывает ее рысцей. Возчик Мордехай ведет телегу по краю дороги, чтобы дорожные камни не повредили ободьев. Но за мостом шоссе берет в горку, резвость лошади мгновенно испаряется, и она начинает плестись нога за ногу, причем сбить ее с этого ритма невозможно ни окриком, ни кнутом.

И пока она плетется, шлепая копытами по мягкой пыли, самое время поговорить о грехе и о наказании, а также о любви и ревности, которые подстерегают человеческую душу, как хищный ястреб невинного цыпленка. Можно также порассуждать о том, что может произойти с легкомысленным молодым человеком, который встречает замужнюю женщину, хорошо проводит с ней время и при этом полагает, что делает добро ее мужу. Или того хуже: поскольку все помыслы автора этих строк пребывают со странным нашим народом, который бредет трудной своей дорогой в ущелье слез, то он, автор, охотно использовал бы это свободное время для разговора о еврейском будущем.

Обо всем этом можно было бы написать, пока лошадь Мордехая ковыляет в сторону Вельбовки. Но поскольку этот рассказ представляет собой честную и ничем не приукрашенную хронику событий, то и автору негоже растекаться мыслью по древу; ведь задача его – ни в чем не отклоняться от действительности. А действительность, дорогие читатели, представлена сейчас ранним утром, пыльной лентой шоссе, ведущего из Гадяча в деревню Вельбовка и ленивым меринком Павликом, который принципиально не признает над собой начальства и плевать хотел на кнут и узду.

Есть в ней, в действительности, также возчик Мордехай, который в настоящее время восседает на козлах с кнутом в руке, и лицо его так приветливо и благородно чертами, что невозможно себе представить обладателя такого лица за кровавой работой мясника – мясника, который стоит за прилавком и рубит топором мясо, издавая смачное нутряное «Кха!» при каждом своем ударе. А вот, смотрите, поднимается в действительность солнце, вернее, самый его краешек высовывается из-за восточного края горизонта – но и этого хватает, чтобы немедленно залить радостью всю вселенную, каждое дерево и травинку, каждый цветок и бутон, каждое живое существо и каждое насекомое.

Даже глубокомысленный мерин Павлик отвлекается при виде светила от своих философских раздумий и принимается помахивать туда-сюда метелкой хвоста. Над рекой и долиной еще висит легкая беловатая дымка, но и она начинает таять от прикосновения солнечных лучей, а затем поднимается вверх в голубеющие небеса и после некоторого колебания присоединяется там к облачку необычной формы. Роса, блестящая на растениях, сопротивляется дольше прочих, но и ее гонят прочь удары лучи солнца-повелителя; теперь оно повсюду – на лугах и в долине, в дорожной пыли и на траве; свет и сияние в мире!

Трое поднимаются по шляху: Мордехай, лошадь и Вениамин. Двое последних – самые молчаливые из всей троицы. Мордехай же, в отличие от них, любит поговорить. Сказать точнее, возчик просто не умолкает; слова сыплются из него непрерывно, лишь изредка он останавливает их слитный поток для того, чтобы сплунуть, причмокнуть губами или взмахнуть кнутом. Что ж, такова природа всех возчиков. Мордехай имеет дело не с какими-нибудь сорванцами и вертопрахами, а с живыми существами и за свою жизнь повидал многих людей. Глаз у него острый, пронизательный, с утра до вечера обозревает Мордехай свой небольшой мир. Но значит ли это, что он приходит в уныние, наблюдая запустение Божьего мира? Боже упаси! Есть у возчика Мордехая широкая борода – в ней он и прячет свою улыбку, а то, бывает, закурит папироску, да и сплунет весело: Бог ты мой, всепрощающий! Сколько все-таки подлости в мире Твоем!

Уж кто-то, а возчик Мордехай хорошо знаком с женским характером. Частенько выпадало ему поговорить с дочерьми Евы, и во время мясницкой карьеры, и потом, когда сменил топор на кнут. Да, каждое утро он гоняет своего мерина на станцию, это факт. Зато потом, доставив в город пассажиров и позавтракав, он отправляется на рынок. От дачников Вельбовки каждый день

приходят на рынок женщины закупить продуктов на неделю, набирают столько, что не унести, и бывает, собираются вместе по две, по три, чтобы подрядить Мордехая довести покупки до деревни.

Честное слово, смешно наблюдать за этими дачницами на рынке – как они торгуются, как покупают, как себя держат. Думаете, они умеют торговаться? Как бы не так! Разбрасывают деньги направо-налево, несут в телегу яйца и куриц, масло и сметану, фрукты и овощи, вот уже и полна телега под завязку. С немалым трудом пристраивает Мордехай мешки, корзины и связанных куриц так, чтобы осталось свободное местечко и для клиенток, усаживает всех и вот, наконец, направляет своего мерина в сторону Вельбовки. Только тронулись, как одна из дачниц поднимает крик: ох, совсем забыла купить лук! Приходится останавливаться и ждать, пока женщина спрыгнет с телеги и докупит забытое. Она исчезает в толпе, проходят минуты, проходит полчаса, проходит час!.. – а телега и все, кто на ней, так себе и стоят на солнцепеке, ждут, пока вернется эта красавица и ее луковицы!

Возчик Мордехай сплевывает длинным веселым плевком.

– Но, Павлик! – обращается он к мерину тоном грозного владыки, причмокивает и слегка хлещет кнутом по лошадиной спине. Павлик невозмутимо машет хвостом и продолжает идти в прежнем темпе. Он прекрасно изучил своего хозяина и точно знает, что время спешить и бежать еще не пришло.

Итак, стоит груженная телега посреди рынка, кричат и кудахчут на ней женщины и куры, а ушедшую словно черт прибрал! Клиентки начинают жаловаться и во всем винят почему-то возчика, как будто нет у него большего удовольствия, чем стоять посреди рынка на солнцепеке и смотреть на этих мадам! Но вот наконец появляется пропавшая женщина, и вид у нее такой, будто она только-только вышла из битвы. Лицо ее сияет, а мешок лука свисает с плеча, как военная добыча. Почему сияет, и где она ошивалась все это время? Торговалась, вот где. Именно теперь она решила поторговаться!

Плевок, причмок, удар кнутом.

– Н-н-но, Павлик!

На этот раз Павлик решает не упрячиться. Подъем кончился, впереди лежит ровная дорога. Мерин дергает головой, подается вперед плечом и начинает выше поднимать ноги. Телега трясется на ухабах. Лесная опушка. Утренняя свежесть приветствует ездоков. Возчик Мордехай вдруг умолкает, но не потому, что иссякли слова. Боже упаси! Если человек обладает острым глазом, то неисчислимы те малые, но интереснейшие вещи, которые ему выпадает наблюдать с раннего утра до позднего вечера. Но есть у возчиков, которые годами ездят по одной и той же дороге, свой стиль и своя система. Они и их лошади точно знают, когда надо по этой дороге ехать быстро, а когда еле-еле ползти. Всеу срок и время под солнцем на дороге из Гадяча в Вельбовку. Время гнать галопом и время плестись, время закурить папиросу и время пригорюниться, время говорить и время помалкивать.

Рядом с дачей Степана Борисовича Вениамин соскакивает с телеги. На веранде стоит деревянная раскладушка и с ее приподнятого изголовья смотрит израненное и перевязанное лицо Соломона Фейгина. Рядом, склонив над больным свое гибкое тело, стоит Лида. Вениамин видит ее впервые со дня вечеринки. На веранду выходит Степан Борисович в желтой пижаме с перламутровыми пуговицами, весь чистенький и аккуратный. Наверно, собрался на утреннюю прогулку, которая столь необходима каждому культурному человеку.

– Что произошло? – спрашивает Вениамин. – И что я скажу его матери?

Степан Борисович отводит Вениамина в сторонку и подробно рассказывает ему о происшествии, которое имело место всего два часа назад, на рассвете.

Глаша видела все в деталях. Кто бы мог подумать? Бобров Иван Дмитриевич, хороший знакомый из Ленинграда, серьезный человек с высшим образованием! И вот – обезумел человек, и это еще мягко сказано: набрасывается на какого-то еврейского студента, словно тот неодушевленное существо! Была бы это кулачная драка, еще можно было бы как-то смириться. В конце концов даже за границей случается, что два джентльмена, сбросив пиджаки, выходят на раунд бокса. И он, Степан Борисович, неоднократно бывал свидетелем таких поединков. Там тоже временами разбивались носы и текла кровь. Но те кулачные бои ведутся по определенным правилам, которые никто не осмеливается нарушать, ни один джентльмен! А что сделал Бобров? Схватил кол и стал бить студента смертным боем, буквально смертным боем, ломая кости без разбора и без правил! Есть основания полагать, что, по крайней мере, одна нога сломана – бедный студент не может двинуться с места. И Глаша, свидетельница, утверждает, что даже после того, как студент упал, Иван Дмитриевич продолжал избивать его: бил по голове, расквасил лицо и выломал зубы. Нет, что ни говори, а в вопросе кулачных боев и мужских поединков нам, русским, еще многому следует поучиться у культурных народов! И главное, что явилось тому причиной? Какая его муха укусила, этого Боброва?

Степан Борисович хлопывает Вениамина по плечу, и проницательная улыбка обнажает его искусственные зубы. Не иначе, как тут замешана женщина – так он полагает. И не просто полагает, но абсолютно уверен.

– Папа! – кричит Лида. – Нужно перенести его в телегу!

Мужчины осторожно поднимают раненого – Вениамин и профессор за голову и плечи, возчик Мордехай за ноги – и укладывают его на телегу.

– Вениамин! – говорит Лида. – После того, как отвезешь его, возвращайся сюда. Они тут все с ума посходили – и Клава, и ее муж! Его могут арестовать!

Вениамин видит страх в ее глазах. Несмотря на все разочарования, тянется его сердце к этой бледной девушке.

– Хорошо, – сухо отвечает он.

Телега трогается с места. Из соседнего дома выскакивает молодая женщина в треугольном платочке, кое-как повязанном на растрепанную голову. Она подбегает к телеге и некоторое время идет рядом, внимательно всматриваясь светлыми глазами в лицо раненого. Это Клава Боброва.

– Моня! – говорит женщина. – Монечка...

Соломон поворачивает в ее сторону голову и делает безнадежное движение рукой. Губы его кривятся, будто он хочет что-то сказать, но не слышно ни слова. Во-первых, потому что больно, во-вторых, потому, что сознание своего беззубого уродства причиняет молодому человеку дополнительные страдания.

– Клава! – слышится вдруг грубый мужской голос, голос Боброва.

Женщина испуганно замирает на месте. Возчик Мордехай, хорошо знающий свое дело, причмокивает и стегает Павлика кнутом так, что тот понимает: сейчас упрявиться не следует. Мерин быстро снимается с места, телега летит за ним мимо сосен вельбовского леса. Вот уже скрылась из виду деревня, а мерин все продолжает трудиться, резво перебирая копытами под уклон дороги. Телегу болтает из стороны в сторону, лицо Соломона искажено гримасой боли. Но вот слегка натянуты вожжи, и Павлик, уловив намек, переходит на тихий вдумчивый шаг. Настало время говорить возчику Мордехаю.

– Если не ошибаюсь, – произносит возчик, указывая глазами на Соломона, – это сын резника Хаима-Яакова. Мальчик-забавник...

– Оставьте его, реб Мордехай. Человеку и так плохо.

Но Мордехай, как видно, никогда в жизни не изучал азов дипломатии. Он сидит на козлах, разминает папироску и время от времени выдает выражения, которые далеки от медоточивых. Тоже мне, украшение дней наших! Детки наши святые! Ни тебе Торы, ни тебе ума, ни тебе добрых дел!

Нет, не ходит Мордехай вокруг да около. Привык рубить топором без лишнего умничанья.

– Реб Мордехай! – говорит Вениамин, пытаюсь отвлечь внимание возчика от Соломона. – Ты ведь еще не закончил рассказывать мне про дачниц.

Но в этот момент наступает время курить папиросу, и Мордехай неторопливо закуривает. Да, он не питает особой симпатии к этим коровам, хотя они и дают ему возможность заработать на хлеб. Они приносят на рынок дороговизну и ненависть к евреям. Взгляните хотя бы на то добро, от которого ломится телега Мордехая в жаркие летние дни. Мешки с мукой, крупой, горохом и фасолью; плетеные корзинки всех видов и сортов, а в них – горшки с маслом и молоком, яйца, мясо, помидоры и прочие вещи, которые требуют осторожного с собой обращения; отдельно – арбузы и дыни. И на всем этом – куры! Куры вместе с петухами, которые квохчут, кричат, шумят, а потом замолкают, открыв клювы от жажды. А еще выше, уже после кур – женщины. Женщины с необъятными телесами и огромными задами, которые уже не годны ни на что, кроме проматывания денег, пустой болтовни и прочих глупостей.

«Мадам Рабинович! – говорит одна из них. – У меня создалось впечатление, что у той вашей курицы ослабли путы».

«Ой-ва-авой!» – восклицает мадам.

Но пока она смотрит на курицу, пока сдвигает свой зад с места и протягивает руку в нужном направлении, птица действительно успевает развязаться и спрыгнуть с телеги. Тут же поднимается крик несусветный.

«Стой! Стой! Курица!»

Все три женщины слезают на землю и открывают сезон охоты. Но упрямая курица ловко ускользает от неловких охотниц. Смотреть на это смешно, как в театре. Женщины ходят кругами, пытаюсь окружить беглянку, и при этом приманивают ее всеми возможными средствами. Тут тебе и «цып-цып-цып», и ласковые речи, и чуть ли не молитвы. Но по-хорошему не помогает, и приходит черед ругательств. Пригнувшись и широко расставив руки, а то и подолаи платьев, охотницы загоняют свободолюбивую курицу в окружение. Вот оно вроде как замкнулось, и женщины постепенно сжимают кольцо. Наконец одна из мадам решает, что настало время штурма, и бросается вперед – поймать, схватить, связать! Но курица тоже не дремлет: она открывает клюв, издает боевой клич и, низко наклонив голову, проделывает искусный маневр меж неуклюжих женских конечностей – наружу, в спасительную сень придорожных кустов, где и пропадает из глаз, на сей раз уже навсегда.

Телега минует мост; лошадиные копыта мягко стучат по дощатому настилу. Отсюда дорога идет в гору, и, значит, повторяется трехэтапный ритуал с плевком, причмокиванием и кнутом.

– Н-н-о, Павлик!

Павлик машет хвостом, но делает вид, что не расслышал. Туман над рекой давно уже рассеялся, утро трубит в свой рог, и чистое солнце рассыпает в пространстве мира ослепительные лучи. Глаза Соломона закрыты, он дремлет. Телега медленно поднимается по улице и наконец подъезжает к городскому центру. В Гадяче он не выглядит чересчур многолюдным. Прячется в тени деревьев двухэтажная гостиница. Настежь распахнуты двери пустых магазинов. Лишь одна женщина пересекает площадь с корзинкой в руке.

Мир и спокойствие царят в центре города Гадяч, тишина и покой, благословение Господне.

Телега подъезжает к месту, где заканчивается Ромнинская улица – здесь расположена местная больница. Вениамин идет звать дежурного врача. Проходит несколько минут, и два санитар с холщовыми носилками снимают Соломона с телеги и вносят его внутрь. Затем Вениамину объявляют результаты первой проверки. Левая нога сильно повреждена, возможно, даже сломана – окончательно это выяснится после рентгена. Вызывает подозрения и состояние одного из ребер. На голове две раны: легкая в районе виска и глубокая на макушке. Два зуба сломаны. Больному придется провести в больнице как минимум несколько дней.

На часах уже одиннадцать. По дороге домой Вениамин забегают в контору к Рахели. Они выходят поговорить в городской сад, и там на скамейке он рассказывает ей о случившемся. Всё. Начиная с этого момента, ответственность за Соломона переходит в руки семейства Фейгиных.

Дома Вениамин обнаруживает Эстер, мастерицу лапши, и ее дочь Нехаму. Старая Эстер, опершись на палку, сидит на скамейке во дворе, зато Нехама склонилась над миской и месит, месит, месит. Уже годы как вся домашняя работа, включая изготовление лапши, целиком лежит на плечах Нехамы. Но хозяйкой по-прежнему считается Эстер. Пока жива, правит.

Мать подает Вениамину завтрак. Из хозяйских комнат доносятся звуки поднявшейся там суматохи. Слышен приглушенный женский плач – это Песя, мать Соломона. Другой женский голос утешает. Затем стучит входная дверь – это вернулся с рынка хозяин дома, Хаим-Яков. Все семейство в сборе, теперь они вместе будут думать, утешать друг друга и решать, что делать дальше.

Вениамин садится за чертежи. Безмолвная печаль опускается на мир, лишь звук замешиваемого на кухне теста доносится до его ушей. Не иначе, вся семья отправилась в больницу навестить Соломона. Проходит еще два часа, и в смежной комнате слышится приглушенный разговор, тихое бормотание, будто на цыпочках ходят там голоса людей. И снова плач, сдержанный, горький. Когда Сара Самуиловна, работающая на кухне, входит в комнату по какой-либо надобности, лицо ее серьезно и сосредоточено.

– Вениамин! – это зовет Рахель.

Он присоединяется к семейному совету. Песя стоит в стороне, руки ее делают какую-то домашнюю работу, но губы дрожат. Рахель расхаживает взад-вперед по комнате. Хаим-Яков сидит во главе стола и курит трубку. На лице его – необычная бледность.

Они ходили в больницу, но Соломона не видели. Вениамин вынужден в который уже раз повторить подробности происшествия. Жила-была однажды Клава Боброва...

– Мы должны подать на него в суд! – говорит Рахель.

Она расхаживает по комнате, кулаки ее сжаты. Надо во что бы то ни стало притащить его в суд, этого Боброва! Здесь пока еще советская власть! И Клава тоже виновата.

– Мы должны засадить их в тюрьму! – решительно повторяет она по дороге из одного конца комнаты в другой.

– И чем тебе поможет эта тюрьма? – слабым голосом возражает старая Песя. – Соломон уже в больнице.

Но Рахель твердо стоит на своем: тюрьма, и всё тут! Схватить их, арестовать, заковать в железные кандалы!

– Нужно еще послушать самого Соломона, – вздыхает Песя.

– Лида Эйдельман тоже заинтересована в этом деле, – говорит Вениамин.
– Просила меня зайти к ним сегодня.
Рахель резко останавливается.
– Я пойду с тобой. Хочу посмотреть на этого Боброва.
Закончен семейный совет. Вот только Хаим-Яков Фейгин так и не проронил ни единого слова.

Пятый час вечера. Несколько человек сидят на веранде вельбовской дачи Эйдельманов. Все тут протекает очень вежливо и даже несколько скучно. Стол покрыт чистой скатертью, на ней поблескивает чайник, чашки, блюдца, ложечки, вазочка с прозрачным клубничным вареньем. Шея болезненной хозяйки, Клары Ильиничны, укутана в шерстяной платок. Изредка с вершины одной из окрестных сосен срывается шишка и, с шуршанием миновав хвою, падает на землю. За исключением этого, стоит в лесу глубокая тишина. Дремлют стволы деревьев; кроны их устремлены в небо, к лучам вечернего солнца. Рядом с соснами – небольшие пятячки травы и скромных полевых цветов. Удлинившиеся тени разместились у подножия деревьев. У них ведь тоже свой распорядок и образ жизни. Еще не жужжат комары, молчат кузнечики, и цикады тоже пока не начали свой вечерний концерт. Безмолвие в лесу.

Люди сидят на веранде, пьют чай и слушают ученую лекцию Степана Борисовича о провинциальных городках. В самом деле, и что только находят люди в столицах? Какая сила тянет их в эти крошечные квартирки, в дурной климат, к жестко регламентированной жизни? Повсюду каменные стены, колесный стук трамваев, завывание троллейбусов, шум автомобильных моторов, пары бензина, серое небо и скудные клочки зелени...

И вот ты выезжаешь в какой-нибудь маленький городок, в один из славных коттеджей, окруженных двором и заборчиком. Ты ухаживаешь за садом, за деревьями, все вокруг цветет и радуется глаз; на клумбах тюльпаны и пионы, фиалки и астры. Жизнь течет спокойно, неторопливо, без паники, без напряжения. А что есть у тебя в большом городе? Разве что театры, музеи и выставки, которые ты посещаешь раз в пятьдесят лет.

Нет, Степан Борисович решительно недоволен крупными городами. Видимо, стадное чувство заставляет людей собираться в одном месте, в скученности столиц, бежать от прелестей природы в каменные чулки, без зелени, леса, открытого неба и свежего ветерка.

Тут на Степана Борисовича нападает приступ кашля, он багровеет, сгибается пополам и утирает лоб чистым платочком.

– Сема! – произносит Клара Ильинична голосом, напоминающим дребезжание скрипки. – Не надо так много говорить!

Она приносит из кухни стакан теплого молока. Степан Борисович отхлебывает несколько глотков и продолжает жаловаться на тяготы судьбы. На этот раз он обращается непосредственно к Рахели Фейгиной. Как видно, с легкими что-то действительно не в порядке. Проклятый кашель! Семья Эйдельманов провела в Вельбовке уже два месяца, а желанного результата нет как нет. Хотя кашель немного ослаб. Но вот пора возвращаться в Ленинград, в ужасный климат этого города, к его испарениям, дождям и туманам.

– Я иду к Клаве! – объявляет Лида и поднимается с места.

Несколько мгновений она стоит, глядя на Степана Борисовича, словно ожидает от него чего-то. Затем Лида спускается с веранды и пересекает узкий участок леса, разделяющий две дачи. Все провожают глазами ее легконогую стройную фигуру.

– Ладно, давайте поговорим о деле Боброва, – говорит Степан Борисович.

Тон его угрюм, и видно, что тема не слишком приятна профессору. Но прежде, чем ему удастся что-то сказать, в разговор вступает Рахель. Она хочет сразу известить присутствующих, что ее избитый брат решил подать на Боброва в суд. Три года тюрьмы.

Степан Борисович останавливает ее, приподняв руку примиряющим жестом. Как ученый, он привык всесторонне подходить к любому вопросу. Что мы увидим здесь, если достаточно глубоко изучим события в их зарождении и развитии? Начнем с фактов. Он, Степан Борисович, реалист. Сегодня он уже уделил данному вопросу довольно много времени и внимания. Бобров рассказал ему все – можно сказать, излил душу, как мужчина мужчине. И, между нами, Лида тоже принимает участие в судьбе своей подруги – она-то и упростила отца взять на себя неблагодарную роль посредника, которая ему не очень-то по душе.

Давайте рассмотрим историю с точки зрения Боброва. Едет себе мужчина из Ленинграда в Вельбовку. Едет в месячный отпуск, предоставленный ему на заводе. Дорога нелегка, приходится провести в поездах два-три дня, но он уверен, что близкие будут ему рады. И вот поезд прибывает в Гадяч, и человек выходит на перрон с чемоданом в руке. Его встречает молодая жена. Они садятся в телегу и едут в Вельбовку, и лицо женщины мрачно, и смотрит она не на мужа, а в сторону. Приезжают в Вельбовку. Там их встречает девушка-домработница с ребенком на руках. Соскучившийся отец немного играет с Сереженькой, затем умывается и садится пить чай. Жена, смущенная и хмурая, сидит тем временем на веранде.

– Ты не мог бы короче, Сема? – прерывает профессора жена. – Скоро день кончится.

Нет, возражает Степан Борисович, эти подробности кажутся ему важными. Он лично говорил с Бобровым и слышал все из первоисточника.

– Но вами выслушан только один первоисточник, – замечает Рахель. – Потому что второй первоисточник лежит сейчас в больнице с тяжкими повреждениями.

Так говорит Рахель, представительница семьи Фейгиных за этим столом. Но профессора не так-то легко сбить с намеченного курса. Стакан молока живительно подействовал на его легкие, и Степан Борисович говорит, и говорит, и говорит без перерыва. Теперь его слова обращены только к Рахели, и беседа все больше напоминает переговоры между профессором и сестрой потерпевшего.

Да, он знаком с версией одной стороны. Но давайте все-таки проанализируем случай с точки зрения мужа. Объективность – прежде всего...

Итак, жена сидит на балконе и хмуро смотрит в сторону. Наступает вечер, и между лесными деревьями вдруг появляется фигура молодого человека. Что это за юноша? Что он тут делает, кого ждет? Клава вскакивает с места, бежит к нему, и они начинают прогуливаться по лесу туда-сюда на глазах у Боброва. Затем молодой человек начинает гладить Клаву по голове, опять же, на глазах у мужа. Затем студент усаживается на пенек, а жена возвращается на веранду.

«Что это за парень?» – спрашивает Бобров.

«Мой муж!» – взволнованно отвечает Клава.

Она любит этого парня и ничего не может с собой поделать. Единственный выход: развод с Бобровым. Так говорит ему жена и начинает плакать. Бобров выходит из дома и говорит сидящему на пенке парню: «Иди отсюда!»

«Я сижу в общественном месте, – отвечает парень. – И никто тут мне не указ».

Бобров подходит к нему поближе, и нижняя губа его дрожит от гнева. Парень вскакивает со своего пенка и убегает в лес. Муж возвращается на дачу и приступает к объяснению с женой. Следует длинная цепь упреков, уговоров, слез

и упрямого молчания, с головой, опущенной долу. Тут только понимает Бобров всю тяжесть обрушившегося на него несчастья.

Все молча слушают Степана Борисовича, и даже Клара Ильинична не торопит его. Но почему нынешние слова профессора так сильно отличаются от тех, которые он говорил ранним утром Вениамину? Разве не были те, утренние слова исполнены гнева и осуждения? Разве не метал профессор молнии в адрес бескультурных мужчин, которые не умеют решать подобные конфликты поджентльменски, посредством скидывания пиджаков и кулачного боя по всем правилам бокса?

Тем временем Степан Борисович продолжает свою лекцию, и посвящена она совсем не вопросам механики и предназначена отнюдь не для студенческих ушей. Нет, на сей раз, вооружившись скальпелем красноречия, он препарирует самые тонкие ткани человеческой души.

Пришла ночь, Бобров лег, но, конечно, не мог уснуть. Ревность и гнев терзали душу этого зрелого мужчины. Вдруг он услышал, что Клава собралась выскользнуть из дома.

«Куда ты, Клава?»

«Хочу пройтись».

Он остается один. Сереженька чмокает губами во сне. Тикают ходики на стене. Бобров лежит без сна на ложе страданий. Глаза его открыты, но он ясно представляет себе Клаву в объятиях того парня. Он видит, как они смеются над ним, как целуются, как... – фантазии одна больнее другой одолевают его. Страшные мысли закрадываются в голову – в том числе, и об убийстве. Поглощенный собственной болью, он уже не думает о своем будущем, о ребенке, о работе – ни о чем, кроме мести. Но вот окна начинают сереть: приближается рассвет. Бобров поднимается с постели – и что он слышит? Снаружи доносятся звуки. Это приглушенный смех, тихие голоса, вздохи. Он напрягает слух и разбирает слова: «Будь тверже, Клава!»

Вслед за этим открывается дверь, и Клава крадучись пробирается в свою комнату. Вне себя Бобров выскакивает из дома. Так и есть: вчерашний молодой человек сидит на том же самом пенечке и покуривает папироску! Увидев это, Бобров хватается за кол и бросается на обидчика.

– Боже упаси меня оправдывать подобные вещи, – говорит профессор, обращаясь к Рахели. – Но разве ваш брат не сделал все, что было в его силах, чтобы попасть под удары Боброва? Ну что заставило его прийти сюда именно в этот момент?

– Ревность.

Степан Борисович возводит к небу удивленные глаза: против подобного безумства он, профессор и ученый, не может возразить ничего. Разве можно анализировать развитие событий с сумасшедшими?

Рахель поясняет сказанное, вот только слова ее звучат уже не так уверенно, как прежде:

– Возможно, он боялся, что Клава помирится с мужем. Возможно, мой брат понимал, как слабо женское сердце. Нам, женщинам, бывает трудно сопротивляться мужскому напору.

Из леса появляются три фигуры – две женщины и мужчина, высокий и широкоплечий. Степан Борисович привстает и машет рукой:

– Иван Дмитриевич, заходите!

Троица подходит к веранде. Это Лида, Клава и Бобров. Пока Вениамин знакомится с Бобровым, Клава устремляется к Рахели и забрасывает ее вопросами о Соломоне. Как он, да что с ним, да что сказали врачи?

А кого видит перед собой Вениамин? Бобров – высокий мужчина около тридцати, с узким лицом и серыми глазами, который поблескивает из-за стекол очков. Набухшие веки красны, и от этого глаза кажутся очень усталыми. У Боброва массивный затылок и низкий грубоватый голос. Но какой ласковый взгляд бросает в сторону этого очкастого интеллигента Лида, чистая голубка! Вот она наклоняется и нежно снимает нитку, невесть откуда приставшую к бобровской рубашке.

Бобров подходит к Рахели и протягивает ей руку для знакомства – руку, которую Рахель не замечает. Она слишком занята разговором с Клавой. Нет, лица Соломона она еще не видела. Да, состояние серьезное, но опасности для жизни нет.

Все видели безответно протянутую руку Боброва. Но сам он выглядит вполне живым и вряд ли собирается кататься по земле и посыпать голову пеплом. С другого конца стола слышен его бас: Бобров рассказывает Лиде о нелепом случае, который произошел с их общим ленинградским знакомым. Лида смеется, как будто прозвенел серебряный колокольчик.

Рахель резко поднимается со стула, прямая, гневная.

– Идем, Вениамин! – командует она и, ни с кем не прощаясь, спускается со ступенек веранды.

– Зачем такая спешка? – удивляется Клара Ильинична.

Но все уже повскакали с мест. Лида что-то шепчет на ухо Вениамину. Степан Борисович и Бобров выходят провожать. А ведь и в самом деле Лида правит домом профессора Эйдельмана. Есть у нее своя система, своя тактика и своя стратегия. Видно, что если уж она решила выручить Боброва, то сделает все для того, чтобы заключить перемирие.

Трое мужчин и женщина шагают в сторону дороги на Гадяч. День уже угасает, но на выходе из леса еще видны в западной стороне неба огненные миражи заходящего солнца. Вот еще один раз вспыхнул последний очаг огня – загорелся на верхушках деревьев, блеснул на стеклах домов, бросил отсвет на лица идущих по дороге людей. А вот и комары, суебливый народец, налетели, затеяли свой вечерний танец в угасающем свете. Чиста и маняща небесная глубина – крыша мира над неутолимой жизненной жаждой. Но посмотри на эту же твердь спустя несколько минут – иллюзорна ее непроницаемость. Там уже появилась первая звезда. Проходит еще немного времени – и вот уже тысячи звезд горят в бесконечной темноте мира.

– Иван Дмитриевич, – говорит профессор. – По-моему, ты должен признать, что вел себя не так, как надо. Нужно извиниться перед студентом.

– В самом деле, – басом отвечает Бобров, – наверно, я хватил через край. Но извиняться?

Нет, он не собирается просить прощения ни у кого, даже под угрозой тюрьмы. Тот студент получил по заслугам.

– Ты тоже получишь по заслугам! – говорит Рахель и ускоряет шаг.

Но как вытягивается лицо несчастного еврея Степана Борисовича! Все его труды по наведению мостов и заключению мира пошли прахом! Наверно, и в самом деле есть некоторая разница между законами механики и тайнами страдающей души! В самом деле, была ли когда-нибудь у Степана Борисовича возможность окунуться в водоворот бурлящей жизни, почувствовать силу страстей человеческих, лицезреть столкновение темных сил, до поры до времени дремлющих в сердце, но всегда готовых выплеснуть наружу кипящую лаву, сметающую на своем пути слабые пути рассудка?

Рахель и Вениамин спускаются по дороге в сторону реки Псёл. Меркнет на западе беспорядочная кутерьма закатных цветов. Проступают на небе звезды –

чудеса и знаки Господни. Как по команде, прекращается комариный писк, и откуда-то издали доносится треск первой цикады. Пуст и безмолвен речной берег – даже мальчишки и утки разошлись по домам.

– Твоя Лида спит с Бобровым, – сердито произносит Рахель.

Вениамин смотрит на нее и вдруг что-то побуждает его обнять женщину за плечи. Не сговариваясь, они сворачивают с дороги, выходят на берег реки, раздеваются и входят в воду в слабом меркнувшем свете. Но вот гаснет и он, на реку и берега опускается вечер, и глубокая тьма покрывает поля, и дорогу, и безлюдный речной пляж. Но Рахели и Вениамину уже нет дела до всего этого. В ту ночь снова стали эти двое единым целым, в счастье и трепете, во всем том, что снится потом человеку всю жизнь на холодном ложе одиночества.

Глава 7

Пора отъездов в разгаре. Уже уехали из Вельбовки семьи Эйдельманов и Бобровых. Каждый день садятся дачники в вагоны проходящих через Гадяч поездов, и билеты достаются с трудом.

Но как так получилось, что Клава оставила раненого и избитого Соломона и уехала с Бобровым в Ленинград? Удивительны дороги жизни! Возможно ли это: после столь бурных событий, после такой любви и такой драки взять на руки Сереженьку и тихо-мирно уехать домой с мужем? Неужели эта история была не более чем пустым дачным романом?

Боброву опостылела Вельбовка, хоть и не закончился еще его отпуск. Уж лучше провести остаток свободных дней в Сестрорецке, на берегу Финского залива.

Уезжают дачники, еще немного – и совсем опустеет Вельбовка. Уже не мелькают меж сосен пестрые платки девушек, не белеют женские блузки, замолкли голоса и смех. Но августовское солнце еще греет, еще льет свой свет на леса, поля и дороги. Не забыта его благословением и река Псёл: на воде сияет солнечный огонь, голубизна неба чиста и прозрачна. Вот плывет по реке легкая лодка; мерно вздымаются весла, поднимая веера брызг. По бортам суденышка – молчаливые речные берега, кусты и травяные лужайки. За рулем сидит Рахель Фейгина, Вениамин – на веслах. Тамара тоже здесь. Сегодня воскресенье, в конторе выходной. В последние дни овладело Рахелью и Вениамином большое беспокойство – не могут усидеть дома. Каждый вечер выходят они на прогулку, проводят долгие часы на пустынном речном берегу, и всё никак не насытятся друг другом. То ли веревочной петлей, то ли светлой дорогой лежит у их ног река. В воде отражаются звезды, тьма и безмолвие вокруг. В укромном месте, под одним из кустов есть для влюбленных прибежище и ложе. Листья шепчут им слова успокоения, ветви прикрывают их, как заботливые крылья.

Любой предлог кажется им подходящим для того, чтобы уединиться вдали от посторонних глаз. Настала очередь Вениамина уделять внимание внешнему виду: каждое утро он тщательно бреется, душится одеколоном и долго рассматривает себя в зеркале. Потом он поворачивается к матери и говорит:

– Пойду немного прогуляюсь!

Голос его звучит смущенно, глаза потуплены, но на губах играет легкая улыбка, а в сердце поет радость.

– Иди, сынок, иди, – со вздохом отвечает мать.

Поди пойми этих молодых! Все лето они не прекращали воевать друг с другом, обмениваясь непрерывными словесными уколами, щипками и насмешками. Вениамин отыскал себе девицу из вельбовских дачниц, а Рахель не нашла ничего лучшего, чем гулять со здоровенным гоем, прости Господи. И вот теперь, когда от лета осталось всего ничего, вдруг задул между ними совсем другой ветер.

– Иди, сынок, иди... – повторяет Сара Самуиловна.

Вот уже несколько ночей провел Вениамин с Рахелью Фейгиной. Долго же искали они тропинку, соединяющую два сердца.

Но сегодня воскресенье, и они катаются на лодке. Лодка рассекает поверхность воды, но та с легкостью ликвидирует разрез, лишь на короткое время отмечая его широким неясным следом в ленивом колыхании волн. Участие Тамары поначалу не предполагалось, но она добилась своего, пустив в ход рев и слезы, и на сей раз не помогли ни уговоры, ни конфеты, ни билеты в кино. И вот она в лодке. На лодочном днище под банкой стоит большая корзина, а в ней запасы провизии, собранные в дорогу Рахелью. Когда укладывала она эту

корзину, слышался на кухне негромкий напев. Поразительно, сколько радости и света есть в эти дни на лице женщины! Как красив изгиб ее шеи, сколько в нем нежности и тепла! Хорошо знакомо это тепло Вениамину – не раз он уже черпал его полными горстями.

Мерно вздымаются весла. Иногда Вениамин перестает грести, и лодка какое-то время скользит сама по себе. Весла замирают по обеим сторонам, распростертые, как две огромные лапы; прозрачные струйки стекают с них на поверхность воды, оставляя за собой маленькие волны-бороздки. Но вот сила инерции иссякает, лодка замедляет ход, и весла продолжают свою размеренную работу: вверх-вниз... вверх-вниз...

– Устал? – спрашивает Рахель, и Вениамину слышится в ее голосе извечная интонация дочерей Евы, всегда готовых прикрыть заботливым крылом тепло домашнего гнезда, защитить его от ночного мрака.

Нет, не устал, есть еще сила в мышцах. Мерно вздымаются весла, скользит по реке остроносая лодка, сверкают на солнце слепящие брызги, и пузырьки водяной пены крутятся позади в оставляемых веслами маленьких водоворотках.

На Вениамине и на Тamarочке – короткие полотняные штаны; но Рахель, уважаемая мать, не может обойтись без юбки, блузки и прочих предметов одежды, таких лишних и мешающих в летнее время на реке. Солнце бьет по обнаженной коже, но Вениамин и Тамара не боятся его прямых и жарких лучей. Они обгорели еще в начале лета – до багровых ожогов, до волдырей на груди и на спине. Зато теперь оба защищены от солнечных атак.

– Мама, можно искупаться? – спрашивает девочка.

Но Рахель будто не слышит вопроса. Погруженная в свои мысли, она сидит на корме у руля, и задумчивая улыбка освещает ее лицо.

– Можно, – произносит она через некоторое время, будто только сейчас пробудившись от сна. – Вот когда пристанем к берегу, тогда и... Тамара! Тамара!

Слышится плеск воды и испуганный крик матери: это Тamarочка, недолго думая, сиганула в воду прямо с лодки. Рахель в панике, руки ее дрожат – она ведь понятия не имеет, насколько ее дочь продвинулась в плавании за это лето. Девчонка нырнула головой вниз, только пятки мелькнули... – и вот круги на воде, а дочери нету!

Рахель снова издает панический вопль. Вениамин, не в силах вынести выражения ужаса в глазах любимой, бросает грести и прыгает за борт вслед за Тamarочкой. Но вот на довольно большом расстоянии от лодки выныривает на поверхность голова шалуньи, она хохочет и машет рукой. Теперь-то они продемонстрируют маме свои успехи в искусстве плавания стилем «кроль»!

– Тамара! – перепуганная мать еще кричит и зовет с лодки, но ее паника быстро рассеивается, когда Вениамин и Тамара начинают гоняться наперегонки.

Автор надеется, что среди его читателей найдутся такие, которые хорошо понимают в тонкостях стилей плавания. В этом случае позвольте спросить: что кажется вам лучше – кроль или брасс? Скромность не позволяет мне высказать свое мнение по этому вопросу. Если бы я стал сейчас распространяться на столь скользкую тему, то против меня немедленно восстали бы истинные специалисты, дабы разобрать автора по косточкам, как рыбу – да-да, как фаршированную рыбу с перчиком, луком и солью, столь приятную вкусу любого еврея, кем бы он ни был.

Случилось так, что Вениамин научил девчонок плавать именно кролем. Предвижу, что в будущем это может вызвать решительные и даже насмешливые возражения сторонников брасса. Наверно, кое-кто из них даже упрекнет автора, что тем самым он сгубил невинные души двух дочерей Израиля. Но это может случиться потом, а пока я сижу в безопасности за письменным столом, запершись в тиши своих стен, и не страшусь ни насмешек, ни кулаков. А на будущее скажу

вам так: Товарищи и братья! Братья и друзья! Давайте, как любит говорить профессор Эйдельман, возьмем скальпель здравого смысла и проанализируем брасс во всех его подробностях. Что тогда можно сказать, к примеру, о работе рук? Она включает в себя разведение их в стороны, подтягивание к подбородку, быстрое выдвижение вперед, небольшую задержку и так далее. Разве бывают подобные каторжные трудности во время плавания кролем? Я уж умалчиваю о том, какие требования брасс предъявляет к ногам.

Но стоит ли продолжать эту тему? Ведь далекие от темы этого спора читатели уже давно кричат нам: Хватит! Довольно! Потому что тонкости плавательных стилей интересуют их как прошлогодний снег. Так что позвольте мне, глубоко вздохнув, вернуться к главной линии повествования. Многое в жизни зависит от удачи; как бы ни старался человек, сколько бы ни вкладывал усилий, в любой момент могут пойти прахом все его труды!

Итак, Вениамин и Тамара со всей серьезностью приступают к плаванию кролем. Об этой девочке мы еще поговорим и не раз – о девочке Тамаре и ее приключениях в долине слез. Но пока что у нашей троицы праздник, воскресный августовский день 1939 года. Рахель, мать и женщина, сидит себе в лодке, а рядом в воде с равным пылом бесятся двое чертей – взрослый вроде бы парень и маленькая разбойница. Мелькают загорелые руки и тела, головы вертятся из стороны в сторону, короткие вдохи, сильные ноги взбивают пену, так что брызги летят. Плеск гребков слышен над рекой, и обманчивое эхо несет его вдоль берегов. Но вот черти, разгоряченные и довольные, доплывают до лодки и устало переваливаются через борт. Рахель встречает их шутовым гневом.

– Дикарка! – говорит она девочке. – Вот как дам сейчас, будешь знать!

Мать обнимает Тамару и целует ее счастливые глаза. Вениамину поцелуев не достается, но зато он получает улыбку, чудесную улыбку, полную любви и душевного чувства. Парень садится за весла. Силой и мощью налиты его мышцы. Лодка стрелой несется по реке – Боже милостивый, как прекрасна жизнь! Они пристают к берегу и вытаскивают лодку на сушу; ноги наконец-то ступают на твердую почву. Это небольшой речной залив, хорошо укрытый от посторонних глаз. Все трое ложатся на песок и какое-то время загорают на солнце. Рахель снимает верхнюю одежду и остается в купальнике – черный сатин в красную полоску. Настала ее очередь купаться. А маленькая Тамара – только посмотрите! – обучает мать правильно плавать кролем!

Затем из лодки достают корзину. На траве расстилается полотняная скатерть с голубыми цветами по краям. Хлеб и масло, тушеное мясо и фрукты, и даже бутылка домашнего вина... – настоящий праздник на берегу реки, день радости и восторга, чуда и красоты! Болтовня Тамары на этот раз никому не мешает, взрослые тоже не молчат. Они передают из рук в руки стакан с вином, дают немного попробовать и девочке. Густеет голубизна неба, сияет солнце, ярко зеленеют кусты и трава – все органы чувств переполнены торжественным великолепием мира!

В Гадяч возвращаются уже на исходе дня. В руках матери и дочери – большие букеты полевых цветов. Рахель идет легкой походкой, прижимая цветы к груди, Тамарочка устало плетется сзади.

– Ты уже спишь, Тамарочка! Глаза слипаются...

Девочка слабым голосом протестует и отстает еще больше. Вениамин замечает в саду Романа Назаровича и решает зайти к старому учителю. Иванчук, как всегда, работает в огороде, поливает капустные грядки и кусты помидоров.

– А ну, а ну заходи, товарищ студент, – машет он Вениамину, выпрямляясь над грядками во весь свой небольшой рост.

Этот человек и в самом деле твердо стоит обеими ногами на земле, не умствуя и не фантазируя. Огород – слабость Иванчука: весной он засеивает его, все лето без усталости ухаживает за грядками, и вот она, осень, время пожинать плоды.

Вениамин зашел, чтобы попросить учителя кое о чем. В Вельбовке есть неграмотная девочка, и хорошо бы найти для нее учителя...

Но Роману Назаровичу хочется поговорить о политике. Читал ли Вениамин газеты? Наконец-то разорвалась бомба! Риббентроп приехал в Москву, подписан договор о ненападении с Германией. Во всем мире паника.

– Нет сомнений, товарищ студент, в самое ближайшее время нас ожидают тяжелые события...

– Какие события, Роман Назарович?

– Война! Германия будет воевать с европейцами. Польский коридор... Но мы, слава Богу, останемся в стороне от этой суматохи.

Он отечески похлопывает Вениамина по плечу. Таков он, Роман Назарович, давний читатель газет. Есть у него здравый смысл и опыт немалый, умеет старый учитель разбираться в политических сложностях. И вот, поразмыслив, пришел он к однозначному выводу. Уже много лет строит Германия свою промышленную мощь, и это неизбежно должно закончиться войной. Пушки вместо масла. Но война эта будет быстрой, не то что прошлая.

– А что будет делать наша Красная армия, Роман Назарович? Неужели будем стоять в стороне и смотреть, как Гитлер захватывает Европу?

– Пока что, до поры до времени, вышли мы из этой игры. Ведь чего хотел Чемберлен? Чемберлен и его приспешники хотели столкнуть нас с немцами, а потом повалить обоих. Чемберлен готов сражаться до последнего солдата – только чтобы солдаты эти были не английскими. И тут вдруг этот наш договор с немцами. Не то чтобы нам так нравился Гитлер, но, похоже, сейчас просто нет выбора. Политика требует реализма и осторожности, осторожности и реализма.

Так рассуждает старый учитель Роман Назарович Иванчук, не забывая при этом поливать помидорные кусты. Но тут Вениамин, достойный отпрыск древа иудейского, подпоясывает чресла свои и извлекает на свет вопрос о справедливости мира. Где она, справедливость? Как мог такой культурный немецкий народ, народ Гете и Бетховена, посадить на свою шею Гитлера и его партию, банду грабителей и убийц? И как мы могли заключить договор с этими разбойниками?

Роман Назарович какое-то время молчит, а затем начинает смеяться. Он смеется добрым смехом умудренного жизнью человека. Справедливость мира? Ха-ха. В вопросах политики нет такого понятия – справедливость. Есть только столкновение сил: кто сильнее, тот и прав. Мировая справедливость! Куда ее наклонить, там она и будет, твоя мировая справедливость. У Гитлера тоже есть справедливость, и у Чемберлена, и у Даладые – и каждый сражается за свою. Сколько уже крови пролито на землю от этой справедливости...

Да, Роман Назарович твердо стоит обеими ногами на земле. Он работает в городской школе Гадяча, есть у него дом, сад, огород и пианино фирмы Блютнера. И никакая мировая справедливость не собьет его с толку.

– А что по поводу девочки, Роман Назарович?

Старик ведет Вениамина в дом и там пишет записку Митрофану Петровичу Гавриленко, директору вельбовской школы.

– Митрофан Петрович найдет ей учителя.

Вениамин берет записку и выходит. На улице уже пролегли вечерние тени. В топоте и пыли, бляении и мычании возвращается с пастбища стадо. За ним идут два пастуха, старик и подросток – идут не торопясь, длинными кнутами подгоняя

отставших животных. И в самом деле, не так уж много движения в городке, не так уж много событий. Утром выходит стадо на луг, вечером возвращается в сопровождении столбов пыли и запаха молока. Но вот улеглась пыль, коровы разошлись по домам, и снова стихает местечко. С реки дует прохладный ветер, предвещая приближение темноты.

Вениамин возвращается в Садовый переулок. Этот вечер он намерен провести с матерью. Послезавтра они расстанутся. Сара Самуиловна уезжает в Харьков, Вениамин возвращается в столицу. Билеты уже куплены, но нужно еще паковать. В конце концов они тоже дачники с обычными дачными заботами.

Долго, до самой полуночи продолжается разговор матери с сыном. О чем они говорят? О давних воспоминаниях детства, о людях, близких и дальних, о домах и садах родного местечка, о судьбах детей и стариков, о перевернутых страницах прошлого.

Обычная беседа о делах минувших дней. Вот уже и полночь прошла, мать и сын лежат в своих постелях, но все еще слышны обрывки недосказанного, еще витают во мраке комнаты призраки старого волынского местечка.

– Мама, а помнишь меламеда¹ Мешулама Фофика?

– Конечно, как не помнить. Это был настоящий кошерный еврей.

– Он так смешно смеялся, задирая вверх козлиную бородку. Хрипло так и заразительно.

Боже милосердный, ну какое нам сейчас дело до Мешулама Фофика и его козлиной бородки? Но делать нечего, это ведь вечер воспоминаний, и тени прошлого сами без спросу выходят из укромных уголков памяти.

– Мама, а помнишь Ноаха-водовоза?

Конечно, она помнит и Ноаха, который в любую погоду – и под солнцем и под дождем – носил один и ту же войлочный кафтан.

И мать вдруг начинает рассказывать о чайнике, который когда-то был украден у них прямо из дома вместе с кипятком. Стоял себе на табуретке в кухне, она заходит налить чаю, а чайника-то нет! Исчез, как сквозь землю провалился!

Но это уже слишком для Вениамина. Он закрывает глаза и проваливается в сон. Откуда-то издалека еще доносится до него тихий голос матери:

– Вениамин!

Молчание.

– Спокойной тебе ночи, сынок. Крепкого сна и хорошего отдыха...

Умолк мир. Зато утром, едва открыл Вениамин глаза, как тут же навалилась на него уйма дел. Десять утра, а ему еще предстоит так много работы! Привезти Соломона из больницы – раз! Повидать Глашу – два! Подготовиться к отъезду – три! Ведь завтра уже на вокзал!

Он быстро одевается. В доме нет никого, кроме старой Песи. Она, как обычно, расхаживает по комнатам, наводит порядок. Но замечает Вениамин и кое-какие перемены в доме – не то праздник на подходе, не то печаль. Сегодня возвращается из больницы Шлеймеле, но не встречают его ни фанфары, ни трубный голос шофара². Возвращается блудный сын, пропадавший где-то в лесах и на дорогах, наглотававшийся белены и полыни. Нет, не героем войдет он под отчий кров, никто не станет бросать ему под ноги букеты цветов, никто не увенчает его лоб лавровым венком.

– Возчик уже здесь? – спрашивает Вениамин.

¹ Меламед – учитель в хедере.

² Шофар – рог, используемый в качестве ритуального духового инструмента.

С Мордехаем договорено еще со вчерашнего дня, а сопровождать Соломона поручено Вениамину, поскольку и Хаим-Яков, и Рахель заняты на работе. Нет, возчик еще не приехал. Вениамин поспешно умывается и поспешно завтракает. Но вот со двора раздается знакомое причмокивание и возглас:

– Н-н-о, Павлик!

Добро пожаловать, Мордехай, поклонник женщин! Доброе утро, Павлик, ленивейший из лошадей! Ясное дело, проказница Тамара не упускает возможности посидеть на козлах. Она уже всю болтает с Павликом на лошадином языке и собирается тоже ехать в больницу.

Утро спокойно, даже пыль не шевелится под ногами ветерка. Молчаливы и пусты улицы Гадяча, омытые прохладным светом. Лишь изредка верхушки деревьев шепчут что-то на ухо легкому ветру, да листья танцуют медленные танцы. В больнице запах медикаментов, пустые коридоры и беленые стекла дверей. Вот и Соломон. Готовый к поездке, он сидит на скамье в коридоре. Голова его забинтована. Но кто это сидит вместе с ним на скамейке, Боже милостивый! Видели ли вы такое, евреи? Рядом с Соломоном притулилась не слишком молодая сестра милосердия в белом халате с чистой белой косынкой на красивых волосах.

– Еврей и курсистка едут в поезде... – доносится до Вениамина знакомый голос.

И сдавленный смех, и блеск глаз, и тихое бормотание в белом коридоре.

– Познакомься с Анной Дмитриевной! – говорит Соломон, и Вениамин вежливо пожимает протянутую руку. Глаз Соломона подмигивает ему из-под бинтов. Господи, неужели не хватило этому человека урока, который преподавал ему Бобров своим тяжелым колом? Что и говорить, нет такого места в этом мире, где Соломон не нашел бы себе подружки – такой, которая не прилепилась бы к нему банным листом со всеми вытекающими последствиями. А если флирт существует еще и в потустороннем мире, то следует полагать, что и там, поджариваясь на сковородке, отыщет грешник Соломон какую-нибудь дочь Евы, чтобы рассказать ей очередную шутку. А если, что крайне сомнительно, Соломона выручит хороший адвокат, и он окажется-таки в раю, то первая же девственница, которая наполнит его чашу благородным вином, а блюдо – райскими фруктами, будет немедленно усажена рядом и осыпана ливнем анекдотов, который, Бог свидетель, не иссякнет у этого человека даже в садах вечности!

Анна Дмитриевна поддерживает Соломона с одной стороны, Вениамин – с другой. Так они сопровождают больного до телеги Мордехая, которая ждет во дворе. Соломон хромает, но не слишком: нога получила сильный ушиб, однако кость осталась цела. Через несколько дней он уже будет ходить, как прежде. Бинты тоже не должны вводить никого в заблуждение: голова не очень пострадала. Такова жизнь. Люди дерутся и получают удары, а затем, отлежавшись, снова выходят на воздух открытого мира к новым дракам и ударам, назначенным им судьбой.

В больничном дворе прохладно, стоят телеги с соломой, у забора помахивают хвостами лошади, жуют овес.

– Надоела мне эта больница! – говорит Соломон и полной грудью вдыхает свежий утренний воздух.

Произнося эти слова, он приоткрывает рот с дырой на месте выбитых зубов. Странно видеть таким красавца Соломона. Как выяснилось, этот удар Боброва был особенно болезненным: два зуба принес Соломон на алтарь любви к Клаве. Но не страшно – в столице доктора вставят ему новые зубы, причем не стальные, а золотые. Говорят, что в Америке самые знатные люди специально выбивают себе зубы, чтобы вставить золотые протезы – для красоты.

Вениамин подсаживает Соломона на телегу, и Павлик пускается в путь. Сестра милосердия машет рукой им вслед – машет долго и с чувством, так что из-под платочка выбиваются ее красивые волосы. Но что в ней есть такого особенного, кроме красивых волос? Женщина среднего роста, лет сорока пяти, с круглым лицом и серо-голубыми глазами. Но, как видно, Соломон не может справиться со своей тягой к женщинам, даже когда им сорок пять. Такая это штука, любовь: все равно ей – двадцать пять или сорок пять, у нее свои счеты...

Медленно крутятся колеса, неугомонная Тамарочка сыплет словами, а вот Соломон что-то молчит. Проходит женщина с корзиной. Проезжает велосипед, на его багажнике закреплен зеленый рюкзак, у велосипедиста потное лицо и пыльные сапоги. А вот и парикмахерская, где работает Берман; в окно смотрит широкое длинноносое женское лицо. Обычные люди, обычные вещи, повседневная жизнь.

Но вот и Садовый переулок. Вениамин помогает Соломону слезть с телеги и, поддерживая друга под локоть, сопровождает его в дом. Однако, едва переступив порог, Соломон высвобождает руку. Ему не хочется, чтобы мать видела его страдания. Что бы ни случилось, он всегда остается любящим сыном и не хочет беспокоить маму. Превозмогая боль и стараясь не хромать, он подходит к Песе. Но старая Песя все равно всплескивает руками, глядя на обмотанную бинтами голову своего легкомысленного сына. Нет, не обманешь материнского сердца!

– Ой, Шлеймеле! – вскрикивает Песя, обнимая Соломона, и в голосе ее слышатся слезы.

– Не о чем плакать, мама! Подумаешь, царапина на макушке!

Соломон пренебрежительно машет рукой. Разве это настоящие раны? Ерунда, а не раны.

– Не лучше ли тебе прилечь, Шлеймеле? – спрашивает Песя. – Иди приляг, а я подам тебе завтрак.

Но Шлеймеле и слышать не хочет о кровати – надоела ему кровать еще в больнице. Вот завтрак – другое дело. От завтрака не отказываются.

Особенно, когда на завтрак поданы драники. Драники, вкуснейшие картофельные оладьи в сметане приготовила любящая мать для своего непутевого сына. Вениамина тоже приглашают присоединиться к пиршеству. Основательно подкрепившись драниками, он благодарит и прощается: дела, время не ждет.

Быстрыми шагами направляется Вениамин к дороге на Вельбовку, но по пути его перехватывают две девчонки-шалуньи, Тамарочка и Сарка. Они собираются на речку, и Вениамин вспоминает, что хотел забежать на кладбище, попрощаться со служкой Аароном. Чернявый Гинцбург, как всегда, сидит в штибеле у стола, склонившись над книгой. В комнате кладбищенская тишина. Когда-то было это место храмом для хасидов Хабада. Снаружи шелестят листьями деревья, и солнечные лучи прокладывают себе дорогу сквозь кроны в оконце штибеля. На полу лежит световой прямоугольник, разграфленный тенью решетки; на нем, как на шахматной доске, мельтешат тени ветвей и солнечные зайчики. А что это за книгу читает габай с таким вниманием? Это «Ликутэй Амарим» или «Тания»¹ – словом и душой Старого Рабби дышат эти страницы.

Неужели так и сидит целыми днями за священными книгами этот странный габай? Неужели ни разу не встает со своего места, чтобы выглянуть наружу, чтобы посмотреть на небо, на зелень деревьев, на брызжащий солнечный свет?

¹ «Ликутэй Амарим» или «Тания» – книга, написанная Старым Рабби, Шнеуром-Залманом (1746-1813), основателем хасидского движения Хабад.

– Реб Аарон! – говорит Вениамин. – Мы идем купаться. Не хотите ли присоединиться? Лето кончается.

Бледная улыбка появляется на лице Гинцбурга.

– Нет, сегодня я не могу, – отвечает он. – Я пока еще не вырвался из когтей Ситра Ахра¹...

Странные, непонятные слова, странный и непонятный человек! Вениамин пробует разговорить его, но не может добиться ничего, кроме каких-то невнятных звуков. Девочки торопят своего взрослого друга, однако Вениамин решает зайти в могильный шатер. Он снимает обувь, открывает дверь и входит в обиталище Старого Рабби – надо проститься и с ним. К каменной стене прикреплены две мраморных плиты. Та, что поменьше, с надписью золотыми буквами, посвящена Фридель – покойной дочери Шнеура-Залмана.

«Тут сокрыт святой ковчег... Жаждала святости и к Богу вернулась душа его...» Эти слова – надгробная надпись господину нашему и учителю Шнеуру-Залману, Старому Рабби. Справа от плиты, в углу, стоит маленький столик и на нем мерцает светильник. Его слабый колеблющийся свет – частичка Негасимого Огня Бесконечности, свет миров, искра, высеченная у престола Всевышнего, да будет Он благословен. Так говорит Эстер, мастерица лапши, старая-престарая еврейка. Над могилой – деревянный шатер, а в могиле – останки Старого Рабби, человека, который жил, трудился, пел свою песню и даже стоял лицом к лицу с императором Павлом в Санкт-Петербурге...

Прощай, могильный шатер, вместилище молчаливой святости и покоя!

И снова идет Вениамин дорогой расставаний – теперь в Вельбовку. Сколько раз уже ходил он по этому шляху! Пыль и зелень у ног его, и, куда ни глянь, светлы горизонты. Время от времени набегают на солнце облачко, свет и тень гоняются друг за другом. Кончились каникулы, завтра покидает Вениамин благодатные эти места. Наверно, ждет уже его осень в столице – холодные утренники, испарения реки, подпоясанные передниками дворники с метлами в руках, желтые листья на бульварах и трамвайных путях, институтская суматоха, лекции и учебники, лаборатории, экзамены и бессонные ночи над книгами. В вельбовском лесу чувствуется легкая грусть расставания. Есть особая прелесть в последних днях лета, уже распрощавшегося с дачниками, веселым шумом и криками играющих детей и женщин. Тишина поселяется между лесом и куполом небес. Замирают они, словно скованные невидимой рукой, и лишь осенние паутинки соединяют их друг с другом.

Вениамин входит в дом тети Насти, глашиной мамы. Еще два-три дня назад здесь проживала семья Эйдельманов, и простые деревянные столы были покрыты полотняными скатертями, а тюлевые занавески и ковры на полу придавали комнатам городское обличье. Но сегодня перед Вениамином простое крестьянское жилье; в красном углу – иконы Иисуса и Николая Угодника. Над головами их – золотые нимбы. Тетя Настя стирает на кухне белье. Ее жидкая косичка болтается туда-сюда над корытом. В жаркие дни ходит Настя с непокрытой головой и заплетает косу. Она тоже не без греха. В молодые годы гуляла напропалую, да и пила немало. Даже сейчас, в свои сорок лет, может тетя Настя осушить с один присест бутылку водки и при этом не утратить твердость шага – разве что скулы слегка покраснеют. По праздникам слышны из уединенной времянки во дворе громкие крики, пение и разудалые звуки гармошки. Иногда Настя исчезает и возвращается лишь через несколько дней и ночей – усталая, но готовая немедленно приняться за накопившуюся домашнюю работу.

¹ Ситра Ахра (арам.) – темная сила – популярное в хасидизме каббалистическое понятие.

– Тетя Настя, я ищу Глашу.

Женщина распрямляется, и Вениамин видит ее вспотевшее лицо. Тонкие черты, яркие глаза.

– Верно, на огороде она, душа моя.

И в самом деле, Вениамин обнаруживает Глашу лежащей в тенечке под огородным забором. На ней одна рубашка; Глаша грызет морковь и болтает босыми ногами. Завидев Вениамина, девочка вскакивает и смотрит на гостя, внимательно ловя каждое его движение.

– Дядя Вениамин?

– Глаша, я по поводу учителя. Мы должны зайти сейчас в школу.

Он показывает ей записку от Романа Назаровича. Глаша берет бумажку, вертит ее и так и эдак, на лице у нее сомнение.

– А ты вернешься сюда на следующий год, дядя Вениамин?

– Вернусь.

Странная девочка – как быстро меняются ее глаза, едва ли не все оттенки цветов и чувств появляются там. То сердит глашин взгляд, то цепок и внимателен, а то становится совсем детским, как сейчас. Она бежит в дом и возвращается через несколько минут в грубых выходных туфлях и цветастом платье. Льняные волосы красиво причесаны. Совсем взрослую девочку ведет Вениамин в школу.

Митрофан Петрович встречает их рядом с кабинетом директора. Здание готовят к началу занятий: в коридоре идет побелка, в классе – мытье полов. Митрофан Петрович руководит. Это высокий мужчина лет тридцати пяти, гладко выбритый, с выпирающим кадыком. Он усаживается за письменный стол, что сразу делает его похожим на директора, и берет из рук Вениамина записку.

– Итак, ты не знаешь букв?

– Я не училась...

Молчание.

– Что ж, приходи завтра, в шесть вечера. Тут соберутся все учителя, посоветуемся, решим, что с тобой делать.

Митрофан Петрович поднимается из-за стола и немедленно утрачивает директорское обличье. Теперь это снова всего лишь мужчина с выдающимся кадыком и родинкой на подбородке. Мигом слетели с него и важность, и значительность.

Он провожает гостей до двери. Глашины туфли шаркают по коридору. Женщина красит стену, и ее кисть быстро ходит взад и вперед, разбрызгивая капли извести.

Вот и всё. Глаша прощается с Вениамином на опушке, и на мгновение их глаза встречаются. Во взгляде девочки – буря и вызов. Не детские глаза смотрят на парня: в него упирается дерзкий взгляд взрослой женщины. Вот она стоит перед ним в своих не в меру больших туфлях, волосы зачесаны за уши, и вслушивается в звуки большого мира. Вениамин приходит в себя первым.

– Прощай, Глаша!

Он ласково пожимает ей руку и уходит.

Вот и всё. Прощай, вельбовский лес, прощайте, лесная тень и прохлада, прощай, шепот деревьев! Прощай, летний день, с тобой тоже придется расстаться.

Дома Вениамин вновь попадает на семейный совет. Рахель пытается уговорить брата подать в суд на Боброва. Она по-прежнему стоит на своем: Боброву место в тюрьме! Боже милостивый, действительно, всерьез ополчилась Рахель на этого человека!

Соломон лежит на кровати, завернувшись в бело-голубое одеяло; в глазах у него скучающее выражение. По его мнению, столкновение с Бобровым не более

чем преходящий жизненный эпизод. Да, получилось некрасиво, никто не отрицает, но жизнь-то продолжается. Что даст ему этот суд? Да, Клава Боброва довольно привлекательная женщина, и Соломон не упустил своего. За это ему пришлось заплатить – нет слов, цена оказалась чрезмерной, но ведь он сам повел себя как осел. Однако жизнь-то продолжается. Вот, появилась новая комета на звездном небосклоне соломоновых увлечений: Анна Дмитриевна, обладательница красивых волос. Что ему до этого Боброва? Сезон охоты на бобров закончен...

Нет, напрасны все уговоры. Соломон зевает во весь рот – настолько, насколько ему позволяет повязка. Лишь в этот момент и видно отличие его нынешнего облика от прежнего – посреди безупречного ряда белых зубов зияет черная дыра, не слишком подходящая для молодого человека.

Сара Самуиловна торопит Вениамина, и он переходит к упаковке вещей. Поезд уходит завтра вечером. Лохвице, Ромодан, а затем Харьков... – мать остается там, Вениамин едет дальше.

Вечером в доме вновь собираются гости в честь Соломона, на этот раз исполняя святой долг посещения больного. Берман, Голда, резник реб Довид. Приходит и Берл Левитин, он сжимает в кулаке газету «Правда». Берл поглощен политикой и, похоже, будет поглощен политикой даже на краю бездны. Есть и новые лица: это, прежде всего, Шломо Шапиро, сморщенный болезненный старик, почти не выходящий из дому по причине больного сердца и почек. Он тощ и высок ростом, и так же тоща его реденькая борода, наотрез отказывающаяся расти вот уже столько лет. В тот вечер Вениамин увидел его впервые, но в будущем еще выпадет ему ближе познакомиться с этим стариком, который заменит ему и отца, и учителя. Шапиро было в ту пору около шестидесяти пяти. Его жена Берта Абрамовна давала частные уроки иностранных языков и игры на пианино – на эти заработки они и жили.

Да, прошли лучшие годы Шломо Шапиро, тело его истончало и сморщилось, безделье – его удел. Что поделаешь, такова судьба рожденного женщиной. Но если отмотать тридцать-сорок лет назад, был Шапиро совсем другим человеком, хотя борода, надо сказать, не росла у него и тогда. В те годы считался он одним из самых важных и влиятельных людей в Гадяче, главой местных сионистов. Когда собирались они на свои заседания, то именно Шломо Шапиро держал там речь. А однажды он даже ездил в Базель для участия в сионистском конгрессе. Посетил Шапиро и Эрец Исраэль и провел там целых три месяца. Довелось ему повидать поселения еврейских братьев – и Петах-Тикву, и Реховот, и Ришон-ле-Цион, и Зихрон Яаков; а ноги его ступали по улице Герцля и бульвару Ротшильда в молодом городе Тель-Авиве.

Обо всем этом поведал Вениамину Соломон, друг-комсомолец.

А тем временем Берл Левитин и его рубящая воздух ладонь решают вопросы большой политики. Нет, такого, как Берл, не проведешь, такие, как он, не покупаются на дешевые трюки! Не родился еще такой человек, будь он хоть самый главный дипломат, который мог бы заткнуть Берла Левитина за пояс в этом вопросе! В чем смысл договора между нами и Германией? Ерунда и обман зрения! Все дело в том, что Германия и Италия борются с Англией. Но у нас тоже есть к Англии свои требования. Например, мы хотим, чтобы к нам отнеслись с должным уважением, вежливо, как и полагается относиться к великой державе. Надоело нам английское высокомерие.

– Так будет война или нет, реб Берл? – тихо спрашивает Песя.

Старую Песю беспокоит только опасность войны. Ах, Господи, был бы только мир в наших краях! А вся прочая политика с точки зрения бабушки Песи – незначительная чепуха.

Берл Левитин от души смеется. Война? Какая война? Ерунда! Смотрите, как суеются дипломаты, летают из Лондона в Америку и из Америки в Лондон. В Китае сражения, в Греции и в Африке гремят пушки. Все они по макушку увязли сейчас в собственных проблемах, зато мы на долгие годы обеспечили себя безопасным нейтралитетом.

– Дети играют, а евреям горе, – говорит Шломо Шапиро.

По его мнению, игры с Гитлером не приведут ни к чему хорошему. Гитлер – страшный хищник, а с хищниками не играют.

Рядом с постелью Соломона слышится смех. Там собралась молодежь: Берман, Голда, Рахель и Вениамин. Что за глупое веселье? Стыд и позор! Смеются себе, и всё тут – никакого уважения к важнейшим политическим проблемам! Соломон рассказывает анекдоты, причем довольно сальные. Голда не смеется, а только сильно краснеет от корней волос до кончиков ушей, краснеет и украдкой бросает на Бермана смущенные взгляды.

Песя ставит на стол бутылки вина и закуску. В этот вечер угощение особенно обильно – видимо, из уважения к важному гостю, Шломо Шапиро, ну и, конечно, в честь Шлеймеле, избитого и забинтованного, но любимого Шлеймеле.

Берман поднимается с места и ласково смотрит на Голду. Куда они собрались, сумасшедшие? Бабушка Песя спрашивает молодых остаться, но они не слушают.

– А где твой папа, почему не пришел? – спрашивает Песя у девушки.

– Болен он сегодня, – отвечает та.

Песя воздерживается от дальнейших расспросов. Известно, что время от времени словно находит на службу какая-то черная горечь, и тогда он прячется от всех, дни и ночи проводя в штибеле. Берл Левитин продолжает рассекать море политики – и вдоль, и поперек. Хозяин наполняет стаканы, а резник реб Довид вооружается вилок. Рахель и Вениамин провожают Бермана с Голдой. Они выходят в переулок. Еще немного – и каждая пара пойдет своим путем. Рахель и Вениамин сворачивают на хорошо протоптанную тропинку к берегу реки Псёл. Над водой звезды и речная прохлада. Безмолвие и тьма окутывают молчащую пару. Слышится отдаленный лай собак, то и дело затевают свой концерт лягушки. Под крыльями куста, старого надежного друга, тесно-тесно прижимается Рахель к Вениамину. Прижимается к любимому, и смеется, и плачет.

Глава 8

Вот и пришел конец лесной безмятежности, мягкой душистой тишине полтавских сосновых рощ.

В столице ждала Вениамина осень, холодные утренники, опавшие листья на тротуарах и трамвайных путях, дворники с метлами и лихорадочный темп большого города. Ждал институт с его лекциями и семинарами, учебниками и лабораториями. Но Вениамин не жаловался. Он любил студенческую жизнь и искренне желал с головой окунуться в учебу. Если есть в этом мире ненормальные, готовые благословлять хедер прежних времен, и ремень меламеда, и субботу с ее пирогами... – если есть такие люди под солнцем, то, скорее всего, народ Книги вырастил их.

Но в первый вечер после приезда еще одолевали Вениамина воспоминания о Гадяче. С закрытыми глазами лежал он на своей железной койке в комнате номер 224 студенческого общежития, лежал и грезил наяву. Невелика была комната номер 224, невелика и скудно обставлена: шкаф для посуды, книг и вещей, стол, два стула и две кровати – вторая койка предназначалась для Соломона.

Закрыв глаза, Вениамин перебирал в памяти всё, что удалось ему обрести этим летом. Он познакомился с компанией стариков – каждый там по-своему интересен. У дряхлого резника реба Довида «есть еще Бог в небесах», Берл Левитин занят высокой политикой, Хаим-Яков, винодел, печется о благе детей, а профессор Эйдельман поглощен работой и кашлем. А есть еще и чернявый кладбищенский габай, еврейский монах, в уединении штибеля сражающийся с темными силами Ситра Ахра и хранящий, как зеницу ока, негасимый огонь светильника.

Что еще? Еще девушки – каждая со своими достоинствами, своим характером и своими выкрутасами. Жесткая сердцем Лида Эйдельман, играющая Шопена... – Вениамин уже почти не вспоминает свое неудачное объяснение с этой девушкой. Другие, жгучие ночи начисто заслонили собой тот досадный эпизод; теперь его мыслями безраздельно владеет Рахель Фейгина.

Ох уж эти печальные воспоминания о днях смятения и заблуждений!

С закрытыми глазами лежит Вениамин на железной койке студенческого общежития. А вот предстает перед ним Песа Фейгина, еврейская мать. Тень скромной святости лежит на ее морщинистом лице. Среди бушующих волн жизни стоит она, всеми силами слабых своих рук стараясь прикрыть, защитить семью и детей; прикрыть, приласкать, утешить, прижать к сердцу.

Занятия начались; уже на следующий день Вениамин сидел на скамье в аудитории института, слушая лекцию профессора. Понемногу учеба завладела всеми его помыслами, и яркие образы Гадяча поблекли, растворились в институтских буднях.

Соломон довольно долго не приезжал, отсиживался в Гадяче, залечивая отметины, которые оставила любовь на его голове и ногах. Но все проходит – к концу сентября вернулся в столицу и он, с залеченной макушкой, здоровой ногой, и черной дырой на месте двух передних зубов. Шумно ворвался в комнату, а с ним – изрядное количество свертков, увязанных заботливыми руками старой Песи. Вот сидят два друга за столом в комнате номер 224, пробуют вкусные гостинцы из благословенного Гадяча. Соломон отвечает на вопросы. Нет, Берман и Голда пока еще ходят вокруг да около, но желанный результат, по всей видимости, близок. Берл Левитин с женой уехали в Харьков. Рахель шлет Вениамину большой привет. Тамарка пошла в четвертый класс. Городской рынок опустел, и цены упали. По вечерам дома собираются старики – резник реб Довид,

Аарон Гинцбург, Шломо Шапиро. Иногда выпивают – всё, как обычно. И понемножку, полегоньку стареют.

– А что с сестрой милосердия, с которой ты познакомился в больнице?

В ответ выслушивает Вениамин еще одну историю из сборника походов любвеобильного Соломона. Повесть об Анне Дмитриевне – его очередной жертве. Конечно, сама она тоже не без греха, но Соломон не отрицает и своей вины. Была у Анны Дмитриевны, женщины опытной и сердобольной, комната на Ромнинской улице – там-то и навещал ее Соломон два-три раза в неделю. Хозяйка принимала его хорошо, готовила ужин: яичница, жареная колбаса, фрукты. Не обходилось и без бутылки вина, а к вину – шутки с анекдотами. Телосложение у Анны Дмитриевны было, Боже упаси, далеко от субтильного. Торс дородный и мягкий, тело сорокапятилетней женщины, матери и бабушки, а не какой-нибудь легкой лани любви. Да и волосы ее, если снять с них сестринскую косынку, выходили на поверку не так уж и хороши.

Но Соломон не из разборчивых, и вот сидят они за столом в опрятной комнате на Ромнинской улице. Скворчат на сковородке ломтики колбасы и яичница-глазунья. Раскраснелось круглое лицо сестры милосердия. Соломон рассказывает свои сальные анекдоты, женщина хохочет и невзначай кладет ладонь на рукав гостя. Снаружи осенняя темнота, влажный ветер гуляет над грязью улиц. Но тут, в комнате сестры милосердия, светло и тепло, и задернуты на окне белые занавески. Закончен ужин. Анна Дмитриевна убирает со стола: приключения приключениями, но скатерть всегда должна быть на своем месте, а цветочный горшок – на своем. Соломон рассказывает очередной анекдот, и женщина к месту смеется. Затем хозяйка вдруг гасит свет, и в комнате воцаряется темнота.

Что ж, оставим их на время наедине – парня и бабушку. Вернемся к Соломону в момент, когда он пробирается по хлябям Гадяча в направлении своего Садового переулка. Осенняя ночь лежит на городской грязи, редкие звезды блестят в прорехах облаков. Мокрый ветер свистит в голых ветвях, шлепает по лицам редких прохожих, стучит чьей-то забытой ставней. Тяжелая усталость одолевает в такие моменты Соломона, гирями висит на ногах, давит на сердце, отравляет душу. Даже вспомнить ему противно об Анне Дмитриевне, о ее пухлых жадных губах, мягком теле и топкой засасывающей силе, женской силе. Он безуспешно старается думать о чем-нибудь другом, потом плюет с отвращением и уже в десятый раз успокаивает себя обещанием, что теперь-то уж точно никогда не ступит его нога на порог той опрятной комнаты. Но проходит день-другой, и вновь берет Соломон бутылку вина и отправляется на Ромнинскую улицу. И снова приветливо принимает его стареющая медсестра, снова скворчит на плите глазунья с колбасой, снова звучит в комнате скабресный анекдот...

В первый же вечер после своего приезда рассказал Соломон своему другу эту печальную повесть. Рассказал, лег на железную койку, и всё вернулось на круги своя. Прошло еще несколько дней, и вот Соломон уже окончательно погрузился в учебу и в дела комсомольские. Этот парень не из тех, кто долго переживает прошлые беды, потому как зачем?.. – не лучше ли забыть и двигаться дальше? Например, заняться выбитыми зубами. Проходит месяц, и во рту Соломона появляется новое сооружение: мост и золотые протезы. Теперь он снова может улыбаться как человек.

Жизнь продолжалась, кипучая институтская жизнь. Уроки, чертежи, домашние задания, молодежные вечера в общежитии. А в мире в это время происходили большие события, лилась кровь. Гитлер вторгся в Польшу, началась мировая война. Впрочем, в нашей стране была тишь и благодать. Более шестисот

пятидесяти тысяч студентов учились тогда в советских вузах, среди них и Вениамин с Соломоном. В воскресенье 17 сентября по радио прозвучала речь Молотова по вопросу Западной Украины и Западной Белоруссии. Красная армия вошла на эти территории; было объявлено о захвате городов Молодечно, Барановичей, Ровно, Дубны и Тернополя.

Где-то там свистели пули, рвались бомбы, текла кровь, шли по дорогам беженцы и рушились судьбы. Но герои нашей повести были по горло загружены своей повседневной работой, и бесконечно далекой казалась им гроыхающая на западе мировая война. Шестого ноября, накануне праздников, получил Вениамин письмо из Гадяча, открыл и с первых же строк нахлынули на него воспоминания лета.

«Тоскливо сейчас в Гадяче, – написано было в письме. – На земле грязь, а в небесах мрак и скука. Дни едва движутся – серые, ленивые. По вечерам я не нахожу себе места. Все вспоминаю те ночи, тихий берег, легкие волны реки. Неужели ты забыл это, Вениамин?»

В конце письма стояла подпись: Р. Фейгина. А перед этим напоминала женщина Вениамину его обещание помочь ей с переездом в столицу. Маленькие округлые буквы женского почерка, знакомый запах духов.

Через два дня отправился Вениамин к Эпштейну, своему знакомому по Пашутовке. Эпштейн, умный лысоватый очкастый еврей, жил в Оболенском переулке и работал главным инженером в тресте, который занимался поставками дров и других отопительных материалов. Вениамин навещал его время от времени на правах земляка: выходцы из Пашутовки продолжали поддерживать связь между собой и в Москве. Возможно, это были тогда последние узлы рассыпающихся общин – пуповина, еще соединявшая людей с далеким местечком. По крайней мере, Вениамин чувствовал себя уютно в московских домах своих земляков.

На этот раз он пришел к Эпштейну с определенной целью: просить работу для Рахели Фейгиной. Но Мария Абрамовна, жена Эпштейна, приветливая ширококостная, коротко стриженная женщина, вынудила Вениамина остаться на обед. Затем он сел сыграть с хозяином партию в шахматы. Оба были скорее любителями, чем мастерами этой игры, а потому нас не должны обманывать ни глубокомысленно нахмуренные лбы игроков, ни пальцы, барабанящие по столу, ни напряженная поза противников. Несмотря на далеко идущие замыслы и коварные ловушки, исход их партий решался преимущественно волей слепого случая.

Эту партию проигрывает Вениамин. Ферзь его застрял на краю доски, слон и ладья под вилкой, а над королем нависла угроза мата. Вениамин морщит лоб. После длительного раздумья он находит спасительный, как ему кажется, ход конем, выпускающий на свободу ферзя и одновременно решающий проблему вилки и осажденного короля. Но прежде чем сделать ход, Вениамин излагает Эпштейну свою просьбу.

Одна молодая женщина лет тридцати, счетовод по профессии, намерена переехать в столицу из полтавского местечка. Нужна работа. Сказав это, Вениамин берет за фигуру и делает ход. Но коварный прыжок коня приковывает к себе все внимание Эпштейна. Он перестает барабанить пальцами по столу, хватается за голову и погружается в глубины шахматной тактики и стратегии.

Эхо слов Вениамина еще некоторое время звучит в комнате и достигает ушей Марии Абрамовны. Трудно поверить, что именно в эту секунду разверзлась под ногами этой женщины пропасть, о существовании которой не подозревает пока ни один из сидящих в комнате людей. Ведь по милости судьбы не дано человеку знать своего будущего. Мария Абрамовна задает несколько вопросов, и

Вениамин мало-помалу рассказывает своим хозяевам историю Рахели. Тем временем Эпштейн передвигает на доске слона и тоже присоединяется к разговору.

В тот вечер Вениамин терпит решительное поражение в шахматах, но зато заручается обещанием Эпштейна помочь, и в конце 1939 года Рахель переезжает в Москву.

Что ж, еще одна еврейская душа покинула местечко ради большого города. Соломон был недоволен решением сестры. Видано ли такое? Бросить стареющих родителей, слабых и одиноких! Вот брат, сестра и Вениамин сидят в комнате номер 224. Мрачен взгляд Соломона, но у Рахели есть свои соображения. Она говорит, убеждает, уговаривает, приводит веские доводы, и мало-помалу разглаживается лицо брата. На столе появляется бутылка домашнего вина и закуска производства старой Песи; вот уже и спор угас, пришло время спокойной беседы, время новостей из далекого Гадяча.

Несколько дней прожила Рахель в студенческом общежитии. Назавтра, вернувшись из института, парни увидели свою комнату преображенной: чистенькой, уютной, с тюлевыми занавесками на окне.

Все-таки рука женщины – это вам не неуклюжие старания холостяков!

Вечером Вениамин повел Рахель к Эпштейнам. Посидели вчетвером за чашкой чая. Как всегда, приветлива была хозяйка. Мария Абрамовна работала в одном из химических институтов. Судьба не дала ей детей. Удивительны пути жизни, дорогие читатели. Что, например, побудило Эпштейна взять в жены эту женщину, которая, при всей ее несомненной приятности, была больше него самого раза в полтора, а то и в два? Люди, особо сведущие в тайнах бытия, обычно отвечают на это так: подобные странные сочетания нормальны для человеческой природы. И таким огромным женщинам дала природа крылья; потому-то и тянутся они к маленьким, как птенцы, мужчинам, что заложено в них стремление взять под крыло, приголубить, прикрыть от невзгод и непогоды. В этом неистребимом стремлении – вся их женская суть.

Эпштейну давно уже перевалило за сорок лет. Присутствие красивой женщины воодушевило его; разговор шел вежливый, умный, с легким налетом иронии. Рахель хорошо выглядела в тот вечер: держала себя легко, смеялась, поблескивая великолепными зубами.

Вскоре после знакомства Рахель приняли на работу в трест, и Эпштейн обещал хлопотать о том, чтобы ей выделили комнату в одном из приписанных к предприятию домов. Пока же она жила в комнате студенческого общежития. Однажды, пользуясь отсутствием Соломона, попробовал было Вениамин подступить к ней со всем жаром своей любви и открытого сердца. Но его встретил ледяной прием: руки, упершиеся в грудь, отвернувшееся лицо, а спустя минуту – даже пощечина.

Вот так разочарование! Вот так сердечная боль, вот так удар в самую душу!

Однако выбора не было: проглотил Вениамин обиду и вернулся к книгам. Вскоре, в начале 1940 года, он должен был уехать из Москвы на практику. Согласно институтской программе, студенты третьего курса обязаны были стажироваться на одном из промышленных предприятий. Вениамина отправили на три месяца в Киров.

Вернувшись, он вновь приступил к занятиям. Рахель к тому времени уже получила свою комнату, а дела в тресте так и вовсе шли у нее очень успешно. Прошло всего три месяца, как она приступила к работе, а ее уже назначили главным счетоводом! При всех прошлых сложностях и ошибках, были в характере Рахели и здоровая хватка, и способности – нашла-таки она себе место в жизни! С такой же энергией и вкусом обставила она и свою комнатенку: в каждой мелочи

чувствовал там Вениамин уют и тепло. А у стола, покрытого красивой скатертью, сидел знакомый земляк – инженер Эпштейн.

Вениамин был принят в комнате Рахели приветливо. Эпштейн немедленно усадил его за шахматы, и вновь пошли в ход барабанный перестук пальцев, нахмуренный лоб и коварные замыслы. Только теперь пришла очередь попасть в ловушку королю инженера.

– Не везет в картах – повезет в любви! – пошутил Вениамин.

– Шахматы – не карты, – заметил Эпштейн, снимая пиджак.

В комнате главного счетовода треста по поставкам дров было жарко натоплено. Вениамин попрощался и вернулся к себе в общежитие. С тех пор он еще несколько раз навещал Рахель и во время каждого своего визита находил в комнатке всё те же три неизменные составляющие: уют, тепло и Эпштейна.

Однажды вечером Вениамин зашел в Оболенский переулок, в квартиру Эпштейнов, но хозяина там не застал. Мария Абрамовна была одна, и Вениамин поразился происшедшей с ней перемене. Женщина словно уменьшилась в росте и усохла в размерах. Вот уже сколько времени ночует Эпштейн у Рахели. Что тут скажешь? Вырвался мужчина-птенец из-под крыла большой женщины, настали для нее трудные дни, дни пустоты и одиночества.

Понял Вениамин, что потеряна для него Рахель, но не дал черной печали отравить свои дни. Пришла весна – потихоньку, полегоньку, растопила тяжелые глыбы льда на улицах и в душах человеческих, расчистила небо над головой. В воздухе разлился запах сирени и боярышника, бульвары покрылись молодой листвой, свежий умытый мир выглянул на свет Божий.

Нет, не погряз Вениамин в горе горьком. В один прекрасный день пришло ему письмо из Ленинграда от профессора Эйдельмана, прошлогоднего его нанимателя.

«Если ты снова намерен провести лето в Гадяче, – писал профессор, – то я мог бы предложить тебе постоянное место своего помощника и секретаря. Договор с издательством обязывает меня завершить до ноября третий том моего учебника по динамике. Условия таковы: работа с десяти до трех, ежедневно, кроме воскресений. Содержание работы: черчение, копирование рисунков и подготовка к печати. Зарплата: шестьсот рублей в месяц. Жду твоего ответа до первого июня».

Без малейшего колебания согласился Вениамин на предложение Степана Борисовича. С радостью и нетерпением думал он о своих третьих каникулах в Гадяче. Несмотря на все сопутствующие разочарования, стал для него этот городок второй родиной. А кроме того, сам он, что немаловажно, происходил из подобного местечка; милы были сердцу Вениамина эти домики и сады. Еще не подмяла его суета большого города – как мачеху, чужую и холодную, воспринимал он столицу.

Детство Вениамина прошло в Пашутовке, на благословенной Волыни. Слыхали ли вы о таком местечке, расположенном между Славутой и Судилковом, Бердичевом и Ровно? Впрочем, Ровно находилось тогда за границей, в Польше, и автору мало что известно о том, как жили-тужили евреи в другом государстве. Зато Славута, Судилков и Бердичев, а также и Пашутовка благополучно пребывали здесь, внутри наших границ, и среди многих проживавших там людей можно упомянуть и мальчика Вениамина.

Отец его был ремесленником, простым человеком. До революции он зарабатывал на хлеб изготовлением шерстяных и полотняных талитов¹. Шмуэль

¹ Талит – еврейское молитвенное покрывало.

Штейнберг, обладатель лавки и обширной бороды, скупал у него продукцию и продавал ее на все стороны света. Лавка Штейнберга была полна всякого добра. Молитвенники и свитки, книги агады¹ и всевозможные ритуальные предметы, открытки и шофары – чего там только не было! Шмуэль Штейнберг обеспечивал этими крайне необходимыми вещами, в том числе и талитами вениаминова отца, всех евреев от самой Пашутовки до самых дальних ее окрестностей.

А кроме всего этого можно было найти в лавке и книги на иврите: как учебники и научную литературу, так и беллетристику разного вида. Дядя Вениамина со стороны матери, Ханих Альпер, числился среди постоянных потребителей этого товара. Он происходил из весьма просвещенной семьи, с юности любил и хорошо знал иврит. На его книжных полках стояли книги, альманахи и подшивки журналов, которые издавались тогда в России и за границей. Вениамин любил дядю Ханиха и его жену Пэрил. В их доме всегда царил особенный покой, исходивший от книжных переплетов. Комнаты словно сияли каким-то чистым светом, хозяева говорили негромко, ходили мягкими неслышными шагами. Сын Альперов Липа был ровесником Вениамина, и мальчики подружились.

В первые годы после революции лавка Штейнберга прекратила свое существование. Отец уже не ткал талиты, а поступил в кооператив и теперь изготавливал полотенца, скатерти и ткани для сахарного производства. Кончился спрос на талиты.

Но шкафы дяди Ханиха были по-прежнему полны книг с ивритскими буквами на корешках, буквами святости и буквами буден. Днем дядя работал в конторе, а вечером и в выходные водружал на нос очки и усаживался читать. Был он поистине книжным человеком, достойным представителем Народа Книги. Возможно, и сам сочинял потихоньку песни и стихи – не исключено, что была у дяди Ханиха такая слабость. А кроме того, посвящал он немало времени Вениамину, обучая своего племянника языку, ТАНАХу², начальным основам Талмуда³ и ивритской грамматике по трехтомному учебнику Гордона⁴. Это открыло перед мальчиком дверцы дядиных шкафов. В те дни, десять лет тому назад впервые овладела Вениамином страсть к чтению. Одну за другой проглатывал он книги из библиотеки дяди Ханиха и через несколько лет прочитал почти все – от подшивок газеты «Ха-Цофе»⁵ до томов альманаха «Ха-Ткуфа»⁶.

Но не впустую ли потратил тогда Вениамин свое время? Ведь знание иврита уже не считалось в нашей стране чем-то, заслуживающим даже минимального внимания. Мертвый язык. И в самом деле, пропала, выброшена была за ненадобностью вся та древняя культура, которую впитали наши отцы с материнским молоком, которую изучали в хедерах и домах молитвы, в школах и ешивах⁷. Уничтожен был сам институт меламедов и учителей иврита; не стало творцов ивритской литературы и поэзии, исчезли многочисленные авторы, чьи

¹ Агада – вид талмудической литературы.

² ТАНАХ – слово, составленное из начальных буквы слов Тора, Невиим (пророки), Ктувим (свитки) – принятое в еврейской традиции название Священного писания. В христианской традиции ТАНАХу соответствует Ветхий завет.

³ Талмуд – многотомный свод религиозных, этических, юридических, бытовых и прочих положений иудаизма.

⁴ Шмуэль-Лейб Гордон (1867-1933) – поэт, переводчик, преподаватель иврита.

⁵ «Ха-Цофе» (Обозреватель) – литературно-философский журнал, выходивший в 1910-1914 и затем в 1921-1931 в Будапеште.

⁶ «Ха-Ткуфа» (Эпоха) – литературный альманах на иврите, выходивший раз в квартал с 1918 по 1950 год сначала в Москве, а затем в Варшаве, Берлине, Нью-Йорке и Тель-Авиве.

⁷ Ешива – высшее религиозное заведение в иудаизме.

тексты заполняли страницы журналов, газет и альманахов. Воцарилась мертвая тишина, и лишь немногие упрямые любители языка остались на обломках некогда великолепного здания – лишь они еще время от времени открывали тайком ту или иную уцелевшую ивритскую книгу. Рассеялись и бывшие читатели: настужь распахнулись прежде запертые ворота, и еврейская молодежь массами устремилась в большие города, оставляя позади захолустные местечки, талит и тфилин¹, цицит² и мезузу³, а с ними – и ивритскую книгу.

А коли так, то зачем тешить себя иллюзиями? Да, впустую пропали те годы, которые растратил Вениамин на мертвые книги мертвого языка. Та же судьба постигла и автора этих строк... Кто же мог знать, что промчатся годы и придет день, когда сядет он за письменный стол в тиши запертой комнаты и рука сама начнет заполнять бумажный лист тесными рядами ивритских букв – заполнять справа налево! – и душа его, как раненая птица, найдет себе убежище между строчками.

Вениамин учился в пашутовской средней школе, в одном классе с Липой Альпером. Домашние задания они обычно делали вместе. Каждый день приходил Вениамин в дом Альперов, чтобы поболтать с другом и заодно позаниматься. А занятия у них были двух видов: школьные предметы, типа математики и географии, и предметы дядины, то есть ивритская грамматика и ТАНАХ. Липа отдавал явное предпочтение математике, географии и болтовне, зато Вениамин больше любил уроки дяди Ханиха. Липа был очень похож на свою мать, тетю Пэрил. Она была красавицей, простой и легкой в общении. А вот Вениамин явно унаследовал черты рода Альперов – любителей книг и учебы.

Дядя Ханих каждый вечер занимался с мальчиками не меньше двух часов. Липа зевал и увивал от занятий, а Вениамин жадно впитывал крепкое вино танахических строк; уроки эти будоражили и надолго захватывали воображение мальчика.

Жизнь между тем продолжалась, монотонно и равнодушно крутилось ее колесо. Стоял над Пашутовкой небесный купол, свежий ветер носился по улицам и рощам. По небу скользили легкие чистые облака, сияющее солнце купалось в них, играя лучами. По вечерам западный край неба вспыхивал новыми яркими цветами, зажигались в вышине звезды, и девушки выходили на прогулку вместе с парнями.

Наблюдал за течением жизни и дядя Ханих, не оставались для него незаметными обороты ее колеса. Каждому малому явлению находил он место в своем сердце и на листах бумаги, куда втайне от всех записывал сочиненные им стихи и песни, родившиеся в душе короткие рифмованные строчки. А случалось, писал поэт и о больших явлениях, о противоречиях и больших сдвигах, которые происходили тогда повсюду и в Пашутовке тоже. Писал о свете и тьме, о жизни и смерти, об Израиле и идолопоклонниках, о богатстве и бедности. Ну и, конечно, о женщине, о любви, красоте и радостях жизни. Богата на вздохи любовь, повсюду виден ее след, во всех концах мира, не исключая Пашутовку и ее жителей.

Все это выяснилось уже после смерти дяди Ханиха, когда среди бумаг покойного обнаружили эти песни и стихи. Звучало в них и невинное чувство, и грусть, и скромные цвета неширокого пашутовского горизонта.

Умер дядя Ханих, и сразу распалась дружная компания. Мягкая и обходительная тетя Пэрил вынуждена была теперь сама зарабатывать на жизнь.

¹ Тфилин – молитвенные принадлежности, закрепляемые на лбу и на левой руке.

² Цицит – сплетенные пучки нитей, которые верующий иудей носит с 13 лет.

³ Мезуза – пергамент с текстом молитвы, прикрепляемый в специальном футляре к дверному косяку еврейского дома.

Она начала работать в том же кооперативе, где трудился отец Вениамина. Липа вступил в комсомол и отдался общественной работе со всем пылом, столь характерным для детей Израиля. Вениамин – а ему было тогда пятнадцать – остался один. Конечно, он очень любил своего отца – простого ремесленника, но страстную любовь к мертвым книгам унаследовал все же не от него, а от Альперов – от семьи многих поколений раввинов и учителей, которые во все времена и эпохи сидели над свитками и письменами. Нелегко было провести этот народ через выпавшие на его долю испытания, сквозь беды, угрозы и препятствия. И в каждом времени появлялись люди, которые знали секрет правильного маршрута от этого поколения к следующему. Были такие и в роду Альперов. Всю свою силу черпали они в книгах, в традиции и мужестве сердца.

И вот пролетели тысячи лет, оставив после себя лишь буквы и тени – настало время поколения Вениамина. Но никто не встает к кормилу, лишь поток жизни несет, как придется, бесформенные комья глины.

Нет, не нужно удивляться тому, что после смерти дяди Ханиха почувствовал Вениамин, что именно на нем лежит обязанность разобраться в бумагах и книгах покойного. Он перенес к себе содержимое дядиных шкафов – всё, до последней пылинки. Огромный мертвый мир лежал за этими обложками – там отныне и проводил юноша все свои свободные дни и ночи.

Так заразился он этой болезнью – лихорадкой книг и горячкой воображения. Старший брат Вениамина был скорее похож на отца – простой человек действия. Закончив пашутовскую школу, он уехал в Киев, поступил в институт и сейчас работает инженером на заводе, доволен профессией и карьерой. А Вениамин, вместо того, чтобы двинуться той же дорогой, погряз в этих странных книгах, непонятных видениях, бессмысленных словах.

Люди-борцы, люди-страдальцы с бледными лицами и горящими глазами зывали к нему с этих мертвых страниц. Но вокруг него была совсем другая жизнь, и она не желала уступать. Жизнь загнала его в западню и не оставила выбора. В тот самый год, когда Вениамин окончил школу, скоропостижно умер его отец. Выяснилось, что была у него скрытая болезнь сердца, из тех, что тихо сидят внутри, а потом убивают одним ударом.

Тут-то и настал конец видениям, образам и мертвым книгам – пришла пора и Вениамину распрощаться с Пашутовкой и пойти общей дорогой. Мать переехала в Харьков к брату Шимону, а Вениамин отправился поступать в столичный институт. А что осталось в Пашутовке? Остались могилы и маленькие дома с маленькими садиками; остались шкафы с книгами, которых будут отныне касаться лишь мухи да пыль.

Годы рассеяния, годы изгнания. Но что такое изгнание для еврея, и где она, его настоящая родина? Изгнание и есть естественное состояние еврея – изгнание, а не оседлая жизнь на одном месте. Довольно быстро выучился Вениамин науке приспособления – и в этом тоже помогла ему традиция отцов. Новые книги, учеба и экзамены, шум и толпы большого города – всё это не стало для него непреодолимым препятствием. Но в глубине души еще хранил он теплое чувство к далекому маленькому местечку. Нет, все же и для еврея изгнание – несчастье.

Ведь еврейское сердце привязано к родине не менее крепко, чем любое другое.

Глава 9

Но давайте посмотрим на семью Фейгиных – вернее, на ее молодую ветвь. Посмотрим на их печали и улыбки, на их неурядицы и хорошие дни.

Соломон – мальчик-забавник, человек, пораженный болезненной тягой к женщинам, тягой, которая уже принесла ему немало бед и тумачков. А сейчас настало время и сестре его выйти на охоту.

Вот ведь скандал, еврей! Приехала из полтавского местечка женщина с великолепными зубами, поймала в свои сети маленького лысого мужа и растоптала при этом его жену, большую и ширококостную.

Жили они в комнате на улице Дубининской, недалеко от завода имени Владимира Ильича. Но было ли надежным это гнездышко? Главный счетовод треста, цветущая женщина, которая только что вырвалась на свободу из родительского дома и из томительной скуки маленького местечка; и рядом – главный инженер Эпштейн из Пашутовки, умный пожилой еврей, у которого есть сомнения по поводу собственной порядочности, еврей, чью совесть тревожит во сне огромная страдальческая тень жены Марии Абрамовны. И надо же такому случиться, что именно этой паре судьба назначила вить гнездо в маленькой комнатке на улице Дубининской.

Кстати говоря, у Соломона есть свое мнение по данному вопросу: все-таки, он ей брат, товарищи! Соломон заранее уверен, что у подобной пары не может получиться ничего хорошего. Карточный домик – ветер подует, и нет его!

Наверно, поссорились недавно брат и сестра: вот уже несколько недель, как они избегают встречи друг с другом. В жизни Соломона тоже перемены: как видно, он произвел очередное плодотворное знакомство с очередной представительницей прекрасного пола. Каждый вечер он проводит немало времени перед зеркалом, бреется, душится одеколоном и уходит, чтобы вернуться после полуночи.

Весна.

Чувствую, что мне нужно уделить Соломону больше внимания; наверно, читатели давно уже недоумевают, отчего я оставляю в стороне эту интересную тему, отвлекаясь на разговоры о стареющих евреях и мертвых книгах. Думаю, что и читательницы заинтересованы узнать побольше об этом юноше. Вот только согласится ли с этим какой-нибудь солидный образованный человек, муж и отец? С его точки зрения, Соломон – типичный вертопрах и бездельник, чье влияние губительно, а потому нормальный человек никогда не позволил бы своей взрослой дочери находиться в его обществе. А если еще больше углубиться в суть вопроса, то и мать взрослой дочери тоже никогда не согласилась бы на это. Но вот проблема: попробуйте спросить ту же самую мать, не говоря уже о дочери, хотела бы она услышать о похождениях Соломона? – и вы увидите в уголках ее рта скрытую усмешку, а вместе с усмешкой и немой, но совершенно ясный ответ. Конечно, хотела бы!

Именно поэтому автор, ощущая себя меж молотом и наковальней, вынужден посвятить Соломону некоторую часть своего повествования. Проницательный читатель может заметить, что в этом вопросе автор идет на поводу у женщин. Что тут скажешь? Не стану отрицать – есть доля правды в этом замечании.

Весна.

Но действительно ли вы понимаете Соломона? Уверены ли вы, что знаете его от пяток до макушки? Сомневаюсь. Во-первых, это член комсомола, дисциплинированный человек, привыкший исполнять свой долг полностью и беспрекословно. Если требуется заняться пропагандой, прочитать лекцию, сесть

на председательское место, произнести речь, проголосовать «за» или «против» – можно совершенно положиться на Соломона Фейгина. Во-вторых, среди студентов он отнюдь не ходит в отстающих. Да, бывает, что Соломон время от времени проваливается на экзаменах, но в итоге он неизменно переходит с курса на курс, совмещая, таким образом, учебу со своими общественными обязанностями.

И снова возразит мне проницательный читатель, указывая на легкомысленность Соломона, на его, что скрывать, низкопробное зубоскальство и неистребимую склонность к сальным анекдотам. Кто он, этот Соломон, как не надутый пузырь, пустой и легковесный?

Но правильно ли будет во всем согласиться с гневными обвинителями? Разве не способен Соломон на действительно искреннее чувство и на решительный поступок, даже когда речь идет о его главной слабости – об отношениях с женщинами? Разве не суждено ему узнать настоящей любви, той, что гонит сон по ночам, сжимая в мягких своих руках человеческое сердце, внося сумятицу и хаос в человеческую душу?

Так ответит вам автор со своего неудобного места меж молотом и наковальней. Но не перейти ли непосредственно к предмету нашего разговора?

В одном из арбатских переулков, а точнее – в Филипповском, проживала в полуподвале семья Шотландов: отец Залман, мать Раиса и две дочери – Елена и Эстер. Десять лет назад они переехали в столицу из Гадяча, который тоже не был их родным городом. В Гадяч Шотландов принесла волна польских беженцев во время Первой мировой войны в 1915 году. У Залмана, главы семьи, была цыганская внешность: округлая черная борода, яркие глаза с сеточкой кровеносных сосудов на белках и лицо, смуглое во все времена года. Роднила его с цыганами и тяга к странствиям. Поразительно, насколько любил этот человек переезжать с места на место! В Гадяче он нередко оставлял семью на несколько месяцев, странствуя из города в город будто бы по делам. В 1930-ом Шотланд перевез семью в Филипповский переулок и занялся изготовлением папок-скоросшивателей; это дело оказалось довольно выгодным. Но когда кончился нэп, а вместе с ним и доходы, пришлось задуматься о другом заработке. Что делать еврею в час нужды? Шотланд мог бы, например, податься в счетоводы. Но эта профессия требовала усидчивости, которая, как уже сказано, решительно противоречила натуре этого человека. Сидеть по десять часов в день на одном стуле, зарабатывая себе геморрой? Нет уж, увольте! Залман любил жить в движении, любил дорогу, дорожную тряску и смену впечатлений.

А потому устроился Шотланд на часовой завод агентом по снабжению и вскоре принялся колесить по стране, как оно и требуется от снабженца. Вновь пошли длительные отлучки; по сути, домом и семьей правила мать, Раиса Исааковна. Это была самая обычная женщина, домохозяйка, которая весьма любила поговорить – настолько, что, не зная в этой страсти удержу, частенько наговаривала такого, о чем точно следовало бы помолчать. Она представляла собой полную противоположность цыганистому непоседе-мужу: белолицая, рыженькая домоседка с голубыми глазами.

Старшая дочь Леночка вышла замуж за слесаря, который работал на том же часовом заводе. Мужа звали Шауль Левин. Соломон познакомился с ним некоторое время спустя, когда тот был уже мужчиной лет тридцати, отцом чудесного ребенка. Профессию свою Шауль любил и успехов в ней добился немалых. За ним числилось несколько изобретений и патентов – в том числе, и авторское свидетельство на изготовление стрелки наручных часов. За это достижение получил Шауль премию в размере пяти тысяч рублей. Была в нем искра изобретательства, а к ней светлая еврейская голова и золотые руки. Во

всяком случае, Леночка любила его, а Шауль в ней и вовсе души не чаял. Что, в общем, неудивительно: Леночка была красавицей. Как, впрочем, и вторая дочь, Эстер. В 1940 году Фирочке исполнилось восемнадцать. Она заканчивала десятый класс школы и планировала поступать в институт.

Черт возьми, как хороша была эта цветущая восемнадцатилетняя цыганистая еврейка! Как строен был ее стан, как сияли чистые ее глаза! И не цыганская темь была в них, а чистая голубизна весеннего неба.

Соломон знал Шотландов еще по Гадячу. Захаживал он и в их полуподвальную квартиру в Филипповском переулке, которая стала своеобразным центром сбора для выходцев из полтавского местечка. Много подобных «колоний» было тогда в Москве помимо этой: автор уже упоминал здесь компанию приехавших из Пашутовки. И если будет мне позволено снова отвлечься от главной нити повествования, то отмечу, что именно эта, хранимая людьми связь с родным местечком, помогла им прижиться в больших городах. Евреи были обычными советскими людьми, с разными профессиями и занятиями. Они работали в учреждениях и на заводах, учились в школах и университетах и были равномерно рассеяны среди прочего народа. Никого уже не удивляли смешанные браки. Дети ходили в русские школы наряду с детьми других национальностей; былые еврейские обычаи, слова и песни казались им совершенно чужими. Связь с прошлым порвалась, как тонкая паутинка, и лишь воспоминание о дальнем родном городке напоминало людям о еврейской традиции. Так и возникли в столице компании типа «пашутовской колонии» или «колонии Гадяча». Люди собирались по нескольку раз в год – обычно на Первое мая, на Седьмое ноября или Восьмое марта, но, случалось, отмечали и еврейские праздники: Песах¹, Рош а-Шана², Хануку³. Сиделись за накрытый по всем правилам стол, вспоминали местечко, пели старые песни, а, бывало, кто-нибудь брал слово, чтобы пересказать ту или иную историю из кладезя еврейской мудрости. Но большей частью это были нехитрые воспоминания детства, шутки и безыскусное веселье. Паутинные нити. Да и участники этих собраний понемногу старились.

Когда выходцы из Гадяча, и Соломон между ними, собирались в полуподвале Филипповского переулке, хозяин дома обычно пребывал в отъезде. Гостей принимала Раиса Исааковна. Любой, кто попадал в руки этой гостеприимной хозяйки, мог быть уверен, что его не отпустят без обильного угощения и беседы, длинной до нескончаемости. Женщина усаживала человека за стол и принималась забрасывать его словами. Таков уж был обычай этого дома: ешь, пей и слушай день и ночь напролет. Но главной драгоценностью и достопримечательностью дома была в тот год юная Фирочка-Эстер, высокая и ясноглазая красавица. Когда она смеялась, становилось светлее в полумраке полуподвальной комнаты, вид ее радовал глаз и привлекал сердца.

Соломон был знаком с Фирочкой довольно давно, но именно в 1940-ом словно увидел ее по-настоящему – увидел и потерял голову. Но в тот год от Фирочки потерял бы голову любой, даже тот, кто не питает слабости к прекрасному полу на манер Соломона. Удивительно другое: каким образом ухитрился Соломон найти дорогу к сердцу красавицы? Ведь далеко не всякому парню, а уж такому безответственному в особенности, дано разобраться в хитросплетениях этого лабиринта, окутанного тенью и полного призраков.

¹ Песах – праздник исхода из Египта, приходящийся обычно на март-апрель.

² Рош а-Шана – еврейский Новый год, отмечается в сентябре-октябре.

³ Ханука – праздник, установленный в честь обновления Иерусалимского храма, обычно приходится на ноябрь-декабрь.

И, тем не менее, Соломон добился успеха!

Нет, говорите, что хотите, но временами трудно понять вкусы и обычаи нынешней молодежи. Судите сами. Весна, май, все прилежные выпускники десятых классов дни и ночи просиживают над учебниками, готовясь к приближающимся экзаменам. А все студенты – и автор имеет тут в виду настоящих студентов, ответственных людей с развитым чувством долга перед родиной – так вот, все студенты отбрасывают прочь все лишнее и с головой погружаются в учебу, в книги, конспекты и лабораторные работы. И вот в это самое горячее учебное время, когда молодые глаза не должны видеть ничего, кроме страниц книг и тетрадей, одна ученица и один студент, оторвавшись от прочей общестственности, удаляются в свой отдельный от всех мир – новый, чудесный и многоцветный, прижимаются друг к другу так, что не отодрать, и начисто забывают об учебной программе и о календаре вообще!

Соломон и слышать не хочет об экзаменах. Грубо говоря, плевать хотел Соломон на экзамены! Каждый вечер Вениамин видит, как его сосед по комнате прихорашивается перед зеркалом – в точности, как в период увлечения Клавой Бобровой.

– А как же экзамены, Соломон?

– Экзамены?.. – рассеянно переспрашивает тот, глядя в зеркало, и голос его звучит откуда-то издалека.

Вениамин вздыхает и в который уже раз напоминает другу, что близится сессия. Что вместо того, чтобы тратить драгоценное время на зеркало и на девиц, следует взять в руки книгу «Детали машин» Бобарыкова или учебник Баха и проштудировать одну-две главы. Но Соломон, вроде бы внимательно выслушав совет приятеля, отвечает ему туманным ослиным взором, а затем снова переводит глаза на зеркало. Удивительно, но в результате этого маневра взгляд вновь обретает человеческое выражение! Да и почему бы не обрести, если в зеркале отражается чисто выбритый темноглазый красавец-мужчина в галстуке и при золотых зубах!

Однажды вечером Вениамин зашел к Рахели, в комнату на улице Дубининской. На этот раз не было в комнате никого, кроме хозяйки. За окнами темнело небо, и слышался шум большого города.

– Я пришел поговорить о Соломоне, – сказал Вениамин. – Он стоит на грани крупных неприятностей. Но теперь речь идет не о побоях, выбитых зубах или сломанной ноге: Фирочка Шотланд не из тех, кто довольствуется подобными мелочами. Она берет парня целиком, с головой и с потрохами.

– Есть опасение, что он женится? – уточнила Рахель.

– Опасение? В этом исходе можно не сомневаться.

Она смеется, дразня Вениамина своими великолепными зубами. И он, забыв вдруг обо всем, что было между ними, притягивает женщину к себе. Когда он сделал это несколько месяцев назад, последовала пощечина – на сей раз Рахель не сопротивляется.

– Ну, соскучился по мне? – говорит она с хрипотцой в голосе.

В глазах Рахели – усталость, но сколько очарования есть в этой женщине, как кружит голову знакомый запах ее духов!

– Всей душой, Рахель, – отвечает он.

– Почему же тогда не приходил?

– Боялся.

Она снова смеется.

– Больше не будет пощечин, Рахель?

Опять смех. Он наклоняется и целует теплый изгиб ее шеи. Смех и трепет, теплота и божественная мелодия. Рахель встает и ставит на примус чайник. Пришел Эпштейн.

– А, Вениамин! – он протягивает ладонь для рукопожатия. – Что пишет мама?

Вениамин отвечает не сразу. Лишь спустя несколько минут возвращается к нему спокойствие, и он начинает болтать с Эпштейном о семейных делах и новостях из Пашутовки.

Двадцать лет назад, в молодости, Зиновий Клементьевич Эпштейн был приятелем Хануха Альпера. Оба они были вылеплены из одного и того же теста. Оба в детстве учились в хедере у Мешулама Фофика, которого помнил и Вениамин по забавной манере смеяться, задирая вверх тощую козлиную бородку. Были у них затем и другие учителя – чего-чего, а преподавателей и меламедов хватало тогда в Пашутовке. Но пришел день, когда женился Альпер на тете Пэрил и навсегда осел в местечке. Работал в конторе, заполнял ивритскими книгами шкафы и втайне писал стихи, пока не умер и не ушел из этого мира. А вот Эпштейн уехал из Пашутовки на завоевание мира, за год, экстерном, окончил среднюю школу, а потом и лесной институт, дослужившись в итоге до главного инженера столичного треста.

Нет, не покинул Эпштейн этот мир – он вполне себе жив и даже доволен жизнью. Конечно, он уже немолод, но без труда несет груз прожитых лет. К примеру, разве не набрался он мужества оставить свою приятную жену Марию Абрамовну ради этой молодой женщины, Рахели Фейгиной? Разве не говорит этот шаг о дерзости и жизненной силе?

Нет-нет, жив еще Эпштейн, еще цепляется он за жизнь руками и ногами. Хотя, надо признать, что не очень легко стареющему человеку изображать из себя юного молодца. Вот сидят они втроем у стола, пьют чай, и видна усталость на морщинистом лице Эпштейна. Боже милостивый, куда делись иронические замечания, столь характерные для этого умного маленького человека? Подумать только: сидит, зевает, а рядом – сияющее молодое лицо Рахели Фейгиной!

– Надо спасти Соломона, – говорит Вениамин. – Иначе будет плохо. По моему, эта Фирочка – не простого характера. Из тех она, кто своего не упустит. Такой только попадись – загрызет.

– Оставь ты его в покое, – возражает Рахель. – Может, женится, поумнеет. Все трое прихлебывают чай и какое-то время молчат.

– Хорошо, завтра я найду к вам, – говорит женщина. – Когда можно застать Соломона?

– В семь-восемь он уходит к Фирочке. Так что не опаздывай...

Эпштейн выходит проводить Вениамина до метро. Уже стемнело, но на улице Дубининской еще играют дети, их крики поднимаются до самого неба. Горят уличные фонари, а над ними льет свой неверный свет фонарь луны. За оградой завода имени Владимира Ильича слышны голоса паровозов. Вот один просвистел частыми захлебывающимися свистками; ему длинным низким гудком откликнулся другой, и оба звука смолкли в отдалении. А Зиновий Клементьевич, взяв Вениамина под руку, всё говорит и говорит. Говорит о древесине, и о камнях, и о погоде, и о других малозначимых вещах. Однако затем он переходит от погоды к разговору о себе самом, о нынешнем странном периоде своей жизни, и голос его звучит так, будто идет из глубины сердца.

– Пойми, Вениамин, она очень приятный человек, Рахель Ефимовна, но я ведь работаю с утра до вечера – это раз. И два: хотел бы я, чтобы это случилось не сейчас, а двадцать лет назад...

– Что вы такое говорите, Зиновий Клементьевич?

Нет, он ошибся, связавшись с Рахелью Фейгиной. Когда почти пятидесятилетний человек совершает такой шаг, он должен правильно взвесить свои силы.

Эпштейн продолжает тихим, потухшим голосом. Возможно, не надо было бросать Марию Абрамовну – это тоже была печальная ошибка. Человеку в его возрасте тяжело отвыкнуть от налаженного семейного распорядка, от привычного образа жизни. Мария Абрамовна очень заботливая женщина, в этом она видит свое главное назначение. Тут, у Рахели, он не получает такой заботы. Напротив, Рахель требует заботы о себе...

Они приближаются к станции метро. Со стороны Павелецкого вокзала снова доносятся голоса паровозов; их перекличка вливается в музыку городской ночи.

– Не навещал ли ты в последнее время Марию Абрамовну? – спрашивает Эпштейн.

– Навещал два-три раза в течение зимы.

– Зайди к ней, пожалуйста, – просит Зиновий Клементьевич.

Они прощаются, и Вениамин идет к эскалатору. Но не проходит и секунды, как он слышит, что его зовут по имени. Это Эпштейн торопится договорить недоговоренное. Залитые светом люстр, стоят они в роскошном вестибюле метро, и Вениамин видит, что в собеседнике произошла какая-то перемена. Да-да, у Эпштейна вид человека, который наконец-то принял долго вымучиваемое решение.

– Зайди к ней, Вениамин! – повторяет он решительным тоном руководителя, отдающего короткий выверенный приказ. – Зайди к ней, черт побери!

Глаза его и горят, и просят. Ни слова больше не добавляет Эпштейн к сказанному, но эта не произнесенная добавка ясно слышится в его голосе.

– Зайди к ней, – так звучит эта отчаянная просьба, – зайди и спроси, не согласится ли она простить меня. Узнай, не сможем ли мы вместе исправить мою ошибку...

И снова прощаются они. Вениамин спускается на эскалаторе и думает о том, как запутана жизнь.

Как запутана она! Вот взять хоть Соломона. Вдруг налетела на него эта катастрофа, эта чистая платоническая любовь, полная поэзии, видений и прочих подобных глупостей. И вот снова стоит он перед зеркалом, причесывается и прихорашивается, лицо его сияет, и счастьем горят темные глаза. И плевать он хотел на все остальное!

– Сейчас должна подойти твоя сестра, – предупреждает его Вениамин. – Подожди ее.

– Нет-нет, сегодня я не могу. У меня билеты в кармане, мы идем в театр!

– В какой театр?

– В Малый. Там дают «Стакан воды» Скриба... – насвистывая, Соломон повязывает перед зеркалом галстук.

– Хорошо ли это, Соломон, – так отдаляться от сестры?

– Это она отдалилась.

И Соломон высказывает несколько упреков в адрес Рахели. Честно говоря, нет у нее ничего святого: ни стареющие родители, ни брат, ни семья. К чему это может привести?

– Хотел бы я, чтобы у меня была такая сестра, – возражает Вениамин. – Но, увы, нас только двое – брат Шимон да я.

При этих словах вспоминает Соломон довольно глупую песенку о десяти братьях, и он тут же отбрасывает неприятные мысли. На его лицо возвращается

выражение счастья, и он принимается напевать, всё так же вертясь перед зеркалом:

Десять братьев было нас,
Вином мы торговали...

Если не приходилось вам слышать этой песенки, длинной и томительной, как изгнание, то вы ничего не потеряли. Даже напротив, хочется вас с этим поздравить. Соломон тем временем завершает важнейшее дело завязывания галстучного узла. И, как ни посмотри – а он-таки разглядывает результат со всех сторон – получившийся узел близок к совершенству. Песенка о десяти братьях продолжает звучать в комнате. И что вы думаете?.. – к голосу Соломона присоединяется голос еще одного заблудшего – Вениамина!

– Ну, похоже, всё, я готов!

Соломон обрывает песню, совершает последние па и гримасы перед зеркалом, выплескивает на голову целый океан одеколона и еще некоторое время отчаянно кривит шею, дабы рассмотреть себя с иных, вряд ли возможных точек зрения. На прощание он тепло пожимает руку Вениамину и просит передать большой привет учебнику Бобарыкова.

Хлопает дверь, Вениамин остается один. Студенческий долг зовет его немедленно открыть книгу и углубиться в дебри теории механизмов. Но вместо этого – о сатанинские козни! – Вениамин продолжает насвистывать глупейшую песенку о десяти братьях!

Но вот доходит очередь и до Бобарыкова, вернее, до его книги «Детали машин». Вениамин открывает скучный учебник и погружается в чтение. Около десяти распахивается дверь, и входит Рахель.

– А где Соломон? – сердито интересуется она.

– Я ведь предупреждал, что его нельзя застать здесь в такое время...

– Да, но почему ты не задержал его? – в голосе женщины гнев.

– У него были билеты в театр.

– Все равно, он обязан был дожждаться меня! – упрямо говорит она.

Теперь начинает сердиться и Вениамин.

– Разве тебе не было сказано, что нужно приходиться не позже семи-восьми?

– Да, но я не могла!

– Ну, а я-то тут при чем?!

Они стоят друг против друга и кричат. Упреки, обвинения, гнев. Некрасивая сцена, что и говорить. Наконец Вениамин хватается за книгу, садится на кровать и делает вид, что снова углубляется в Бобарыкова. Но Рахель и не думает уступать: она бухается рядом с ним, выхватывает учебник и отшвыривает его в сторону.

– Невежливо утыкаться в книгу, когда к тебе пришли гости!

– Ты пришла не ко мне!

– Нет, к тебе! – в ее голосе все еще слышится гнев: женщина продолжает свою игру.

– Ничего не попишешь! – запальчиво возражает Вениамин. – Скоро экзамен, надо учиться.

– Но ведь уже поздно, – говорит Рахель уже намного мягче. –

Одиннадцатый час, пора и отдохнуть.

– Поздно? – он поднимает брови. – Бывает, приходится готовиться ночь напролет.

– Что ж... – женщина поднимается с места. – Тогда мне, наверно, пора. Ведь я тебе мешаю...

Кончилась игра. Теперь совсем другое выражение в ее глазах, на лице, в движениях. Вениамин встает и помогает ей снять пальто. Знакомый запах духов кружит ему голову.

– Рахель! – произносит он задыхающимся голосом, обнимает и привлекает ее к себе.

Вдруг она поднимает к нему лицо и, крепко взяв за голову обеими руками, начинает осыпать быстрыми поцелуями глаза, щеки, губы. В ее взгляде туман и сила, мощь и беспомощность, смущение и бесстыдство, огонь обжигающий.

В маленькую комнату вползает ночная прохлада и звуки засыпающего города. Вениамин и Рахель сидят на подоконнике распахнутого окна. Она прижалась к нему, он ласково гладит ее волосы.

– Не к Соломону я пришла, к тебе. Больше не станешь гнать меня, Вениамин?

Как во сне говорят они, как во сне наяву.

– На что тебе такой грешный парень, как я?

– Мне нечего стыдиться...

Она снова обнимает его, крепко, так что не вырваться, и снова они падают на постель, прижимаясь друг к другу – тело к телу, душа к душе, набрасываются друг на друга до бессилия, до изнеможения.

Весна.

– Знаешь, как часто я лежал здесь и думал о тебе?

– В самом деле?

Глаза женщины закрыты, губы приоткрыты в мягкой улыбке, и великолепные зубы блестят во мраке комнаты.

После полуночи Вениамин проводит ее до метро, и потом еще не раз повторятся эти свидания в комнате студенческого общежития. Конечно, есть разница между этими вечерами и волшебными ночами на берегу реки Псёл, под звездами и тенями, под покровом ласковой тьмы, под крылом знакомого куста. Сравнится ли это с комнатой номер 224, с ее железными койками и колченогим столом? Но и в этой убогой клетушке вскипает любовь, и пенится, и выходит из берегов.

Да, достало Вениамину забот весной 1940 года! Судите сами: во-первых, подготовка к экзаменам, во-вторых, свидания с Рахелью Фейгиной. А кроме того, нежданно-негаданно свалилась на него дополнительная нагрузка в виде роли посредника, свата или еще черт знает кого!

Взять, к примеру, Эпштейна. Понятно, случилась с евреем неприятность, сбился он с пути праведного. Но почему именно Вениамин должен теперь исправлять положение, вести переговоры, налаживать отношения между ним и Марией Абрамовной? В один прекрасный день сунул Вениамин под мышку учебник Бобарыкова и отправился в Оболенский переулок, в дом, чьи окна смотрят на Самотеку. В восьмом часу вечера Марии Абрамовны еще не было дома. Около двух часов ждал ее Вениамин, сидя на бульварной скамейке рядом с Самотечной площадью и читая учебник. Лишь в десять засветились окна квартиры Эпштейнов, и он поспешил войти в подъезд.

Мария Абрамовна была как всегда приветлива и необъятна. Стоя на кухне, она готовила обед и ужин одновременно: в последние недели ее время было крайне ограничено. Химический институт, в котором она служила, получил срочный заказ от министерства народного образования, и Мария Абрамовна проводила на работе не менее двенадцати часов ежедневно. Нет, она вовсе не казалась погруженной в депрессию, эта деятельная женщина. Хотя Мария

Абрамовна родилась и выросла не в Пашутовке, а в другом городке под названием Староконстантинов, это была всё та же благословенная Волынь, а выходцы с Волыни не привыкли долго предаваться отчаянию.

Сидя за столом, они некоторое время беседовали о работе Марии Абрамовны и об экзаменах Вениамина, а затем перешли на общих знакомых из Пашутовки. Что делать, Мария Абрамовна по-прежнему считала себя частью «пашутовской колонии».

Наконец Вениамин приступил к делу.

– Позавчера я виделся с Зиновием Клементьевичем, и он просил меня зайти к вам...

Но женщина не дает ему договорить. Она возмущенно вскакивает с места:

– Не произноси при мне его имени! И даже не упоминай! Я вычеркнула этого человека из своей жизни!

Она снова садится. Глаза ее мечут молнии. Странное телосложение у этой женщины, но глаза, наверно, удивительней всего прочего. Они слегка косят, и когда Мария Абрамовна смотрит на тебя, то один ее глаз проникает прямо в душу, а другой будто ищет непонятно чего в далекой и неизвестной стране. Есть люди – и автор принадлежит к их числу – которым особенно нравятся такие глаза, глаза Ситра Ахра... Вот и взгляд Марии Абрамовны будил в людях опаску и любопытство, а временами даже долго преследовал их и лишал сна.

Сейчас ее глаза тоже были полны опасного огня, но через минуту-другую гроза улеглась, и молнии уступили место выражению страдания. Вениамин корит себя: ведь он невольно стал причиной ее боли, насыпал соль на еще свежую рану. Но, с другой стороны, подобная буря свидетельствует о том, что не так уж плохи тут дела у Эпштейна. Чего-чего, а равнодушия нет к нему в сердце Марии Абрамовны.

– Простите мою назойливость, Мария Абрамовна, – произносит Вениамин со всей осторожностью, – но мне показалось, что он болен, устал и очень плохо себя чувствует...

Он видит, что эти слова попадают прямиком в душу Марии Абрамовны. Да, она испытывает отвращение к изменнику Эпштейну. Но ведь он болен... может ли она оттолкнуть усталого, страдающего человека, который еще недавно был ей так близок? Все существо этой ширококостной женщины с опасными глазами восстает против подобной жестокости: ведь природа назначила ей роль любящей защитницы и утешительницы, роль заботливой наседки, прикрывающей своими крыльями слабых и малых птенцов.

Просто трудно поверить! В посредника и дипломата превратился в последнее время Вениамин, и это уже не смешно! Взять хоть отношения между Фейгиными, братом и сестрой. Вновь приходится нам говорить о Соломоне и Рахели и об их капризах. Вениамину понадобилось несколько дней, чтобы устроить наконец встречу между ними. Ох, как это было непросто! Допустим, всё уже обговорено, назначено точное время, Соломон сидит, ждет прихода сестры, а та так и не появляется. Лишь в девять-десять, когда брата уже нет, прокрадывается она к Вениамину, чтобы провести несколько часов в его постели, – благословенная Рахель, прекраснейшая из женщин, царица с великолепными зубами и горячим любовным шепотом. Но разве можно засчитать эти часы в счет ожидания прихода Соломона? Тем более, что сам он проводит это же время совсем в другом месте, в обществе Фирочки Шотланд.

Так объясняет своей возлюбленной Вениамин, стараясь казаться строгим по отношению к столь странному ее поведению. Но она только прижимается к нему еще крепче – это вошло уже у нее в привычку – прижимается и смеется.

– Глупенький, – смеется она, – сегодня я снова пришла не к нему, а к тебе. Неужели ты совсем мне не рад?

Весна! Золотая пора свежей молодой зелени, когда жизнь принимается бурлить, переливаясь через край! А на западе грохочет война. В том же компъенском вагоне, где был подписан в 1918 году позорный для Германии договор, на сей раз Франция ставит подпись под собственной позорной капитуляцией. Но все это так далеко; герои нашего рассказа настолько поглощены своей жизнью, что не обращают никакого внимания на события огромной значимости, которые происходят в Западной Европе. У них свои большие заботы. Подошло время сессии, и Соломон, опомнившись, провел-таки вместе с Вениамином несколько дней и ночей, погрузившись в книги, тетради и конспекты. Свидания Вениамина с Рахелью стали реже, но не прекратились совсем. Временами они тоже капитулировали перед безумством весны, полностью отдаваясь ей и друг другу, растворяясь в неясном, дышащем любовью и счастьем шепоте.

– Не вижу я твоего лица, Рахель... – шептал Вениамин. – Открыто окно, но слаб свет звезд, и фонари тоже слабы.

– Ха-ха... – слышалось в ответ.

– Ну вот, стоило тебе рассмеяться, и сразу светло стало в комнате, как от хвоста огненной саламандры.

Поцелуй – долгий, неторопливый, обстоятельный. Она снова прижимается к нему на подоконнике открытого окна. Иногда она притворяется, что сердится, и уходит в другой угол крошечной комнатки. Уходит и стоит там, задумчивая и стройная, окутанная тенями и сумраком.

А Вениамин тем временем начинает свою бесшумную охоту. Нет, они не поднимают шума в этой игре. Комнатка мала, но ему все равно далеко не сразу удастся поймать ее, убегающую, ускользающую из рук. Но вот они натываются на стул, тот с грохотом падает, и оба на мгновение замирают на месте. Вениамин приходит в себя первым и пользуется случаем, чтобы схватить свою прекрасную добычу.

– Ой, герой-охотник! – шепчет Рахель. – Умоляю, пожалуйста, пощади!

– Нет, не будет тебе пощады!

Она опускается на колени в шутливом ужасе.

– Что ты мне сделаешь, о ленивый студент?

Рахель снова вскакивает и пытается ускользнуть в свой угол. Но Вениамин начеку: он хватает молодую женщину и крепко прижимает ее к себе.

– Будешь теперь убегать? Говори, женщина! Будешь?

– Нет! – шепчет она. – Не буду...

Спелой малиной пахнет ее рот, пьянит, как вино.

– Не убегу больше... возьми меня, раздави... делай со мной, что хочешь...

Слеза блестит в уголке ее глаза. И смех, и слезы, и малиновый рот – крепко повязан Вениамин этими сильными и сладкими путами. Он и дрожит, и сдерживает дрожь – не подобает дрожать мужчине. Так играют они, словно на театре, неторопливо разыгрывают сценки самозабвения и погони. Рахель научила Вениамина этой трепетной игре.

Весна. Ее песня, ее дрожь и счастье, радость сердца и тела, повсеместное кипение жизни!

Так бывает, когда перед самым приходом конца, собирает язычок пламени последние силы, и вспыхивает, и трепещет, и тянется вверх к высокому небу.

Глава 10

О, эта беда, сладкая и мучительная, налетающая на неразумного человека по достижении определенного возраста! Настигла она и нашего Соломона: он женился! Фирочка Шотланд, поймав в свои сети такого парня, как Соломон, уже не отпустила его на свободу. Да он туда особо и не стремился, а, напротив, думал только о Фирочке. Пришел конец авантурным приключениям Соломона... или даже вернее будет сказать: пришел конец Соломону!

Весна, и мы находим двух наших героев, Вениамина и Соломона, озабоченными сверх всякой меры. С одной стороны – сессия, с другой – весенние ночи. По двадцать четыре часа в сутки сидят друзья над книгами. Но прошло и это: слава Богу, закончились экзамены, настало время подвести черту. Результаты Соломона не слишком радуют – Фирочка привела-таки его к фатальному столкновению с «Детальями машин».

Но в то время на дворе уже стоял июнь, ликующее лето, и Соломон решил не печалиться. Ничего страшного. До первого сентября, до начала четвертого курса, он еще сто раз успеет разобраться с этим «хвостом». А сейчас пора заняться другими важными вещами.

Соломон женится! В одно прекрасное утро он расписался с Фирочкой в загсе, а вечером в Филипповском переулке устроили небольшое празднество. И хотя никто не рассылал приглашений на тисненой бумаге и в золотой рамке, собралось довольно много народу с обеих брачующихся сторон.

Вениамин, понятно, представлял жениха. В сборе была и вся семья Шотландов: присутствовал даже отец семейства, который как раз недавно вернулся из своих бесконечных странствий во благо часового завода. Его черные, как смоль, цыганские волосы резко выделялись на фоне каштановых и рыжеватых голов, наполнявших полуподвальную квартиру. Непривычно молчаливая, озабоченная столом и угощением, но все же очень праздничная, расхаживала по комнатам хозяйка Раиса Исааковна. Почти не слышно было ее в этот вечер. Зато новобрачные сияли и этим выделялись среди всех. Они оба были одеты в белое с ног до головы.

Сколько разных цветов в одном месте – цыганских и золотистых! Какой живописный праздник для взгляда, сколько красивых еврейских юношей и девушек, приятного веселья, радости, смеха, блеска глаз и зубов! Много рюмок было выпито в честь молодой пары, и, как это принято у нас, не уставали гости кричать «Горько!» Осторожными и невинными казались поцелуи жениха и невесты. Не простая девушка Фирочка – истинная женщина она! Воздушна и легка, как тростинка, но в этой паре именно она обладает практической хваткой. В то время как Соломон обзавелся неприятным «хвостом» в виде проваленного экзамена по «Детальям машин», Фирочка ухитрилась пройти свои выпускные испытания без сучка, без задоринки. И оценки в ее аттестате выглядели совсем не плохо. Нет-нет, была у нее несомненная хватка, у этой невинной красавицы...

Итак, Соломон сиял от шнурков ботинок до галстука на шее, порхал и блистал, и два золотых зуба добавляли блеска в это сияние. Он выпил немало, но, безусловно, не через край. Ведь рядом с ним сидела его молодая жена, чистый ангел-избавитель, сидела, и нежной, но твердой рукой правила их общими делами. Несомненно, теперь-то уж этот ангел приберет к рукам поводья, теперь-то уж не будет у Соломона недостатка в указаниях, что делать и как поступать. Зато хозяин дома пил без всякой меры, и никто даже не подумал остановить его. Что тут поделаешь – был Шотланд диким, свободным человеком, любителем странствий и авантур. Кроме того, он с юности не отличался разговорчивостью:

весь отпущенный на семью запас болтливости достался хозяйке, Раисе Исааковне.

Но именно тем вечером довелось Вениамину услышать в полной силе польско-цыганский голос этого человека. Уже крепко выпив, вдруг ударился Залман Шотланд в пение. Ударился курам на смех! Бог лишил человека музыкального слуха, зато подарил ему оглушительный бас, способный потрясти мировые основы. И теперь будьте любезны слушать старые песни, которые пелись тридцать лет назад в городе Варшаве.

Ой, где ж ты был,
Парень из Литвы,
Когда было приданое в кармане?..

Неказистые песни, эхо стучащего сердца. Во всю мочь своего баса ревел цыганистый певец, а в это время Шауль Левин, слесарь-изобретатель, рассказывал Вениамину о своих проблемах. Не дает изобретателю покоя одна пружина в часовом механизме – пружина, тайну которой не разгадал пока у нас никто. Полная нелепость! В эти дни, дни индустриализации, приходится импортировать сталь для часовых пружин из-за границы! Боже милостивый, неужели нет у нас своих мозгов? И Шауль углубляется в вопросы выплавки стали, говорит о закалке, отпуске, охлаждении, и так далее, и тому подобное. Видано ли такое – на свадьбе! Что ж, истинный творец-изобретатель не дает своей голове покоя ни днем, ни ночью.

Ой, пришел ты только сейчас,
Когда я уже обеднела,
А от приданого – не осталось ни гроша...

Печальный девичий напев в исполнении львиного рычания Шотланда – это просто черт-те что, смех и слезы. Вместо «гроша» он выговаривает «груша», как это принято в польских и волынских местах. Фальшивый бас ревом ревет сердечные слова песни.

Рахель Фейгина посмеивается, слушая этот рык души. Она сидит рядом с Вениамином. Оба законные представители жениха, то есть обладатели особых прав на свадьбе.

– Сделай так, чтобы он замолчал! – говорит она Вениамину, и ее белозубая улыбка сверкает в полумраке комнаты.

Оба они тоже слегка пьяны. На Вениамина возложена обязанность следить за патефоном, и он пользуется этим, чтобы исполнить поручение Рахели. Среди пластинок – балеты, арии и витиеватые версии молитв в исполнении знаменитых варшавских хазанов двадцати-тридцатилетней давности. И вот в комнате слышится хриплый напев «Хашкивейну»¹. Но Залман Шотланд не обращает никакого внимания на эти мелочи. Плевать он хотел на какое-то «Хашкивейну». Залман Шотланд готов реветь до прихода машиаха.

И вот ты пришел,
Но денег-то нет,
И жизнь опостылела мне...

¹ Хашкивейну (букв. – «Уложи нас», ивр.) – вечерняя молитва-благословление.

И Рахель Фейгина, красивая женщина с тонкой талией, смеется, уже не сдерживаясь, хохочет до слез, до изнеможения.

С того вечера переехал Соломон в арбатский полуподвал. Без сомнения, молодая пара была счастлива совершенно. Они смотрели друг на друга блестящими глазами, обменивались понятными только им двоим смешками, и сумрачный полуподвал казался этой паре золотым дворцом.

Спустя несколько дней пришло письмо из Гадяча.

«Дорогой сынок! – писала Песя. – Мы получили твою телеграмму. Шлю тебе и моей невестке Эстер материнское благословение и от всего сердца молюсь о вашем счастье и благополучии. Пусть пошлет вам Господь здоровья, и радости, и долгих дней жизни. Большая просьба от нас к тебе, к нашей невестке Эстер и к ее родителям: приезжайте на лето в Гадяч! Если вы еще не делали там хупу, можно будет сделать это у нас, пусть и скромненько. Ведь, при всем уважении к загсу, обычаи Израиля остаются всё теми же. И ты, дорогой наш сынок, не должен забывать своего еврейства. А в Гадяч и Вельбовку уже собираются дачники...»

Так писала Песя своему легкомысленному сыну, который в глубине сердца всегда оставался верен матери. Родители Фирочки тоже получили письмо-приглашение – несколько теплых, за душу берущих слов. Среди приглашенных был и Вениамин: как же можно было забыть о нем после всего пережитого? Но последнее слово все же оставалось за Фирочкой. Несмотря на свои восемнадцать лет, она командовала всеми в семье Шотландов, твердо держа бразды правления в нежных своих руках. Фирочка внимательно прочитала пришедшие из Гадяча письма, подумала и постановила: «Едем!»

И было так. Самого Соломона никто даже не спрашивал – он пока не достиг того статуса, когда мог бы осмелиться на какие бы то ни было возражения перед голубыми очами своей юной супруги. Пока еще она властвует над ним безраздельно. В те дни ощущал себя Соломон молодым учеником в доме наставника, незначительным придатком в полуподвале Филипповского переулка, как будто все, происходящее там, не вполне касается его самого. Весь смысл жизни и всё ее содержание сосредоточились для него в Фирочке – в ее глазах, голосе, горячем манящем теле, в сиянии ее чистого лица, в ее смехе, женском и детском одновременно.

И вот в начале июля отправились в Гадяч восемь достойных людей. Жених и невеста составляли первую, главную пару. Вторая и третья были представлены Залманом Шотландом и Шаулем Левиным с женами. И, наконец, четвертая пара: цветущий мальчуган Боренька Левин и скромный парень Вениамин.

Рахель не смогла присоединиться к компании: она работала в тресте еще не так долго, чтобы получить право на летний отдых. Как раз в тот год были приняты весьма строгие законы относительно рабочей дисциплины, поэтому Рахель даже не заикалась об отпуске.

Это стало большим разочарованием для Вениамина. Хотя их отношения всегда были немного странными, как костер, который то вспыхивает до самого неба, то угасает почти полностью, то пробуждается снова...

Накануне отъезда он навестил Рахель в ее комнате на улице Дубининской. Она жила теперь одна. Эпштейн вернулся домой к Марии Абрамовне, женщине с необъятным телом и опасными глазами, которая так хорошо умела прикрывать мужчину-птенца крыльями своей заботы. И, конечно же, Мария Абрамовна приняла изменника-мужа, пожалела и простила, хотя в утешении нуждалась скорее она, а не он.

– Значит, уезжаешь... – говорит Рахель.

Как всегда, стройна и пряма эта красивая женщина. Как сверкают в полумраке комнаты ее белые зубы!

– Да, уезжаю.

За открытым окном угасает день; шум завода имени Владимира Ильича доносится сюда сквозь тонкую занавесь полумрака.

– Что ж, не упусти там возможности...

Глаза, полные ненависти, с силой вперяются в лицо Вениамина.

Как видно, опять Рахель настроена на ссору и на ревнивые упреки. Снова пустые, несправедливые, лживые слова! Если сейчас Вениамин осмелится приблизиться к раздраженной женщине, то схлопочет пощечину – он знает это по прошлому опыту. Но мало-помалу парень выучился науке обращения с этой актрисой. Вместо того, чтобы оправдываться, он сам повышает голос, а взгляду добавляет гнева.

– Я не обязан отчитываться перед тобой! – резко говорит Вениамин. – Хватит с меня твоих обвинений! Прощай!

Он поворачивается уходить и уже у двери слышит за спиной:

– Если ты сейчас уйдешь, значит...

– Ну?

– Значит... значит... значит, ты дурак! Ты полный дурак! В голове у тебя нет ни капли мозгов!

– Нужен ли мозг, чтобы разговаривать с такой сумасшедшей, как ты?

– Ладно, коли так, то езжай к своей Лидочке! Давай, давай, лети к ней, торопись!

– Ну и полечу, тебя не спрошу!

– Нет, спросишь!

– Нет, не спрошу!

– Нет... – голос Рахели пресекается, злоба и ненависть улечиваются, как и не было их; Вениамин быстро подходит к женщине и крепко прижимает ее к себе. Спектакль окончен. Рахель начинает плакать, пряча лицо у него на плече. Пьянящий запах волос кружит ему голову.

– Ну что ты плачешь, глупенькая?

Он вдруг обнаруживает, что в глазах у него тоже стоят слезы. Как знать, возможно, и не спектакль они разыгрывают тут друг перед другом.

– Ну что ты плачешь? Хочешь, я останусь здесь на все лето?

Нет, этого она не хочет. Она просит его об одном: чтобы привез с собой из Гадяча маленькую Тамару. Соскучилась Рахель по дочке. Если честно, то не видела она здесь, в большом городе, ничего, кроме одиночества и равнодушия. Каждый здесь сам по себе...

Все мягче становятся звуки, доносящиеся в открытое окно с улицы Дубининская. По комнате, вперемежку с вечерним шумом, расползается полумрак.

– Будешь еще кричать на меня, Вениамин?

– Буду.

– Господи мой Боже! Будет ли когда-нибудь утешение мне, слабой женщине?

Она еще не заканчивает выговаривать эти слова, как уже поглощает обоих жаркий и сладкий туман, и они забываются в нем, забывая заодно и весь окружающий мир.

Все-таки удивительно, как не любит эта женщина ходить прямыми дорогами! Ну что было бы плохого, если бы Тамарочка осталась в Гадяче у бабушки Песи?

Впрочем, может ли понять такой свободный парень, как Вениамин, что чувствует мать, которая бросила своего ребенка в далеком местечке?

В тот год не приехала в Гадяч и Сара Самуиловна. Она решила провести лето с невесткой и внуком Сереженькой в деревне Покатиловка, недалеко от Харькова.

А Вениамин снова поселился у Фейгиных, в Садовом переулке. На этом настояли Соломон и, в особенности, Песя – настояли, несмотря на то, что дом и без Вениамина был полон гостей под завязку. Ему выделили угол в большой комнате, что сделало Вениамина вольным и невольным свидетелем всех приятных событий, которые происходили тем летом в семействе Фейгиных.

На этот раз парень был умнее, чем в прошлые годы, и привез с собой велосипед. Каждое утро он усаживался в седло и отправлялся в Вельбовку, где в настиной хате поселился профессор Эйдельман. Пять следующих часов Вениамин проводил со Степаном Борисовичем, занимаясь чертежами, корректурой и частично пустыми разговорами, поскольку, невзирая на болезнь, профессор не утратил склонности к красноречию. В три парень возвращался в Гадяч.

Да, события в доме Фейгиных были и в самом деле приятными. Прежде всего, хупа. С этим решено было не ждать, чтобы не вводить счастливую пару в невольный грех. Соломон поставил лишь одно условие: чтобы церемония была по возможности скромной. Все-таки должна быть разница между деятельным комсомольцем и парнем из ешивы с кипой на макушке.

И действительно, хупа получилась скромной – в комнатах собрались не больше трех десятков человек. Это уже упомянутая восьмерка столичных гостей, включая жениха и невесту; трое Фейгиных, включая Тамарочку; две помощницы-поварихи, включая Эстер, мастерицу лапши, и ее дочь – разве выгонишь таких помощниц из дому? А можно ли забыть компанию стариков-евреев? Могла ли устоять хупа в доме Хаима-Яакова Фейгина без того, чтобы не позвать старого одноглазого резника реба Довида, кладбищенского служку Аарона Гинцбурга, а также всех членов семейства Левитиных, старых и молодых? Как обойтись без Бермана и Голды, без неугомонной Сарки и других подружек и приятелей маленькой Тамары?

Да, хупа получилась скромной, но на нее пришли практически все знакомые Вениамина по Гадячу. В те годы еще журчал исподтишка ручеек жизни – день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Старики, хотя и старели, но как-то неторопливо, потихоньку, и даже ангел смерти не спешил навещать их. Взять хоть Эстер, мастерицу лапши. Стоит ли тут объяснять? Достаточно сказать, что в прошлом году ей исполнилось девяносто три года, а в этом, значит, девяносто четыре. Всё ли вам теперь понятно? Жива Эстер, чего и всем желает. Вот она, ковыляет с клюкой в руке, лицо ее вспахано и бороновано временем, но глаза по-прежнему зорко поглядывают туда-сюда на жужжащую вокруг жизнь. А рука ее по-прежнему сильна, и мощна десница, и все так же властно правит Эстер своим небольшим царством, ничуть не ослабив эту хватку за дни прошедшего года. А и в самом деле! Сможет ли обойтись ее дочь Нехама без диктаторской материнской руки, без внимательных, всё подмечающих материнских глаз?

Вот сидит старая Эстер в кухне, клюка в руке, и язык ее не прекращает работы.

– Нехама! Ты уже посолила суп?

– Сейчас, сейчас, мама! Вот закончу рубить печенку и сразу займусь супом.

– Ах ты, бездельница! Гости уже почти собрались, а она весь день возится с печенкой!

Чудные запахи золотистого супа, рубленой с яйцами печенки, лука, гусиных шварок и выпечки смешиваются в тонкий дразнящий аромат, который проникает в комнаты, во двор, выплывает через окна на улицу и летит по ней благой вестью. А гости и в самом деле уже собираются. Первым приходит резник реб Довид, не знающий условностей и не ведающий церемоний. Кстати, и к его немалому возрасту прибавился год с тех пор, как мы с ним познакомились. К сожалению, именно на этом старике оставил прошедший год неприятный отпечаток, подернув пленкой и второй, относительно здоровый глаз старика. Мал и темен мир, видный этим умирающим глазом, и потому теперь реб Довид долго шарит по сторонам палкой, прежде чем осмеливается сделать очередной шаг. Да, осторожны нынче шаги одинокого старика, медленны и малы. И все же не падает он духом, не дрожат его колени, не валяется старый резник в пыли, посыпая голову пеплом. Нет, жив он, дышит и благодарит Бога, потому что «есть еще у нас Бог на небесах!» Есть еще Бог, направляющий и поддерживающий, знающий пути, которые отведены нашим странствиям, нашим шагам – в том числе, и шагам резника реба Довида.

Собираются гости. Вместе приходят Левитины и Аарон Гинцбург. Габай чем-то похож на отца невесты, на цыганистого Залмана Шотланда. Как и раньше, он проводит целые дни в штибеле на еврейском кладбище, хранит огонек, который теплится на могиле адмора¹. Что ж, есть и такая профессия в народе Израиля – хранить малую искру огня. Возможно, найдется среди вас, братья-читатели, такой человек, который презрительно отзовется об этом занятии и даже смешает его с грязью. Возможно, людей с таким мнением достаточно много, но автор не принадлежит к их числу. Ведь можно видеть в этом странном еврее стража, честно хранящего свою негромкую веру.

А вот и старый Шапиро с женой. Он плохо чувствует себя сегодня; сердце старика слабеет от года к году, черты лица обострились, и еще заметней стала тень печали в умных его глазах. Зато борода Шапиро нисколько не изменилась за прошедший год – все так же редка она и небогата: похоже, ни одного волоска не прибавилось в ней. Неслышными шагами заходит Шапиро в комнату, садится на стул и долго сидит без движения, стараясь отдышаться и успокоить нездоровое сердце. Лучше было бы ему лежать дома в постели – но как можно пропустить хупу Соломона, единственного сына Хаима-Яакова Фейгина!

Все, все собрались сегодня; снова видим мы знакомую компанию стариков и молодых, заполнивших комнаты в честь праздника Соломона! Как и раньше, громче всех слышен голос Берла Левитина, рассуждающего о вопросах высокой политики, о насущных проблемах большого мира. Большого? Для кого-то он, может, и большой, но Берл Левитин разгуливает по этому миру вдоль и поперек, делая с ним все, что душе угодно.

– Допустим! – восклицает Берл, и большой палец его решительной ладони следует за каждым словом своего хозяина. – Допустим, что Гитлер и Муссолини захватят Европу...

Большой палец презрительно дергается, отмечая такую возможность. Уж кому-кому, а большому пальцу Берла Левитина предельно ясна суть упомянутых европейских диктаторов. Но тем, кто не столь проницателен, приходится выслушать и словесное объяснение. Неужели кто-то полагает, что миру позволят вернуться к прежнему хаосу? Слава Богу, есть еще державы, которые воздадут этим мерзавцам по заслугам!

И Берл продолжает вальсировать по арене большой мировой политики, и нет там ни одного тайного уголка, который не был бы им учтен и упомянут. Вот,

¹ Адмор – слово, составленное из начальных букв титула «Господин наш, Учитель и Раввин».

например, Америка Северная, а вот, например, Южная... Нет, не охладить его пыла даже обоим полюсам – вот он уже раскрывает замыслы балканских государств, а также африканских и арабских народов – и всё это не походя, на кончике ножа, а глубоко, основательно, с анализом всех аспектов текущей политики и экономики.

Девушки и женщины сидят в это время с невестой в другой комнате, а потому большая горница занята исключительно мужчинами. Но далеко не все здесь слушают разглагольствований Берла и его большого пальца; в комнате стоит гул самых разных голосов.

Но вот слышен и голос из смежной комнаты:

– Невеста готова! Время установить хупу!

На четырех шестах установлена в горнице хупа, зажжены свечи, безмолвие воцаряется в комнате. Медленно, одна за другой, выходят из соседней комнаты девушки и женщины. А вот и невеста. Как красива она, закутанная в прозрачную фату, с венком из голубых цветов на голове! По обеим сторонам от нее матери молодых.

Жених уже стоит под хупой. Из кухни выходят Эстер, мастерица лапши, и ее дочь Нехама. Опершись на клюку, дряхлая Эстер внимательно наблюдает за происходящим. Семьдесят пять лет назад точно так же вели под хупу ее саму, а ждал ее там Зерах, мир его памяти. Сколько лет прошло с тех пор перед ее глазами, сколько людей шумели с тех пор под куполом небес, шумели – и отшумели, сгнули в бездне забвения.

Много свадеб было сыграно здесь, в Гадяче, много девушек и юношей стояли с тех пор под хупой. Тихонько шагала вперед жизнь, поколения уходили и приходили, и вся эта круговерть крутилась-вертелась на глазах у старой Эстер, мастерицы лапши. И вот она стоит здесь сегодня, в один из дней 1940 года, клюка в руке, лицо изрезано морщинами, и лишь дух жизни, вечный дух жизни, отражается в ее выцветших глазах.

Закончена церемония, слышатся в комнате поцелуи и пожелания счастья. На глазах у женщин блестят слезы. Хупа свернута и отставлена в угол. Родители молодых и гости усаживаются за накрытые столы. На этот раз старики и молодые не сидят отдельно. Во главе стола Соломон и Фирочка, солнце и луна, а остальные – прочее небесное воинство – размещаются, где придется.

Первый тост поднимается за здоровье молодых; слово держит самый уважаемый из гостей, Шломо Шапиро. Вениамин впервые слышит речь этого человека, его надтреснутый слабый голос, голос старика, много повидавшего на своем веку. Но в голосе этом трепещет особенная сердечность; жена говорящего, Берта Абрамовна, сидящая слева от Соломона, внимательно вслушивается в слова своего старого болезненного мужа. Не иначе как вспоминает она сейчас о давних днях, днях его известности и славы.

– Мы празднуем сегодня соединение двух еврейских душ, плоть от плоти нашей, суть от сути. Перед ними расстилается весна, цветочный луг в каплях росы. Да будет успешной их дорога! Пусть продолжают они наше существование. Ведь мы, старики, постепенно уходим из этого мира. Евреи, измученные страданиями и погромами, мало-помалу растворяются меж другими людьми, и слышал я, говорят, что вот-вот наступит конец нашему народу. Но жив еще народ Израиля! Многие хоронили нас за годы нашей истории – имена большинства из этих могильщиков давным-давно позабыты. А наш народ жив, жив и сражается за свою жизнь! Придет день, и сыны нашего народа объединятся в границах одной страны, объединятся в нацию, которая станет примером для других, образцом для рода человеческого на нашей планете...

Да, странно прозвучало выступление старика, очень странно! О чем он себе думал? Как можно вот так встать и обрушить на молодые головы эту пугающую теорию о еврейском народе?

– Лехаим! За хорошую жизнь и за мир! Счастья молодым!

Гости выпивают по первому стаканчику, и в комнате поднимается веселый гул. Каждый делает, что хочет. Песя и Нехама суетятся вокруг столов, нет у них ни минуты передышки. Но вот где-то зарождается и быстро набирает силу песня:

Ну-ка сядем вместе, вместе, как один,
Ну-ка вместе встретим, встретим жениха...

Женщины быстро собирают со столов первую смену блюд – настало время фаршированной рыбы. Быстро пустеют бутылки, их тут же сменяют новые. Старики не отстают от молодых – Боже упаси! Пьют все, кроме Шапиро, которому нельзя брать в рот вина из-за хворобы. Никто пока не опьянел, но гул голосов становится все громче. Маленькая Тамара покатывается со смеху. Что случилось? Ага... – этим проказникам тоже разрешено выпить по глотку сладкого. Теперь они будут хохотать и вовсе без причины – хоть просто палец им покажи...

Нет, дети не собираются смеяться, сидя на месте, – вот они уже выскочили из-за стола, разбежались во все стороны. Вениамин ухаживает за Бертой Абрамовной, время от времени наполняя ее рюмку, исполняет долг кавалера.

– За мир и за здоровье, Берта Абрамовна! Давайте выпьем еще по глоточку... лехаим!

Она отказывается... – и выпивает «по глоточку». Аарон-габай тоже присоединяется к ним. В комнате шум, кутерьма, сумерки, и сквозь эти сумерки вдруг доносится рев родителя невесты, Залмана Шотланда:

Объял меня страх и трепет,
Иду я, иду и падаю,
Горечь горькая во мне горчит...

Грому подобен этот бас и фальшив невыносимо! Берта Абрамовна, обладательница тонкого музыкального слуха, затыкает уши.

– Ой, Берта Абрамовна, да продлятся ваши дни, давайте еще по глоточку! За долгую жизнь!

Все трое пьют до дна. Гремят раскаты фальшивого грома, гремят, покрывая неразборчивый гул застолья.

Иду я, иду и падаю,
Горечь во мне горчит...

Сейчас уже кажется Вениамину, что гости выпили более чем достаточно. Но скорее это он сам хватил лишку. Песя и Нехама ставят на стол огромные блюда с фаршированной рыбой; Голда Гинцбург помогает. Огромные блюда, и на каждом целые косяки ароматной хорошо поперченной рыбы. Вдруг поднимается со своего места жених – со своего почетного места во главе застолья. Он подходит к Песе, обнимает ее и подносит матери стакан вина.

– Мама! – говорит Соломон. – Выпей со мной, мама! Лехаим!

Лицо Песи краснеет, улыбка гордости и счастья освещает его.

– Лехаим, сынок! Счастья тебе...

Она отхлебывает из стакана и возвращается к своей работе, к блюдам с фаршированной рыбой. Но Соломон, легкомысленный сын, не собирается

отпускать ее так просто. Обняв мать за плечи, он медленно ведет ее вдоль стола. Вениамин тоже вскакивает на ноги и поднимает свой стакан:

– Лехаим, тетя Песя! За хорошую жизнь и за мир!

Комната все больше и больше погружается в туман – туман шума, чада, суеты, винных паров, табачного дыма, вечерних сумерек. Берта Абрамовна начинает рассказывать Вениамину о своей жизни в Полтаве в начале века. Она родилась в благополучной семье: отец был одним из главных полтавских богачей. Еще в юности знала английский и немецкий, училась играть на фортепиано. А потом – чудны пути судьбы человеческой!.. – потом, лет тридцать пять тому назад, стала она посещать полтавский кружок молодых сионистов. Колокола машиаха звенели тогда по всему миру, голоса близкого спасения, избавления от многовековых страданий. И вот однажды вечером встретила она там Шапиро. Он приехал из Гадяча с отцом, приехал по делам, зашел на их сионистские посиделки, послушал и пропал. Увлек и его этот сильный поток. Время от времени он произносил речи о судьбе народа, о будущем. Чувствовалась в нем сила лидера, вождя, и даже короткие его выступления производили сильное впечатление.

Берта Абрамовна качает головой, вспоминая полтавские дни. Густеет туман в комнате и в голове Вениамина, лишь откуда-то издали доносится фальшивый рев цыганского льва.

Ой, беда мне, я влюбилась
В вора из Одессы...

Резник реб Довид еще не произнес своего традиционного тоста, но близится и эта минута. Вот он встает со стула.

Вы, босоногие ребятки, парни неграмотные... – вы, наверно, думаете, что всему приходит конец? Но вот сейчас он, одноглазый резник, покажет вам, где раки зимуют! Ой вам, бездумные, легкомысленные, ой вам, ученые клоуны, невежественные в главном! Вы думаете, что захватили весь мир, что Владыка вселенной, да благословится имя Его, свергнут с трона Своего, а вместо Него воссели невежды и еретики? Чепуха и ерунда! Слушайте, что говорит вам он, старый резник: есть еще у нас Бог на небесах!

Реб Довид обводит комнату победным взглядом слепых глаз. Он исполнил свой долг, он высказал все, что надо было сказать, он бросил горькую правду в лицо этим босоногим невеждам, этим глупым неучам. Он унизил их, смешал с землей, и никто из них даже не пикнул, чтобы возразить!

Что ж, наверно, и в самом деле этот старик из породы великих воинов.

– Лехаим, реб Довид! – негромко говорит Берман и всовывает стакан в стариковскую руку.

Круглощекая Голда улыбается материнской улыбкой, улыбается всем, во все стороны одновременно. Как приятна эта девушка! Зато Шотланд не обращает внимания на уговоры соседей:

Ой, беда мне, я влюбилась
В вора из Одессы...

А в ответ ему каждый – и стар, и млад – заводит свой собственный мотив. Еhezкель Левитин запекает русскую песню, ему подпевают. На Раису Исааковну вдруг нападает тоска – тоска матери, отдающей в чужие руки своего птенца, и она принимается плакать, обвинив руками свою драгоценную Фирочку. А габай Аарон раздражается хасидским напевом, печальным и в то же время заводным.

Постепенно эта песня подчиняет себе гостей, и вот уже поют ее все, от мала до велика. Вот уже стали притопывать в такт ноги – сначала под столами, а потом и на середине комнаты. Все вскакивают с мест – все, кроме больного Шапиро, – и кипящий хасидский круг сотрясает основы земли.

Был в тот вечер среди пляшущих и наш Вениамин. Немало лет минуло с тех пор, но и поныне помнит он свадьбу своего друга и брата Соломона. Помнит ту хасидскую пляску и те танцы, что были после, помнит теплую летнюю ночь, которая заглядывала к ним в окна снаружи. Помнит Шапиро, в одиночестве сидевшего у стола, помнит его старое, озабоченное, морщинистое лицо.

Глава 11

Нежданно-негаданно налетели на семейство Шотландов воспоминания. Все же, тут, в Гадяче, прошло детство обеих дочерей. Мягким светом, грустью веяло теперь из каждого сада, от каждого забора, даже от пыли на дороге – во всем теперь видели сестры знаки и приметы.

Песя работала не покладая рук. Еще бы: попробуй-ка накорми такую большую семью! Обычно-то ей приходилось готовить на троих, а тут – тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! – добавились сразу еще восемь ртов! А среди них – Боренька, пятилетний мальчишечка со своим особым меню. Конечно, Раиса Исааковна старалась облегчить нагрузку, которая легла на песины плечи. На уборку комнат были мобилизованы дочери, и прежде всего, Леночка. Но и Фирочка, молодая невестка, не отказывалась от работы. Ах, какой приятной и приветливой была она! Да видывал ли свет такую приятную невестку? Неслышно ходит она по дому, в белом переднике и с песней на устах. Поистине волны радости исходят от этой невестки!

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?

Сестры протирают и чистят мебель, подметают полы и повсюду наводят порядок. Через открытые окна рвется в комнаты утреннее солнце, ветерок трогает занавески; наполовину они бело-золоченые от света, наполовину в тени.

– Ой, Фирочка! – Соломон подходит к жене и целует ее на глазах у всех.

Фирочка не возражает. Бело-голубым светом сияют ее глаза. Она высвобождается из рук мужа и продолжает мести пол. Метет пол и поет свою простую и сердечную песенку.

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой...

Шауль Левин сидит в сторонке, с головой уйдя в книгу. Но вы ошибетесь, если решите, что он позволяет себе отвлекаться на беллетристику. Нет, Шауль привез с собой в Гадяч научную книгу по теме нагрева стали и теперь изучает ее с неослабевающим вниманием. Странный еврей! Сейчас его интересует пружинная сталь, и он готов посвятить этой теме даже дни своего отпуска. Старый Шотланд хотел бы уехать уже на следующее утро. Просто поразительно, насколько ему не сидится на одном месте! Словно бес вселяется в него, и Шотланд начинает говорить странные вещи.

– Рейце, – говорит он жене, – не кажется ли тебе, что пора возвращаться домой?

Раиса Исааковна слышит и кривит рот. «Домой» – это в полуподвал филипповского переулка? Велика радость! В самом деле, как пережить разлуку с этим золотым дворцом, если ты, Господи спаси, вырвался оттуда на несколько деньков! Ну, скажите: чем плохо, если дети отдохнут в Гадяче еще некоторое время? Может, вы полагаете, что, вернувшись домой, он успокоится? Как бы не так! Наверняка, тут же укатит в какую-нибудь командировку за Полярный круг!

Все это подразумевается Раисой Исааковной в тот момент, когда она кривит рот. При этом она еще подпевает дочери, и ее польско-еврейский язык гуляет вверх и вниз в такт мелодии. Да, не повезло этой золотоволосой женщине, болтушке и домоседке, выйти замуж за такого цыгана, любителя странствий и дорожной тряски.

Шотланд безнадежно машет рукой и выходит из дома. Что может понять женщина в мужском образе жизни? Вениамин выводит велосипед, чтобы ехать в Вельбовку. Задняя шина немного спустила, и парень берется за ручной насос. Чудесное утро бурлит во дворе. Наверху висят белые облака, зелень шуршит вокруг – всё, всё залито золотом солнца. Благословенна жизнь, благословен этот тихий городок, его небеса и рожи, его солнце и звезды!

Вениамин едет в Вельбовку. С прошлого года нет улучшения в состоянии легких профессора: продолжаются и хрипы, и кашель. Более того, теперь болезнь распространилась на второе легкое, по вечерам у профессора поднимается температура, лицо его за этот год исхудало и состарилось. Но распорядок дня остается прежним. Зарубите себе на носу: только тот, кто придерживается постоянного режима, может добиться максимальной производительности! Порядок и точное расписание – вот основа основ. В этом вопросе нам, русским, есть еще чему поучиться у деловых людей Америки...

Не раз и не два слышал Вениамин эти слова из уст Степана Борисовича. Есть люди, которые видят в порядке чудо из чудес. Владыка мира! Нужна ли этому человеку столь напряженная работа? Разве не болен он смертельной болезнью, этот педантичный профессор? И куда он марширует с выверенным секундомером в руке – не к смерти ли?

Ежедневно, пять часов без перерыва, просиживает Вениамин в комнате Степана Борисовича. Тишина в доме и в лесу, лишь изредка проникает в открытое окно шелест сосновых крон или птичий голос. В кухне работает домработница Вера – чистит, скребет, варит, жарит. Дразнящие запахи доносятся из ее лаборатории. Между двумя соснами подвешен плетеный гамак; в нем, держа в руках французскую книгу, возлежит Клара Ильинична. Шея ее обмотана платком – слава Богу, состояние больной не ухудшилось за год. Теперь Клара Ильинична во всем полагается на доктора Кирилова, гомеопата, с которым познакомилась почти случайно. До этого она считала гомеопатов обманщиками и шарлатанами. И вот вдруг уверовала в этого Кирилова! Он прописал капли на спирту и крошечные таблеточки, и, представьте, всего лишь за один месяц ей существенно полегчало! Главное – вера, психология...

Так говорит Клара Ильинична, и голос ее – как ветер, перебирающий струны органа, теплый и ласковый женский голос, трогающий до глубины души. Но затем слышится голос Степана Борисовича – он смеется над психологией и слепой верой в чудеса. Как инженер, занимающийся механизмами и машинами, он точно знает, что вся эта психология – полная ерунда и томление духа. Между нами, он никогда не верил, что за этими мистическими ширмами есть что-то, кроме пережитков средневековья. Нет-нет, Степан Борисович – сугубо практический человек, от фундамента до стропил.

Как-то поблекла, потускнела жизнь в семье Эйдельманов – возможно, из-за отсутствия Лиды. Так уж получилось: в этом году не приехала Лида в Вельбовку, и Степан Борисович не скрывает причин ее отсутствия. Дело в том, что Иван Дмитриевич Бобров, тот самый, который столь зверски избил в прошлом году того глупого студента, отдыхает сейчас в Сестрорецке на берегу Финского залива, и Лида с ним.

Какое разочарование! Какой скандал и душевная травма! Бегство Лиды и стало, наверно, главной причиной ухудшения здоровья Степана Борисовича. Ведь в семье Эйдельманов на нее только что не молились, а отец – в особенности. Да и воспитывалась девушка не так плохо. Степан Борисович старался оградить ее от грязи и подлостей жизни. И вот результат! Глаза бы не смотрели! Чистая деликатная девушка, обладательница тонкой музыкальной души, сбежала с

каким-то Бобровым, грубым мужиком, да еще и отцом семейства! А они, родители, остались одни, старые, несчастные и больные.

И Степан Борисович раздражается сильнейшим кашлем, морщится, багровеет, перегибается пополам и еще больше становится похож на старого больного еврея. В последнее время он все больше и больше открывает Вениамину свою душу, так что парень уже ощущает себя почти своим в доме профессора – настолько, что частенько остается здесь на обед. Втроем сидят они на веранде, и Вера подает на стол сладковатый борщ и вкусное душистое жаркое. И Степан Борисович говорит. Он говорит о камнях, о деревьях, о болезнях, о врачах, о средствах гигиены, и особенно – о точном распорядке, в котором так остро нуждается всякий практический человек в каждую минуту своей жизни.

– Ах, помолчал бы ты хоть немного, Сема! – вздыхает Клара Ильинична. – Ведь вредны тебе эти разговоры...

Степан Борисович ненадолго замолкает. И в самом деле, ну зачем тут говорить человеку? Пусть лучше говорит лес, пусть прольют свои слова небеса, пусть шелестит шепот солнечных лучей, проникающих сквозь древесные кроны, пусть слышится из огорода безыскусная песенка хозяйской дочери Глаши.

Солнце спустилось, вечер пришел,
Выйди ко мне, сердце мое...

Да, опустела жизнь Степана Борисовича, вот и приходится ему теперь топить свое несчастье в безудержном многословии. Но где найти сочувственного слушателя? Ведь Клара Ильинична не только отказывается слушать, но и пытается всячески заткнуть ему рот!

И профессор делает Вениамину предложение. Неужели нравится парню ежедневно трястись на велосипеде из Гадяча в Вельбовку и обратно? Что такого нашел он в пыльном городе, что могло бы сравниться с этим здоровым душистым воздухом, со спокойствием большого леса? На даче есть маленькая комнатка, где в прошлом году жила Лида – сейчас там спит домработница Вера, которую вполне можно вернуть на кухню...

А потому Степан Борисович предлагает Вениамину переехать до конца лета в Вельбовку, в упомянутую комнатенку. Питание Эйдельманы берут на себя, а зарплата при этом останется прежней. Из огорода снова доносится тихое пение Глаши.

– Хорошо, я подумаю, – смущенно отвечает Вениамин и садится на велосипед.

Он едет по лесной дороге, пыль и тишина стелятся под колеса. Затем Вениамин сворачивает на небольшую тропинку, углубляется в чащу и, наконец, выезжает на укромную полянку, заросшую травой и кустами. Там он ставит велосипед в тени одного из деревьев и садится на траву. Радостью и светом сияют молчаливые цветы.

Раздумья над щедрым предложением Степана Борисовича занимают Вениамина совсем недолго: он решает отказаться от переезда в Вельбовку и остаться в Садовом переулке. Чуждой и скучной была бы его жизнь в семье профессора. Кутерьма переполненного фейгинского дома куда ближе сердцу Вениамина, чем педантичный профессорский распорядок. В Садовом переулке он свободен делать все, что душе угодно, а у Степана Борисовича придется во всем подчиняться расписанию. Боже милостивый! Неужели нельзя человеку хотя бы раз в году сбросить с себя все эти правила и ограничения, которыми жизнь нагружает его с утра до вечера?

Мир Фейгиных – его мир, дом в Садовом переулке – его дом. Да, друг Соломон занят теперь с Фирочкой, но и у Вениамина много своих приятелей. Сильно сдружился он с несколькими маленькими проказницами на берегу реки Псёл, с Тамарочкой и ее подружками; дороги Вениамину и беседы со стариками, которые заходят к Фейгину поговорить и выпить по стаканчику.

Нет, не переедет он в Вельбовку, к порядку, чистоте и скуке. Вениамин садится в седло и выезжает из леса. Четвертый час пополудни. Навстречу едут телеги. Лошади, завидев велосипед, настораживают уши, а те из них, что потрусливей, так и вовсе шарахаются в сторону, и тогда слышно, как кричит возница, натягивая вожжи.

Время идет, а речные берега не стареют. Солнце и тени льются на них, как прежде, как всегда. В летние дни бурлит тут веселая толпа. Дети и взрослые, белокожие дачницы, смешение тел, обнажающихся под солнечными лучами. Люди лежат, загорают, полными горстями черпают свет, тепло и покой лета. Малыши копаются в песке, делают куличики, халы, пекут и плетут песчаные пироги. Другие роют ямы и туннели, строят из песка целые миры – строят часами, чтобы затем разрушить одним ударом. Шестой час вечера. Солнце уже начало клониться к закату, но еще не видно суетливых комаров, воздух горяч и золотист, и люди не уходят с берега.

Видите того парня в одних плавках, который лежит в сторонке, читая книгу? Это Вениамин. Каждый день, вернувшись из Вельбовки, он проводит несколько часов на берегу. Как и в прошлом году, он не одинок на берегах реки Псёл: рядом его верные подружки Тамара Фейгина и Сарка Гинцбург, а также Ким – подросток лет тринадцати, приехавший сюда из Харькова.

Ох, глаза бы наши не смотрели! Достойный двадцатипятилетний парень, студент-старшекурсник, давно уже бреющий подбородок... – чем он, по-вашему, занят? Вместо того, чтобы, как и положено, ухаживать за женщинами и девицами, этот парень превратил себя в вождя и инструктора группы подростков, детей дома Учителя!

Что и говорить, тем летом не получилось у Вениамина с женщинами, хотя и познакомился он на берегу с несколькими дачницами. Сначала это была Галина Львовна, неумолкающая болтушка. Из своего не слишком богатого опыта Вениамин точно знал, что следует остерегаться общения со столь болтливыми и упрямыми особами. У Галины Львовны, типичной дачницы, был муж, который трудился в большом городе, обеспечивая семью. В Гадяч она приехала с восьмилетней дочкой. Приятная и легкая в общении, Галина Львовна собрала на своем лице и руках все веснушки, какие только сотворил Создатель для этого мира. Вениамин проявлял в подобных вопросах деликатность, поскольку и его собственная внешность являла собой странную смесь темных волос и, не о вас будь сказано, рыжеватой бороды. Не обошелся и его нос без веснушек.

Неосмотрительно обратив свое ухо в сторону Галины Львовны, которая тут же влила туда сорок сороков своей болтовни, Вениамин затем познакомился с Рахелью Борисовной и Натальей Викторовной. Все три женщины, включая Наталью Викторовну, были его сестрами по народу Израиля, все имели детей и трудящегося в городе мужа. Все три ежедневно приходили с детьми на берег, раздевались на треть или наполовину – в зависимости от солнца – и ложились на песок загорать. Время от времени присоединялся к ним и Вениамин.

Рахель Борисовна выглядела самой симпатичной из всех. У нее был легкий пушок на верхней губе и белозубая улыбка. Любой мужчина со вкусом был бы рад стать жвачкой для этих крепких хищных зубов. Но глаза Рахели Борисовны

казались совершенно иными, грустными и ласковыми, – и это противоречивое сочетание будило любопытство и манило к себе.

Кипела жизнь на берегу реки Псёл. Взрослые и дети самозабвенно предавались солнцу, небу, воде, травяным лужайкам, голубой полоске леса на горизонте. Как-то само собой вышло, что Вениамин превратился в любимца наиболее легкомысленных детей на берегу. Веселая команда ребятишек объявила его своим вождем и потребовала обучать их искусству плавания. Тамарочка и Сарка, которые еще в прошлом году научились азам кроля, теперь хотели усовершенствовать свое умение.

Ким был в этой компании единственным, кто не умел плавать вообще. Смех, да и только! Мальчику уже тринадцать, а плавает он хуже топора! Ким родился в Харькове и был евреем наполовину. Его отец, Шимон Вортман, работал на кооперативном заводике по производству мыла и сапожной ваксы. Мама была русской; ее сестра, Агриппина Андреевна Соловейко, жила в Гадяче, работала в городской библиотеке, и летом Ким приезжал к ней. Внешне он выглядел совершенно русским пареньком, высоким и красивым – лишь глаза выдавали в нем еврейскую кровь: горячие, темные, слегка навывкате, с выражением затаенной грусти.

Понятно, что Ким как городской мальчик был полон важности и чувства собственного достоинства, а поскольку еще и принадлежал к мужскому роду, то и вовсе относился к своим провинциальным подружкам со смесью презрения и снисходительности. Еще бы: они ведь отродясь не видывали трамвая, не посещали достойного театра! Ходят тут босиком, как какие-то деревенские девчонки!

Единственно, в чем он проигрывал по всем статьям, – это в умении, вернее, в неумении плавать. Большой город Харьков не имел реки, а потому жители этого обойденного Господней милостью города обречены были влачить убогое сухопутное существование. В то время как две эти деревенщины, Тамара и Сарка, демонстрировали изумленному горожанину кроль во всей чистоте стиля! При этом Тамара, насмешливая коза, никогда не упускала случая уязвить городского джентльмена. Уколы ее острого язычка ранили несчастного парня сильнее ножа, проворачиваемого в открытой ране. В то лето невинные ягнята уже начали взрослеть...

Конечно, Ким Вортман, гордый мужчина и горожанин, не мог смириться с таким положением вещей и взялся за дело со всей серьезностью. Первый этап – умение держаться на воде – он прошел относительно быстро, и вскоре уже бултыхался у берега, отчаянно колотя по воде всеми четырьмя конечностями. Затем пришло время учиться владению телом и правильному дыханию. Каждый день Ким все дальше отплывал от берега. Что и говорить, это было для него чудесное лето. Каждое утро он проводил теперь в воде, одерживая ежедневные маленькие победы, и вот, наконец, смог самостоятельно переплыть через реку! Начиная с этого момента, он стал уделять внимание тонкостям кроля, и вскоре у насмешницы Тамары уже не было причин отпускать в его адрес колкие замечания. Что не говорите, а Ким Вортман оказался-таки настоящим мужчиной: всего за одно лето постиг он премудрости плавания!

Юная компания звенела в то лето смехом и весельем – первыми признаками приближающейся взрослой поры. Курчавая Сарка Гинцбург тоже вдруг начала показывать взрослые когти. Она была из молчаливых, но за внешним ее спокойствием угадывался сложный мир образов и желаний.

Внимательный наблюдатель мог обратить внимание, что Сарка положила на Кима глаз. Казалось бы, на что сдался ей, дочери кладбищенского габая, этот городской мальчик-«половинка»? Так или иначе, она была самой способной из

всех учеников Вениамина. Долгие часы проводила Сарка в реке, гоняясь туда-сюда, и никто не мог сравниться с нею в быстроте плавания и в красоте прыжков в воду.

Странные отношения установились между парнем и двумя подружками. Временами казалось Вениамину, что Ким тянется к насмешливой козе, к маленькой Тамаре. Но разве не рано еще говорить об этом? Возможно ли, что такие взрослые мысли бродят в головах этих неоперившихся птенцов?

Тем временем рыженькая веснушчатая Галина Львовна продолжала обрушивать на Вениамина потоки своей болтовни. Рахель Борисовна и Наталья Викторовна были не так разговорчивы, и Вениамин решил попробовать свои силы на первой из них. Что поделаться, если ему всегда нравились именно Рахели?.. – этой, кстати, еще не исполнилось тридцати. Увы, ухаживания его были отвергнуты с порога, и от нечего делать Вениамин обратился в сторону Натальи Викторовны. Во внешности этой полнотелой женщины было что-то коровье, глуповатое и в тоже время приятное. В какой-то момент Вениамину даже казалось, что она готова ответить на его интерес взаимностью; близился день, когда усилия обольстителя должны были принести вожделенные плоды. Но вот оно, еврейское счастье! В Гадяч внезапно приехал муж Натальи Викторовны. Запах папирос и крепкого одеколлона окутал теплое слоновье тело женщины, и Вениамин вынужден был отступить, не солоно хлебавши.

Да, не каждое лето устлана розами дорога еврейского юноши! Между тем, жизнь продолжалась, медленно проходили дни, вечера, ночи. Рахель Фейгина, подруга Вениамина, застряла в столице, Соломон был совершенно занят своей Фирочкой, даже Берман с Голдой куда-то запропали. Казалось, люди остались только на берегу реки, но и там Вениамин терпел мелкие поражения.

Солнце клонится к закату, огонь и покой разлиты на поверхности реки. Воздух становится прохладным, но тепла нагретая за день вода. Медленно течет Псёл. На другом берегу пастухи собирают стадо. В стороне замерли в ожидании рыбак и его удочка: оба замышляют недоброе по рыблю душу. Сейчас прилетит невесть откуда взявшийся легкий ветерок, обернет мир своей милостью, омоет его своей лаской, огладит и так, и эдак, и туда, и обратно, приголубит города, поля и страны. Солнце опускается еще на один шаг, но продолжают подходить к берегу купальщики, чтобы окунуться в последний раз перед возвращением домой. Вениамин расслабленно лежит на воде и смотрит в небо. Бескрайний покой, замешенный на золотистой дымке, накрывает мир. А вот и комары; они суется, резко подергиваясь то вверх, то вниз, празднуют свой короткий фестиваль и поют свою тонкую песню. Со стороны пастбища слышно мычание, бляенье, крики пастухов. Много движения сейчас на берегу. Эти выходят из воды, обтирают загорелые тела полотенцем. Эти уже одеваются, а те, напротив, прыгают в воду и шумят.

– Коля, Коля! – кричит один из мальчишек. – А так можешь?

И крикнувший с разбегу ныряет в реку вниз головой. Коля, пятилетний карапуз, конечно, не может «так». Он какое-то время стоит, примериваясь, а потом молча шлепается в добрые объятия воды; руки его уперлись в береговой песок, а ноги бешено колотят по мелководью.

– Коля! – слышится снова. – А так? Так можешь?

Шаг за шагом дымка захватывает мир. Вот и рыбак вдруг шевельнулся. Резко вздернута вверх удочка, трепещущая рыбка вылетает из воды в темнеющий воздух. Ее серебристое тело шлет небесам немую мольбу.

Семья Шотландов гостила в Гадяче до конца июля. С их отъездом тихо стало в доме, и лишь счастье молодой пары наполняло комнаты едва сдерживаемой радостью.

Во время своих ежедневных наездов в Вельбовку видел Вениамин и Глашу. Сначала эти встречи выглядели случайными, но с первых чисел августа Глаша, уже не скрываясь, ждала его каждое утро. За прошедший год она выросла и теперь меньше походила на лесную дикарку с цепким внимательным взглядом. Директор вельбовской школы Митрофан Петрович Гавриленко нашел ей подходящую учительницу, и та весь год натаскивала Глашу в арифметике и русском. К лету Глаша могла гордиться своими успехами.

Вот Вениамин пылит на велосипеде на подъеме к деревне. Там, на опушке леса встречает его Глаша. Ее босые ноги исцарапаны, льняные волосы заплетены в толстую косу, а в глазах застыло выражение детской невинности.

– Доброе утро, Глаша! – приветствует ее Вениамин и спрыгивает с велосипедного седла, как будто встретил на своем пути королеву леса.

Лесом и свежестью пахнет от этой девушки. Они стоят и болтают о том, о сем. Глаша по-прежнему зовет его «дядя Вениамин». Дядя выслушивает отчет о новостях Вельбовки за протекшие сутки. Наконец-то зацвела картошка. Степан Борисович все хрипит да кашляет. А! И вот еще важная новость: куда-то запропастился один из цыплят желтой курицы...

Через минуту-другую Вениамин сажает Глашу на раму, и они вместе катят в направлении дачи. Ему приходится с силой давить на педали. В дорожной колее то и дело попадают кочки и толстые корни – велосипед подскакивает и трясется.

Глаша сидит на раме между рулем и седлом, лицо ее серьезно, тело напряжено, руки вцепились в руль, а ноги свешиваются сбоку. Вениамину приходится слегка приобнять ее, чтобы не упала. На его лбу появляются капельки пота, но это не мешает хорошему настроению. Вениамин увеличивает скорость. Велосипед катится все быстрее, глашино лицо становится все серьезней. Но вот и время остановиться. Глаша легко спрыгивает со своего неудобного насеста.

– Барышня, – говорит Вениамин голосом бывалого извозчика, – с вас полтинник!

Она вскидывает на него удивленные глаза.

– Дорог нынче овес, барышня, – продолжает «извозчик».

Глаша смеется, Вениамин утирает со лба пот и поднимается на веранду. Его встречает Степан Борисович. Глаша еще какое-то время стоит, глядя на велосипед, а потом уходит, понуриив голову, и вид у нее такой, будто ей очень жаль уходить, жаль расставаться со всем этим.

Как видите, «дядя» обращается с Глашей, как с ребенком, хотя, Владыка мира, так ли уж велика разница между двадцатью пятью и семнадцатью годами? В самом деле, как быстро они растут, эти дети! За те три года, что «дядя» знаком с Глашей, она превратилась из смуглой лесной дикарки в стройную девушку, обладательницу немереной женской силы. Но, с другой стороны, некогда юные парни тоже понемногу стареют, так что, можно сказать, что по-прежнему велика пропасть между Глашей и Вениамином.

Но вот закончена работа с профессором, Вениамин опять садится в седло и катит в направлении Гадяча. И вот – снова стоит Глаша на лесной дороге. Вениамин принимается трезвонить в велосипедный звонок. Она поднимает к нему лицо и отходит в сторону, но что-то заставляет Вениамина соскочить с велосипеда и подойти к девушке. В руках у нее – учебник чтения для детей, книжка с большими буквами и рисунками. Она как раз читает историю о гадком

утенке, который однажды расправил крылья и превратился в прекрасного лебедя...

В этом году распрощалась Глаша с неграмотностью – во многом, благодаря Вениамину. А потому до сих пор девушка видит в нем своего наставника и покровителя в вопросах учебы. Теперь они ежедневно проводят небольшой экзамен: Глаша демонстрирует «дяде» свои достижения.

Они сходят с дороги и усаживаются в тени сосен. Глаша медленно читает, Вениамин слушает и радуется ее успехам. За год она закончила программу двух классов и теперь не расстается с книжками. Мало-помалу открывает перед ней Андерсен мир волшебных сказок, и Глаша разгуливает в стране чудесных озер, где плавают чистые лебеди.

Но вот закончен экзамен, и Глаша просит Вениамина прокатить ее до моста.

– Пожалуйста, Глаша, но ведь обратно тебе придется идти пешком!

Ничего страшного, она не устала. И снова он усаживает ее на раму между седлом и рулем. Дорога идет на спуск, велосипед убыстряет ход, теперь можно не крутить педали. Слышен смех Глаши – знаете ли вы причину этого смеха? От радости этот смех, от чувства свободы, от бьющего в лицо ветра, от голубого купола небес, от приближающейся реки. Холодные руки девушки прижимаются к вцепившимся в руль рукам Вениамина, он тоже придерживает ее предплечьями, чтоб не упала. Велосипед летит по спуску! Но вот и мост – отсюда дорога забирает вверх. Что дальше?

– Не хочешь ли искупаться, Глаша?

Да, она не возражает.

– Я ведь потому и просила подвезти меня сюда, дядя Вениамин!

Странно, он и не помнит, чтобы об этом шла речь. Они спускаются к реке, Вениамин отворачивается и через несколько секунд слышит плеск воды. Быстрыми сильными гребками разрезают хрусталь реки сильные глашины руки. Она умеет плавать без всех этих фокусов и выкрутасов, без всякого кроля и брасса!

Вениамин тоже прыгает в воду.

– Боже мой, Глаша, да ты ведь в костюме праматери Евы! Стыд и позор! Тебе нужно обязательно сшить купальный костюм!

Она смеется:

– Зачем? Если нападут на меня разбойники, не поможет никакой купальный костюм!

При чем тут разбойники? Они плещутся в воде, гоняются наперегонки, и не всегда Вениамин побеждает.

Через некоторое время он выходит из воды, одевается и садится на велосипед. Девушка еще плещется в реке. Прощай, Глаша!

Несмотря на диковатость, есть в этой девчонке какая-то детская невинность. Вениамин направляет велосипед вдоль берега по направлению к шоссе. Он думает о Глаше, цветущей девушке с большими прохладными руками, льняными волосами и глазами, исполненными детской чистоты.

Назавтра он опять едет в Вельбовку и опять ждет его на опушке Глаша.

– Доброе утро, Глаша!

Чудесное утро бурлит вокруг в молчаливом великолепии. Задумчиво стоят высокие сосны, шепчутся о неведомых секретах, замирают на минуту и шепчутся снова. Солнце топчет лес в золотом сиянии. Но тут, у подножия деревьев, в запахе лесных цветов, еще лежит прохлада косых утренних теней. Не подвезет ли Вениамин до дома заблудившуюся барышню? Вениамин сажает Глашу на раму и катит в направлении дачи. Нелегко поднимать в гору такой груз. На лбу парня

выступает пот, он дышит тяжело, как запыхавшийся буйвол. Но Глаше и дела нет до его дыхания; ее лицо покраснелось от удовольствия. Чем бы охладить эту горячую краску щек, это чувство жизни, до краев наполняющее душу? У веранды Вениамин спрыгивает, перегибается через седло и снова произносит извозчицким басом:

– Барышня, с вас двугривенный на чай!

Он добавляет что-то и про овес. Глаша весело смеется. Нет, она пока не хочет уходить. Нельзя ли ей на время взять велосипед, чтобы научиться ездить?

– Пожалуйста, дядя Вениамин!

Глядя прямо в глаза, стоит она перед ним, эта благословленная природой девица, под тонкой рубашкой вздымаются два заметных холма, и манящей женской силой веет от нее с ног до головы – от босых пяток и загорелых голеней до льняной макушки. Можно ли отказать такой красавице?

– Но только осторожно, Глаша!

Вениамин входит в комнату Степана Борисовича, садится за стол и принимается за работу. Сегодня он должен закончить два простых чертежа и распечатать на пишущей машинке несколько листов, исписанных убористым почерком профессора. Для формул Вениамин оставляет свободное пространство и вписывает их затем от руки. Пока что он печатает одним пальцем, но постепенно учится и ремеслу машинописи, с каждым днем все лучше помня расположение букв и знаков.

Но вот работа закончена, готовы и чертежи. Степан Борисович зовет Вениамина к обеду – в последнее время парень превратился здесь в члена семьи. Солнце горит на верхушках деревьев, льет свой жаркий огонь сквозь безмолвные ветви. Они споласкивают руки и садятся за стол, но тут к веранде приближается почтальон. Он принес свежий выпуск журнала «Новости техники и инженерии» и два письма. Одно из них – какая-то официальная бумага из Ленинграда, зато на втором конверте стоит почтовый штампель Сестрорецка, а адрес надписан рукой Лиды, любимой дочери. Профессор быстро прочитывает письмо, молча передает его Кларе Ильиничне, затем забирает назад и начинает читать вслух. Нет, письмо не содержит ничего нового. Погода в Сестрорецке недурна. Они – Лида и Бобров – много времени проводят на пляже. Над водой носятся чайки. Мы с Ваней чувствуем себя хорошо. Как папино здоровье?

Сух тон письма, нет в нем ни тени чувства. Степан Борисович раздраженно срывает обертку с «Новостей» и бегло просматривает оглавление. На этот раз нет в журнале интересных статей, но в разделе критики и библиографии он обнаруживает резкий отзыв о своем учебнике «Кинематика машин». Автор неприятной заметки – доцент Абрамовенко, бывший ученик Степана Борисовича. В свое время это был туповатый студент, с кочаном гнилой капусты на плечах вместо головы. Именно так и заявил ему Степан Борисович на одном из экзаменов. Да, профессор знал, что Абрамовенко – один их руководителей институтской парторганизации. Ну, так что? Неужели вы полагаете, что профессор Эйдельман станет закрывать глаза на невежество экзаменуемого только потому, что тот связан с властями? Ни за что! По крайней мере, до сих пор он еще ни разу не позволял себе опускаться так низко.

Вера приносит котлеты. Она неплохая девушка, Бог наградил ее приятным лицом, хотя и сплошь изрытым отметинами оспы. Все едят котлеты и слушают раздраженную речь Степана Борисовича. Он продолжает кипятиться по поводу Абрамовенко. Этот пустозвон превратился сейчас в большого человека: доцент, кандидат наук и еще черт знает кто! А теперь еще и напечатал полную ругани статью о книге профессора. Нет, Степан Борисович не позволит невежде и дураку

глумиться над своими книгами! Он еще покажет этому доценту, где раки зимуют, он еще докажет, что у Абрамовенко на плечах по-прежнему кочан гнилой капусты!

Степан Борисович известен своим воинственным нравом во всем, что касается ученых дискуссий. Не раз уже в технических журналах вспыхивали жестокие споры между ним и его оппонентами. Сейчас перед Вениамином не мирный дачник над тарелкой с котлетами, а боевой конь, почуявший дальний поход: он бьет копытом, грызет удила, и пена капает с грозной его морды! Поистине, нет более жестоких войн, чем войны научные!

Степан Борисович раздражается продолжительным приступом сильнейшего кашля; лицо его сморщивается и багровеет, на платочке, который он держит у рта, расплзается красное пятно. Клара Ильинична поспешно приносит из комнаты склянку с лекарствами и стакан молока. Затем она обращается к Вениамину: нужно срочно ехать в Гадяч за врачом.

Глаша! Куда подевалась эта девчонка? Но вот она появляется на дороге, таща за собой велосипед; мокрое от пота лицо горит воодушевлением, босые ноги в пыли. Все ее гибкое тело излучает деятельное усилие.

– Глаша, мне срочно нужно в город!

Минуту спустя велосипед уже мчится по дороге.

Степану Борисовичу прописывают постельный режим в течение недели, но, даже лежа в кровати, он не прекращает работы. Профессор диктует Вениамину, тот записывает в блокнот, а затем распечатывает материал на пишущей машинке. Прежде всего – полемическая статья против капустной головы. Нет, Степан Борисович не из тех, кто легко сдается! Он не падает на колени даже перед ангелом смерти. Даже ангелу смерти придется подождать, когда он заявится к профессору: уж слишком много дел еще не переделал Степан Борисович на этой земле.

Вот и лежит он в постели, шуршит страницами книг и журналов и диктует Вениамину третий том своей книги «Динамика». В это время Глаша занята велосипедом. За последние дни она настолько освоила науку езды, что предложила Вениамину поменяться местами. Пусть теперь он садится на неудобную раму, а она, Глаша, будет крутить педали. Ну не наглость ли? Однако нет ничего труднее, чем устоять перед уговорами таких нахальных девиц. Поддается наконец и Вениамин; скрепя сердце, соглашается он занять не подобающее сильному полу место. Глаша вскакивает в седло.

Велосипед, набирая скорость, катится со спуска и даже не разваливается на куски. Но ясно ведь, что такие шутки никогда не кончаются хорошо. Заднее колесо попадает на острый камень, слышен протяжный вздох порванной камеры и стук обода. Мост уже совсем рядом, но делать нечего – надо чинить колесо, а для начала найти место прокола. Они спускают велосипед к реке, опускают камеру в воду и смотрят, откуда пойдут пузырьки. Теперь надо ставить заплату. Вениамин вытаскивает из велосипедной кобуры клей, шкурку и кусочек резины.

Легкими и сердечными были их отношения. Каждый день поджидала девушка Вениамина – вернее, Вениамина и его велосипед. В течение года выучилась Глаша читать и писать. Андерсен оказался прекрасным учебником. Новые миры открылись перед нею. И хотя мама Настя продолжала вести прежнюю грешную и разгульную вдовью жизнь, к дочери не пристало ни капельки грязи и греха. Когда матерью овладевал очередной приступ безумия, Глаша просто сбегала из дома – было у нее несколько укромных уголков, полных Господнего благоволения.

В огороде росли помидоры и огурцы, картошка, арбузы и капуста. Глаша хорошо понимала язык чистой песчаной почвы, не скупилась на удобрения и

полив. Как добрая мать, напевая про себя, расхаживала она между грядок, а любопытные овощи поглядывали на нее из-под листьев.

Каждое утро Глаша брала корзину и шла в лес за ягодами и грибами. Лесная земля любила ее не меньше огородной; к тому же, девушка прекрасно знала скрытые места и всегда возвращалась с добычей.

В дупле большой старой сосны жила пара золотистых белок, о которых не знал никто, кроме Глаши. Она приносила белкам орехи, и те, еще издали заслышав ее шаги, вылезали из дупла и спускались к девушке. Получив гостинцы, белки тут же усаживались разгрызать их, сохраняя при этом на мордочках уморительно серьезное выражение. Похоже, они считали себя правительницами этой части леса.

Водила Глаша знакомство и с несколькими лесными куропатками. Иногда она приходила навестить их – для этого нужно было выходить очень рано, когда туман еще только начинал подниматься по стволам деревьев и между кустов. Птицы встречали ее приход свистом, клекотом и хлопанием крыльев. Глаша любила лесных жителей, для каждого из них находилась у нее улыбка и особое, ему лишь посвященное слово. Она понимала разговор птиц и деревьев, шепот ветра, язык тумана, свет солнца. Природа пела свои песни в ее душе.

Нет, Глаша совсем не чувствовала себя одинокой. В часы материнского заула, когда во дворе дома начинали греметь дикие песни, переливы гармошки и грубые пьяные голоса, Глаша уходила в лес. Лес принимал ее как любящий отец, и девушка с облегчением прижимала голову к его огромным добрым коленям.

Глава 12

В начале века жил в Одессе-маме парень по имени Арик. На улице Старопортофранковской стоял двухэтажный дом, в нижнем этаже которого размещалась крошечная бакалейная лавка. Ею занимались родители Арика; сам он к пятнадцати годам умел лишь гонять голубей, а во всем остальном был полнейшим невеждой. Завет плодиться и размножаться был воспринят его папой и мамой как главное руководство к действию; результатом их усилий стала целая армия детей. Дать образование всем было решительно невозможно, поэтому не учили никого. Арик три года посещал хедер меламеда Ицика; легкомыслие не помешало ему научиться различать буквы и даже немного читать, хотя и через пень-колоду. О переходе в школу более высокой ступени речи не шло: синематограф, цирк, орехи и лимонад интересовали парня намного больше. Через несколько лет к этому списку добавились девушки.

Дурные увлечения требуют немалых денег. Это привело Арика в компанию одесских проходимцев, которые занимались подозрительными сделками по скупке и перепродаже краденого. Но он оставался там мелкой рыбешкой и никогда не пачкал рук грязными делами типа карточного шулерства и прочего откровенного мошенничества.

Взгляните, дорогие читатели, на этого красивого брюнета, молодого одесского хулигана. В будние дни он носит ярко начищенные скрипящие сапоги – была тогда такая странная мода. В сапоги заправлены широкие галифе, над ними – рубаха-толстовка. Щегольская фуражка с лаковым козырьком довершает наряд.

В праздники и выходные вместо сапог надеваются желто-черные туфли, блестящие и обязательно «со скрипом» – беззвучную обувь Арик не признавал в принципе. Над туфлями развеваются широченные брюки-клевш морского покроя, а к ним – стильный серый пиджак, венец моды, предмет особой гордости владельца. Вот он идет, этот черноглазый молодец, прогуливается по Дерибасовской улице под ручку с красивой девушкой.

Ближайшим другом Арика, которому он поверял все свои тайны, был Шимон Вайнер. Господь наградил Шимона высоким ростом, приятной внешностью и тем мягким, беззлобным и веселым характером, который так часто встречается среди одесситов.

Шимону Вайнеру не приходилось заботиться о пропитании: его отец был богатым торговцем-импортером. Но к учению его не тянуло так же, как и Арика. Впору кричать караул: вместо того, чтобы учиться, парень завел дружбу с бездельниками и пустозвонами! Отец Шимона Авраам Аба Вайнер и в самом деле кричал – но многого ли добьешься криком? Помогали его крики, как мертвому припарки.

В 1910 году встретил Арик умную девушку по имени Сарка Плоткина, восемнадцатилетнюю красавицу небольшого роста с добрым сердцем и сияющим лицом. Как раз в том году настала пора сиять саркиному лицу.

Каждому овощу свое время, коротка и девичья весна. Много девушек ходит по этому миру, а потому те из них, что поумнее, должны тщательно рассчитывать каждый свой шаг – если, конечно, они намереваются вовремя выудить из пруда хорошего карася. Без правильной стратегии можно с легкостью просвистать драгоценное время, упустить свой короткий час, и тогда горе опоздавшей! Ведь нет народа изменчивей, чем эти парни-вертопрахи. В какой-нибудь прекрасный день вселяется в них попутный ветер, и они набрасываются на тебя, как стая голодных волков, причем каждый так и жаждет предложить тебе руку и сердце. И вдруг – будто что-то сломалось: воцаряется вокруг тебя безлюдная тишь.

Смотришь направо – никого, смотришь налево – никого. Остались лишь скука и одиночество.

Нет, Сарка Плоткина была не из тех, кого не заботит их собственная судьба. Хотя, если спросить других девушек со Старопортофранковской улицы, ей просто очень везло. В самом деле, ну что такого есть в этой нищенке, что за нею увивается столько парней? Низенькая, худенькая малышка с крошечными ступнями, девчонка, которой велики даже туфли-лодочки тридцать третьего размера! Всё это так, но отчего бы не упомянуть еще и красивое лицо с тонкими и чистыми очертаниями? А темные лучистые глаза? А смех, звенящий серебряным колокольчиком?

Так или иначе, но запала она в душу бедного Арика. Спустились весенние вечера на морской берег. Мир наполнился шелестом волн, накатывающихся на скалы и на береговую гальку, сумерками гаснущего вечера, дразнящим запахом лаванды, пылающими в вышине звездами, полетом легкого ветра. Но все эти чудеса были лишь фоном для сияющих глаз, для серебряного смеха Сарки Плоткиной – самой неотразимой из всех девушек мира.

Это не было его первым увлечением: не раз и не два уже лежал Арик в каком-нибудь укромном месте в жарких объятиях той или иной молодой грешницы. Но в те времена еще оставались в Одессе девушки, умеющие держать парня на расстоянии. Кто бы мог подумать, что и маленькая Сарка окажется в этом ремесле большой мастерицей?

Гром и молния, и скрежет зубовой! Саркины уловки и отговорки, все эти «не сейчас», «не сегодня» и «может быть, потом» привели несчастного парня в состояние лунатика, начисто лишили сна и покоя. Искорка чувства разгорелась огромным костром. Да и сама Сарка едва держалась: сладкие объятия Арика ослабляли ее волю к сопротивлению. Даже у самой умной девушки сердце сделано не из камня. Близился час падения и этой неприступной крепости, тем более что напор Арика нарастал от вечера к вечеру, а в девичьей душе накапливалось все больше и больше радости, счастья и обманчивого покоя. Но Сарка твердо намеревалась дожидаться тех особенных, самых важных слов, которых ждет от своего парня каждая девушка, а именно их-то и не произносил влюбленный Арик.

Вечер проходил за вечером, и наконец Сарка, собрав все силы и смирив сердце, решила-таки прогнать своего нерешительного возлюбленного. Тут-то и возник на горизонте Шимон Вайнер.

О, путаница чувств! О коварство влюбленных! Однажды вечером Шимон познакомился с Саркой и потерял голову. Вообще говоря, у него уже была невеста – Нехама Хефец, дочь богатого оптовика, всегда разодетая, как на Песах. Нехама была старше его на четыре года. Но над головой Сарки витал ореол девушки, в которую влюблен сам Арик – уже одно это делало ее королевой, девушкой высшего класса, на которую смотрели снизу вверх все парни в округе.

В душе у Сарки сменяли друг друга буря, смущение и снова буря, но внешне она выказала Шимону Вайнеру вполне искреннее и спокойное благоволение. Через несколько дней Арик почувствовал разительную перемену в поведении друга: тот следовал за коварной Саркой повсюду, превратившись в ее вещь, в ее тень. Вынести это было уже выше сил человеческих, и однажды вечером на морском берегу уста Арика вымолвили-таки нужные слова в склоненное ухо торжествующей победительницы. Со стоном облегчения она спрятала счастливое лицо на груди любимого и предалась ему со всей силой своей женской души.

Однако нет покоя в этой жизни. Шимон вернулся к своей невесте, чей смех даже отдаленно не напоминал саркины серебряные колокольчики, но его друг не забыл предательства.

О, черные силы, о, злые духи Ситра Ахра, потустороннего мира!

В 1912-ом, когда минул год со дня ариковой свадьбы, его забрали в армию, в конницу. Отныне Арику пришлось вести дела не с бандитами, а с лошадьми, но и тут парень не подкачал. В 1914-ом началась война, и арикову часть направили на фронт. Он сражался в Карпатах, видел новые страны, горы и реки.

Как и все солдаты, Арик переписывался с женой. Нежные слова отказывались выходить из-под его непривычной к карандашу руки; буквы получались большими и грубыми, как солдаты в строю. Зато ответные письма были написаны мелким округлым почерком, как пишут только дети и женщины.

«Мой дорогой Ареле! Пишу тебе из Одессы, из нашей тихой комнатки. Сегодня вечером я сидела у окна, смотрела на весну, которая пришла к нам две недели назад, вдыхала запах цветущей акации, и слезы наворачивались на глаза. Как я по тебе соскучилась, дорогой мой Арик, как соскучилась!»

В конце одного из писем было несколько слов о друзьях и знакомых и прежде всего – о Шимоне Вайнере, который женился-таки на Нехаме и стал одним из самых больших богачей в округе. Вот только не похоже, чтобы он был доволен своей костлявой Нехамой. Шимон позволяет себе заглядываться на чужих жен – неужели он всерьез полагает, что деньги могут купить всё?

Зря, ох, зря написала Сарка эти слова! Как видно, Шимон и впрямь не давал ей покоя – известно ведь, что многое дозволено богачам. Недобрым ветром повеяло на Арика от письма жены, старые сомнения поднялись из глубин прошлого и принялись терзать душу.

Вскоре после этого началось наступление, Арик проявил героизм и был отмечен за храбрость сразу двумя Георгиевскими крестами. Но дурные мысли продолжали омрачать его чело.

В одном из сражений под городом Пшемысль его тяжело ранило, и Арик два месяца провалялся на госпитальной койке между жизнью и смертью. Пуля попала в голову. Он едва выжил после двух операций, но головные боли остались.

Но вот настал вечер возвращения, чудный вечер в Одессе-маме. На западном краю неба дрожали яркие закатные цвета, по сумеречным улицам гуляла молодежь и воспоминания юности. Арик, одетый в военную форму, с вещмешком за плечами и револьвером в кобуре, шагает от вокзала в сторону Старопортофранковской улицы. Где-то там, вдали, грохочет война, но здесь, в этом приветливом городе, слоняются по улицам настойчивые парни и уступчивые девушки, и все выглядят так, как будто всё им нипочем. Наверно, и Шимон с Саркой не теряют времени. Еще бы – такие, как Шимон, не идут в армию, они могут делать все, что угодно.

– Ой, Арик, Ареле! – закричала Сарка, открыв дверь. На ней было красивое шелковое платье, голубое в серебряную полоску. – Ой, Арик, как я тебя ждала!

Вся в слезах, повисла она на шее у смущенного солдата, с силой обнимая его и покрывая поцелуями лицо. Быстро накрыт был ужин, поставлена бутылка вина. Но в середине трапезы открылась вдруг дверь, и вошел Шимон Вайнер. Увидев Арика, он сначала замер, но быстро пришел в себя и разразился радостными восклицаниями.

– Привет, Арик! Я услышал, что ты вернулся, и сразу побежал сюда!

Солгал, солгал Шимон! Никто не знал о приезде Арика. Но Шимон продолжал изъяслять радость и даже послал за вином и закуской, чтобы отметить возвращение друга.

– А как же иначе? Приехал мой лучший друг! Арик, черт тебя побери!

После нескольких стаканчиков вроде бы расслабился Арик и начал рассказывать случаи из своей фронтовой жизни, о сражениях с австрияками, о нравах и обычаях населения тех мест и о галицийских евреях с пейсами и в штреймлах¹.

По-прежнему остер его язык. Вернулся Арик домой, сидит со своей маленькой женой и ближайшим другом, пьет вино и рассказывает о своих приключениях. Слова порхают в воздухе – поди проверь, что тут правда, а что нет. Вот только было за этими словами тяжкое ранение и головная боль, были истерзанные нервы и почерневшая душа, которая пристально смотрела на сидевших напротив людей и ловила каждую их интонацию, каждый взгляд, каждое движение. Он выпил еще стаканчик, и еще, и еще. Шимон не отставал – одна лишь Сарка почти не пила. Может, подсказало ей сердце, что не следует ждать ничего хорошего? За столом сидел другой человек, не тот Арик, который был до войны; что-то непоправимое произошло с его душой. Осторожно, осторожно!

Сытый и пьяный, в прекрасном настроении поднялся Шимон со своего места. Был он высок ростом, и, хотя располнел за последние годы, еще угадывался в нем легкий одесский паренек. На прощание пригласил Шимке друга с женой на завтра к себе. Он теперь живет у тестя, и до полного достатка не хватает там разве что птичьего молока. И, вместе с тем, с грустью вспоминает он прежние деньки – помните, ребята? Сильно навеселе гость; Сарка выходит вместе с ним в коридор, проводить. Выждав с минуту, идет вслед за ними и Арик. Идет и слышит шепот:

– Теперь уже не сможем видеться, как прежде!

Слышит это Арик и видит, как держит Шимон за руку молодую женщину. Поблескивает в темноте голубое шелковое платье с серебряными полосками. Подошел к ним Арик, посмотрела жена ему в глаза и содрогнулась. Черны зрачки, и пусты, и упрямы, и обернуты темным угрожающим шарфом.

Да, был в тот момент мозг Арика покрыт темным туманом. Револьвер он положил под подушку, как привык это делать в армии. Утром нашли Сарку в постели с пулей в сердце. Простыни, одеяло и матрас были мокры от крови. Вот только Арик не помнил ничего. До нынешнего дня точно неизвестно, он ли совершил это убийство. Врачи определили у солдата душевную болезнь, при которой человек иногда не помнит себя и не отвечает за свои поступки.

Арика арестовали, немного подержали в тюрьме, но потом выпустили – видимо, сыграли свою роль Георгиевские кресты. После освобождения переехал Арик в маленькое украинское местечко, где жил тогда его старший брат с семьей.

Там примкнул он к общине хасидов. В те дни еще жизнь была ключом в этой шумной компании, и там находили себе утешение угнетенные души и кровоточащие сердца. Многие годы приносили они свои беды и душевные раны к порогу святого человека с густыми седыми бровями и глубокими глазами. Много перевидал он на своем веку грешников и несчастных, хорошо разбирался в человеческих душах и умел утешить страдальцев. Выслушал рабби бедного Арика и послал его в Гадяч на могилу старого адмора, чтобы помолился он там, покаялся и испросил прощения, чтобы полегчало ему.

Бывает, что овладевает человеком душевная боль, и наступают часы его слабости. Сидит он тогда в штибеле и кается перед лицом Творца. В окна сочится серый свет, и в комнате витают затхлые запахи святости и поколений. Непокрытым стоит святой ковчег, на обнищавшего царевича похож он. В углу

¹ Штреймл – меховой головной убор, надеваемый хасидами по особо торжественным случаям.

навалены рваные свитки книги Исход, сиротливые томики Торы лежат на длинной деревянной скамье, как тела немых страдальцев.

Сидит человек в этом угасающем мире, сидит и кается, хлещет по собственной душе кнутом горьких упреков. А за стенами штибеля расстилается земля Бога живого. Хлещет бродячий ветер по деревьям, кустам и травяным лужайкам. Тысячи малых событий происходят в мире, но живой душе дано знать лишь о малой их доле. Каждой душе – свой слабенький фонарик, чьего света хватает лишь на крошечный пяточок.

Счастье и радость! Наконец-то свершилось! После длительных сомнений и откладываний исполнил-таки Берман свой мужской долг и в один из августовских дней того же года женился на Голде Гинцбург, этой прекрасной девушке-матери. Кстати говоря, и я, автор, на той свадьбе был, мед-пиво пил.

Но обо всем по порядку.

Вот уже много месяцев прогуливается Голда Гинцбург с Берманом, и всем ясно, что происходят между этими двумя вещи, скрытые от постороннего глаза. Берман, старший мастер городского салона причесок, гроссмейстер стрижки и волшебник бритья, давно уже утратил очарование молодости, хотя и приобрел взамен немалый жизненный опыт и тонкое умение деликатного обращения с представительницами женского пола.

Да, он не замахивался на многое. Шесть дней в неделю Берман работал в салоне: стриг, брил, щелкал ножницами, прижимал горячие полотенца к подбородкам, брызгал одеколоном на щеки, лысины – а случалось, что и в глаза – болтал, не переставая, и снова щелкал ножницами. Что ж, такова судьба парикмахера. Но вечерами он снимал халат, стряхивал с одежды чужие волосы и превращался в приятного мужчину, радующего глаз любой женщины. В тот год ему уже исполнилось тридцать шесть. Возраст серьезный, но Голда, которая была моложе Бермана на целых пятнадцать лет, не придавала этому факту никакого значения. Их тянуло друг к другу; каждый вечер эти двое уединялись в укромных уголках Гадяча и вели между собой древнюю извечную игру. Голде нравился этот темноволосый человек, нравились мелкие морщинки в уголках глаз, нравился сопровождавший его повсюду запах одеколона. Да и Берман, старый опытный холостяк, не мог сопротивляться волнам обожания, которые исходили от этой молодой симпатичной девушки.

Нельзя сказать, что Голда вела себя с ним осторожно – напротив, и это неосторожное поведение продолжалось уже больше года. Было какое-то особое очарование в весне 1940 года, весне голдиной любви. Небеса с армией облаков, приветливый ветерок, море цветов и зелени, прохладные вечера, играющие светом и тенью... – казалось, весь этот огромный мир упал на колени, чтобы поклониться перед девушкой. И душа ее распахнулась настезь, навстречу миру и Берману.

Этой весной парочка уже начисто забыла осторожность. Парень окончательно решил, что жизнь состоит лишь из меда и молока. Решил, что может получить в свое полное распоряжение пылкую молодую женщину, не неся при этом никакой ответственности.

Но тут, как это обычно бывает, произошло непредвиденное, и появились нежелательные признаки, которые с каждой неделей делались все заметней и заметней. Лицо Голды потускнело, стало желтеть, и под глазами появились круги. Теперь девушка уже не напоминала гордую птицу, готовую взлететь в голубые небеса. Теперь она больше походила на связанную пленницу. Но замкнулись кандалы и на ногах Бермана.

Смех и слезы... ходят двое и страдают – вот ведь до чего дошло, Владыка мира! Неужели не заслужила эта несчастная пара радости свадьбы? До чего еврейский вкус у всех этих сомнений и уклончивых ответов! Поистине, нет на земле более разборчивого и нерешительного племени, чем племя старых холостяков!

И если уж мы заговорили о столь деликатных вещах, то отчего бы не познакомиться поближе с каждым из действующих лиц?

Берман и его мать, Хая-Сара, проживали на Вокзальной улице в двух небольших комнатухах, включая кухню. Домом заправляла мать, толстая женщина маленького роста. Когда-то она знавала лучшие времена. До революции они с мужем держали большой магазин колониальных товаров в Бобруйске. Ныне покойный, муж был человеком деятельным и инициативным, а также умел превосходно ладить со всеми существами – и с покупателями, и с продавцами, и с прочими тварями Божьими. Магазин ломился от самых разнообразных товаров. Были тут колбасы, конфеты и шоколад, чай и кофе, консервы и рыба, крупы, масла, мука разных видов и много всякого другого добра. Все это доставлялось из Варшавы, из Петербурга, а также из-за границы.

В лавке царили железный порядок и чистота. Все было вычищено и отмыто, все блестело, сияло и соответствовало последней европейской моде. На бумажных пакетах стояли золотые буквы: «Яков Берман, Бобруйск, магазин колониальных товаров». Что сказать? Даже веревочки, которыми перевязывались покупки, были разноцветными, красно-сине-голубыми – во всем чувствовались размах и царская щедрость. Упаковкой занимались два приказчика: парень и девушка в блестящих кожаных нарукавниках стояли у прилавков и с вежливыми поклонами обслуживали покупателей, предупреждая любое их желание. Пряные и дразнящие запахи кружили голову посетителям.

Да, Хая-Сара Берман определенно знавала лучшие времена. Уже тогда она была властной хозяйкой. И приказчики, и покупатели, и муж, упокой Господь его душу, знали, что всё в доме совершается по ее и только по ее слову. Весь Бобруйск лежал у ее ног, пока жив был еще дядя Хаим Зайдель, мир его душе...

Хая-Сара частенько вспоминала те далекие дни, когда крепко стояли мировые основы и каждый человек точно знал место, отведенное ему судьбой. И вот прошли годы, и что осталось от бывшего великолепия? Иосиф, да продлятся годы его жизни, работает парикмахером – за что ей такое несчастье? Вот и ходит толстая вдова по двум своим маленьким комнатам, ходит и горестно вздыхает.

Но, несмотря на все вздохи и на то, что нынешняя жизнь в тягость избалованной душе Хаи-Сары, есть еще у нее несколько принципов, согласно которым она заправляет домом на Вокзальной улице. И главный из них таков: человек обязан пуще глаза следить за своим здоровьем, потому что нет на земле более переменчивой вещи. Весь мир стоит на здоровье, то есть на правильном питании. Забыл об этом – пеняй на себя!

По этой причине главное внимание Хая-Сара Берман уделяет еде. Еде она молится, еде возводит храм, на алтаре еды совершает жертвоприношения. Каким образом? Да вот: быть такого не может, чтобы ее Йосель вернулся с работы и не нашел на столе сытного и вкусного обеда, тающего во рту, радующего живот и веселящего душу! Чтобы после тяжких его трудов с раннего утра до позднего вечера, после восьмичасового стояния на ногах, после всех этих небритых физиономий и грязных шевелюр, чтобы после всей этой каторги не ждало его в доме удовольствие в виде тарелки душистого супа, куска тушеного мяса и чашки сладкого компота?!

Хая-Сара Берман вздыхает. Вот для того-то она и расхаживает по двум своим комнатам и особенно по кухне; потому-то и тащится на рынок с огромным

своим животом; экономит, варит, жарит и занимается всеми маленькими, но многочисленными вещами, которые только и создают питание, достойное человека. Но вот завершается дневная работа, Хая-Сара снимает замызганный передник и надевает красивое платье, а Иосиф возвращается из парикмахерской и садится за стол, накрытый чистой скатертью. Мать ставит перед ним свежайшие, вкуснейшие кушанья, садится напротив, и оба приступают к неторопливой, обстоятельной трапезе: жуют, глотают, причмокивают и наслаждаются... Скажите, кто сравнится с нею в этот торжественный момент? Разве не стоит быть Хаей-Сарой ради такой радости?

Таким, устойчивым и постоянным, был образ жизни Бермана с незапамятных времен; как изменишь привычку, если стала она плотью твоей и кровью? Привычка – и крепость, и тюрьма старых холостяков, их пожизненный приговор. Однако ведь вот – произошло непредвиденное между ним и Голдой, а значит, пришла пора Берману сделать нелегкий выбор.

Потупив глаза и покраснев, как обмочившийся маленький мальчик, он пришел к матери и объявил о своем намерении жениться на Голде. В сообщении этом не было для Хаи-Сары ни крошки радости. Конечно, услышанное вовсе не стало для нее полной неожиданностью: Хая-Сара давно уже чувствовала недоброе. Гадяч не такой уж большой город; уши здесь есть даже у стен, да и у самой Хаи-Сары не настолько плохой слух.

Хая-Сара Берман вздыхает. Ну кто он такой, этот Гинцбург? Какой-то габай – нищий неудачник. В прежние дни она даже не посмотрела бы в его сторону. Если говорить о семье Берманов, то ее родословная включала длинный список богатых и достойнейших предков. О чем тут говорить? Она сама, Хая-Сара, была в свое время хозяйкой такого роскошного магазина, что дай Бог каждому! Да и со стороны матери можно вспомнить знаменитого дядю, Хаима Зайделя, мир душе его!

Странные слова, покрытые пылью прошлого... Ведь эти воспоминания, включая и дядю Хаима Зайделя, не стоят сейчас и ломаного гроша! Хая-Сара Берман вздыхает. Но есть ли у нее выбор? Йоселе должен исполнить свой мужской долг.

И вот в тот же самый вечер пришла Голда Гринберг в дом на Вокзальной улице для длительной беседы с будущей свекровью. И что же? Стеснительная девушка понравилась Хае-Саре. Оказалось, что не так уж все и плохо. В самом деле, не может же такой парень, как Йоселе, оставаться свободным всю жизнь? Видно, что девушка знает семейный уклад и при этом предана Йоселе всей душой. На следующее утро Хая-Сара облачилась в субботнее платье и вместе с сыном отправилась к Гинцбургам.

В доме кладбищенского служки тоже струился ручеек жизни. Мать Голды ушла в мир иной десять лет тому назад, оставив после себя шестеро детей. Голда была старшей – на нее и пала вся тяжесть домашней работы; поневоле уже в юные годы превратилась она в мать семейства. Какое-то время ей помогала тетя Ципа-Лея, мамина сестра. А потом отец взял тетю в жены, и та начала рожать без передышки. Число детей довольно быстро выросло до десяти. Нелегко было справляться с такой большой командой, и Голде как старшей пришлось взять на себя значительную долю семейных обязанностей.

Не было недостатка в многодетном доме Гинцбургов – во всем здесь ощущалась вынужденная умеренность и скромность. Должность служки в эти дни не приносила почти никакого дохода. Ципа-Лея, сорокалетняя женщина со следами былой красоты, была вечно занята детьми, хозяйством и домашней работой. Жизнь измотала ее, но Ципа-Лея не жаловалась: в конце концов она с

честью несла бремя матери десятерых детей, шестеро из которых вышли из чрева ее старшей сестры – несла, не разделяя ребятишек на свои и чужие.

Но мы-то разделим их во имя точности повествования. Вот имена шестерых старших: Голда, Нахман, Хася, Хана, Сарка и Лейбл – четыре дочери и два сына. В каждом из них чувствовалось очарование народа Израиля; несмотря на невзгоды и скудный быт, не было в этих невинных душах ни капли черной горечи.

Нахману исполнилось девятнадцать; был он черняв, как отец, смел и красив. Он еще не брился, и взрослые посмеивались над его едва пробившимися юношескими усиками. Зато девушкам в Гадяче было отнюдь не до смеха: они заглядывались на широкие плечи Нахмана, на красивый блеск его глаз и не находили в усиках ничего смешного. Нахман обслуживал городской склад конторских изделий, и хорошо разбирался в тонкостях этого товара. Тетради, блокноты, пузырьки с чернилами и клеем, глобусы и пеналы, счеты и шахматные доски, пластинки и фотографии, карандаши и ручки – среди всего этого огромного разнообразия проводил парень каждый рабочий день. Он получал четыреста рублей в месяц, и эти деньги служили семье хорошей опорой. Вот только опора эта выглядела не слишком устойчивой. Кто знает, куда занесет Нахмана судьба, когда через год заберут его в армию?

Хасю миновала доля старшей сестры – домашнее хозяйство. Она училась в сельскохозяйственном техникуме, который размещался в Гадяче за высокой стеной бывшей городской тюрьмы. Хасе платили стипендию; два года назад она вступила в комсомол. Дома девушка отвечала за огород и за пегую семейную корову. Техникум научил Хасю сельскохозяйственной теории, а вот практику она постигала на огороде Романа Назаровича Иванчука, с которым подружилась на почве общего интереса к овощам и фруктам. В этой живой и деятельной девушке с бойкими глазами тоже не чувствовалось той затаенной черной горечи, которая была столь свойственна отцу семейства, кладбищенскому служке Аарону.

Хане исполнилось пятнадцать, она считалась самой красивой из дочерей Гинцбурга. В то лето она закончила седьмой класс средней школы и уже мечтала о будущем, поговаривая об отъезде в Киев. Отец возражал: в большом мире правит Ситра Ахра, и велики препятствия на пути человеческого. Сможет ли Ханочка, нежная и мягкая девочка, справиться со всеми опасностями и ловушками? Нет, Гинцбург не желал, чтобы дети разлетались на четыре стороны света: пусть лучше остаются здесь, в Гадяче, – кто знает, что принесет нам завтрашний день?

Вообще-то, Аарон не стремился навязывать свою волю никому из домашних, и дети любили его. Но жизнь текла, вскипала, затопляя огромный мир; дети росли, выходили наружу, и река бытия подхватывала их своим мощным потоком. Взять хоть Сарку и Лейбла – они еще учились в школе, но тоже имели свои, пока еще детские устремления. А кроме них бегали по дому еще четверо малышей. Вот их имена: Шира, Аба, Мира и Ривочка. Последней было всего четыре, но она уже довольно бойко болтала и увлеченно знакоилась с окружающим миром.

Что и говорить, дом Гинцбурга всегда полнился детскими голосами, шумом и кутерьмой. В комнатах и во дворе орудовала лихая шайка, и крик временами поднимался до самого неба. Хозяйка, она же мать, мачеха и тетя, была не из крикливых, хотя и за словом в карман не лезла. Дом она вела по еврейскому обычаю: суббота здесь была субботой, а в кухню не попадало и крошки трефного¹. Этого требовал Гинцбург, и Ципа-Лея слушалась мужа. В канун

¹ Трефное – альтернатива кошерному, то есть еда, не соответствующая предписаниям кашрута, иудейских правил питания и гигиены быта.

субботы, покончив с делами, вымыв и причесав детей, Ципа-Лея надевала нарядное платье и превращалась в образцовую мать семейства с заплетенными волосами и гладким красивым лицом, всем своим видом придавая дому и столу атмосферу праздника.

Как уже говорилось, Голда была очень домашней девушкой, девушкой-матерью; в этом она видела свое назначение в жизни. Когда случилось с нею непредвиденное, она попыталась предпринять соответствующие меры, которые, впрочем, не помогли – уж больно цепким до жизни было потомство Гинцбургов.

И опечалилось лицо старшей дочери кладбищенского служки. Гинцбург не знал о причине и очень тревожился за здоровье Голды. Из всех домашних о происходящем догадалась лишь Ципа-Лея, но и она не говорила ни слова – лишь плакала втихомолку, когда никто не видел.

И вот в один прекрасный день разразился радостный гром: Голда объявила о своем предстоящем замужестве. В один миг расцвела она, праздник воцарился в доме. Пришли в гости Берман с матерью, принесли конфеты для младших. Мирочка и Ривочка сидели на коленях у жениха и оживленно болтали. Берман любил детей, и те платили ему взаимностью. Голда поставила на стол угощение, глаза ее сияли счастьем и радостью жизни.

Через несколько дней пара расписалась в загсе по обычаю властей, а затем пришла пора и для хупы по обычаю Моисея и народа Израиля. Молодые собирались жить у Бермана, но свадьба состоялась в доме невесты. Был устроен славный праздник, веселый еврейский праздник, полный радости, пения, вина и мудрых наставлений. Что скрывать – и я, автор, на той свадьбе был, мед-пиво пил.

Соломон и Фирочка к тому времени уже уехали из Гадяча. Но все остальные сыны и дочери дома Фейгиных, и Вениамин среди них, сидели за свадебным столом. Рукоплескания, песни и пляски захлестнули дом от края до края. Показала себя во всей красе и Хая-Сара Берман, уважаемая мать жениха, когда, раскрасневшись и отдуваясь, отплясывала она пляски былых, хороших времен, времен дяди Хаима Зайделя. И все гости дружно хлопали в ладоши в такт пузатой плясунье.

Ближе к полуночи стали слипаться глаза младших детей, и они один за другим были уложены спать, невзирая на слезы и протесты. Зато старшие шумели до рассвета, пока ослепительное солнце не вышло осторожными шагами из-за восточного края неба.

Хася, Ханке и Сарка вышли проводить Фейгиных до Садового переулка. На лице красавицы Ханы сияла улыбка. Прохладный утренний ветерок шевелил ее волосы. Петухи со всех концов земли возвещали о приходе нового дня.

Много лет минуло с тех пор, но вот он – всплывает и встает в этих скромных строках тот свежий рассвет, и чудесная улыбка Ханы, и болтовня девчонок в спящих утренних улицах.

А между тем, Соломон и его молодая жена жили в своем тайном загадочном мире. Радостен был этот мир и нежен, дремотой и трепетом объят.

Но Фирочка показала себя очень практичной девушкой. Закончив той весной школу, она намеревалась, несмотря на замужество, сразу поступать в институт. После обсуждения было принято решение в пользу медицинского. Вообще-то она могла выбирать любую профессию, но профессия врача казалась ей более подходящей женщине.

Вступительные экзамены начинались 20 августа, а потому молодые покинули Гадяч раньше обычного. Кроме того, за Соломоном еще тянулся неприятный хвост в виде экзамена по «Деталям машин». Стыд и позор! Как может

позволить себе хвосты и провалы такой приятный и способный молодой человек? Похоже, что парень бездельничал в течение всего года и начал готовиться лишь в последнюю неделю перед сессией. Теперь-то Фирочка наставит его на путь истинный! Всё, конечно – отныне не будет у нас ни хвостов, ни повторных экзаменов!

Соломон посмеивался, слушая ее упреки и наставления. Ах, товарищи! Вот ведь нашелся на его голову жандарм в юбке!

Он снисходительно похлопывает по плечу свою цветущую жену, но одно это прикосновение кружит ему голову и туманит взгляд – тем более, когда навстречу улыбаются такие нежные голубые глаза. Ну как тут не обнять этого прекрасного жандарма, как не прижать к сердцу со всем пылом супружеской любви? В конце концов дисциплина есть дисциплина – уж если вступил в семейный союз, приходится исполнять распоряжения жены. Что поделаешь? Еврей в изгнании...

Так начал и Соломон мало-помалу впрягаться в семейный воз. Молодые вернулись из Гадяча за десять дней до начала экзаменов. Слегка поутих без них дом в Садовом переулке. Пока еще осталась там маленькая Тамара, еще бегают она по комнатам, рассыпая смех и болтовню, но скоро уедет и она – ведь Вениамину поручено отвезти ее к матери в Москву. Владыка мира, с кем тогда останутся старики?

Вот уже начинают желтеть сады. Кончился сезон клубники и вишен, пришло время помидоров и картофеля. Но шумит еще по утрам городской рынок, еще лежат на длинных его прилавках плоды щедрой земли. По воскресеньям приходят сюда и несколько слепцов; они сидят в тени, перед ними миска для подаваний, а в руках бренчат старые бандуры. Хриплыми голосами поют они грустные и возвышенные песни. За прилавками и у телег стоят дети земли, коренастые крестьянки в цветастых платках и сдержанные усатые колхозники, продают желающим овощи и фрукты всех размеров и сортов. Полны телеги свежими дарами садов и огородов. В этом году особенно уродились арбузы и помидоры – ведро последних можно купить всего за два-три рубля.

Вениамин продолжает разъезжать между Гадячем и Вельбовкой. Как уже было сказано, не повезло ему этим летом с романтическими отношениями. Пытался он очаровать дачниц, которые пасли своих отпрысков на берегу реки Псёл, но так и не удостоился ощутимого проявления симпатии с их стороны. С обидным равнодушием отнеслись эти женщины к нему, бедному студенту, частному секретарю какого-то профессора.

По вечерам Вениамин заходил в дом одной из дачниц, где веселая компания собиралась на чашку чая, шуточный разговор и негромкую песню. Сидели в палисаднике под открытым небом. Рядом стояло задумчивое дерево; в ветвях его пряталась вечерняя тень, постепенно расползающаяся по земле. На западе угасал разноцветный костер. Ветер веял приятной прохладой, запахами травы и женских духов. В такие моменты выходила из своего укрытия грусть и молча растворялась в пространстве. Наталья Викторовна, полная и приятная женщина, запевала протяжную украинскую песню, и все присутствующие подхватывали – каждый как умел.

Поочередно в Гадяч съезжались из больших городов мужья – провести здесь дни отпуска. Тогда к сумрачному воздуху примешивался запах мужских папирос, а женщины начинали красить губы и пудрить загорелые щеки.

Но никто не красил губ и не пудрил щек ради Вениамина. Что же мог он тогда записать в список удач и приобретений этого лета? Крохотные вещи, легкие, как чесночная кожура, случайные события, не заслуживающие особого внимания.

Перешептывание сосен, высоко вознесших свои гордые кроны. Веселая кутерьма жизни у их подножия, песня трав и цветов, тень и прохлада.

Река Псёл текла в своем узком русле меж песчаных обрывов и травянистых лугов. Тут и там виднелись около берегов заросли тростника, желтые кувшинки и белые речные лилии. В воде отражалась палитра самых разных цветов. Рассвету и звезде, солнцу и облаку, серебру месяца и пеплу сумерек протягивала река свое хрустальное зеркало, и все они дарили воде полный набор оттенков и отражений. Это был изменчивый и неверный мир, каждую минуту обновляющий свой облик и вновь возвращающийся к нему.

Медленно шла жизнь. Стучали сердца, реки текли в моря, ветра облетали землю. Всё двигалось без остановки, всё текло без конца. Вот и берега реки Псёл не остались прежними. Кое-что изменилось и там.

В прошлом году была тут Рахель, а теперь вокруг Вениамина проказничали подростки, и Тамарочка среди них. Странные изменения происходили в этой веселой шайке. Однажды разглядел Вениамин слезы в глазах Сарки Гинцбург. Кто посмел обидеть эту курчавую девчонку? И почему она лежит на песке, в то время как Ким и Тамара резвятся в воде, поднимая вокруг себя фонтаны брызг? Кстати, Ким плавает, как рыба, и давно уже не позорит неумением звания мужчины. Да и Тамара, между прочим, вот-вот уезжает в столицу. Теперь Ким может не зазнаваться перед бедными провинциалками!

И только Сарка Гинцбург остается здесь. Вениамин присаживается рядом с девочкой.

– Что случилось, Сарочка?

Она прячет лицо, но слезы продолжают течь на жадный до влаги береговой песок. И вдруг – смотрите! – девочка исподтишка бросает на него быстрый взгляд блестящих глаз; она уже смеется. Смех и слезы, дождь и солнце одновременно! Сарка вскакивает и прыгает в воду, к остальной компании.

Театр, да и только! Малявки, у которых еще молоко на губах не обсохло, уже рвутся туда же, на жестокую сцену жизни, где смех, и слезы, и забавы, и боль души!

Медленно идет жизнь, секунда за секундой, минута за минутой. Вот уже начали уезжать из Гадяча дачники, горячая пора настала у Эстер, мастерицы лапши. Потому что никакая уважающая себя дачница не уедет из Гадяча без пачки лапши – вкусной, душистой, тающей во рту, легкой, как птичье перо, – лапши, которую умеют делать только старая Эстер и ее дочь Нехама. Вот оттого-то и ходят мать и дочь из дома в дом, оттого-то и слышится из распахнутых окон тихий треск разбиваемых яиц.

А вот Вениамин не был в то лето озабочен проблемой лапши – он продолжал крутить педали между Гадячом и Вельбовкой. Здоровье Степана Борисовича улучшилось. В конце августа стояли теплые светлые дни. Работа над книгой «Динамика» подошла к концу, и Степан Борисович решил сделать перерыв – в конце концов, может же он позволить себе немного побездельничать, хотя бы раз в году! Да, хотя бы пару дней полного отдыха – движение, чистый воздух, усиленное питание.

Профессор выдает Вениамину заработанные деньги, и они прощаются. В последний раз улыбаются парню искусственные зубы Степана Борисовича. Правда, ему приходится еще выслушать лекцию на известную тему о том, как был сотворен мировой порядок из исходного хаоса. Терпеливо дослушав до конца, Вениамин идет попрощаться с Кларой Ильиничной. Она как всегда лежит в гамаке. Предписания врача-гомеопата явно пошли ей на пользу. Десять раз в сутки глотает Клара Ильинична капли и таблетки, а вместе с ними изрядные

порции веры в пользу этого лечения. И вот – чудо из чудес! – ее здоровье улучшается день ото дня!

Вениамин пожимает женщине руку и слышит ее слабый, но мягкий голос:
– До свидания, Вениамин! Не забывай нас и дальше, ладно? Может, Лида тоже приедет сюда на будущий год...

Имя блудной дочери вспархивает в воздух и исчезает за ближними деревьями. Похоже, мать обратила внимание на кое-какие прошлогодние события. Только вот теперь образ Лиды совершенно не тревожит сердце Вениамина. Он пожимает теплую руку, выпуклые грустные глаза смотрят на парня с выражением жалости. Прощайте, Клара Ильинична, счастливо оставаться!

Он вскакивает на велосипед. На опушке леса ждет Глаша. Сегодня не праздник и не выходной, но на девушке цветастое платье и туфли. Неужели в его честь и эта неуклюжая обувь, и это торжественное выражение лица? Некоторое время они шагают по лесной дороге, держась за велосипедный руль, – она с одной стороны, он с другой. Время расставаться. Глаша говорит, что решила перебраться на зиму в город. Мария Сергеевна, директор детского сада, которая отдыхала этим летом в Вельбовке, предлагает ей постоянную работу с жильем и питанием. Девушке не нравится ее нынешняя жизнь. Действительно, дядя Вениамин, много ли радости в этих пьянках-гулянках? Что и говорить, кончилось детство, теперь Глаша начинает понимать, чего хочет от жизни.

Они садятся на велосипед и несутся под горку к мосту. Вениамин спрыгивает с седла и осторожно помогает девушке сойти на землю. Сегодня они не купаются. Время расставаться. Тихо стоят они, не произнося ни звука. Как усталая мать, движется меж облаков солнце, то прячась в них, как в подушку, то вновь выступая наружу. И когда скрывается оно, то в полях и в лесах проступают молчаливые сумерки, отпечаток предостерегающего перста: тихо, шалопаи! Мама спит!

Время расставаться, и грустно обоим – и Вениамину, и Глаше. Глашины пальцы задумчиво поправляют выбившийся завиток льняных волос, под цветастым полотном платья вздымаются два холма, и стройная, дочерна загорелая шея возвышается над ними с очарованием детской невинности. Девушка переводит на Вениамина взгляд своих светлых глаз, и он словно приходит в себя. Как раз в этот момент подушки-облака выпускают на волю усталое солнце, и оно открывает глаза, заливая мир золотым светом, теплом и покоем.

– Что ж, расстаемся до следующего года, Глаша!

– А если ты не приедешь?

Глаша говорит по-украински, и звук ее слов растворяется в звучании вечера. Она умолкает ненадолго и продолжает:

– Но мне все равно. Я тебя никогда не забуду, дядя Вениамин!

– Я тоже не забуду тебя, Глаша, – говорит он и осторожно целует прохладную кисть ее руки.

Есть в этой девушке какая-то особенная манящая теплота. И какая разница, неуклюжи ее туфли или нет – главное, что ради него они надеты, ему хочет она понравиться в час разлуки...

Вениамин поднимается по дороге в город, и тот встречает его своей пылью. Слева поднимаются берега реки, и мелькает меж кустов и надгробий стена гробницы Старого Рабби. Не похожа ли она на еще один зрячий глаз, внимательный и цепкий, проникающий сквозь пыль и темноту напрямик к сути дел и слабостей человеческих?

Как будто тихий зов – зов совести звучит из этой неприметной могилы. Вениамин въезжает в Гадяч. Всего один день остался ему здесь. Скоро они уезжают вместе с Тамарой.

Как нежный цветок росла Тамарочка в Садовом переулке. Тут она родилась, ползала, росла, поднималась на ноги. Была она для Песи, как собственный поздний ребенок, украшение и радость на старости лет. И вот – уезжает ребенок. Что остается старикам? Кончилось лето, приближается пора дождей, грязи и туманов. Старость, запустение и одиночество поселятся в комнатах фейгинского дома. Песя стоит на кухне, готовит еду и моет посуду. Вкусные запахи пищи разносятся по всему дому. Вениамин собирает вещи и помогает паковаться Тамарочке. Кроме них троих нет здесь никого. Старая Песя входит в комнату с метлой. Тамара видит бабушку и бежит к ней. Ох, уж эти дети...

– Бабушка, бабушка! – кричит она и, привстав на цыпочки, обнимает старушку. Обнимает и целует, целует старое любимое лицо.

Слезы выступают на глазах Песи.

– Хватит тебе, коза! – она отворачивается и начинает мести пол.

В тот год исполнилось Тамаре тринадцать лет. Черненькая девчушка с тонкими ногами, в коротко подстриженных волосах – темная лента. Лицо – загорелое летом и бледноватое зимой. Глаза – черно-карие, живые и блестящие, полные радости и чувства, еврейские, вне всякого сомнения. Зубы – сильные, ровные, как у Рахели. А все остальное – обычное, как у всех. Девчонка как девчонка, любящая прихорашиваться и без всякого воодушевления открывающая тетрадку с домашним заданием. В ее аттестате не так много высоких оценок. Средняя во всех отношениях ученица. Есть подружки, есть и друзья, но никогда не верховодила в своей компании. Нет, она не трусиха, и когда нет иного выхода, умеет пользоваться своими маленькими, но крепкими кулачками. После того, как научилась плавать, почти все свободное время проводила Тамара на берегу реки.

Такова она, Тамарочка. Вениамин знаком с ней достаточно давно и знает, что не так уж наивна эта девчонка. Каждый год видит он ее, видит, как она растет, тянется ввысь, наподобие молодого липового деревца. Кто ухаживал за этим деревцем? Как правило, бабушка Песя, и можно быть уверенным в том, что Тамара ничего от этого не потеряла.

Мать девочки Рахель так и не нашла своего места в мире. Ходила по жизни с улыбкой в дерзких серых глазах и с пустотой в сердце. В совершенстве знакомая с тонкостями жизненной театральной игры, с искусством перевоплощения, она напоминала ящерицу-хамелеона, которая всегда готова продемонстрировать миру разные цвета и формы слов, чувств, поступков.

Да, Вениамин знал ее до мелочей – чудо ее любви, холод ее равнодушия, тяжесть ее ненависти. Насколько иной была бабушка Песя! Она расхаживала по дому туда-сюда, мела, пекла, готовила и делала все прочие вещи, которые предписаны судьбой домохозяйке. В основном об этом она и говорила тихим своим голосом... – и так же тихо переходила на вопросы отношений между людьми, на вопросы семьи, и дружбы, и заработка, и душевных слабостей. Как видно, ясна была ей суть жизни обычного человека на этой земле. А потому люди прислушивались к ее тихому голосу, а в минуты смущения шли к ней за добрым советом. И она, задумчиво обтерев поблекшие губы концом платка, высказывала свое осторожное мнение, всегда полное сочувствия и материнской теплоты.

Эти лучшие еврейские качества и переняла Тамара у своей бабушки – женщины практического действия и горячей души. У нее научилась девочка милосердию, вниманию к людям и умению принимать жизнь как она есть.

В противоположность своей матери, была Тамара искренней; ее карие глаза открыто взирали на мир, еще не обнаживший перед девочкой свои скрытые шипы.

И вот назначено было Вениамину сопровождать из Гадяча в столицу эту загорелую голенастую козу в коротком платьице. Впервые Тамара уезжала так далеко от родного местечка. Понятно, что бабушка Песя позаботилась о том, чтобы обеспечить их едой на дорогу. В корзинках и чемоданах лежала домашняя выпечка, вареное, жареное и тушеное мясо, яйца вкрутую, и субботние халы, и еще много, много чего.

На все взирала девочка широко раскрытыми глазами, и Вениамину пришлось запастись терпением, чтобы ответить на ее вопросы. Бескрайний и незнакомый мир расстилался перед нею за окном поезда; впервые увидела она, как он велик.

Но вот наконец поезд подъехал к столице, и Вениамин вздохнул с облегчением. На Киевском вокзале их ждала великолепная встреча. Поезд медленно втянулся в огромный стеклянный туннель, где бурлил, двигаясь с платформ в направлении выхода, поток пассажиров с мешками и чемоданами. Тут и там мелькали в толпе носильщики в белых передниках и с нумерованными железными бляхами на груди, устало вздыхал паровоз, и клубы дыма окутывали шумную вокзальную суету. Был конец августа, солнечное утро. Где-то поблизости уже переминалась осень на своих склизких ступнях, но в тот день солнце еще светило достаточно ярко и тепло, а плащи, пальто и шарфы еще прятались по шкафам и комодам.

Вениамина и Тамару встречали Рахель, Фирочка и Соломон. Тамара увидела их первой: «Мама! Вон она, там!» Тут разглядел встречающих и Вениамин. Обе женщины были в соломенных шляпах и шелковых блузках; причем ярко-голубая блуза Рахели сразу приковывала взгляд. Издали видна была и ослепительная улыбка женщины. Тамара рванулась к матери и повисла у нее на шее; смех, поцелуи, объятия. Соломон и Фирочка не отставали от Рахели. В конце концов, таща на себе гроздь корзин и чемоданов, добрался до счастливой группы и бедный Вениамин.

– Как дела, Вениамин? – небрежно бросает ему Рахель и снова поворачивается к Тамарочке.

Да уж, холодна эта встреча так, что недолго и замерзнуть. Зато крепкое рукопожатие Соломона не позволяет усомниться в том, что он рад другу. Фирочка тоже дарит Вениамину обворожительную улыбку. Соломон забирает часть багажа. Вопросы сыплются один за другим. Как поживает мама? Успешны ли плодово-ягодно-винные дела отца?

– Ах, чтоб не забыть! – вспоминает Вениамин. – Резник реб Довид и Эстер, мастерица лапши, передают вам сердечный привет от лица молодежи Гадяча.

– А в реке еще купаются? Вода теплая?

– Купаются, конечно, купаются...

Вечером все пятеро собираются в комнате Рахели Фейгиной. Мало кто сравнится с нею в искусстве красиво накрыть на стол. На этот раз стоят на скатерти яства старой Песи, и домашний дух Гадяча витает в комнате на улице Дубининской. Есть и вино на столе – тоже из родного местечка.

Приятный вечер. Кроме хозяйки и ее дочери, все тут студенты. Да-да, Фирочка поступила-таки во Второй медицинский институт. Так что теперь она не зеленая выпускница средней школы, а замужняя женщина, студентка, изучающая медицину. А Соломон продолжает оставаться ее тенью и пленником. Они живут в Филипповском переулке, где молодым выделена отдельная комнатка. Мало это

полуподвальное помещение, но зато много умещается в нем молодости и любви, а значит, и счастья.

Соломон встает и произносит короткую речь в честь двух стариков, которые остались в Садовом переулке. Несколько теплых слов о морщинистых материнских руках, о родном местечке. Все пятеро пьют за это, даже Тамара делает маленький глоточек. Она выглядит уставшей от дороги и новых впечатлений; глаза девочки слипаются. Рахель вытаскивает раскладушку, чтобы уложить дочь. На лице ее играет улыбка, поблескивает белизна зубов, от свежих простыней пахнет малиной и чистотой.

Быстро проходит время – близится полночь. Фирочка и Соломон уходят – высокие, красивые, окрыленные счастьем. Вениамин ненадолго задерживается – посмотреть на девочку, погруженную в глубокий сон. Рахель сидит у стола, тихо в комнате.

– Ты должен идти, Вениамин. Уже поздно.

Пустые слова. Его чуткое ухо не улавливает в них решительного приказа.

– Вот привез тебе Тamarочку... – шепчет Вениамин, но и это слова-прикрытие. Разве их он имеет в виду? Разве и без того не ясно, что Тamarочку привезли – вот ведь она, спит здесь, в комнате. Глаза Вениамина спрашивают, требуют, молят.

– Ну что, нашел себе девушку в Гадяче? – ни с того ни с сего произносит Рахель.

Что это – женская ревность? Или продолжение игры? Вениамин отвечает на заданный вопрос подробно, не скупясь на детали. Галина Львовна, веснушчатая болтушка. Рахель Борисовна с пушком на губе. Наталия Викторовна, с коровьей статью и загадочной теплотой. Всех перечисляет он шепотом в тишине комнаты. Рахель тоже шепчет что-то в ответ – что-то неважное, пустое, никак не относящееся к делу.

– Кроме тебя не было у меня других женщин, Рахель! – говорит он, и оба знают, что это неправда, полная чепуха.

– И у меня – никого, кроме тебя, – шепотом отвечает она, молодая мать.

Театр двух актеров, только вот зрителей нет. Но что-то важное, обязывающее копится в сердцах обоих. За окном молчит прохладная августовская ночь. Свистит паровоз – два коротких и один длинный. Вениамин снова подходит посмотреть на Тамару. Подходит и Рахель. Какое-то время они стоят рядом, глядя на грустное лицо спящей девочки. Но вот Вениамин, набравшись смелости, гасит свет и обнимает Рахель. Обнимает женщину, которая так ждала его, женщину, встречи с которой так ждал он, ее легкомысленный парень, ее муж, ее брат и ее мужчина.

Часть II

Глава 1

В столице Тамара Фейгина пошла в школу, в пятый класс. Там ей пришлось привыкать к совместному обучению мальчиков и девочек, а также к жесткому московскому варианту русского языка, который сильно отличался от мягкого украинского диалекта, знакомого Тамаре по Гадячу. Но девочка была как-никак отпрыском еврейского племени; умение быстро приспосабливаться она унаследовала от длинной череды предков. Прошел всего месяц-другой, Тамара заговорила вполне по-московски, и одноклассники перестали называть ее хохлушкой. Но, кроме этого, было еще множество новых вещей, требовавших от нее постоянного внимания.

В ту зиму Вениамин часто гостил на улице Дубининской. Конечно, он был рад застать Рахель одну, но и присутствие Тamarочки не заставляло его печалиться.

Но что происходило с Рахелью? Чем теснее привязывался Вениамин к ней и ее семье, тем равнодушной становилась она. Прошли времена, когда женщина встречала его с сияющим лицом. Труден удел тех, кто пытается ужиться с такими переменчивыми натурами. Глубокие чувства не были свойственны Рахели; в жизни она вела себя подобно актрисе на театральной сцене. Ей исполнилось тридцать три года, мужчины по-прежнему заглядывались на нее, когда она шла по улице. Но воздушная легкость ее походки была обманчивой: эта женщина, не задумываясь, топтала своих близких. По крайней мере, так временами чувствовал Вениамин. В итоге, он мало-помалу перестал навещать ее – теперь все свое время парень посвящал чтению и учебе.

Четвертый курс – дело нешуточное. Вениамин и Соломон превращались в мужчин с профессией. Соломон забросил свое увлечение женским полом. Теперь он уже не волочился за каждой встречной юбкой, не отвечал на каждую призывную улыбку, не реагировал на игриво потупленные глаза. Нет, теперь этот человек был крепко прикован к домашнему порогу, и нежная Фирочка предусмотрительно держала его цепь постоянно натянутой. Занимаясь анатомией и прилежно исполняя все институтские задания, она не забывала и о необходимости вить надежное гнездо для семьи и будущих птенцов. И в самом деле, когда пришла весна и солнце высушило бульвары, а на Калужской зазеленели первые листики, однокурсники увидели знаменательные перемены и во внешности Фирочки.

Как это обычно бывает с беременными, в облике молодой женщины появилось что-то болезненное и несчастное. Теперь она с трудом переносила духоту полуподвала. Раиса Исааковна смотрела на любимую дочь и вздыхала: какая она все-таки нежная и юная! Еще и девятнадцати не исполнилось бедняжке – и вот поди ж ты! Нелегка женская доля. Отец семейства, цыганистый Залман Шотланд, тоже переживал за Фирочку, с беспокойством отмечая ее бледность, покрытое пятнами лицо и дурное самочувствие. В письме к матери Соломон поделился своими тревогами.

Ответ пришел без задержки.

«Что за ерунда? – писала Песя на чистом идише. – К чему эти церемонии между близкими людьми? Разве Фирочка, да продлятся ее дни, не дорога нам, как дочь? Вот уже весна, скоро лето. Пусть Фирочка приезжает к нам, а уж мы тут позаботимся о том, чтобы она ни в чем не знала недостатка. Пусть отдохнет на свежем воздухе, а потом и родит, с Божьей помощью, внука или, еще того лучше, внучку. Фирочка, дорогая, ну что тебе делать сейчас в Москве? Здесь, среди лесов и полей, тебе сразу же полегчает...»

Так написала старая Песя своей невестке Эстер. А в конце письма содержалась просьба привезти на лето в Гадяч еще и Тamarочку. Соскучились дед с бабкой по этой непоседливой козе.

Окончательное решение, как и прежде, оставалось за самой Фирочкой. В июне-июле Соломон должен был проходить практику на Урале. Раиса Исааковна только вздыхала; по мягкости характера она никогда не пользовалась особым влиянием на домашних. Поэтому вся тяжесть ответственности так или иначе ложилась на молодую хозяйку. Фирочка решила ехать.

Прошел май, заблестал июнь на окнах полуподвала. В скверах и на улицах правили бал солнце, зелень, цветы, пыль и жара. В пятом классе закончились занятия, и ничто не мешало Тамаре отправиться в Гадяч вместе с Фирочкой. Вениамин и Соломон планировали прибыть туда же в июле. Что касается Рахели, то она могла взять отпуск не раньше августа.

Таковы были планы. Но, как известно, человек предполагает, а Господь располагает. В субботу двадцать первого числа Вениамин и Рахель привезли Тamarочку на Курский вокзал. Был чудесный вечер. Люди выходили из такси, вытаскивали из багажников вещи. Фирочку провожали всей семьей, включая отца, Залмана Шотланда. Раиса Исааковна, как всегда, не умолкала, а напоследок поскучилась и даже всплакнула. Приехала и старшая сестра Фирочки Елена с мужем Шаулем Левиным, слесарем и изобретателем. Отсутствовал лишь Соломон – он вот уже две недели работал на далеком уральском заводе.

На сей раз Фирочка и Тамара ехали через Харьков, Ромодан и Лохвице. Настроение у всех было замечательное. Смех, поцелуи, цветы и сигаретный дым. Прозвенел звонок, из головы состава послышался тяжкий вздох паровоза. Звезды еще не высыпали на вечернее небо, окна домов горели последним закатным блеском. Сложная паутина сияющих рельсов собиралась за платформами в толстую косу и уходила дальше, в пространство огромной страны. Снова вздохнул паровоз, и, как по сигналу, над платформой взметнулась прощальная волна поцелуев и слов. Поезд шел к Черному морю, на Туапсе и Сочи, в край здравниц и санаториев. Неудивительно, что радовались все – и пассажиры, и провожающие. Вот и последний звонок. Четверо провожающих стояли у открытого окна – изнутри к нему прильнули Фирочка и Тамара. Глаза девочки смеялись, лицо сияло счастьем. Еще бы: она ехала в Гадяч, к любимой бабушке Песе, к реке Псёл, ко всем своим друзьям и приятелям!

– Пока, мамочка! – кричала она Рахели.

Раиса Исааковна плакала, вытирая глаза зажатым в кулачке платочком. Фирочка улыбалась бледной, едва заметной улыбкой. Паровоз загудел и дернулся было с места, но тут же встал, осаженный инертными тормозами. Еще два рассерженных гудка прорезали вечерний сумрак, и состав наконец тронулся; стукнули на стыках колеса, и поезд медленно двинулся вдоль платформы. Провожающие тоже пошли, словно прикованные взглядами к сидящим в вагонах людям.

– Мамочка, пока! Я буду писать!

Скорость увеличилась, люди на платформе стали отставать, в воздухе замелькали машущие вслед поезду платочки. Еще какое-то время виден был красный глаз огонька на последнем вагоне, но вскоре пропал и он. Вениамин и Рахель вышли на площадь.

Лишь всеведущий Господь знал, отчего таким бледным было лицо Фирочки за вагонным окном. В воскресенье, 22 июня, уже на подъезде к Харькову Фирочка и Тамара услышали о начале войны. Немецкая авиация бомбила Киев, Минск и Смоленск. В Харькове тут же ввели затемнение, тьма опустилась на город. Еще недавно такие радостные лица едущих на отдых людей теперь были омрачены

тяжкой заботой. Большинство пассажиров сошло в Харькове, чтобы вернуться домой, в столицу. Фирочка колебалась; она давно уже привыкла принимать самостоятельные решения, но почему-то не знала, как поступить сейчас, в этот важнейший момент выбора между жизнью и смертью.

– Как ты думаешь, Тамара, сойти или ехать дальше? – спросила она свою юную спутницу в надежде хоть немного облегчить тяжесть ответственности.

Но что могла ей ответить девочка-подросток, еще не вполне укоренившаяся в Москве и считавшая Гадяч своим истинным домом?

– Что ты, Фира! – решительно заявила Тамара. – Нам надо ехать домой, в Гадяч!

Они прибыли в Гадяч ранним утром. Стояла чудесная летняя погода. Воздух дрожал и звенел от птичьего щебета. Кроны тополей едва шевелились под легким дыханием ветерка. Их листья, зеленые сверху и серебристые снизу, шуршали и поворачивались то так, то эдак, словно застеснявшиеся дети. Пела свою скромную песенку и большая цветочная клумба на привокзальной площади. Молча поблескивала росой дорожная пыль. Повсюду под голубым и чистым небом царила глубокая утренняя тишина, нарушаемая лишь едва слышными шорохами листвы, птичьим щебетом и редкими криками проспавших рассвет петухов.

Несмотря на заблаговременно посланную телеграмму, никто не встречал их: старики были уверены, что поездку отложили ввиду чрезвычайных обстоятельств. Но никакие обстоятельства не могли помешать бывшему мяснику, а ныне возчику Мордехаю и его глубокомысленному мерину Павлику прибыть, как обычно, к харьковскому поезду. Шел всего-навсего третий день войны, и мир пока еще не обрушился в хаос.

Фирочка и Тамара забрались на шаткую телегу Мордехая и отправились в Садовый переулок. Перед ними лежала Ромнинская, главная улица Гадяча. Солнце уже поднялось достаточно высоко; его лучи играли на безмятежных городских крышах. На углу стоял солдат с противогазной сумкой через плечо. Пыль деликатно вспархивала под копытами лошади, легким облачком вздымалась из-под колес: утренняя влага еще прижимала ее к земле, не позволяя взмыть к небесам.

Обе пассажирки полной грудью вдыхали чистую прохладу воздуха. Фирочка молчала, зато Тамара вела оживленную беседу со старым Мордехаем. Они хорошо знали друг друга; впрочем, возчик был известен своей осведомленностью обо всем на свете. В обычное время конец июня был для Мордехая горячей порой приезда дачников. Каждый день увозил он с вокзальной площади женщин с детьми и вещами – увозил семью за семьей на дачу, к месту отдыха.

Но этот год совсем не похож на предыдущие. Разразилась эта безумная война! Боже милостивый, только ее нам не хватало! От дачников и памяти не осталось! Новые не едут, а те, что уже приехали, собрались и вернулись в свои города. В опасные времена лучше быть поближе к дому, к мужу – мало ли что случится? Так говорят дачницы, и глаза у них при этом испуганные. Телеграммы так и порхают туда-сюда, а возчик Мордехай выше головы занят возвратом только что прибывших семей назад, на станцию.

Всё это он выкладывает Тамаре по дороге. Голос его спокоен и ленив. Почему Мордехая должна волновать какая-то война? Даже если все на свете походили с ума, он в этом не замешан. Кто тронет простого возчика?

Мордехай длинно сплевывает, подбирает вожжи и щелкает кнутом:

– Н-н-но, Павлик!

Фирочка молчит, сидя на раскачивающейся и скрипящей телеге. Здесь она родилась, здесь прошла золотая пора ее детства. И вот снова лежит перед нею

Ромнинская улица, усаженная деревьями с обеих сторон. Молчаливы дома, на стеклах окон играет утреннее солнце. Мордехай замолчал. Выкурил папиросу, несколько раз сплюнул, завернулся в свою серую поношенную накидку и замолчал.

Несмотря на раннее время, Песя уже возится во дворе.

– Вот, гостей тебе привезли! – извещает ее Мордехай от имени Павлика и себя самого.

Павлик приветливо машет хвостом, его морда сохраняет сугубо лошадиное выражение. Тамара соскакивает с телеги и бежит к бабушке. Та всплескивает руками:

– Ой, дети приехали! – она крепко обнимает девочку. – Как ты выросла, коза! Настоящая барышня!

И снова слышен во дворе тамарочкин смех – смех, не звучавший тут почти целый год. Фирочка спускается с телеги осторожно, как оно и положено беременной женщине. Женщины обмениваются поцелуями. Свекрови нравится невестка, и Фирочка чувствует это. Пока еще напряжена молодая женщина, губы ее сжаты, но уже греет Фирочку материнское тепло бабушки Песи.

Не иначе как сорока разнесла по городу весть о приезде дорогих гостей: во двор вбегает Хаим-Яков:

– Вот радость-то! А мы и не надеялись вас увидеть!

Он обнимает обеих и помогает внести в дом вещи. Через некоторое время Песя уже хозяйничает у плиты, и лицо ее сияет. Гости умылись с дороги; запах мыла и духов стоит в комнатах. Фирочка рассказывает о Соломоне, о доме Шотландов. По кухне разносится вкусный запах яичницы, свистит, вскипая, чайник. Даже под пятнами беременности тонки и красивы черты лица молодой женщины. На шестом месяце живот еще не так заметен. Вчетвером сидят они у стола, а чайник на плите поет свою уютную песню.

Песя лучится радостью. Да, началась война. Да, в городе развешен приказ военкома о немедленной мобилизации молодых и взрослых. Но пока что здесь, рядом с ней, сидят ее девочки, так что можно на время забыть про неприятности. Они еще поговорят о будущем, успеется.

В первые дни Тамаре казалось, что за время ее отсутствия в Садовом переулке произошли странные перемены. Всё тут как будто усохло, стало меньше ростом – и люди, и дома, и деревья. Гадяч опустел, разъехались веселые бесцеремонные дачники. Тихо в лесу, только сосны шуршат, вознося к небесам свои высокие кроны. Лишь птицы по-прежнему шумят по утрам, щебечут, шныряют в густой листве кустов и деревьев. Тихо прячутся в глубине леса извилистые тропинки, привыкшие таскать на своих плечах добычливых дачниц и их шумных детей. Лишь лесная трава и кусты помнят еще об их существовании.

Берега реки тоже пустыньны – почти никто не загорает и не купается. Иногда приходит сюда компания стриженных школьников. Но и они, искупавшись, быстро натягивают штаны и уходят, выстроившись в цепочку, – загорелые, с серьезным выражением лиц. Время от времени спускается к реке взвод военных с лошадьми. Немного поупиравшись, лошади входят в воду и плывут, высоко держа над поверхностью чуткие головы, а голые солдаты сидят у них на спине. В такие моменты полнится река солдатской и лошадиной радостью.

Чем жарче становилось лето, тем больше чувствовалось напряжение в Гадяче. Но оно целиком относилось к миру взрослых; Тамара и ее друзья спасались от мрачного настроения на берегах реки Псёл. Как правило, был среди них и Ким Вортман, подросток-половинка из Харькова, который и в это лето гостил у своей тети Агриппины Андреевны.

Ким верховодил в подростковой компании. Ему исполнилось четырнадцать лет, и на верхней губе уже можно было заметить тень будущих юношеских усиков. Тамару это решительно не волновало, зато для Сарки Гинцбург усики Кима служили причиной тайных дум и страданий. Вениамин тем летом был далеко от своих питомцев.

Скучно на реке.

По утрам лишь лошади и утки плещутся в водах реки Псёл. Но кроме этого, все обстоит как раньше. Тот же самый деревянный мост натянут над водной лентой. Его охраняет военный караул. В отдалении синее вельбовская роща, чуть дальше видны густые леса в районе Веприка, а за ними – города Зеньков, Полтава и весь остальной мир.

Война продолжалась, и мало-помалу взрослых охватывал страх. Сначала мобилизовали парней, затем пришла очередь зрелых мужчин. В Гадяч стали приходить слухи. Люди – и среди них много евреев – стали покидать город. В июле и в первой половине августа ромнинский поезд еще приходил в Гадяч ежедневно; затем вдвое реже, а потом и вовсе не стало твердого расписания. В городе еще не началась паника, но еврейский исход продолжался – по одному, по двое. Хотя много было и таких, кто не верил слухам и не сумел оценить масштаба приближающейся беды. А некоторые старики или больные и хотели бы отправиться в дальний путь, но были не в состоянии этого сделать.

Как мог, например, уйти восьмидесятилетний резник реб Довид, который к тому времени почти полностью ослеп? Наполнился темнотой мир вокруг старика. Но вы очень крупно ошибаетесь, если полагаете, что пал он при этом духом. Нет, жив еще и дышит реб Довид, еще стучит своей палкой, нащупывая дорогу для очередного осторожного шажка – и другого, и третьего... Да-да, еще ведет он свой нескончаемый диалог с Богом, который есть еще у нас в небесах! А Эстер, мастерица лапши? Ей ведь уже девяносто пять! Бывал ли когда-нибудь ты, дорогой мой брат и читатель, в возрасте девяноста пяти лет? Нет? Но все равно ты можешь себе представить, что женщина таких лет не может так вот, запросто, отправиться из своего дома неизвестно куда. Здесь у нее домишко, покосившийся, но свой, и двор, и скамейка во дворе, и дочь Нехама, тоже не первой молодости, и неплохое ремесло. Здесь ее мир, ее скромное царство, и в нем не страшна ей никакая война. Немало войн перевидала эта старуха за долгие годы своей жизни.

Что ж, со стариками всё ясно; но почему остается в Гадяче Аарон Гинцбург, кладбищенский габай и его большая семья? Много есть на то причин, но главная – огонек на могиле Старого Рабби. Кто будет следить за светильником, если уедет из Гадяча габай? Много лет тому назад стоял Арик перед святым человеком с густыми бровями и глубоким голосом, проникающим в самое сердце человека. Кем он был тогда, Арик? Не то убийцей, не то сумасшедшим. И вот повелел ему раввин отправиться в Гадяч на могилу адмора, Старого Рабби Шнеура Залмана. В ту пору еще велика и многочисленна была еврейская община Гадяча. И вот – пошатнулся тот мир, стал исчезать, таять – за годом год, за неделей неделя. А теперь еще и эта война, война Гога и Магога¹! Кто встанет у руля? Чьи руки исцелят боль души человеческой? Кто, если не он, Старый Рабби? Что, если не дух его вечной святости?

Потому-то и проводит чернявый габай все свои дни в кладбищенском штибеле, хранит частицу святого огня. Никто не обязывал его сидеть там, но может ли он уйти? Тем более, что и сейчас, в безумные эти дни, приходят к могиле люди – намного больше, чем прежде. Приходят женщины и старики,

¹ Война Гога и Магога – война двух могущественных народов, которая, согласно пророку Ехезкелю, потрясет мир перед приходом машиаха.

каждый со своей заботой, болезнью, бедой. И габай Аарон пишет для них записки на странной смеси идиша и иврита.

Другая причина – большая семья. Нахмана мобилизовали, и его зарплата, составлявшая основу семейного дохода, больше не поступает в общий котел. Хася окончила сельскохозяйственный техникум и уехала в Полтаву, а оттуда по распределению – в один из колхозов. Деятельная, легкая на подъем девушка, она могла преуспеть в любых, даже самых тяжелых обстоятельствах. Ханка по-прежнему рвалась ехать в Киев, но как тут уедешь, если всё вокруг зашаталось? И вот Ханка, Сарка, Лейбл, Шимон, Аба, Мирочка и Ривочка – семеро детей, сыновей и дочек, а вместе с родителями – девять ртов в доме. Ну кто может сорваться в дорогу из гнезда с таким количеством птенцов? Даже тут, в Гадяче, не так-то легко сейчас прокормиться – и это с крышей над головой, с огородом и с пегой коровой! А что будет там, в эвакуации, где нет ничего?

И габай Аарон решает препоручить себя и свою семью воле милосердного Господа, да будет благословен. Пусть случится с ними то, что уготовано всему народу Израиля. Ведь в Гадяче осталось еще много евреев. Например, пузатая свойственница Гинцбурга, Хая-Сара Берман. После того, как началась война и немцы вторглись в Украину, странные вещи слышатся из ее уст. Нет, еще не забыла Хая-Сара свой роскошный магазин в Бобруйске, еще помнит она прежние дни, когда жив был муж Яков Берман, и память о покойном дяде Хаиме Зайделе еще тревожит ее по ночам. Сейчас они ютятся вчетвером в двух комнатухах на улице Вокзальной. Голда, переехав к мужу, спустя несколько месяцев родила прелестную девчушку, которую назвали Ахува. В эти дни она посвящает все свое время ребенку, дому, семье. Уборка, стирка, глажка и главное – полугодовалая Ахува. Но Голда и не думает жаловаться: в конце концов, таков смысл ее жизни – мать, жена, основа семьи.

Да, сильно изменилась жизнь уважаемой свойственницы Хай-Сары Берман. Честно говоря, не осталось ей из прежних занятий ничего, кроме закупки продуктов на рынке, возни на кухне и болтовни. Что ж, не самый плохой вариант для бывшей племянницы дяди Хаима Зайделя – если не учитывать, что закупки требуют денег, причем куда больших, чем раньше. До женитьбы зарплаты Бермана вполне хватало на двоих, но сейчас положение изменилось. Во-первых, четверо все же не двое. Во-вторых, война. И, в третьих, невестка, да продлятся дни ее, пришла в дом едва ли не босиком, без нитки приданого. Что ж, такова судьба тех, кто женится на девушках из нищих семей. Хорошенькая жизнь уготована Хае-Саре на старости лет!

И вот подозрительные вещи стали завариваться вокруг пузатой этой женщины, хорошо знакомой с рынком и с торговыми делами. В тесной кладовке появились мешки с мукой, горшки с маслом, крупы, сахар и прочие бакалейные товары. Стали приходиться в квартиру покупательницы, в основном, еврейки. Приходили, шептались о чем-то со старой хозяйкой, покупали продукты – и все это потихоньку, втайне.

Голда не вмешивается – у нее по горло своей работы. Но иногда она относит в отцовский дом немного муки и круп. Иногда, по одному, по двое, приходят в гости младшие братья и сестры. Эти тоже не уходят голодными. Свекрови такое положение дел совсем не нравится. Еще чего не хватало – горбатиться ради семьи сумасшедшего свойственника, который только и знает, что сидеть в своем штибеле!

Так понемногу, потихоньку, начинают портиться отношения между свекровью и невесткой. В Хае-Саре вдруг проснулись скупость и жадность. По украинской земле расплзается война. Как знать – возможно, доберется она и до Гадяча. Но значит ли это, что нужно бежать сломя голову на восток, бросив тут

дом и имущество, как это делают другие безумцы? Еще чего не хватало! Кто-то, а Хая-Сара никогда не теряет рассудка. Даже если, Боже упаси, придут сюда немцы, можно жить и при них. Хая-Сара не верит газетным вымыслам и распространяемой властями клевете о немецкой жестокости. Европа есть Европа. Вот и у дяди Хаима Зайделя, да упокоится в раю его душа, было вполне определенное мнение о европейской культуре.

Берман продолжает работать в парикмахерской. Верный сын, муж и отец, он очень любил мать и, по мягкости характера, привык подчиняться ей всегда и во всем. Его не взяли в армию из-за близорукости, но двух других парикмахеров мобилизовали, что сильно прибавило работы Берману. Клиентов теперь выше головы. Солдаты и штатские, мужчины и женщины, девушки и старики – все приходят в парикмахерскую, а Иосиф Берман знай себе стрижет, бреет и сбрызгивает одеколоном красивые прически и чисто выбритые подбородки. Затем он возвращается домой, и все трое садятся за сытную трапезу. Лето в Гадяче, и по вечерам семейная пара Берманов прогуливается в городском саду, где играет военный духовой оркестр. Несмотря на дурные слухи, негой, теплом и запахом женских духов исполнены эти летние вечера. По дорожкам парка под руку с девушками прогуливаются солдаты, лузгают семечки и курят самокрутки.

Ночью, когда уставшая от дневной суеты и сытного ужина Хая-Сара начинала храпеть в смежной комнате, Берман обнимал свою молодую жену, и та прижималась к нему, с трепетом вдыхая знакомый запах одеколона. А рядом с их тайным любовным миром стояла в уголке колыбелька маленькой Ахувы, и Голда всем своим материнским существом безошибочно улавливала ритм ее неслышного младенческого дыхания. Нет связей крепче, чем связь между матерью и ребенком – лишь смерть в силах разлучить их.

Отца Кима Вортмана мобилизовали, и мать прислала телеграмму, где просила, чтобы мальчик остался пока в Гадяче. Сам же Ким похвалялся перед подружками своим намерением сбежать на фронт. Похвальба эта адресовалась преимущественно Тамаре, но не производила на нее желаемого впечатления. В тринадцать лет еще не очень понятно, что такое расставание.

Вечерами дети тоже ходят в городской сад. Солнце тихо клонится к закату, медленно темнеет воздух. Военный оркестр играет марши и танцевальные мелодии. По аллеям фланируют девушки – тут и там зеленеют защитные гимнастерки военных. Глубокая тишина залегла в этом далеком от больших событий уголке мира.

В вечернем саду много еврейских подростков. Большинство – ученики местных школ, говорящие на смеси русского и украинского; временами слышится в их речи и пряный еврейский акцент. За год столичной жизни Тамара приучилась говорить чисто, по-московски, и теперь это умение незримой перегородкой отделяет ее от остальных. Некоторую неловкость в ее присутствии ощущает даже Ким Вортман, известный харьковский сноб.

Да, странно, насколько утратил он в последнее время свою мужскую независимость. Агриппина Андреевна недовольна племянником и часто выговаривает ему за то, что парень почти не бывает дома. Видано ли такое? Мальчик заявляется домой, только для того, чтобы перекусить; поест второпях, и фьють! – снова нет его как нет! Что так манит парня на улицу?

Как клещами тянет Кима к этой черненькой козе, Тамаре Фейгиной. Первым приходит он и в городской сад пополудни, и на берег реки по утрам. Стрижется Ким теперь непременно у Бермана, причем по самой последней моде. Белая рубашка ровно заправлена в идеально отутюженные брюки, и красивый кожаный ремешок подчеркивает стройность фигуры. Что ей еще нужно, этой нелепой

девчонке, длинноногой и голенастой? Ким не отрывает от нее глаз, а ей, пигалице, и дела нету – как видно, еще не выбралась она из пеленок!

Сарка Гинцбург, дочка габая, – самая близкая тамарочкина подруга, хотя и старше нее на целых полтора года. В руинах лежит саркин мир, прежде такой чистый и безмятежный. Сладкий горячий туман, полный навязчивых грез и мечтаний, окутывает ее сердце.

Лихорадочное возбуждение царило в то лето в компании подростков под мрачнющими небесами Гадяча. В стране гремела война, страшные слухи терзали сердца, но всё это будто бы относилось лишь к миру взрослых.

Да и многие взрослые вели себя так, словно вокруг ничего не происходило. Песя продолжала заниматься домашним хозяйством. Хаим-Яков каждое утро отправлялся на работу в плодово-ягодном кооперативе. Правда, вскоре туда пришел приказ сдать все бутылки для противотанковой обороны. Но даже после этого осталось достаточно бочонков, чтобы продолжать производство.

Сводки Информбюро становились все тревожнее и тревожнее, слухи сеяли панику и страх. Вот уже и Киеву угрожает враг. Все больше людей уезжают из Гадяча – теперь уже на телегах, потому что поезд приходит в город раз в столетие, и билетов на него не достать. Страсть к бегству распространяется по домам и квартирам.

– Пора и нам двигаться, Хаим-Яков, – шепчет мужу старая Песя. – Не упустить бы времени...

Черные вести приходят ночью, под покровом темноты, встают перед тобой, подрагивая от ужаса. Но у Хаима-Якова свое мнение. Не так-то легко оставить дом, бросить нажитое десятилетиями добро. А кроме того, не все бегут. Вот Шапиро никуда не едет, и Гинцбурги, и Розенкранцы. Слава Богу, есть еще достаточно евреев в Гадяче. Но вслух Хаим-Яков говорит совсем о другом: о Фирочке. Состояние Фирочки требует осторожности. До родов остались считанные дни; дорожная тряска может сильно повредить и матери, и будущему ребенку.

– Подождем еще немного, – шепчет старик.

В комнате темно, наглухо закрыты окна, стекла крест-накрест заклеены бумажными полосами. Мрак и темень повсюду. Странные круги плывут перед глазами. Сон нейдет к издерганному тревогами телу. Песя тихо вздыхает – так, чтобы не услышали дети, спящие в соседней комнате. Вот он пришел, пробил час беды. Фирочка уже почти не выходит из дому, хотя прогулка совсем не помешала бы беременности. Ее беспокоит, что стала она обузой для других; вчера так и сказала Песе, твердо и прямо глядя голубыми глазами в лицо старой матери:

– Вы должны уезжать, а я останусь. Ничего со мной не случится.

Проходит еще несколько дней. Тамара по-прежнему пропадает на реке, в городском саду, в кинотеатре. Лишь на обед собирается теперь вместе семья Фейгиных. Старик возвращается с завода, Тамара – из своей компании, Песя накрывает в горнице на стол, и все четверо – старик и три женщины – приступают к обеду. Взрослые, как правило, безмолвствуют, и лишь Тамара болтает. Но и в этой картине немного радости: плохо смотрится неумолкающий подросток рядом с мрачно молчащими взрослыми. Тамара еще больше выросла, новый блеск появился в ее глазах. Спустя несколько дней после приезда на нее набросилось южное солнце, покрыло нежную девичью кожу волдырями и ожогами. Но и это быстро прошло; теперь сидит за столом цыганистая загорелая чертовка, сидит и сыплет словами.

После обеда Тамара усаживается читать. Тетя Кима Агриппина Андреевна работает в библиотеке, и, благодаря протекции парня, Тамара получает редкие книжки, которые обычно не достать из-за большого спроса. Сейчас она

перечитывает «Трех мушкетеров». Благородный Атос, наивный гигант Портос, загадочный Арамис, разрывающийся между католичеством и прекрасным полом. А над ними д'Артаньян, великолепный бесстрашный гасконец, – все они без остатка завладели сердцем Тамары, и теперь она не может оторваться от книги. Через Кима Тамара составляет протекцию и для Фирочки.

Временами Фирочка плачет, утром долго лежит в постели. Ребенок дрыгает ножками в животе, и она внимательно прислушивается к его движениям. Близки в эти дни слезы к ее глазам.

Соломона призвали в армию. Последнее письмо от него пришло в середине июля. Оно было написано с любовью и надеждой и кончалось так:

«Если не выпадет нам больше увидеться, Фирочка, звездочка моя, ты должна будешь воспитать нашего ребенка. Я уверен, что ты сделаешь это так, как надо».

Теперь она часто вспоминает эти строчки и плачет. Что делать – Фирочке нет еще и двадцати.

Затем пришла телеграмма из Москвы. Завод, на котором работал старый Шотланд и его зять Шауль Левин, был намечен к эвакуации на Урал, в город Челябинск.

«Приезжайте все к нам!» – так было написано в телеграмме.

Приезжайте все к нам!.. – легко сказать! Как отправишься в такую дальнюю дорогу с женщиной, которая вот-вот родит?

Так прошел август. Однажды ночью у Фирочки начались схватки. Старики засуетились, разожгли печь для подогрева воды. Из комнаты роженицы слышались сдавленные крики. Продолжала спать только Тамара, набегавшаяся за день до полного бесчувствия. В перерывах между схватками слышались уговоры акушерки Голды, а затем снова принималась кричать Фирочка. Вот наконец проснулась и Тамара. Ей приснился кошмар: головокружение, гром и молния, ужасные чудища, а под конец – душераздирающие вопли. Затем забрезжил рассвет, и Хаим-Яаков побежал за возчиком Мордехаем. Акушерке не нравилось течение родов, и она решила перевезти Фирочку в больницу.

Какое-то время Тамара лежит в своей комнате и прислушивается к фирочкиным страданиям. Потом встает, распахивает окно и высовывается наружу. Холодный воздух врывается в комнату, ворошит страницы раскрытой книги Дюма. За окном виден огород, два-три дерева, серый дощатый забор и беленая стена дома соседа Ивана Матвеевича Гаркуши. Солнце еще не вышло, но на восточном краю неба уже заметно его приближение. Скоро этот забор наполовину, по диагонали, окрасится светом, а другая его часть останется в тени. Тамара стоит у окна босиком, в ночной рубашке на загорелом теле. Снова слышен крик роженицы. Девочка возвращается в постель, захватив с собой «Трех мушкетеров». Несколько минут она лежит с закрытыми глазами, чувствуя, как прохладный ветерок шевелит ее волосы. Нет, уже не заснуть. В комнату на цыпочках входит бабушка Песя.

– Ой, мама! – кричит Фирочка из соседней комнаты, и снова слышатся увещевания старой акушерки Голды.

Тамара открывает книгу и тут же забывает обо всем на свете. Теперь она по самую макушку в паутине каверзных замыслов коварного кардинала Ришелье.

– Н-но, Павлик! – слышится со двора.

Скрипят колеса телеги, с обыденным спокойствием всхрапывает мерин Павлик. Во дворе поднимается суета. В телегу кладут сено и одеяла, укладывают Фирочку – всей этой суматохой заправляет возчик Мордехай. Слава Богу, не впервой ему перевозить рожениц.

И вот наконец снова слышится:

– Н-но, Павлик! – и щелканье кнута, и скрип тележных колес.

Глава 2

Следующие дни оказались еще хуже. Родильное отделение городской больницы было сильно сокращено, потому что значительная ее часть отводилась теперь под военный госпиталь. Вдобавок к тому, почти все врачи-мужчины были мобилизованы. Вот только количество рожениц в Гадяче пока оставалось прежним.

За порядок в больнице отвечала в те дни Анна Дмитриевна – пожилая медсестра с красивыми волосами. Она выделила Фирочке койку, а потом постояла рядом, пристально разглядывая молодую женщину. Все пять кроватей в палате были заняты роженицами. Анна Дмитриевна ела глазами страдальческое лицо вновь прибывшей, ее растрепанные волосы, ее вспотевший лоб. Значит, это и есть молодая жена того парня, который навещал ее два года тому назад?

– Ой, мама! – отчаянно закричала Фирочка.

Анна Дмитриевна еще некоторое время постояла рядом, а затем повернулась и тихо вышла из комнаты. Много обязанностей у старшей медсестры. В принципе, можно было бы позвать к роженице военврача Орлова из госпитального штата – он по профессии акушер. Но старшая медсестра так занята, так занята! У нее совсем нет времени, ну просто ни минутки!

Вечером состояние Фирочки ухудшилось, температура поднялась до тридцати девяти. Об этом известили Хаима-Якова и Песю, которые дежурили в больничном дворе. Пришел наконец и Орлов. Он осмотрел Фирочку и покачал головой.

В дополнение ко всему хлынул проливной дождь. Тамара закрывает окно. Старики все еще в больнице, она одна в доме. Снаружи гроза, ливень, раскаты грома. А в горнице спокойно тикают на стене ходики, раскачивается взад-вперед старый маятник.

Вдруг хлопает входная дверь. Это бабушка Песя. Она в длинном плаще, капли воды падают на пол. На лице у Песи смятение, но голос тверд и решителен:

– Тамара, одевайся, мы уходим!

– Куда? Под ливень?

– Ливень кончился. Нам надо идти. Фирочке очень плохо.

Бабушка и внучка выходят на улицу. Дождь и в самом деле кончился, радуга прорезает себе дорогу меж тяжелыми тучами. Солнца еще не видно, но уже чувствуются его близкие шаги. В небе радужная дуга, в садах и огородах сияет умытая зелень, звенят веселые капли. В воздухе сочный запах, какой бывает только после ливня: запах цветов, травы и мокрой земли.

Оступаясь и увязая в грязи, старуха и девочка сворачивают к еврейскому кладбищу. За их спинами полощется платок влажного свежего ветра.

Еще не вечер, но в штибеле полумрак. Габай Аарон Гинцбург сидит у стола. Он встречает Песю бледной полуулыбкой:

– Вот записка. Я написал ее заранее. Снимите обувь!

На клочке бумаги слова – наполовину иврит, наполовину идиш. Но у старой Песи своя молитва. На цыпочках входят Песя и Тамара в шатер Старого Рабби Шнеура Залмана. Над святой могилой круглый деревянный купол. Песя кладет на него записку и начинает говорить тихим, почти неслышным голосом:

– Учитель мой и рабби, служанка твоя Песя, дочь Зелига, склоняется перед тобой и умоляет о помощи. Возйди в милосердии своем к небесному престолу и попроси Того, чье Имя благословенно, за роженицу Эстер, дочь Залмана. Эстер, дочь Залмана – молодая девушка, еще не выдавшая жизни. Эстер, дочь Залмана, только-только раскрыла глаза свои, чтобы взглянуть на мир – и вот уже угрожает ей смерть. Пусть смилостивится над нею, пусть спасет ее, пусть не берет

молодую эту душу! Святой рабби! Пожалуйста, избавь! Помоги своему народу, спаси его от горечи смертной!

Стоит перед могилой старая Песя, слезы текут из ее глаз. Тамара молчит тут же, рядышком. Сгущается вечер за оконцем, обращенным в сторону кладбища, но зато все светлее становится огонек в бедном светильнике на столике в углу.

Неужели и впрямь суждено Фирочке умереть? Увы, не помогли ни молитвы свекрови, ни лекарства, ни уколы доктора Орлова. Согласно диагнозу врача, вследствие заражения у больной началось воспаление почек. Фирочка умерла, но ребенка удалось спасти.

Утром тело невестки положили на пол в горнице дома Фейгиных. Старое морщинистое лицо Песи опухло от слез. Двери хлопали, впуская и выпуская тех, кто пришел поддержать семью в горестный час. Приходили евреи и еврейки, взрослые и дети. Пришли Шапиро с женой и старый реб Довид, и семья Ехезкеля Левитина, и семья Берманов, и, конечно, кладбищенский габай Аарон Гинцбург. Женщины омыли тело согласно указаниям Эстер, мастерицы лапши.

Пришла смерть в дом Фейгиных, и пришли друзья, и знакомые, и просто евреи. Пришел и Ким, еврей наполовину. Пришли и все тамарины подружки. Мало-помалу собралось около ста человек провожать молодую женщину в ее последнюю дорогу.

Тело положили на носилки и понесли к кладбищу. Служка Беломордик шел впереди, держал коробку для пожертвований и возглашал: «Пожертвование спасает от смерти!» Взошло солнце; в небесах гуляли чистые облака, и свежий ветер носился по городским улицам. Не иначе как осень пришла. Обувь вязла в грязи; люди шагали торопливо, как будто в воздухе нависало над ними неведомое чудовище в широком одеянии неотвратимой беды.

Выкопали могилу и стали хоронить. Послышались крики и горестные восклицания, и плач, как это принято у женщин. Лишь Эстер, мастерица лапши, не плакала. С палкой в руке стояла она перед раскрытой могилой, обратив к ней изрезанное морщинами лицо. Не в первый раз провожала она мертвое тело к его узкой постели успокоения. Вот и еще одну душу забрали с земли – чего тут рыдать? В обычные годы они ходят в это время с Нехамой из дома в дом, делают людям лапшу. А этим летом пришла война, не до лапши сердцу человеческому. Но жизнь, тем не менее, продолжают, люди живут, люди умирают. Придет и ее час спуститься в могилу.

Тамара еще не знала того набора правила и ухищрений, который сопутствует взрослым дочерям Евы на их жизненном пути. Поэтому она просто плакала – искренне и очень горько. Лицо ее исказилось, глаза покраснели, ноги были вымазаны грязью, и она очень напоминала заброшенную нищую сироту. Ким Вортман смотрел на девочку, и сердце его сжималось. Он ведь тоже впервые столкнулся со смертью лицом к лицу.

Люди стоят у могилы, опускают тело в ее разверстый земляной зев. Слышатся молитвы «Эль мале рахамим» и кадиш¹. Хрипцы голоса молящихся. Сильный ветер раскачивает кроны деревьев, волнами идет трава на лугу, дрожат красноватые головки репейника. По воздуху летят палые листья, липнут к мокрым надгробьям, кровоточат, умирают. Умирают и они.

Вечером несколько человек приходят навестить скорбящую семью. Хаим-Яков сидит на низеньком табурете и читает книгу Иова. Рядом примостились старики. Песя возится по хозяйству, глаза ее заплаканы. Разговор идет о повседневном. На этот раз его цель заключается не только в том, чтобы отвлечь

¹ Кадиш – похоронная молитва, читаемая обычно близким родственником покойного.

скорбящих хозяев от тяжелых мыслей. Повседневная тема нынче такова: уезжать из Гадяча или ждать дальше? На сегодняшний день осталось в городе около трехсот евреев, они смущены и растеряны. В большинстве это старики, больные или люди, обремененные неподъемными семьями. Никто не может оценить размеров приближающейся опасности. Только Шапиро уверенно советует бежать, и как можно скорее. Гитлер – страшный хищник. Злодей Аман¹ по сравнению с ним – невинный ягненок. Нужно бежать и положиться на судьбу. Был бы он здоров, ушел бы из города прямо сейчас, пусть даже пешком. В его собственном положении – какой смысл уходить? С таким больным сердцем он умрет, едва успев выйти из Гадяча. Но те, у кого еще есть силы, не должны терять времени!

В комнате воцаряется тишина, слышно лишь сдержанное тиканье ходиков. Хаим-Яков нарушает молчание, невнятно произнося несколько слов из книги скорбей, книги Иова. Потом берет слово чернявый габай. Нет, он не собирается уходить. Он останется в городе назло всем гитлерам. От судьбы не убежишь; в годину бед не помогут никакие хитрости. Вспомните, евреи, десятерых казненных мудрецов², вспомните замученных во времена Хмельницкого. Если суждена тебе жизнь, уцелеешь в любом случае; если нет, то какой смысл суетиться? А в его случае есть еще одна причина: уйдет габай – кто позаботится о негасимом огне на святой могиле?

Странно звучит в комнате эта речь, подобная бессвязным словам человека, не знающего, о чем говорит. Хаим-Яков поднимает голову от книги и заговаривает о новорожденном внуке. Прежде всего, он, старый Фейгин, согласен со словами Шапиро и советует уехать из города всем, кто только может. Он бы и сам ушел, если бы не ребенок. Ребенку нужен брит отца нашего Авраама³...

– Где он сейчас? – спрашивает Шапиро.

Как раз в тот день, когда умерла Фирочка, родился мертвый ребенок у другой женщины, украинки. Она и согласилась стать на время кормилицей. Надо полагать, что можно оставить мальчика у нее, пока не минует опасность.

В разговор вступает Песя, и старики умолкают, внимательно слушая ее слова.

– Надо отложить брит, – говорит она. – Кто знает, что случится завтра? Если немцы войдут в Гадяч и начнут резать евреев, то брит может повредить и ребенку, и кормилице.

Старики начинают спорить. Особенно велико разногласие между Гинцбургом и Шапиро. Последний склонен принять мнение старой Песи: перед угрозой жизни должны отступить даже самые важные обычаи и предписания. Напротив, Гинцбург уверен, что именно пренебрежение бритом подвергнет жизнь мальчика смертельной опасности. Хаим-Яков тоже не соглашается с Песей. Ведь что написано в святой Торе? «Необрезанный же мужчина, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего».⁴

Хаим-Яков снова углубляется в книгу Иова. Что понимает женщина в вопросах брита и Торы? Он, бывший резник и мозель, хорошо представляет себе важность этого дела. На восьмой день жизни сделаем мальчику брит, как оно и положено по обычаю Моисея и Израиля.

И снова берет слово Шапиро. Он говорит твердо, решительно, без тени сомнения. Положение очень серьезное. Поезда больше не ходят. Нужно бежать из Гадяча, и будь что будет.

¹ Аман – персонаж истории из свитка Эстер (Эсфирь); злодей, замысливший полное уничтожение евреев.

² Десять казненных мудрецов – мудрецы Торы, казненные римлянами за отказ поклониться римским богам.

³ Брит – обрезание крайней плоти, совершаемое обычно на восьмой день после рождения.

⁴ Цитата из книги Берешит (Бытие) 17:14 (здесь и далее при ссылках на Танах – пер. Д.Иосифона).

Старики погружаются в горькие мысли. Тамара тоже здесь. Девочка вслушивается в тяжкое эхо молчания, звучащее в скорбной комнате.

Первого сентября, в девять утра, звенит звонок в средней школе города Гадяча. Шестой класс. Тамара сидит за одной партой с Аней Ааронсон, своей ровесницей и верной подружкой. Аня – легкомысленная смешливая болтушка, зато Тамаре уже выпало попробовать горького вкуса жизненных передряг; возможно, будет ей подмогой это знание в час испытаний...

Первый урок – история, но учитель Роман Назарович Иванчук говорит о текущих событиях. Вот уже тридцать лет живет он в Гадяче, преподает в школе, а в свободное время занимается своим огородом. Хорошо понимает старый учитель детские сердца. Ученики любят его уроки, расцвеченные мягкими украинскими шутками. Но сейчас не время для улыбок.

В комнату заглядывает старшекласник. Он что-то шепчет на ухо Иванчуку, и тот прекращает урок. Директор школы просит всех собраться в актовом зале.

Зал быстро наполняется. На трибуну поднимается директор Серафим Иванович Карпенко и произносит речь о бутылках. В отличие от Иванчука, он не пользуется популярностью среди учеников. Ему лет сорок пять, лицо гладкое, прямой и острый нос, узкий лоб с коротким щетинистым чубчиком, узкие губы и тяжелый, упрямо выдающийся вперед подбородок. Голос у Карпенко скрипучий, а глаза серые, в тон пиджаку. Зато фигура у директора не совсем обычная: очень широкие плечи и непропорционально тоненькие ноги в дополнение к малому росту. На первый взгляд Карпенко кажется горбуном, хотя держится прямо и нет на его спине никакого горба.

Итак, речь о бутылках. Получен приказ мобилизовать школьников на сбор бутылок в городских домах. Вражеские танки ползут по нашей земле. Солдаты Красной Армии своими телами преграждают им дорогу в глубь страны. Для этого необходимы бутылки и горючее.

Затем учеников делят на пары и каждой паре поручают обойти дома в определенном районе города.

– Пойдем вместе? – предлагает Тамаре Ким.

Он тоже здесь, потому что остался в Гадяче. Но Ким уже восьмиклассник, и Тамаре неловко принять его предложение. Лучше уж она пойдет с Аней. И чего он к ней так привязался, этот Ким Вортман? Шел бы с кем-нибудь из своих одноклассников...

Но в том-то и дело, что Ким не знает пока никого в своем новом классе. Ведь до этого он учился только в харьковской школе.

Подросток умоляюще смотрит на Тамару своими выпуклыми темными глазами, и девочка соглашается, сама не зная почему. Им поручен район Садового переулка. Тамара точно знает, что на чердаке и в подвале дома Фейгиных есть немало пустых бутылок, оставшихся с того времени, как дедушка занимался частным виноделием. В это тревожное время дед, конечно же, будет рад отдать бутылки на благо противотанковой обороны.

Первое сентября. Солнце еще заливает сады и огороды, но в их зелени уже видна желтизна увядания. По шоссе один за другим ползут тяжелые автомобили, груженые фуражом. За рулем – солдаты. Движение поездов прекращено, и корма вывозятся из города грузовиками. Многие магазины закрыты. Из столовой гостиницы доносится запах тушеного мяса. На углу улицы репродуктор; из него слышен голос диктора: «Сообщение Совинформбюро!» Безрадостны эти сообщения.

Хаима-Якова нет дома, и Тамара обращается с просьбой к бабушке. Та без лишних слов отпирает подвал и показывает детям на бутылки. Дверь

помещения распахнута настежь, но в углах темно. Школьники начинают складывать свою добычу. На тамарином лице смутная улыбка, зубы поблескивают в подвальном полумраке. Вдруг Ким берет ее за руку, и девочка чувствует его робкое пожатие. Горло подростка перехвачено волнением, лишь глаза говорят то, чего не может вымолвить язык.

– Ким, что ты делаешь?! – возмущенно восклицает Тамара. – Наглец ты этакий!

Она вырывает руку из его ладони и густо краснеет. Нет, надо было идти с Аней!

На полу перед дверью растет пыльная стеклянная грудка. В подвале стоит многолетний запах картошки и соленых огурцов. До конца дней своих запомнит Ким Вортман этот запах и прохладу этого подвала.

Два дня подряд школьники были заняты сбором бутылок. А в среду третьего сентября, в одиннадцать утра Гадяч впервые узнал, что такое бомбежка. На улицах взвыла сирена, и в небе появились два самолета. Сначала они раздраженно жужжали над городом, а затем послышался усиливающийся свист и за ним гром взрыва. Вторая бомба упала через минуту, прямоком на рынок. В Гадяче не было никаких промышленных объектов, если не считать нескольких кустарных заводиков, наподобие плодово-ягодного кооператива, где работал Хаим-Яков Фейгин. Поэтому внимание немецкого летчика привлекла полная людей рыночная площадь.

Тамара в это время находилась в школе. Занятия так и не начались: ученики разделились на пятерки и занимались мытьем собранных бутылок. Кто-то таскал воду из близлежащей колонки, остальные споласкивали бутылки и выставляли их на просушку. Ким, вооружившись коромыслом и ведрами, обеспечивал свою бригаду водой. Время от времени слышался веселый крик: «Ким, воды!» – и парень, притворно вздыхая, брал пустые ведра и отправлялся к колонке.

По сигналу сирены дети попрыгали в земляные укрытия, заблаговременно вырытые во дворе школы. Оттуда, из ям, смотрели они в голубое небо и на самолеты, окрасившие его в цвет дыма и пепла.

Первая бомба предназначалась мосту через Псёл и оттого разорвалась в некотором отдалении. Но взрыв на расположенной рядом рыночной площади оглушил детей, и близкая взрывная волна, ударив по ушам, ошарашила их своей неожиданной и страшной силой.

Сразу после бомбежки поднялась суматоха, и школьников отправили по домам. И снова Ким оказался рядом с Тамарой. По-видимому, сбор и мытье бутылок сблизили эту парочку. Они идут в направлении Садового переулка, и путь, как обычно, лежит через рынок. Там суетятся люди. Это расчет гражданской обороны: санитары, пожарные, возчики. Взрыв разрушил с десятков киосков; некоторые еще горят. Два из них принадлежали мясникам, поэтому в воздухе стоит запах горелого мяса. Пострадали двенадцать человек, не успевших спрятаться. Убита женщина, крестьянка лет двадцати пяти. Осколок попал ей в голову. Лужица застывающей крови, беловатые комья мозга, спокойное выражение лица. Со стороны женщина кажется спящей. Ладонь ее еще сжимает ручку небольшой корзинки со сливами – спелыми, с блестящим черным отливом.

– Дети, марш домой! Вам нельзя тут стоять! – кричит распорядитель.

Первая бомбежка сразу приблизила к Гадячу войну, которая прежде не задевала город впрямую. И снова собрались евреи в фейгинском доме, который,

наряду с миньяном¹, издавна служил местным старикам чем-то вроде клуба. И снова Шапиро заводит свою шарманку:

– Надо уходить, друзья, спасти свои души! Уж если столько христиан убежало, то нам, евреям, и подавно следует спешить!

Внимательно слушают его евреи. Хоть и редка борода этого человека, но много силы звучит в его словах – силы, оставшейся еще с тех, тридцатилетней давности времен, когда был он видным организатором, оратором и вождем. Тогда тоже была у него всего одна мелодия: «Дом Иакова, давайте, пойдём...»²

Старая Песя вздыхает. На чем ехать, спрашивается? Кроме как на своих двоих, не на чем.

Немного говорят на эту тему. Вчера Ицик Штейнберг купил лошадь с телегой, заплатил десять тысяч рублей. Ужасно дорого, но что поделаешь, если другого транспорта нет? Нет транспорта, и нет выбора.

Резник реб Довид произносит короткую ободряющую речь. Почему все тут опустили головы, спрашивает он, по какой причине утратили душевное равновесие? Скажите откровенно, без уверток – есть у нас Бог в небесах, или нет Его? Неужели вы думаете, что мир вновь погрузился в хаос, без Божественного промысла, без Его направляющей руки, что остались мы стадом без пастуха? Если вы действительно думаете так, то правы босяки, кричащие, что нет Суда, и нет Судии, и каждый человек сам по себе.

Так говорит он, этот слепец, видевший за восемьдесят лет жизни немало дурных душ человеческих, но при этом ни разу не упрекнувший Небеса. Он верит, что все деяния Господни – к лучшему. А потому нет причин терять надежду. По крайней мере, когда дело коснется его, старого резника, он будет точно знать, как поступить. Сохраняйте душевное равновесие, евреи, трудно в жизни без душевного спокойствия!

– Ах, реб Довид! – вздыхает Песя. – Как хорошо ты говоришь сегодня, да продлятся годы твои!

Несмотря на весь свой жизненный опыт, Песя, еврейская мать и бабушка, тоже нуждается в поддержке. Шапиро на этот раз промолчал, но печальны его глаза, а реденькая бородка кажется сегодня еще более убогой.

Внук еще в больнице, и это единственная причина, по которой Фейгины остаются в Гадяче. Так решил Хаим-Яков. Дарья Петровна, кормилица, согласилась оставить у себя ребенка и ухаживать за ним сколько понадобится. Но как уехать без того, чтобы сделать мальчику брит отца нашего Авраама? Придется подождать еще несколько дней, обрезать младенца и тогда уже уезжать, если будет на то Божья воля. Кто знает – вдруг случится чудо небесное? Господь, да будет благословен, может в любой момент изменить ход вещей, и тогда падет Гитлер, а жизнь вернется в прежнее русло.

Но тут снова в разговор вступает Шапиро, и слова его – как холодный душ на голову Хаима-Якова. Старик продолжает гнуть свою линию: нельзя терять ни минуты. Опасность возрастает с каждым часом; первая бомбежка уже была, теперь бомбы будут сыпаться ежедневно. Фронт приближается – военные власти уже начали вывозить из города продовольствие и боеприпасы.

Входит Ехезкель Левитин. Его отец этим летом остался в Харькове. Там тоже свои проблемы. Песя уводит Ехезкеля в соседнюю комнату. Нельзя сказать, что везет в жизни этому парню – не зря Берл Левитин сокрушается всякий раз, когда вспоминает младшего сына. Кажется, все беды этого мира сыплются на его

¹ Миньян (здесь) – место, где собирается достаточное для совместной молитвы количество мужчин (10 как минимум).

² «Дом Иакова, давайте пойдём во свете Господнем» – стих из книги пророка Исаи 2:5.

курчавую голову. С началом войны Ехезкель работал на паровой мельнице, которая поставляет муку в действующую армию. Поэтому его не мобилизовали, а оставили на производстве. Жена Мириам хозяйничала в доме, выращивала свиней. В этом году их завели не одну, а две: что поделаешь, расходов много, а платить чем-то надо. Невелика зарплата рабочего – четыреста рублей в месяц. Можно ли на такие деньги прокормить семью? Старшему, Екелю, исполнилось пятнадцать; парень, чтоб не сглазить, вымахал под потолок, и нужно справиться ему костюм, потому что из старых рукавов руки торчат уже по локоть.

Зачем рассказывает Ехезкель эти неуместные истории? Он сидит у стола и сдержанным голосом повествует о детях и о свиньях, и о жене Мириам, в чьих волосах уже поблескивает серебро, что ничуть не мешает ей по-прежнему горой стоять за семью, за детей и за мужа. Но Песя прекрасно понимает этого человека. Она наливает ему чай, ставит на стол печенье и мягко приговаривает:

– Угощайся, Ехезкель, на здоровье!

Тяжело нынче добывать пропитание человеку – легче море перейти. И он, и Мириам работают, как пара волов, а толку чуть. А теперь еще и эта война! Зарплата та же, а цены растут день ото дня. И вот теперь еще бомбы, опасность для жизни. Куда ни кинь, везде клин. Вдобавок ко всему в конце августа заболела дочь Лея. Поистине, бедность гоняется за бедняком! Укладывают Леинку в постель, дают лекарство, чего только не делают. Только вот что? Из-за этой болезни не могут они уйти из Гадяча.

Ехезкель прихлебывает чай. Он простой человек, без хитростей и уверток, плечом к плечу с женой сражающийся с трудностями жизни. Вечером его вызывают к военному. Скорее всего, это мобилизация. Что станет теперь с детьми? Как Мириам справится в одиночку с больной девочкой Леей и Екелем, пятнадцатилетним оболтусом, который днями и ночами сидит над книгами?

– Угощайся, Ехезкель, вот печенье... – мягко говорит Песя.

Она смотрит на неловкие руки этого рабочего человека, на его сильную фигуру, слышит его растерянную речь и чувствует к нему жалость, материнскую жалость старой матери и бабушки.

– Почему Мириам не приходит ко мне? – спрашивает она. – Пусть придет, посоветуемся, решим...

Ехезкель берет из ее рук еще один стакан, закусывает вкусным печеньем. В этом доме, рядом с Песей, к нему возвращается немного уверенности, тут он находит малую крупицу надежды.

– Ох, тетя Песя, знала бы ты, как тяжело уходить в это время от Мириам и от детей!

– Не один ты уходишь в армию, и Мириам тоже не одна такая. Как все, так и она. Господь нас не оставит...

Ехезкель поднимается из-за стола. Он ведь зашел попрощаться... – ну, и попросить кое о чем. Не может ли Песя присмотреть за его семьей? Если, не дай Бог, придут сюда немцы и не будет возможности убежать – не позаботится ли Песя о Мириам и о детях?

Ехезкель Левитин верит в старую Песю, знает, что может во всем положиться на эту женщину, крепкую, как утес. Он стоит в комнате, и лицо его искажено тревогой. Что может ответить ему бабушка Песя? Она привыкла сидеть дома, ждать и встречать мужа, детей, гостей – всех тех, кто приходят сюда снаружи из большого и трудного мира. И вот стоит перед ней этот неуклюжий мужчина с железными кулаками, наивными глазами и смятением в сердце. Его нужно как-то утешить, но как это сделать, если и саму ее, слабую женщину, несут на скалы те же бурные волны?

– Не беспокойся, Ехезкель, – говорит она. – Пройдет, с Божьей помощью, и эта война. Вернешься домой и застанешь всех живыми и здоровыми. Вот увидишь.

Он сжимает кулаки и произносит тихо, но с силой:

– Проклятый Гитлер! Эх, попался бы он мне – задушил бы голыми руками.

– Не волнуйся и ничего не бойся. Присмотрим мы тут за твоей Мириам и за детьми. Иди и бей Гитлера со всей силы!

Так благословляет старая Песя мужчину, который покидает свой город и свою семью, бросая их на смерть и на кровь, уходя на войну со сжатыми кулаками и с надорванным сердцем.

А вот вам и сюрприз! В Вельбовке, в доме тети Насти еще проживают в этот момент дачники: Степан Борисович Эйдельман, его жена Клара Ильинична, дочь Лида и домработница Вера.

Весной состояние здоровья Степана Борисовича резко ухудшилось. В Ленинграде именно это время года тяжелее всего для туберкулезных больных, и врачи настоятельно рекомендовали профессору не мешкая отправляться в места с более здоровым климатом. Болезнь прогрессировала очень быстро.

Эйдельманы приехали в Вельбовку за две недели до начала войны. На этот раз Лида присоединилась к родителям: ее роман с Бобровым оказался недолговечным.

В июле-августе думать об отъезде не приходилось: слишком плохо чувствовал себя Степан Борисович. Кроме того, пришли дурные вести из дома. Ленинград был практически отрезан; если и уезжать из Гадяча, то только куда-нибудь на Урал. Но куда именно? И как отправиться в далекое путешествие с таким тяжелым больным? Эйдельманы решили оставаться на месте.

Степан Борисович полагал, что хорошо разбирается в вопросах мирового устройства. Он был уверен, что даже в худшем случае, если враг захватит Гадяч, немцы не причинят никакого вреда ни ему, ни его семье. Да, ходили слухи, что нацисты уничтожают евреев, но в глубине души профессор не верил этому ни на грош. Возможно ли, что все вдруг превратились в людоедов? И даже если есть крупица правды в этих слухах, то какое отношение имеют преследуемые евреи к нему, Степану Борисовичу Эйдельману? Он записан в паспорте русским, и вся его семья тоже. Не станут же немцы трогать больных русских стариков...

Итак, Эйдельманы остались в Вельбовке. Вот только состояние Степана Борисовича не улучшается. Постель больного стоит у стены напротив окна, закрытого и завешенного желтоватыми занавесками: при такой болезни следует опасаться простуды. За окнами безумствует война, а Степан Борисович лежит на смертном одре, и с каждым днем слабеет его непоколебимая вера в стабильность мирового порядка, установленного в первые шесть дней Творения.

С началом войны оборвалась связь профессора с издательством, но это не означает, что он бросил работать. Он задумал новую книгу. На ее написание должно уйти примерно два года. И Степан Борисович приступает к работе. За лето он закончил три главы – по одной в месяц.

Пришел сентябрь, и здоровье снова ухудшилось. Да еще и с Кларой Ильиничной беда: прекратилось волшебное действие ее капелек и таблеток. Гомеопат доктор Кириллов оказался шарлатаном! Ложь и чепуха! Иссахла вера в Кириллова, и одновременно с этим перестали помогать прописанные им лекарства. Снова распухла щитовидка, выпучились глаза, и Клара Ильинична худеет день ото дня.

Неужели пришел конец семейству Эйдельманов? Лида ведь тоже хлебнула горя, ее душу тоже растоптала жизнь: она уже далеко не та лучистая девушка с

нотной папкой в руках. Всю себя отдала она Боброву, а тот предал ее: спустя несколько месяцев совместной жизни вернулся к жене Клаве и к сыну Сереженьке. Не иначе как роман с Лидой был мстью за то, что Клава изменила Боброву с тем еврейским студентом в вельбовском лесу. Получается, что Лида послужила плевательницей, куда сплюнул Бобров свое мужское презрение к изменнице-жене. Впрочем, он не вернулся бы к Клаве, если бы не Сережа. «Ведь мальчик ни в чем не виноват», – так сказал Бобров Лиде в ночь расставания.

А потому вынуждена была профессорская дочь заняться исправлением последствий своей ошибки. После аборта она вернулась в родительский дом, сломленная телесно и духовно. Лида по-прежнему специализировалась на Шопене, но теперь появились в ее игре новые оттенки, полные страдания и боли. Приехав в Вельбовку, она некоторое время практиковалась в доме учителя Иванчука на инструменте славной фирмы Блютнера. Возобновились и скучные уроки, которые она давала Танечке.

Однако война прекратила эти занятия. В то лето замолкли фортепиано, музыка уступила место грому пушек. Хотя в офицерском клубе еще давали время от времени концерт, и тогда Лиду приглашали играть соло или аккомпанировать. Но такие события были достаточно редки, да Лида и не могла надолго оставлять своих больных родителей. Она винила в ухудшении их здоровья себя, свое глупое поведение с этим грубым сухарем Бобровым. Как выяснилось, самые тяжкие удары в той истории достались не любвеобильному студенту Соломону, а ей, Лидии Степановне, чересчур мечтательной пианистке.

Но что только не проходит со временем... Чьи грехи оно не смягчит, чьи раны не залечит? В последнее время много ходила Лида по лесу. Проявляла девушка интерес и к городскому клубу – там она встречалась с ухаживавшими за нею офицерами. Едет по улицам Гадяча открытая машина, а в ней сидят двое-трое военных, и между ними – дочь известного ленинградского профессора. В обществе щеголеватых красных командиров находит Лида хоть какое-то облегчение от мрачной атмосферы вельбовской дачи.

Но вот пришли в Вельбовку осенние дожди, а в лес – пустота и скука. Грязь и слякоть вокруг, а в воздухе витают дурные слухи.

Глаша все лето провела в лесу, но с наступлением осени вернулась домой, к маме Насте. Детский сад, в котором она работала в прошлом году, решено было эвакуировать на восток.

За год сильно изменилась Глаша. Она уже хорошо читала и писала; серые глаза смотрели задумчиво, без прежней настороженной колючести. Произошли перемены и во внешности. Теперь это была стройная семнадцатилетняя девушка с льняными волосами и тонкой фигурой. Она уже не носила грубых платьев и башмаков, а длинные косы были красиво сплетены и уложены. Директор детсада Мария Сергеевна еще весной помогла Глаше купить подходящую одежду. Дети любили ее: дикая лесная девчонка, она на удивление хорошо понимала душу маленьких существ. А кроме того, в ней бурлила заразительная жизненная сила. Марии Сергеевне Глаша тоже очень понравилась. Уже после начала войны, в конце августа, девушка вступила в комсомол.

В последнее время она сдружилась со Степаном Борисовичем, который давал ей книги для чтения. У профессора особенная слабость к Толстому. Он любит лежать в постели с закрытыми глазами, слушая, как Глаша читает вслух главы из «Войны и мира». Один за другим появляются в комнате члены семьи Ростовых, Болконский, Пьер Безухов, Кутузов и другие герои войны с Наполеоном; от их бесплотных теней колышутся на окне желтоватые занавески. Мягко звучит над постелью глашин грудной голос.

Затем девушка болтает с профессором о чем придется.

– Помните Вениамина, Степан Борисович?

Задав этот вопрос, Глаша краснеет и принимается внимательно рассматривать узор на ковре. Как видно, ее очень заинтересовал один из вытканых там цветков, потому что девушка наклоняет голову так низко, что становится виден ровный пробор в ее льняных волосах.

– Хороший парень! – отвечает профессор. – Прекрасно чертит и обладает острым умом. Если попадет в хорошие руки, станет превосходным инженером. Так вот и я, когда был студентом, окончил университет, три года практиковался у Эллиса-Чалмерса и...

И снова на авансцену выходит наш старый знакомый Эллис-Чалмерс. Только вот Глашу совсем не интересуют события тридцатилетней давности. Перед ее глазами, как живой, стоит стройный загорелый парень по имени Вениамин. Вернее, даже не стоит, а идет, держась за руль велосипеда, в то время как с другой стороны за тот же руль держится она, Глаша.

– Я не забуду тебя, дядя Вениамин!

– И я никогда не забуду тебя, Глаша!

Возможно, он и не произнес этих слов вслух, но Глаша отчетливо разглядела их в глазах юноши. А потом он еще и поцеловал ей руку – вот здесь... – поцеловал и пошел.

Воспоминания Глаши рассеиваются от приступа кашля, который в очередной раз одолевает Степана Борисовича. В кухне возится домработница Вера. Затем слышится рокот мотора подъехавшей машины, и в дом входит Лида. В руках у нее сверток с продуктами. Благодаря знакомству с офицерами ей время от времени удается раздобыть то консервы, то сахар. Что-то происходит с этой девушкой из хорошей семьи – не иначе как совсем подчинили ее себе женские слабости.

Вера рассматривает продукты. Эта рябая простушка уже несколько лет работает в доме Клары Ильиничны. Она не отличается красотой, но двадцать пять лет не так уж и много, чтобы списывать Веру в старые девы. Она обладает довольно живым характером и любит пошутить. Смеясь, Вера прижимает ко рту сжатый кулачок. Странная привычка, тем более что стесняться девушке нечего: улыбка приоткрывает два ряда ровных красивых зубов, а лицо ее в минуты веселья приобретает забавное и приятное выражение.

Только вот в последнее время мало у Веры поводов для радости. Одно дело, когда она, домработница известного профессора Эйдельмана, проживает в большом городе Ленинграде, где есть электричество, газ, ванна, кино, подруги, а временами даже и друзья. Где можно в выходной день надеть голубое шелковое платье с батистовым воротничком, надеть на шею коралловое ожерелье и отправиться на танцы. Ах, танцы! Больше всего в жизни Верочка любит танцевать – еще со времен юности, которая прошла в одной из деревень калининской области, недалеко от города Кимры.

А что теперь? Тоже мне, удовольствие – вести хозяйство в деревне, особенно, теперь, когда Клара Ильинична слегла! От Лиды подмоги не дождешься: тошнит Лиду от домашней работы. Редко-редко возьмет в руки утюг, чтобы срочно отгладить что-нибудь нужное.

В другие годы Вера еще как-то справлялась в летние месяцы – хотя и с помощью Клары Ильиничны. Но сейчас, когда продуктов не достать, когда приходится ходить на рынок под дождем, когда обувь вязнет в болотной слякоти, а ноги покрыты грязью... Да и рынок уже далеко не тот, а после бомбежки он и вовсе опустел. Поди обеспечить теперь четверых взрослых едой, мылом, топливом.

А тут еще и деньги все вышли, так что приходится торговать одеждой или просто меняться. Несколько платьев Лиды и Клары Ильиничны, кое-что из белья,

ковер, профессорский костюм – все это уже исчезло из дома. Что будет, когда и вещи кончатся?

В начале сентября ситуация ухудшилась еще больше. Немцы приближаются к Гадячу, гоня перед собой самые дурные слухи. Ночью слышен за окнами шум вельбовского леса. Кроны высоких сосен теряются в мрачной темноте; уже не шепчут они как прежде, а громко жалуются под хлесткими порывами мокрого ветра.

Вот то немного, что я могу рассказать вам, сестры мои и братья, о семье профессора Эйдельмана. Мокрый ветер гуляет над ними в небесной тьме, несет на себе дальний собачий лай и острые запахи осени – запахи гнили, увядания и страха.

Глава 3

Ночи становятся все темнее, осень красит яркими оттенками сады и дороги. На улицах и в лесах еще золотятся солнечные лучи, но зелень мало-помалу желтеет, и увядшие листья купаются в пыли городских площадей. Затем мрачнеют небеса, и приходит ливень; тысячами плетей хлещет он по желтому ковру, превращая пыль в непролазную грязь.

Железнодорожное сообщение полностью прекратилось. Говорят, что враг разбомбил мосты, и нет надежды на их скорое восстановление. По главной улице Гадяча ползут тяжелые грузовики с боеприпасами, зерном и фуражом. Иногда везут и раненых. Фронт приближается к городу.

Уехали еще несколько еврейских семей – среди них и семья Ани Ааронсон. Из всех тамариных друзей остались лишь Сарка Гинцбург, Ким Вортман и Рая Розенкранц. Последняя в этом году окончила школу, ей уже восемнадцать, но почему-то Раю тянет именно в компанию младших. Это красивая девушка среднего роста с веселыми глазами, из тех непосед, которые вечно куда-то спешат. Она живет с родителями на площади Воровского. До войны отец Раи работал за городом на МТС – машинно-тракторной станции. Сейчас он сидит дома. Матери лет пятьдесят, ее зовут Фрейда Львовна. У Фрейды Львовны маленький рост, пышная комплекция, большой кривоватый нос и пронзительные глаза. Говорит она с певучим еврейским акцентом.

Агриппина Андреевна, тетя Кима, заведует городской библиотекой, мужа у нее нет и не было. Ким не особенно ее любит; с его точки зрения, тетя не более чем сушеная старая дева с очками на носу.

Седьмого сентября библиотеку закрыли на переучет – так было сказано в прикрепленном к двери объявлении. Агриппина Андреевна решила уехать из Гадяча. Какая муха ее укусила? Боится бомбежек. Говорит, что безопаснее переждать это время в деревне – например, в Веприке, где у нее есть знакомые среди колхозников. Веприк-то точно не станут обстреливать – кому нужен такой отдаленный поселок? Зато в Гадяче, говорит Агриппина Андреевна, покоя не жди. Гадяч – известный город, райцентр, с мельницей, зернохранилищем и другими целями, подходящими для бомбежки.

Ким решительно против. Ехать в Харьков к маме – это пожалуйста. Но если нет, то он останется в Гадяче – так велела мама в своей последней телеграмме. А уж коли мама велела, то Ким должен точно исполнять ее указания. И вообще он не боится каких-то там бомбежек...

Так говорит Ким Вортман, но главную причину своего нежелания покинуть Гадяч он хранит глубоко в сердце рядом с образом Тамары Фейгиной, голенастой девчонки с грустными глазами. Даже странно, как сильно укоренился этот образ в душе мальчика, который едва успел познакомиться с миром взрослых чувств и взаимоотношений. Что привязало этого маленького четырнадцатилетнего мужчину к наивной еврейской девочке тринадцати лет, да еще и в такое сложное время? Как знать, возможно, именно сейчас стоило бы Киму держаться подальше от этого беспокойного племени, чтобы ненароком не разделить горькую его судьбу...

Но не может Ким отказаться от черненькой девочки. Способна ли понять такую простую вещь очкастая Агриппина Андреевна? Нет, она отказывается понимать ослиное упрямство своего племянника; очки Агриппины Андреевны полны воинственного блеска и желания настоять на своем. Ну при чем тут мамина телеграмма? И откуда маме знать, что творится в Гадяче? Надо уезжать. Пока Агриппина Андреевна отвечает за Кима, тот обязан ее слушаться. Обязан! А все остальное – глупости!

С большим трудом удается тете найти возницу, который согласен завтра отвезти их в Веприк. Этим вечером Ким в последний раз встречается с Тамарой. Они гуляют в городском саду, а потом выходят на вельбовское шоссе. Недавно прошел дождь, и в умытых небесах поблескивают звезды. Осенний ветер разгуливает в полях, треплет деревья, кружит опавшую листву. Ким шагает рядом с Тамарой и молчит.

– Что ты молчишь, Ким? Расскажи что-нибудь!

Что рассказать? Завтра он уезжает, и никто не знает, свидятся ли они вновь. Что он может рассказать? Ведь ей, Тамаре, все равно, уедет он или останется. А ему – нет, не все равно. Трудно ему расставаться с подругой, вместе с которой провел целое лето. Эх, надо было сбежать в армию, на фронт!

Голос мальчика слегка дрожит. Ким срывает стебелек, пристраивает его к зубам на манер свистульки и принимается насвистывать какую-то мелодию. Потом снова замолкает. Ветер усиливается, вселенную окутывает тьма. Издали доносится едва различимый собачий лай.

На улицах можно находиться только до восьми, а потому детям пора возвращаться, чтобы не попасть под арест. Ким и Тамара поворачивают назад в город. Дорога резко забирает вверх. Пустые улицы с серыми заборами и темными окнами лежат перед ними.

– Так что ты хотел мне сказать, Ким?

Ничего он не хотел. Скучно ему будет в этом Веприке – вот что. Сбежит он оттуда – вот что.

– Куда сбежишь?

– В Гадяч!

– Но ведь тут у тебя никого нет...

– К тебе приду!

Ничего не понимает Тамара из того, что говорит парень, но что-то мягкое, теплое, женское поднимается в ее груди, разбухает и застревает в горле. Она поднимает к Киму темные глаза и всматривается в его лицо, смутно белеющее в вечернем сумраке.

– Хорошо. Убегай и приходи. Я спрячу тебя в нашем подвале.

С Полтавской улицы слышен свисток – пора расставаться. С замирающим сердцем и показным равнодушием Ким пожимает девочке руку.

– Пока, Тамара!

Она уходит по Садовому переулку – голенастая загорелая девчонка в коротком платьице – и что-то очень красивое и зовущее уходит вместе с нею.

– Тамара! – зовет он.

Не оборачивается. Какое-то время парень еще стоит, не в силах оторвать взгляда от своей девушки, чью фигурку постепенно поглощает ночная тьма.

Назавтра в доме Фейгиных собрался еврейский миньян. Наконец-то настало время сделать новорожденному брит. Бабушка Песя приготовила скромное угощение в честь этого праздничного события. Приготовила, что смогла, ведь в последнее время мало что поставишь на стол. Пуст рынок после бомбежки; теперь продукты достают через спекулянтов, таких как Хая-Сара Берман. Деревенские везут товары прямо к перекупщикам, а те уже перепродают их втридорога жителям Гадяча. Цены растут день ото дня.

С началом войны ослабла хватка милиции, и теперь спекулянтам раздолье.

Итак, собрался миньян в фейгинском доме. Кормилица Дарья Петровна сидит в соседней комнате и пробует песино угощение: мясо, суп, вареный горох и вино с фруктами. Не такое уж плохое меню по нынешним временам. Ребенок спит на руках у женщины. Когда он просыпается, кормилица, не мешкая, выпрастывает грудь и подставляет сосок под жадный младенческий ротик. Видно, что в вопросе

питания парень уже успел приобрести достаточный опыт. Он еще не знает, что через несколько минут будет приобщен к печальному союзу, к бриту отца нашего Авраама. Пока это еще невинный младенец, сморщенный узел человеческого мяса, который умеет только дышать, сосать, спать, испражняться и кричать.

Обязанности моэля исполняет дед, Хаим-Яков Фейгин. Уже много лет занимается он этим тонким ремеслом. Что бы ни случилось, даже если весь мир провалится в тартарары, он обязан привести своего внука, плоть от плоти своей, к бриту Авраама.

Гинцбург с женой исполняют обязанности квотеров¹, Шапиро – сандак². Ребенок кричит. Шапиро держит младенца ласково, но крепко, глаза его излучают тепло. Торжественное молчание царит в комнате. Стоят все, за исключением сандака – тот сидит в кресле у окна, выходящего в Садовый переулок. Пасмурный день. Снаружи дует пронизывающий ветер, метет палые листья с пылью вперемежку.

Ребенка нарекают Айзеком, в честь отца Хаима-Якова. Айзек Фейгин был уважаемым резником и проверяющим в общине Гадяча, и отец его, Цви-Гирш, тоже занимался этим наследственным искусством-ремеслом. Длинной была эта династия «шобов»³, и прервалась она лишь на Хаиме-Якове, который занялся вместо этого виноделием. Но есть ли в том его вина? Другие времена, другие песни.

Старая Песя в красивом платочке подает на стол суп, и Тамара помогает бабушке. Она уже большая девочка, младшая хозяйка. Сегодня на Тамаре голубое шерстяное платье и черная лента в волосах. Сколько чистоты в ее загорелом лице, как красива она!

В кухне стоит бочонок вина, и Тамара заново наполняет опустевшие бутылки. Евреи пьют вино и закусывают горохом. Разговор идет о повседневном: теперь это продвижение фронта и прогноз на дальнейшее развитие событий. Жаль, что отсутствует Берл Левитин, известный специалист в области большой политики. Сегодня анализом ситуации занимается Шапиро. Но, между нами говоря, разве может он заменить самого Берла Левитина? Шапиро сидит во главе стола, справа от Хаима-Якова. Здесь же его жена Берта Абрамовна; над столом белеет ее аристократический профиль. Берта Абрамовна прекрасно знает английский и немецкий, хорошо играет на фортепиано. В мирное время у нее было много учеников; теперь почти все они разъехались, и у Берты Абрамовны появилась масса свободного времени, в том числе и сегодня утром.

Возможно, это последняя праздничная трапеза для сидящих за столом людей.

– Тамарка!

По сигналу Песи Тамара забирает пустые бутылки и уносит их в кухню, к бочонку. Возчик Мордехай тоже среди гостей. Правда, на этот раз он один, без Павлика. Нет, Мордехай даже не думает покидать Гадяч. Здесь он родился, здесь он и умрет. Надо же: людьми вдруг овладела страсть к скитаниям! Неужели они полагают, что на чужбине не настигнет их ангел смерти? Мир перевернулся, честное слово! Да кто вас тронет? Нищие, кто позарится на ваши неисчислимые богатства? Неужели вы думаете, что немцу есть дело до вас и до ваших драных тряпок?

¹ Квотер – шафер, тот, кто подносит ребенка и кладет его на колени сандака.

² Сандак – восприемник (в христианстве аналог – крестный отец), который держит ребенка на коленях в момент совершения обрезания.

³ Шоб – первые буквы ивритских слов «шохат-ве-бодэк» – резник и проверяющий кашрута. Так сокращенно именовалась эта должность в еврейских общинах.

И Мордехай залпом выпивает стакан красного. Выпивку он уважает вдвойне: как мясник в прошлом и как возчик в настоящем. Эти ремесла не предполагают большой любви к обычной воде и другим не спиртным напиткам. Мордехай и так за словом в карман не лезет, а тут еще и воодушевление от винных паров: возчик пьет стакан за стаканом и на все лады честит трусливых евреев, которые поверили в глупые выдумки и сбежали неизвестно от чего.

Уж кто-кто, а возчик Мордехай разбирается в человеческих душах. Вот только, не ошибся ли он сегодня, не хватил ли через край со своими хлесткими шутками? И опять слышится над столом ровный голос Шапиро. Из-за нездорового сердца он не пьет ни капли вина; наверно, поэтому его слова звучат особенно трезво после насмешек хмельного возчика.

– Не посоветует ли нам реб Мордехай: где нынче можно достать лошадей? Если добраться через Полтаву в Харьков, то оттуда можно продолжить дальше на восток.

– От чего ты хочешь бежать? – спрашивает черный габай Аарон Гинцбург.

Он тоже порядком захмелел: щеки покраснелись, глаза блестят. Габай напряжен и готов к спору, готов дать отпор любому противнику. Спокойный Шапиро сидит по другую сторону стола, как полная противоположность разгорячившемуся Гинцбургу. Уравновешенный митнагед¹ против вспыльчивого хасида.

– От чего ты бежишь, и куда привезут тебя лошади Мордехая? Неужели ты действительно думаешь, что это изменит назначенную судьбу? Что отменится твой приговор из-за каких-то лошадей?

Он выпивает еще один стакан и низким голосом затягивает песню:

Слава и вера на все времена,
Мудрость и милость на все времена...

Но никто не подтягивает, не подпевает. Тяжкие глыбы лежат на сердцах людей, не поется им сегодня.

В наступившей тишине раздается голос Шапиро, мягкий голос больного старика, голос глубокого и трезвого ума, которому чужды хмель и горячность.

– Евреи! – говорит Шапиро. – Все эти слова ничего не стоят. Судьба, удача, приговор, пути Владыки небесного... – ничего! У Владыки небесного нет сейчас времени заниматься горсткой евреев из Гадяча. Владыка небесному сейчас недосуг, и каждый из нас должен решать сам за себя и за свою семью, должен выбирать между жизнью и смертью.

И он снова поворачивается к возчику Мордехаю и повторяет вопрос о лошадях. Тот всплескивает руками. Лошади? О чем речь! Все в этом мире можно купить – либо за деньги, либо за то, что стоит денег. И хотя цены растут с каждым днем, Мордехай полагает, что за пятнадцать тысяч еще можно достать лошадь с телегой.

Шапиро поворачивается к остальным:

– Евреи, покупайте и уезжайте! А те, у кого не хватит денег, пусть собираются по несколько семей и идут пешком, а телегу пусть купят вскладчину для детей и больных.

Хаим-Яков с сомнением качает головой. Как он поедет, если никогда в жизни не имел дела с лошадьми? Понимает в кашруте, в ремесле резника, в искусстве моэля. Умеет делать вино, при случае прочтет молитву в синагоге. Но ухаживать за лошадьми?

¹ Митнагед – (букв. – «противник» [хасидизма]) сторонник магистрального течения в иудаизме.

– Дедушка, я буду ухаживать за лошадьми! – вмешивается Тамара.

Она думает, что надо ехать. Сердце девочки чувствует беду.

Возчик Мордехай раздражается хохотом. Эта клопина будет ухаживать за лошадью! Да видела ли она когда-нибудь лошадь? Да отличит ли она лошадь от клячи? Есть ведь такие лошади, что их самих на себе тащить приходится! А если лошадь хорошая, то и уход за ней требуется хороший, не всякий новичок справится.

И, разгорячившись еще больше, Мордехай вдруг выкладывает перед собранием свое, встречное предложение. Куда они хотят добратся? В Ромны, в Полтаву, в Прилуки? Он, возчик Мордехай, берется доставить их в любой из этих городов! Там наверняка еще действует железная дорога, и можно влезть в какой-нибудь эшелон. А сам он вернется домой, в Гадяч – и будь что будет, Господь велик! А что касается оплаты, то как-нибудь договоримся, сойдемся в цене...

Тамара радостно бьет в ладоши:

– Деда, поехали!

Она бы выехала прямо сейчас. Соскучилась девочка по маме, по Москве, по улице Дубининской. А кроме того, кажется Тамаре, что война портит людям жизнь только здесь, в Гадяче.

Во дворе дома Фейгиных ждет телега, запряженная двумя лошадьми. Знакомый нам мерин Павлик стоит смиренно и с чувством, с расстановкой жует овес. Зато второй конь, запряженный слева от Павлика, хватается корм с жадностью изголодавшегося работяги. Он чуть посветлее – наверно, поэтому его зовут Рыжий. Рыжий куплен Хаимом-Яковом за шесть тысяч рублей. Таков уговор с Мордехаем: возчик получает лошадь, а за это берется доставить семью Фейгиных в город с действующим железнодорожным вокзалом.

Телега ждет, но собираться ох как нелегко. Старики разрываются между продуктами, бельем, посудой, швейной машинкой, инструментами, одеялами... – тут вам и уговоры, и просьбы, и крики, и ссоры. Хаим-Яков берет с собой два мясницких ножа, тщательно упакованных в дорожные чехлы. Как знать – может быть, там, в изгнании-эвакуации, придется ему вернуться к профессии резника? К ножам присоединяется сидур¹ и Танах. Шесть книг Талмуда остаются дома.

Во дворе постепенно собираются провожающие. Здесь Гинцбурги и Шапиро, резник реб Довид, Эстер, мастерица лапши, ее дочь Нехама и Нахман Моисеевич Розенкранц. Старики пришли попрощаться с Фейгиными. Кто знает, свидятся ли еще? Они стоят в сторонке, переговариваются, перешучиваются, но в глазах печаль, а на лицах еще глубже залегли морщины. Нехама помогает Песе; ее мать, опираясь на палку, наблюдает за сборами. Спина у Эстер слегка сгорбилась, но взгляд по-прежнему прям и светел. Ясными сухими глазами взирает она на Божий мир и на этот двор, и на суету человеческую.

Зато Тамара счастлива. Она помалкивает, но в душе у нее поет торжествующая песня. Пространство дорог зовет девочку: «Иди к нам! Иди! Скорее!»

На телеге набралось уже немало вещей. Кормилица тоже во дворе – на руках у нее туго спеленатый Айзек Соломонович Фейгин, хозяйский внук. Решено, что Дарья Петровна останется жить в фейгинском доме. Во-первых, будет ухаживать за мальчиком, а во-вторых, присмотрит за хозяйством. С тяжелым сердцем оставляют старики внука, словно маленького заложника. Шапиро утешает Песю: Берта Абрамовна будет навещать ребенка. Мириам Левитина тоже обещала не оставить Айзека без своего внимания.

¹ Сидур – сборник молитв.

В песиных глазах блестят слезы: не так-то легко уезжать от внука, из дома, с родины. Но вот закончено кормление лошадей, теперь они готовы к дороге. Возчик Мордехай в пиджаке и накидке завершает последние приготовления. Провожающие собираются вокруг телеги. Старая Песя берет на руки спящего внука и прижимает его к сердцу. Слезы каплют на крошечное детское личико.

– Смотри за ним хорошенько, Даша!

Другие женщины тоже плачут.

– Доброго вам пути, Песя! Да поможет вам Господь! Даст Бог, еще свидимся!

Суши глаза Эстер, мастерицы лапши. С каменным лицом стоит она во дворе, опираясь на свою вечную палку, стоит и молчит.

– Прощайте, тетя Эстер! – Песя осторожно целует ее в щеку.

Женщины Гадяча уважают дряхлую мастерицу лапши, уважают и немного побаиваются. Старики пожимают друг другу руки. Печаль разлита во дворе. Только тамарочкины глаза поблескивают радостью, на лице у нее – улыбка. Ей жарко; Тамара сбрасывает жакет и остается в черном платье с батистовым воротничком. Телега трогается с места; на выезде из Садового переулка она сворачивает вправо и пропадает из виду.

Тамара сидит на козлах рядом с Мордехаем и глазеет вокруг. На лице бабушки Песи еще не высохли слезы. Не такой пышной выглядит этим утром каштановая борода дедушки. Павлик смущен присутствием нового напарника. Они пересекают главную площадь, минуют почту и начинают спускаться к мосту на вельбовском большаке. Много раз ездил Мордехай этой дорогой, но в последнее время ее не узнать: забито шоссе беженцами, машинами, военными подразделениями. Временами движение останавливается, и приходится долго ждать, прежде чем машины снова тронутся с места.

Вот и сейчас перед мостом пробка. Лишь спустя час нашим путешественникам удастся вклиниться между военными грузовиками и пересечь реку. За мостом было свободней, и хорошо отдохнувшие лошади прибавили ходу.

Хаим-Яков и Песя оглядываются, бросая прощальные взгляды на город Гадяч, на реку Псёл. Медленно текут ее воды, отражая серое небо, одинокие деревья, молчаливые берега. Справа от шоссе – кладбище, и глаза сами отыскивают меж деревьев красноватую стену гробницы Старого Рабби. Где-то там горит над могилой негасимый огонь. Много поколений евреев прошли рядом с ним своей последней дорогой, и дождь смыл следы ног провожавших. Равнодушно глядит серое небо, безразличен ветер, чужда человеку зелень и желтизна леса, страшен и враждебен мир.

Шоссе забирает вверх, и лошади переходят на щадящий режим работы. Возчик Мордехай, верный заведенному обычаю, вытаскивает кисет и принимается сворачивать самокрутку. Закуривает трубку и Хаим-Яков. Телегу окутывают клубы дыма, и у Мордехая наконец развязывается язык.

Странная у нас жизнь в последнее время. Мир перевернулся вверх ногами. С Первой мировой не видывали такого. Все дрожат от страха, мечутся, как кролики. Взять хоть русско-японскую войну тридцать пять лет назад: разве кто-нибудь бежал тогда из Гадяча? Да и позже, десять лет спустя, все было тихо в городе. Правда, потом денкиинцы и Петлюра потрепали-таки евреев, но даже тогда не было такой паники и беспорядка. Евреи оставались на своем месте, и даже были среди них такие, кто мог дать погромщикам отпор, как, например, Мендель Цукер.

Следует плевков и причмокивание. Мордехай подбирает вожжи, щелкает кнутом:

– Н-но, Павлик!

Лошадь сдержанно машет хвостом. Рыжий не реагирует никак. Новые клубы дыма поднимаются над телегой.

– Вы ведь слышали о Менделе Цукере из местечка Сары? – спрашивает Мордехай и продолжает, не дожидаясь ответа. – Это было в злодейском девятнадцатом году. Ночь. Сары. Дом Менделя Цукера. Цукер спит себе в комнате с окнами на сад-огород, и вдруг чувствует сквозняк. Дует ему, значит, по ногам. Открывает хозяин глаза и видит, что кто-то лезет в дом через открытое окно. А надо сказать, что окна в цукеровском доме были довольно узкими. И потому трудно пролезть в такой небольшой проем этакому здоровенному гою. Ну, разве что, боком.

Мендель не растерялся, разбудил жену и говорит ей шепотом: «Сара, ты только не пугайся, но какой-то вор лезет к нам в окно. Принеси-ка мне скорее топор». И вот Сара бежит в кухню и приносит топор. Мендель смотрит и говорит: «Что ты мне принесла, корова? Это старый топор! Неси новый!» И вот Сара снова бежит в кухню и приносит новый. А гой тем временем продолжает протискиваться в дом, как видно, надеясь найти здесь несметные сокровища. Ему даже в голову не приходит, что эти трусливые жида станут защищаться. Он лежит боком на подоконнике, и глаза его шарят в темноте. Что делает Мендель? Мендель подходит к окну, поднимает топор и одним хорошим ударом сносит злодею голову с плеч! Голова падает на пол, а бандит остается в окне. Утром выяснилось, что это был один из известных бандюганов, вор и убийца...

Сзади слышен шум автомобильных моторов. Колонна грузовиков обгоняет телегу и уезжает, оставив за собой облако пыли.

В Вельбовке тихо; Тамара ощущает себя чужой в этой деревне. Лес молчит, безмолвствуют высокие сосны. Иногда налетает ветер, и тогда деревья начинают раскачиваться в сером мороке осеннего дня, роняя на землю иглы и шорохи. Тамара поеживается – неприятен ей этот пугающий шорох.

Главная улица Вельбовки тиха и безлюдна. Из нескольких труб поднимается дым. Босоногая девочка с коромыслом несет навстречу полные ведра воды, проходит, даже не взглянув на телегу. Полные ведра – хорошая примета, и Песя про себя благодарит девчонку.

– Н-но, ребятки! – прикрикивает на лошадей Мордехай.

На этот раз он не шутит, и Рыжий с Павликом, поняв намек, прибавляют шаг. Телегу начинает трясти.

Пятый час, суббота, одиннадцатое сентября. Несколько крестьянок направляются в город – сероглазые и черноглазые украинки с бойкими взглядами, белозубыми улыбками и загорелыми лицами. Над дорогой слышен их мягкий украинский говор.

Как случайны людские встречи! Вот и теперь перекрещиваются пути и взгляды двух наших хороших знакомых Тамары и Глаши. Глаша все еще много времени проводит в лесу. Сейчас она возвращается после трехдневного путешествия в далекую чащу рядом с деревней Веприк. Высокая и стройная, Глаша стоит на опушке и смотрит на дорогу. Все тут близко ей и знакомо – в том числе, и это шоссе, по которому безостановочно движутся теперь военные машины и телеги с беженцами. Глаза девочек встречаются. Девушка с льняными волосами стоит на лесной опушке и смотрит на дорогу. Смотрит, как испокон веков смотрели ее матери и бабки, смотрели на мир и на войну, на своих и врагов.

Хаим-Яков дремлет, но широко раскрыты глаза старой Песи, да и Тамара с интересом взирает на белый свет. Крутятся в дорожной пыли палые листья, вспархивают вверх, гоняются друг за другом в суетливой игре. Стоп! Улеглись, ждут следующего порыва осеннего ветра, который снова сорвет их с места, взметнет и погонит дальше.

Начало сентября застаёт наших героев Соломона и Вениамина в Красной Армии, на Юго-Западном фронте, которым командует генерал Кирпонос. К штабу фронта приписана топографическая рота капитана Важинова. Рота делится на взводы по двадцать человек, которые выполняют всевозможные топографические работы. Одним из таких взводов командует лейтенант Соломон Ефимович Фейгин; в этом же взводе находится и Вениамин. Если ты, мой дорогой читатель, бывал когда-нибудь в болотистых местах Полесья и Чернигова, к северу от Чернобыля, между Днепром и Припятью, то можешь примерно представить себе условия, в которых оказался взвод Соломона Фейгина. При отступлении на Чернигов пришлось бросить машины и идти пешком через болото, таща на себе оружие и военный инвентарь. Повсюду попадались глубокие ямы и трясина, прикрытая высокой травой и осокой. Оступившийся солдат проваливался по пояс и начинал тонуть.

Самым высоким во взводе был рядовой Адамчук. Соломон приказал ему передать груз другим и идти впереди всех, чтобы служить ориентиром. Остальные выстроились в колонну по одному и двигались следом, перескакивая с кочки на кочку. Люди выбивались из сил; за четыре дня удалось пройти всего тридцать километров. Когда, выйдя из болота, взвод добрался наконец до Чернигова, оказалось, что город разрушен почти до основания. Оттуда Соломон повел свое подразделение в Прилуки, где размещался штаб фронта. Но из Прилук их почти сразу направили в район между Конотопом и Ворожбой. Уже покидая город, они видели, как туда высаживается десант вражеских парашютистов.

Выполнив задание, Фейгин узнал, что штаб находится где-то между Белгородом и Харьковом, и двинулся туда через Сумы. Дороги были забиты беженцами, военными грузовиками, мотоциклетами и артиллерией. Двигаясь в этом потоке, взвод Соломона 12 сентября прибыл в Ахтырку, на берега реки Ворсклы.

Мосты были разбомблены, и огромная толпа сгрудилась возле временной переправы. Взводу предстояло еще долго дожидаться своей очереди. Отсюда до Гадяча было всего 75 километров, и Соломон принял решение навестить родной город. Возможно, Фирочка, Тамара и старики-родители нуждаются в помощи... В обычных условиях дорога занимала не больше пяти-шести часов. Соломон приказал солдатам дожидаться на берегу, взял машину и поехал в сторону Зенькова. Вениамин присоединился к нему.

Конечно, за шесть часов добраться не удалось. С огромным трудом доехав до Зенькова, они повернули к Великопавловке и уже там узнали, что ахтырская переправа разбомблена массированным налетом вражеской авиации, а сам городок захвачен немецким десантом. Дорога назад была, таким образом, отрезана, но Соломон приказал шоферу продолжать движение на Гадяч. Пространство вокруг наполнилось самыми разными слухами; далеко не всем можно было доверять.

Соломон сидит в кабине рядом с водителем, Вениамин – снаружи, в открытом кузове. Дорога петляет, приближаясь к Веприку, день клонится к вечеру, сумрак наполняет пространство. Вениамин примостился на скатанной шинели, поднял воротник гимнастерки и поглядывает по сторонам. Дорогу окружают высокие толстые сосны, шумят, скрипят, закрывая солнце; между ними – сырость и мрак осени, земля покрыта слоем желтых игл с шишками вперемежку. Тут и там еще зеленеют пятна не успевшей пожухнуть травы. Над дорогой склонилась тонкая полоска мрачного неба.

В очередной раз взглянув на шоссе, Вениамин вдруг распознал на облучке встречной телеги знакомую фигуру возчика Мордехая. «Нужно бы расспросить

его, что происходит в Гадяче...» – мелькнула мысль, но уже в следующую секунду солдат разглядел и других ездоков. Он принимается барабанить кулаками по крыше кабины.

– Адамчук, стой! Останови машину!

Грузовик останавливается. Фейгины не сразу узнают двух военных, которые выскакивают из армейской машины и бегут к ним. Тамара реагирует первой:

– Дядя Соломон! Дядя Соломон!

Вспыхивает суматоха. Крики, радостно вздетые руки, смех и плач старой Песи.

– А где Фирочка? Как она себя чувствует?

Хаим-Яков, Песя и Тамара отводят глаза.

– Дурные вести, парень, – отвечает Соломону возчик Мордехай, простой человек, много повидавший на своем веку. – Умерла твоя жена. Бог дал и Бог взял, да будет имя Его благословенно.

Соломон стоит, как громом пораженный; рот его приоткрыт, поблескивают два золотых зуба. Вениамин тоже потрясен. Песя начинает рассказывать, что произошло. Она говорит тихим сдавленным голосом. Над дорогой зыбким призраком витает память о Фирочке, девочке и женщине, невесте, разделившей судьбу многих невест под мрачными этими небесами. Говорят и о ребенке, об Айзеке.

Вениамин подходит к Тамаре, удивляясь, как она выросла, как изменилась за эти месяцы. Пока Соломон и старики погружены в свое семейное горе, Тамара, отойдя в сторонку, пересказывает Вениамину последние новости из Гадяча. Короткие вопросы и короткие ответы сливаются с шелестом сосен. Карие глаза Тамары поблескивают на загорелом лице. Очень идет ей это черное платье с батистовым воротничком.

– Вениамин! – это звучит командирский голос Соломона.

Надо возвращаться к солдатам, хоть и ходят слухи о том, что Ахтырка захвачена парашютистами. Но слухи не причина бросать свой взвод. Они еще смогут прорваться в расположение штаба фронта.

Люди на шоссе в растерянности: что делать, как поступить? Что ж, говорит Мордехай, похоже, время ему поворачивать назад. Ведь теперь Фейгины могут пересечь в грузовик и двигаться дальше с Соломоном. А он с Павликом и Рыжим вернется домой, в Гадяч.

Вот и еще одно прощание под соснами – на этот раз со старым возчиком, имеющим свое твердое представление о путях, по которым движется мир. Жизнь его клонится к закату. Он невысок, не толст, но и не тощ, его борода еще не совсем поседела, а всё подмечающий взгляд по-прежнему точен и остер. Мордехай помогает перегрузить вещи в грузовик, поплотнее запахивает свою накидку и поворачивает лошадей в сторону Веприка. Слышен щелчок кнута и окрик:

– Н-но, ребятки!

Начинается дождь. Адамчук ненадолго включает фары: они вырывают из мерцающей темноты небольшой клочок дороги и искрящиеся капли дождя. Старая Песя беззвучно молится. Болтушка Тамара продолжает беседовать с Вениамином в кузове грузовика. Если уж кто любит здесь поболтать, то это именно она. Тамара рассказывает о дяде Бермане и его пузатой мамаше, не забывает поведать и о своей взрослой подруге Рае Розенкранц.

Труднее всех сейчас Адамчуку. Из соображений маскировки он не может все время ехать с включенными фарами, а шоссе петляет, и движение на нем продолжается в обе стороны. Рядом с шофером сидит Соломон, но Соломон сейчас не помощник. Глаза Соломона полны слез и не могут вглядываться в

темноту. Слезы объяли весь этот мир. А на фоне слез стоит перед его глазами Фирочка в белом переднике и с веником в руке. Фирочка метет пол и весело напевает:

Слава и вера на все времена,
Мудрость и милость на все времена...

Холодно. Тамара надевает жакет. Дождь перестал, старики дремлют. Тамара рассказывает Вениамину о Вельбовке, и тот слушает с неослабевающим интересом. Витаят над кузовом грузовика тени недавнего прошлого, память о чувствах, влюбленностях, разочарованиях. Забыв подробнее расспросить о Лидии Степановне, Вениамин спрашивает, как там Глаша. Да, Тамара видела ее совсем недавно: Глаша стояла на опушке, босоногая, в белом платочке, и смотрела на дорогу. А больше и сказать-то нечего. Если Вениамин хочет услышать о Сарке Гинцбург или о Киме Вортмане, то пожалуйста. Но Глаша? Босые ноги, белый платок, лесная опушка... – вот и всё.

Грузовик подъезжает к Великопавловке. Там пробка. Соломон вылезает из кабины, чтобы поговорить с людьми, приехавшими со стороны Зенькова. Как всегда, ничего не узнать наверняка. Кто-то говорит, что Ахтырка в руках у немцев; кто-то другой утверждает, что парашютисты уничтожены. А третий вообще заявляет, что не было там в помине никакого десанта. В Зенькове уже нет советской власти, но и немцы еще не пришли. Выясняется, что главный удар врага направлен в сторону Харькова.

Черт знает что происходит на фронте. Да и где он, этот фронт? Всё спуталось, и не понять, где наши, где немцы. Хаим-Яков предлагает вернуться в Гадяч. словно какая-то черная сила поселилась в душе старика, и дергает его, беспокоит, тянет к ангелу смерти.

Глава 4

И снова движение во дворе дома Фейгиных в Гадяче. Парни в военной форме выгружают вещи из кузова армейской машины. Раннее утро. Тьма еще хоронится по углам, но уже пробился в мир серый туманный свет. Издали слышны петушиные крики и хлопанье крыльев; утренний ветерок ласково гладит щеки и улицы.

Младенец Айзек спит в колыбельке, и Дарья Петровна, невысокая полная женщина лет тридцати, приветливо встречает хозяев. Ребенок спит, его веки слегка покраснели, словно мальчик уже успел познать горести этого мира, словно понимает он, какая беда надвигается на народ, одним из сынов которого выпало ему родиться. Соломон трепетно, кончиками пальцев, гладит белый платочек, которым обернута головка сына. Все молчат, будто хотят почтить этим молчанием память юной матери, не дожившей до этого дня. Соломон, лейтенант и отец, бормочет несколько невнятных слов:

– Расти и расцветай, Айзекль!

Молодой отец наклоняется и осторожно целует младенческий лобик.

– Мама, – обращается он к хозяйке, – мы должны умыться, поесть, и отправляться дальше.

– Возьми меня с собой! – вмешивается Тамара; на глазах у нее слезы. – Я боюсь оставаться здесь!

Песя предостерегающе поднимает палец:

– Тихо, глупышка! Разбудишь ребенка!

Но Тамара продолжает реветь. Она хочет к маме. Пусть ее отвезут в Харьков. Там ей не нужны будут никакие провожатые.

Соломон достает из вещмешка сахар, хлеб и консервы, но Песя отрицательно качает головой. Эта еда понадобится самим солдатам. Соломон, Вениамин и Адамчук пьют вино, которого много еще осталось в подвале. Адамчуку – двойная порция. Этот высокий белобрысый солдат тоже родом из полтавской области, из колхоза, расположенного в окрестностях Пирятина. Дома он оставил жену и двоих детей.

– Хватит, Коля, – раздраженно говорит Соломон.

Командир взвода, он несет ответственность за каждого солдата. Нельзя было ему уезжать из Ахтырки. Теперь, наверно, разбежались солдаты кто куда. А уж если немцы и в самом деле захватили городок, то и вовсе беда.

Они поспешно едят и принимают решение. Тамару не возьмут: слыхано ли это – вытащить девочку-подростка из семьи и бросить ее на произвол судьбы неизвестно где? К тому же, еще неизвестно, смогут ли они пересечь линию фронта. Если нет, то придется возвращаться в Гадяч. В таком случае, взяв с собой Тамару, они подвергнут ее опасности, а сами будут обременены излишней обузой. Если же удастся вернуться в роту, то что будет делать ребенок под обстрелом, на линии фронта?

– Я вам не ребенок! – кричит Тамара со слезами на глазах. – Если вы не возьмете меня, я сама убегу!

Глаза ее совсем потемнели; что-то серьезное, мрачное видно в их глубине, как будто во взгляде девочки отразились все пропасти мира.

– Прекрати эти глупости, Тамара! – обрывает ее Соломон. – Едем! Вениамин, Адамчук, в машину!

Утро наконец прорывается в мир, разом озарив город Гадяч, улицы и лица людей, прорывается и наступает дальше уверенным световым фронтом. Вениамин молча целует старую Песю, комок стоит у него в горле. Затем солдат забирается в кузов и смотрит вокруг. Перед ним лежит Гадяч, полтавский городок

в середине сентября. Испуганно смотрят беленые дома по обеим сторонам улицы. Соломон еще в доме; он раздает последние указания матери, отцу, Дарье Петровне.

Что бы ни случилось, главное – сохранить ребенка! В руках русской кормилицы Айзек будет в относительной безопасности. Если возникнет угроза, лучше, чтобы она покинула этот дом и взяла с собой ребенка. Мы еще вернемся – если не через месяц, то через год. Тогда Соломон и заберет мальчика, заберет и заплатит кормилице все, что причитается. Она поняла?

Потом он поворачивается к Песе.

– Мама, не плачь. Все будет в порядке...

Соломон целует морщинистые лица родителей. Голос его дрожит.

– Отец, береги маму. Не позволяй никому ее обидеть. Мы скоро вернемся, вот увидите!

Адамчук заводит мотор. Ворота открыты. Обиженная и заплаканная Тамара остается в доме. Старики выходят в переулок проводить сына. Они так и стоят у распахнутых ворот, и сидящий в кузове Вениамин какое-то время еще видит их сгорбленные несчастные фигуры, бледное лицо Песи и каштановую бороду Хаима-Якова – золотистое пятно в сером мерцании рассвета.

Машина уехала. Хаим-Яков запирает ворота. Ходики на стене бьют семь раз, и, как по команде, просыпается ребенок. Время менять пеленки, время кормить.

– Пойду, принесу вина, – бормочет Хаим-Яков.

Он берет пустую бутылку, воронку и спускается в подвал. В правом дальнем углу – груда тряпья. Старик сдвигает в сторону тряпки и бутылочные осколки, берет лопату и начинает копать. Вырыв ямку глубиной чуть больше полуметра, он кладет туда завернутый в полотно узелок, забрасывает яму землей и тщательно выравнивает место. Тряпье и осколки возвращаются на свои исходные позиции.

Хаим-Яков выходит из подвала с бутылкой и воронкой в руках. Осторожно оглядывается. Нет, вроде, никто не видел. Теперь в подвальном углу зарыты все его накопления, всё, что осталось у него со времен нэпа. Серебряные и золотые монеты, частью еще царские, немногие дорогие вещи, советские купюры.

Половина восьмого.

– Схожу, узнаю, что новенького, – говорит Хаим-Яков Песе.

От всех многочисленных синагог и молитвенных домов Гадяча остался лишь один убогий миньян, где собираются старики по субботним и праздничным дням. В будни сюда приходят разве что на йарцайт¹ – прочитать кадиш и угоститься вином с медовыми пряниками.

Но в последнее время превратился миньян в подобие клуба для оставшихся в Гадяче евреев. Почти каждое утро можно найти здесь Шломо Шапиро. С той же страстью, что и тридцать лет назад, говорит он о материнской земле Сиона, рассказывает всякие истории – поди пойми, где там правда, а где мечта! Там, говорит он, живут в эти дни наши братья – каждый под своим деревом, каждый под своей лозой, а земля дает по два урожая в год! Там, говорит он, люди общаются на иврите – языке молитвы и разговора. Там, в этой стране, в обетованной радости наших предков...

Молча слушают евреи эти странные небылицы. Велика пропасть между золотыми сказками Шапиро и дурными слухами, которые заполонили Гадяч в последнее время! Пришел некий еврей-беженец и клянется всем святым на земле, что немцы уничтожают всех евреев до единого, от мала до велика. А кроме

¹ Йарцайт (идиш) – годовщина смерти.

того, они отрезают военнопленным уши и носы. А кроме того, не дают зарабатывать на жизнь. А кроме того...

И так далее, и тому подобное – всякие ходят слухи. Но есть и новости иного рода. Фрейда Львовна, мать Раи Розенкранц и Хая-Сара Берман, которая знает многих благодаря своим спекулянтским сделкам, утверждают, что немцы не только дают евреям равные права, но и заключили тайное соглашение с англичанами. И что по этому соглашению всех евреев сначала соберут в лагерь для перемещенных лиц, а затем переправят в Землю Израиля.

Слухи, слухи... Один цепляется за другой, один противоречит другому. Никто точно не знает, действительно ли немцы убивают евреев. Но в последние два дня снова кружили в небе Гадяча самолеты. На этот раз они не бомбили, а, видимо, вели разведку и сбрасывали листовки. Одна из них звучала коротко и просто: «Бей жидов, спасай Россию!»

Страх поселился в еврейских сердцах. Значит, все-таки прав был Шапиро, уговаривая людей уезжать из города. Мало-помалу превратился этот странный еврей, со всеми его слабостями и болячками, в негласного руководителя еврейской общины Гадяча. Теперь, когда путь к отступлению отрезан, он уже не упрекает оставшихся в бездействии. Какой смысл рассыпать пустые упреки, когда люди больше всего нуждаются в утешении?

Отчаяние еще не объяло всех, хотя постепенно распространяется по городу. Вместе со всеми и умирать не так страшно. Появление Хаима-Якова Фейгина вызвало в миньяне немалый интерес и любопытство, хотя и кроме него были семьи, которых судьба вынудила вернуться в город после неудачной попытки прорваться на восток. Известия о захвате немцами Ахтырки просочились и в Гадяч, и возвращение семьи Фейгиных вроде бы служило подтверждением этому слуху. Однако находились и такие, кто не верил: в конце концов, даже сам старый Фейгин не мог точно сказать, что именно произошло в Ахтырке и в чьих руках сейчас городок.

Слухи, слухи... Вот в миньян заходит Нахман Моисеевич Розенкранц, еврей лет сорока пяти с длинными усами. Он многие годы проработал бухгалтером на МТС, а сейчас принес очередную новость. Вчера на площади Воровского рядом с его домом остановилась легковая машина с подполковником. Офицер попросился переночевать – он и его шофер. Конечно, Нахман Моисеевич усадил их за стол и накормил ужином. Так вот, этот подполковник – танкист, из части, которая отступает в направлении на Ромны и Липовую Долину. Он уверен, что бояться нечего: немцы не войдут в Гадяч. Фашистские танки и артиллерия увязнут в нашей гадячской грязи! Да-да, отсюда, из Гадяча, придет благая весть, тут произойдет перелом в войне, и наш город еще прославится, как когда-то Бородино!

Своим мнением по этому поводу делятся Моше Сохоринский и Ицик Слуцкий, пока еще не знакомые нам. Первый говорит, что подполковник не станет болтать зря: как танкист-профессионал он может точно оценить проходимость грязи на улицах и в окрестностях Гадяча. Моше Сохоринский – из породы оптимистов. Зато Ицик Слуцкий задает резонный вопрос: если тут прошли наши танки, то почему бы не пройти и немецким? И вообще: на Бородинском поле русские защищали Москву! Москва – это вам не Гадяч, захолустный городишко без истории и промышленности.

Ицик любит сомневаться во всем, а потому никто его не поддерживает. Хаим-Яков заявляет, что если ничего не известно и ничему нельзя верить, то остается лишь довериться Господу. Кто-то другой вспоминает Полтавскую битву во времена Петра Первого. Шапиро молчит.

Еврейский человек нуждается в утешении. Он охотно поверит в любую чепуху, в любую фантазию – лишь бы она обещала ему хороший исход. С Ромнинской улицы слышен рев мощных моторов. Это советские танки, отступающие на северо-восток. Аарон Гинцбург хлопает ладонью по столу: настало время утренней молитвы! Он подходит к амуду¹; остальные тоже встают, накладывают тфилин и, завернувшись в талит, начинают шептать слова древних молитв.

А теперь настало время уделить немного внимания одной из дочерей Аарона Гинцбурга, Хасе. Той самой восемнадцатилетней девушке, которая окончила этой весной сельскохозяйственный техникум и несколько месяцев отработала в колхозе «Путь к социализму», расположенном к северу от Гадяча, недалеко от Липовой Долины. Хасю нельзя назвать красавицей, хотя в ней, как и в каждом из детей Гинцбурга, всегда чувствовалось определенное очарование. Самая деятельная в семье, она до своего отъезда полностью обеспечивала дом продовольствием.

Даже святой человек не святым духом питается. Эта пословица, которую частенько повторял возчик Мордехай, очень подходила для семьи Аарона Гинцбурга. Если бы не огород и не корова, задушил бы голод семью кладбищенского габая. Она ютилась в небольшой хижине, стоявшей на отшибе во дворе большого дома, который выходил своим фасадом на Полтавскую улицу и принадлежал Серафиму Ивановичу Карпенко, директору средней школы. Огород был разбит прямо за хижинкой; Гинцбурги ухаживали за ним все лето, и собранного урожая картофеля и овощей обычно хватало им до самого Песаха.

Хася исполняла в семье роль главного огородника. С ее отъездом вся тяжесть огородных работ пала на плечи Ханки, Сарки и Лейбла, которые были далеко не так инициативны, как их старшая сестра. Еще учась в техникуме, Хася подружилась с Таней Иванчук, а через нее и с Романом Назаровичем. Старый учитель и познакомил ее с практической стороной огородного ремесла.

В школе Иванчук преподавал русский язык и историю, но именно земледелие было его истинным призванием. Дошло до того, что он вел активную переписку с известным селекционером Иваном Владимировичем Мичуриным и с учеными из сельскохозяйственной Академии. Особенных успехов Роман Назарович добился с бахчевыми культурами: арбузами, дынями, тыквами. Вот уже несколько лет он пытался вывести собственный сорт огромной тыквы. Это свое детище Иванчук назвал именем дочери – «Таня». «Таня» участвовала во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года и была отмечена особым дипломом.

Вот только та, в чью честь была названа знаменитая тыква, овощами не интересовалась в принципе. Несмотря на ширококостную грубоватую внешность, Таня отличалась деликатным характером. Роман Назарович и Мария Матвеевна обожали своего единственного ребенка и из кожи вон лезли, чтобы у девочки ни в чем не было недостатка. Помимо занятий в школе, Таня училась игре на фортепиано, шитью, вышиванию и домоводству.

В противоположность подруге, Хася не любила сидеть дома – ее манило наружу, на большие пространства, продуваемые ветрами и прорезаемые молниями гроз. Таким же был в молодости и Роман Назарович; неудивительно, что он так сдружился с этой дочерью Израиля.

Казалось бы, что такого особенного может быть в огородной тыкве? Однако, прежде чем получить семена «Тани», Роман Назарович перепробовал

¹ Амуд (здесь) – высокий узкий шкафчик-пюпитр в синагоге, на который кладут книгу во время молитвы.

множество вариантов и провел большое количество испытаний. Хася помогала ему во всем. Учитель любил поговорить, и девушка была его внимательной слушательницей. Именно с нею Иванчук поделился первой порцией полученных от «Тани» семян. Хася высадила тыкву на огороде Гинцбургов; там результаты оказались так же хороши, как и на грядках учителя.

Так что главные секреты огородного искусства Хася узнала не из книг и не на занятиях в техникуме, а из практических уроков Иванчука. Она вообще старалась немедленно претворять теорию в жизнь. Взять хоть пегую корову – она была невелика ростом, но давала Гинцбургам не меньше трех тысяч литров молока в год, что, несомненно, было хасиной заслугой. Большая практическая сметка отличала эту юную девушку.

Помимо огорода и коровы, были у Гинцбургов несколько куриц-несушек и целый выводок цыплят, так что работы хватало. Хана и Сарка помогали сестре, затем к ним присоединился и Лейбл. У Ципы-Леи – хозяйки, тети и мамы, дел было по горло и без того.

Когда Хася уехала, ребятам пришлось трудно. Хана, самая привлекательная в семье, не разделяла сестринской любви к сельскому хозяйству. Блеск темных глаз, стройная фигура, красивое лицо с тонкими чертами и изящным носом – все это красноречиво говорило о том, что девушке не назначено копаться на грядках и убирать в коровнике. Еще до того, как ей исполнилось шестнадцать, Хана заговорила о своем желании уехать в Киев. Понятно, что Аарон Гинцбург даже слышать об этом не хотел. Спор дочери с отцом решила война. Хана осталась дома, но к огороду ее по-прежнему не тянуло. Пришлось впрягаться в ярмо четырнадцатилетней Сарке.

В последнее время она сильно повзрослела и в росте почти догнала Хану. Сарка больше других детей напоминала отца, его странный характер, его неуравновешенность, неожиданность его реакций. Возможно, сказался на ее поведении и опыт первого разочарования, опыт отношений с мальчиком-половинкой Кимом Вортманом и лучшей подругой, голенастой козой Тамаркой Фейгиной.

Отъезд сестры помог Сарке справиться с неприятными переживаниями. Теперь, с огородом и коровой, на сердечные горести просто не хватало времени. Двенадцатилетний Лейбл не слишком отличался от Ханы в своем стремлении увильнуть от работы: его куда больше манили игры со сверстниками, купание на речке и воровские налеты на чужие яблоневые сады. Это вынуждало Сарку не только работать самой, но и следить за трудовой дисциплиной. Нужно сказать, что это неплохо у нее получалось: распределив обязанности между братьями и сестрами, Сарка твердой диктаторской рукой управляла своим мятежным народом. Разве не по силам восьмилетнему Шимону полить грядки или задать корове?

Так, за домашними делами проходили дни. Рядом гремела война, лилась кровь, но в тихом уголке Гинцбургов жизнь шла своим чередом, согласно заведенному Саркой жесткому расписанию обязанностей. Повсюду царил образцовый порядок, начиная с чистого вида прополотых грядок и кончая устрашающим видом огородного пугала. Подсолнухи не уставали молиться на солнце, с восхода до заката не отводя от него своих радостных желтых лиц. В конце лета между растениями протянулись нити паутинок – то переливающиеся на солнце, то погруженные в тень. Тихо, ненавязчиво жужжали мухи и комары, немо порхали меж кустиков ботвы яркие бабочки.

И вот в один прекрасный вечер к хижине Гинцбургов подъехала телега. Да это же Хася! Хася, Хася приехала! Дети шумной радостной гурьбой окружили лошадь, телегу и самую старшую сестру, которая соскочила на землю с кнутом в

руке. Вот так Хася! Как и следовало ожидать, она прежде всего распрягла лошадь, положила перед ней охапку свежего сена и только потом вошла в дом. Лейбка побежал за Голдой, а Ципа-Лея, вытерев руки о передник, расцеловала дочь-племянницу. Дети рассматривают привезенные сестрой гостинцы: хлеб, просо, гречу, подсолнечное масло, фрукты.

– Где папа?

– В штабеле, где ж ему быть. Сейчас придет.

Хася выходит в огород. Грядки уже убраны, лишь капустные кочаны еще поблескивают яркими листьями. Гордая Сарка ведет сестру в подвал – показать груды картофеля, бочки с солеными огурцами и помидорами, другие заготовленные на зиму овощи. Ах, Хаска! Малыши не отходят от девушки, жмутся к ее ногам. Хася берет на руки маленькую Ривочку, та крепко обнимает любимую сестру. Рядом Мирка и Аба. Ципа-Лея сидит в доме и на глазах у нее слезы. Нелегко ей приходится в последнее время, время ужасных слухов. Немцы близко; что будет с детьми? Прибегают Голда и Берман. Объятия, поцелуи, улыбки на бледных озабоченных лицах. Берман раздает младшим конфеты, Голда рассказывает о ребенке. Но уже поздно, и вскоре Берманы уходят, пообещав вернуться завтра утром.

Темнеет, закрываются окна, возвращается из штабеля Аарон Гинцбург. Он рад Хасе – дочь напоминает ему давние одесские дни. Напоминает Арика Гинцбурга, который расхаживал по улицам в ботиночках со скрипом, и окрестные хулиганы прислушивались к каждому его слову. Тогда он не сидел, склонив голову и сложа руки, а брал всё, что хотел. Тогда он еще жил действием. Вот и Хаска полна той же деятельной энергии. Садятся пить чай. Хася говорит, что может забрать к себе на какое-то время Мирку и Ривочку. За эти три месяца она сдружилась с колхозниками, теперь она там своя. Немцы не станут искать еврейских детей в колхозе, там будет намного безопасней, чем в Гадяче.

Тут даже и думать не о чем. Хася уже взрослый человек, она знает, что говорит. Известно, что немцы грабят евреев. Могут забрать корову и у Гинцбургов. Почему бы тоже не отправить ее в колхоз? Тогда Хася сможет время от времени привозить в семью масло и сметану.

Стемнело. Корова и колхозная лошадь смирно стоят в сарае; время от времени слышно, как они переступают с ноги на ногу. Спят куры и петух. Тишина в Гадяче. Глухо заперты оконные ставни. В доме Гинцбурга собирают детей в дорогу. Ципа-Лея затеяла срочную стирку, чтоб у девочек было достаточно одежды. Хася, Хана и Сарка работают иглами, шьют при тусклом свете лампы. Гинцбург читает книгу. Остальные спят в соседней комнате.

Тишина. Тихо и в доме Берманов на Вокзальной улице. Тикают ходики на стене. Голда прижимается к Иосифу.

– Надо было нам уехать, – шепчет она мужу.

Тот молчит. Не раз и не два пытался он уговорить мать, но Хая-Сара решительно возражает. Она против отъезда из Гадяча, она уверена, что слухи о жестокости немцев – вымысел. В глубине сердца лелеет она безумную мечту вернуть те золотые времена, когда еще жив был дядя Хаим Зайдель, когда на всю округу гремела слава магазина колониальных товаров Якова Бермана.

Тишина. Заперты двери и окна. Темно, хоть глаз выколи. Только в доме Мириам Левитиной еще теплится убогий огонек: ее сын, подросток Екель погружен в чтение. Екель читает книгу «Титан» Теодора Драйзера, и приключения Фрэнка Каупервуда кажутся ему сейчас важнее, чем всё, что происходит вокруг. Мириам и Лея спят в соседней комнате. От Ехезкеля нет вестей с момента мобилизации.

Горе и беда! Всё хуже людям, всё темнее. Нет, не всем удастся уснуть в Гадяче. С открытыми глазами лежит в своей постели Шломо Шапиро, всматривается в тьму, как будто надеется разглядеть в ней будущее. Последние советские танки ушли из города, и теперь в нем затишье, как перед бурей. Власти тоже сбежали. В ловушке город, остались считанные дни. Слухи о немецких зверствах достигли не только евреев: многие украинцы открыто присматриваются к имуществу своих еврейских соседей. Все чаще слышится из толпы антисемитская ругань, а временами и прямые угрозы. Чья-то рука рисует свастики на заборах, стенах и дверях. Кто-то расклеивает отвратительные листовки, сброшенные немцами с самолетов.

Да, есть о чем поразмышлять старому Шапиро. Он ощущает себя ответственным за тех, кто остался в городе. Старик размышляет, делает выводы, и выводы эти основаны на логике, на знании, на жизненном опыте. Главную опасность он видит в первые дни после захвата немцами города. Необходимо на это время куда-то спрятаться, переждать грозу.

Но где спрячешься? Старик мысленно перебирает варианты, обдумывает всё, что известно ему о Гадяче и его окрестностях. В городе осталось около трехсот евреев, большинство из них в центре. Скорее всего, оттуда немцы и начнут погром – с Ромнинской, с Полтавской, с улицы Шевченко. Было бы хорошо перебраться на это время в Заяр – это пригород, расположенный рядом с кладбищем. Там живут в основном украинцы, и евреям будет легко раствориться среди этого населения.

Горькие заботы, черная бессонница... Шапиро вздыхает и проглатывает таблетку люминала, а затем нашаривает в темноте очки. Зачем очки человеку, только что принявшему снотворное? Смотреть сны?

Снова занимается над Гадячем серый рассвет. Со двора Гинцбургов выезжает телега, запряженная колхозной лошастью. К телеге привязана пегая корова, а в кузове видны головы четырех девочек. Лица провожающих бледны, взгляды печальных глаз потуплены.

На эту грустную процессию смотрит в щелочку между ставнями Серафим Иванович Карпенко, лицемерный сосед. Он стоит в спальне своего дома и держит в руке трусы, которые только что собирался надеть. В глазах школьного директора презрение и ненависть. Бегут евреи, бегут, как крысы с тонущего корабля.

Серафим Иванович возвращается в постель, заворачивается в зеленое пуховое одеяло и зевает. Ничего-ничего, никуда они не убегут... Повсюду настигнет их разящий кулак.

Горячая пора настала для возчика Мордехая – для него, а также для Павлика с Рыжим. Евреи Гадяча перебираются в Заяр. Что за эпидемия вдруг поразила их всех, Боже милостивый! Вот уж действительно, в час всеобщей паники даже самый разумный человек теряет голову. Первым переехал Шломо Шапиро, а за ним – Ицик Слуцкий, Хаим-Яков Фейгин, Нахман Моисеевич Розенкранц. И откуда вдруг такая любовь к этому неприметному пригороду? Видно, думают люди, что от перемены места переменится и удача.

В течение двух дней переехали почти все, кроме самых упрямых: Гинцбурга, Эстер и самого возчика Мордехая. Фейгины нашли пристанище у Ульяши Мазурок, которая жила вместе с дочерью и внуком и вот уже несколько лет работала на том же винном заводике, где трудился и Хаим-Яков. Ксения, дочь Ульяши, занималась домашним хозяйством, сыном Васенькой, огородом и садом. Муж Ксении находился в армии.

Немцы подошли к городу 16 сентября и с утра начали обстреливать город. А в одиннадцать собравшиеся у радиоприемника семьи Фейгиных и Мазурок услышали, что враг уже находится в предместьях Киева.

Шесть человек в комнате: Хаим-Яков, Песя, Уляша, Ксения, Тамара и пятилетний Васенька. Маленького Айзека с кормилицей решено оставить пока в Садовом переулке.

Ксении, молодой хозяйке, не нравятся новые гости. Говорят, что немцы наказывают тех, кто укрывает евреев. Надо бы избавиться от них при первом удобном случае. Но мать Уляша думает иначе. За годы совместной работы с Ефимом Айзековичем она привыкла уважать этого старика. Лишь хорошее видела от него Уляша. Кроме того, не одни они приютили евреев: многие семьи в Заяре сделали то же самое. Совесть должна быть у человека, если он хочет называться человеком.

Песя варит картошку. Картошка да стакан молока – вот и весь обед сегодня. Едят вместе. Ксения сидит с кислым лицом. Она любит покушать. Все молча жуют. Вдруг слышится громовый раскат – где-то рядом упала бомба.

– Ложись! – кричит Тамара, крепко усвоившая школьные уроки гражданской обороны.

Все шестеро скатываются со стульев. Губы дедушки шевелятся, он бормочет молитву: «На Тебя устремлю глаза свои, от Тебя помощь мне и спасение...» Бабушка Песя не лежит на полу, а сидит рядом с Тамарой. Она тревожится не за себя, а за внуку: не разверзлась бы земля, не поглотила бы эту любимую голенастую козу...

– Сюда, Тамарочка, залезай под стол!

Уляша мелко крестится: «Господи, спаси и помилуй!»

Ксения захватила с собой на пол миску с картофелинами. Лежит и жует. А маленький Вася смотрит и удивляется: что это взрослые вдруг попадали со стульев на пол? Вроде бы большие люди, а ведут себя, как малые дети.

– Мама, – шепчет мальчик, – я хочу пи-пи...

Горшок стоит в прихожей. На Тамару вдруг нападает смех. Сначала она сдерживается, кусает губы и старается думать о другом, но смех волнами прорывается наружу. Смех нервный, диковатый. Фейгин продолжает шептать молитву, но глаза его с тревогой глядят на внуку. Он кивает Песе, и та, поняв намек, приносит девочке стакан воды. Но Тамара не в состоянии глотать – она хохочет все громче и громче. Уляша качает головой:

– Утром смех, к вечеру слезы...

Ксения жует картошку, а Тамара всё смеется – вот уже десять минут прошло, а она никак не может остановиться. Не последний ли это смех Тамары Фейгиной?

Артобстрел продолжался двое суток. В городе еще оставались какие-то советские части – в основном, остатки разбитых подразделений, которые собрались в Гадяч со всей округи. Самый ожесточенный и отчаянный бой происходил на шоссе в направлении Веприка и в районе моста. Немцы постоянно обстреливали его из артиллерии и бомбили с воздуха. Рядом образовалась огромная пробка: солдаты, беженцы, телеги, машины... Врагу так и не удалось попасть в мост, но паника вокруг него была безумная.

Кладбище находилось недалеко от моста, и Аарон Гинцбург, сидя в штабеле, слышал каждый звук разыгравшегося сражения. Отдельные снаряды и бомбы падали совсем рядом, но габай не сдвинулся с места – так и сидел возле длинного стола, читая святую книгу.

Он слышал доносившийся с реки грохот боя, вопли обезумевшей толпы, гром канонады, треск выстрелов. Он знал, что евреи городка, от мала до велика,

замерли сейчас в ожидании удара. Все зависит теперь от Божьей руки. Всюду, где появляются немцы, жизни евреев угрожает опасность. Но знает Аарон и другое: нет в мире крепости прочнее, чем защита Старого Рабби. Рабби, могучий утес, верный щит для людей – и здесь, и в рассеянии, и, уж конечно, для евреев Гадяча. Пока еще теплится огонек на могиле Старого Рабби, жива и связь человеческая с Негасимым огнем Вечности, жива и надежда народа нашего – преследуемого, разбросанного, потерявшегося во тьме.

Настало время полуденной молитвы, и Гинцбург открывает дверцы ковчега. Он молится стоя, со старанием и с силой. Один-одинешенек стоит он перед открытым ковчегом, перед свитками Торы, обернутыми в бархатные покрывала, перед мерцающими ивритскими буквами – у каждой из них своя жизнь, своя форма и свое значение. Снаружи слышен грохот взрывов, шум моторов, выстрелы, но здесь царит тишина, сияет скромное безмолвие, поблескивают огоньки в глубокой непроницаемой тьме.

Окончена молитва, закрыт ковчег. Снаружи слышатся легкие шаги, приоткрывается дверь.

– Папа, ты здесь?

В тусклом свете масляной лампы видно загорелое лицо подростка.

– Что ты хочешь, Лейбке?

– Вот, пришел повидать тебя...

Лейблу двенадцать – это типичный уличный мальчишка-шалопаи. Он принес немного еды. Вот уже больше суток не выходит отец из штабеля. В обычное время тоже случается, что нападает на габая черная тоска – как видно, вследствие раны, полученной им под Пшемыслем в Первую мировую войну. Тогда запирается он в штабеле и даже спит здесь, составив вместе две скамьи. В такие моменты приносят ему дети еду из дома. Вот и сейчас Лейбл ставит на стол горячий суп, помидоры, хлеб с маслом и бутылку молока.

– Я заночую здесь, папа, – говорит мальчик. – Там стреляют.

– Мать знает?

– Ага.

По правде говоря, рядом с отцом Лейбка чувствует себя безопаснее. Не то что дома, где одни женщины.

День клонится к вечеру. Гинцбург оmyивает руки и берется за суп. Тем временем Лейбл сообщает ему городские новости. Волосы, брови и глаза мальчика черны, как смоль, лишь зубы сверкают белизной в полумраке штабеля. Все еврейские дома наглухо заперты. Говорят, что почти все переехали в Заяр. Думают, что немцы приедут в город по железной дороге, а потому опасно находиться в районе вокзала и в центре. Жена Ицика Слуцкого горько плакала, когда уезжала, оставляя свой дом и любимый фруктовый сад. Уж кто-то, а Лейбка знает этот сад до последней веточки. Кроме яблок, есть там весьма неплохие сливы, абрикосы и груши. А вот еще одна новость: сосед Карпенко сказал Ципелее, что Гинцбурги должны отдать ему свой огород. Вам, сказал, пора подумать о душе. Но он, Лейбка, не боится ни Карпенко, ни фашистов. Им в жизни его не догнать, правда, папа?

День клонится к вечеру.

– Выйди, Лейбл, посмотри, не появились ли звезды.

Мальчик осторожно приоткрывает дверь штабеля, обшаривает глазами горизонт и облачное небо. Нет, даже если и появилась какая-нибудь торопливая звездочка, все равно не увидеть ее из-за туч. Шорох деревьев наполняет уши подростка. Густые заросли прикрывают речной обрыв; как души скорбящих деревьев, белеют во тьме надгробья. На противоположном берегу – полоска песчаного пляжа, а за ней простираются пастбищные луга, поля и одинокие

деревья, ветвистые и голые. За лугом взвивается вверх зеленая ракета, на несколько мгновений озаряет мир неверным колеблющимся светом и гаснет. Снова гремит взрыв, трещат выстрелы. Лейбка возвращается в штабель и запирает за собой дверь.

– Нет, папа, не вышли звезды. Облака.

Гинцбург начинает вечернюю молитву. Но что он делает, этот сумасшедший? Сегодня обычный будний день, не суббота и не праздник, а потому для молитвы вполне достаточно завернуться в талит. Почему же габай надевает белоснежный киттель¹, открывает дверцы ковчега и заводит молитву, которая читается только в канун Судного дня? Видано ли такое – этот человек своей волей устроил тут Судный день! Слезы ручьем текут из глаз безумного габая на черную с проседью бороду.

Всю ночь и на следующее утро продолжался упорный бой, а семнадцатого сентября немцы вошли в Гадяч. Эту весть принес в дом пятилетний Вася.

– Мама, фашист! – кричит он, стоя в коридоре и глядя в щель между ставнями. – Фашист пришел!

Женщины тоже приникли к щелям, страх и смятение на их лицах. Лишь Хаим-Яков не сдвинулся с места. Песя приказала ему сидеть и не высовываться. С такой характерной еврейской внешностью опасно попадаться на глаза. А ось получится пересидеть в каком-нибудь незаметном углу.

Тамара видит во дворе трех немецких солдат, вооруженных с головы до ног. Они кажутся ей страшными великанами в огромных сапогах. Немцы обвешаны гранатами, в руках у них винтовки. Во дворе дымится полевая кухня. Быстрыми шагами входит офицер и кричит на чужом языке, показывая куда-то рукой. Как видно, двор кажется ему подходящим местом для пушки – она и появляется тут через полчаса. Настоящая пушка с длинным стволом, наклонно устремленным в небо. Кухню перевозят в другое место, а пушка начинает стрелять. С каждым выстрелом жалобно звенят стекла в оконных переплетах, вздрагивает пол, и весь дом сотрясается, как будто вот-вот упадет.

Так, дрожа и хромая, проходит день. Двери и ставни заперты, никто носа не кажет на улицу. Хаим-Яков прячется на чердаке, дрожащие губы шепчут молитвы и псалмы. Ульяна Мазурок крестится после каждого выстрела. Дом заперт. Все дома заперты, как крепость во время осады. Женщины Гадяча, жавшись, чтобы казаться меньше, сидят за запертыми дверями и ждут.

¹ Киттель – молитвенная накидка, надеваемая по особо торжественным случаям, например, в Рош ха-Шана (Новый год) или в Судный день.

Глава 5

Если вернуться назад по реке времени, то двор, в котором соседствовали Аарон Гинцбург и Серафим Иванович Карпенко, раньше принадлежал главе городской общины Аврааму Левертову, проживавшему тут в роскошном доме, который достался ему в наследство от столь же богатых предков. Левертов занимался оптовой торговлей скотом, но не брезговал и свиной. Богата полтавская земля овцами, свиньями и крупным рогатым скотом. Целыми составами отправлял Левертов свой живой товар в большие города – как российские, так и за рубежом.

Многие до меня уже рассказывали о жизни маленьких еврейских местечек в дореволюционной России. Поэтому буду краток и упомяну лишь хасида Нахмана Хорошинского, который долгие годы служил доверенным лицом и оруженосцем Авраама Левертова. Этот-то Хорошинский и занимал вместе со своей молодой женой Шифрой маленький низкий домик, который стоял в дальнем углу огромного левертовского двора. За домиком простирался участок, который также принадлежал Левертову.

Случилось так, что Шифра родилась в деревне Шишаки на берегу реки Псёл и с детства любила работать на земле. Довольно быстро она превратила пустырь за домом в цветущий огород. Левертов был скуповат и следил за тем, чтобы его работники не богатели. Честно говоря, Нахман Хорошинский был больше хасидом, чем торговцем, а потому вряд ли мог претендовать на большее, чем бесплатное жилье и немного денег, которыми расплачивался Левертов за его услуги. Так что овощи с огорода Шифры были в семье совсем не лишними.

Прошло несколько лет, и в домике на отшибе двора родилась девочка, которую называли Мирой. Потом как-то незаметно закончился девятнадцатый век, и почти одновременно с двадцатым появилась на свет Ципа-Лея, вторая дочка Хорошинских. Их мать Шифра была душой этого дома. Девочки росли тихими и старательными и скоро стали хорошими помощницами для матери. В конце 1916 года пришел в Гадяч Аарон Гинцбург. Левертов тогда еще был Левертовым, Хорошинский – Хорошинским, а царь Николай, да сотрется имя его, гонителем евреев. И вот судьба привела двадцатишестилетнего Аарона Гинцбурга в дом Хорошинских – там он и поселился с самого начала.

Чернявый молодой вдовец быстро вошел в круг хасидской общины Гадяча, но прошло еще несколько лет, прежде чем он почувствовал, что ослабли ледяные оковы вины, сжимавшие его несчастное сердце. В 1920 году в Гадяч пришла эпидемия тифа, поразила она и многих хасидов. Нахман Хорошинский тоже слег и через некоторое время умер.

Сразу после этого сложились на небесах те таинственные знаки, которые определяют людей в пару друг другу, а может, и мама Шифра приложила руку к этому делу. Так или иначе, но Мирочка вышла замуж за Аарона Гинцбурга. Не стану много рассказывать об этой достойной молодой женщине, мир праху ее. Один за другим стали рождаться дети. Тот уходит, а этот приходит – такой порядок назначил на земле Господь, чье Имя благословенно. Бабушка Шифра продолжала смиренно нести свою рабочую ношу, пока не упала под ее тяжестью. Пришло время провожать и ее в мир вечной истины.

Нет счета событиям под солнцем. Быстро сказывается эта повесть, но медленно тянутся годы, полные мелких дел и необходимой работы. Что, например, произошло с Авраамом Левертовым, главой общины города Гадяч? Одновременно с тем, как вошла в наших краях революция, закатилось солнце таких богачей. По всей стране стали трясти буржуазию, не остался в стороне и Гадяч. Дом Левертова реквизировали под городской отдел народного

образования. Это изменило расстановку сил. В глубине двора по-прежнему жил Гинцбург с семьей, но в большом доме, выходявшем фасадом на улицу, теперь сидели чиновники, размышляли о развитии образования в Гадяче и его окрестностях, скрипели перьями, щелкали на счетах и вели бесконечные разговоры на русском и украинском языках.

В конце двадцатых годов прибыл в Гадяч новый глава райотдела народного образования, Серафим Иванович Карпенко, уже знакомый нам по прежним описаниям. Его отец, генерал Карпенко, был офицером царской армии. Во время Гражданской войны он сражался на стороне Деникина, а после поражения белых бежал из России вместе с женой и дочерьми. Зато сын генерала Серафим, окончил Харьковский университет и поначалу работал скромным школьным учителем. Там же преподавала и его жена Маргарита Фридриховна. В годы революции их не тронули. Чтобы уцелеть дальше, требовалось научиться лицемерить, и Карпенко в совершенстве освоил это искусство.

В 1924 году, во время Ленинского призыва, ему удалось вступить в партию. Потом пришли годы борьбы с правым и левым уклоном, полетели с плеч головы, но генеральский сын всегда ухитрялся шагать согласно генеральной линии Центрального комитета. Подмоченное социальное происхождение не позволяло ему надеяться на высшие посты, однако в сфере народного образования можно было сделать совсем неплохую карьеру. Бумаги, циркуляры и распоряжения, гибкость позвоночника в отношениях с начальством и железная непоколебимая требовательность к подчиненным представляли собой основу рабочего стиля Серафима Ивановича.

По прибытии в Гадяч он получил временное жилье в одной из комнат бывшего леввертовского особняка. Но разве такой человек, как Карпенко, удовлетворится одной комнатушкой? После длительных стараний и интриг он добился-таки того, что отдел народного просвещения перевели в другой дом, далеко не столь просторный и удобный. Нечего и говорить, что он с женой остался в бывшем доме Авраама Левертова. Теперь в его распоряжении оказался весь этот роскошный особняк, но не раньше, чем в здании был произведен основательный ремонт за счет государственных средств. Все это время семья Гинцбургов и ее огород продолжали свое скромное существование в углу двора. Ципа-Лея, тогда еще юная девушка, работала в кооперативе по производству носков. Ее зарплаты едва хватало на еду.

Через несколько лет грянула проверка, и Карпенко был отстранен с занимаемой должности – вернее, понижен в звании. Теперь его назначили директором городской средней школы. Его жена Маргарита Фридриховна преподавала там немецкий язык. Она происходила из семьи немецких колонистов, с юга страны. Эта пышнотелая очкастая женщина во всем требовала порядка и чистоты. Она была бездетной и располагала достаточным временем для ведения домашнего хозяйства, а также для разбивки цветочных клумб и забот о собственном огороде. Завладев домом Левертова, Карпенко счел, что имеет все основания претендовать и на весь прилегающий участок. Но что делать с шумной еврейской семьей, которая разместилась в углу огромного двора?

Вот мы и добрались до главной причины трений, которые возникли между двумя семьями. Известно, как могут портить друг другу жизнь враждующие соседи. Скромная хижина Гинцбурга была для Карпенко как бельмо на глазу. Видано ли такое: он, ответственный советский служащий, с одной стороны, и темный служитель еврейского культа со своим грязным и нищим выводком – с другой! Подобной дряни не место в нашем советском дворе, и он, Карпенко, сделает всё, чтобы очистить территорию!

И Карпенко подал на Гинцбурга в суд. Но надо же такому случиться: чиновник проиграл! Советский суд принял сторону неимущего многодетного человека, и Серафиму Ивановичу пришлось отступить.

И снова тянутся годы, полные мелких радостей и больших бед. Вторично овдовел Аарон Гинцбург. Но через некоторое время Ципа-Лея заняла место покойной старшей сестры, и снова зазвенели в тесной хижине крики новорожденных. При таком количестве ртов Гинцбургам было за что благодарить свой благословенный огород.

Но, несмотря на решение суда, не утихал конфликт между соседями. Фрося, домработница семьи Карпенко, занимала в нем нейтральную позицию. Временами эта сорокалетняя женщина даже улыбалась кому-нибудь из соседских детей. Зато супруги Карпенко не скрывали своей ненависти. То, что говорил о соседях член партии Серафим Иванович Карпенко, оставалось в стенах леввертовского особняка, но Маргарита Фридриховна не была связана партийной дисциплиной, а потому не стеснялась в выражениях. Детей Гинцбурга она именовала не иначе чем «жиденятами», а семью в целом – «грязными раввинами».

Те тоже реагировали по-разному. Голда унаследовала от покойной матери тихий нрав, в отличие от Нахмана, Хаси, Сарки и Лейбла, которые не упускали случая ответить на ругань соседки своей руганью. За Карпенко они закрепили кличку «чертов горбун», а Фридриховна именовалась «сволочным брюхом». Бойкие дети вообще не скупилась на обидные прозвища и на всевозможные шалости. Игра в футбол во дворе временами сопровождалась попаданием мяча в окно карпенковского дома. А громовое «му-у-у», которым сопровождала свой утренний выход в свет пегая корова Гинцбургов, с легкостью проникало даже сквозь самые плотные ставни и мешало карпенковскому сну. Что и говорить, ни наглые еврейские юнцы, ни их проклятая пегая скотина не проявляли даже тени должного уважения к делу народного просвещения города Гадяча и его окрестностей.

Быстро сказывается эта повесть, но медленно тянутся годы, в том числе и в описываемом нами дворе. Гора черной ненависти выросла за это время в душе Серафима Ивановича. Нужно сказать, что и Ципа-Лея, и сам Аарон Гинцбург старались одергивать детей, но разве уследишь за такой оравой? С течением лет отношения между семьями, мягко говоря, не становились лучше.

В сентябре сорок первого, после захвата города немцами настал звездный час Серафима Карпенко. Оккупанты назначили его бургомистром Гадяча. Хорошую должность из рук ангелов смерти получила и Маргарита Фридриховна.

Радость врагам Сиона, беда семье Гинцбургов. Можно не сомневаться, что новоиспеченный бургомистр Карпенко не упустит своего...

На дворе осень, подвал набит отборным картофелем, соленьями и овощами, заготовлено достаточно дров на зиму – живи не хочю... – и жили бы, если б не этот Карпенко... Разве он оставит в покое ненавистную семью? Шапиро полагал, что Гинцбурги должны немедленно уходить. Слава Богу, есть куда: многие еврейские дома нынче пустуют. Например, дом Ааронсонов. Туда и следует переехать, потихоньку, не привлекая внимания Карпенко.

Этот совет Шапиро принес Гинцбургу прямиком в штибель. Кладбище расположено недалеко от Заяра. Большинство евреев, и в их числе Хаим-Яков Фейгин, боялись показаться на улице, а те, что выходили, делали это лишь по крайней необходимости. И лишь Шапиро, старый болезненный еврей, в чем только душа держится, ходит по городской грязи из дома в дом, говорит с людьми, утешает, советует, дарит надежду. Как будто и впрямь взял он на себя роль

наставника и руководителя в страшное это время. Даже до штибеля добрался, чтобы поговорить с Аароном Гинцбургом.

И вот что удивительно: горячий габай смиренно выслушивает тихую речь старика и соглашается. Вот уже и Лейбка послан за возчиком Мордехаем. К счастью, тот дома; поспешно запрягаются лошади, и через некоторое время телега подъезжает к подвалу гинцбургской хижины. Быстро перегружаются в кузов мешки с картофелем, банки, горшки и бочонки с соленьями. Повезло Гинцбургам: супругов Карпенко нет дома, слишком заняты они на новых своих должностях. В ином случае вряд ли смогли бы евреи вывезти на новое место свои овощи, одежду и посуду.

Опустел дом. Гинцбург берет доски и крест-накрест заколачивает ими окна и дверь. Лейбка помогает отцу, и вот уже слышен знакомый окрик возчика Мордехая:

– Н-но, ребятки!

Семейство Гинцбургов покидает свое убогое гнездо. Прохладно в опустевших комнатах, но темнота еще хранит кисловатые и теплые запахи человеческого жилья, запахи нескольких поколений живших тут женщин, мужчин, детей, стариков... Медленно испаряется это жилое тепло, как душа, покидающая мертвое тело. Много горя и радости видели эти стены, много слышали смеха и вздохов. Но сейчас это просто брошенная и забитая хижина, и равнодушная осень уже распростерла над нею свои холодные крылья.

Оставим и мы этот осиротевший дом. Много таких сирот стояло по миру в горькие военные годы.

И на старуху бывает проруха: нашла-таки место и время заболеть старая Песя! Жар у нее и слабость. Где найдешь в эти дни врача и лекарства? И снова выручает Шломо Шапиро. Он приводит доктора Энгертова, который остался в городе из-за своего преклонного возраста. Диагноз: воспаление легких. Нашлись и лекарства, но насколько всё теперь усложнилось! Вся работа по дому ложится отныне на Тамару и Хаима-Яакова. Девочка и варит, и стирает, и убирает; дед помогает ей, чем может.

Нет у Тамары достаточного опыта в домашних делах. Ксения смотрит недобрыми глазами, да и Ульяна Мазурок уже не так приветлива, как вчера. Лишь пятилетнему Васеньке всё по нутру – далек он еще от взрослых проблем.

Хаим-Яаков всю жизнь тяжело работал и хорошо знал цену деньгам. Но сейчас не время скупиться. Каждый день Ульяна отправляется на рынок, который мало-помалу возвращается в обычное состояние. Советские деньги еще имеют хождение, но купить на них можно все меньше и меньше. Появились немецкие марки, золотые и серебряные царские монеты, ширится и простой товарный обмен.

Как жить дальше? С первого дня невзлюбила Ксения вселившуюся в их дом чужую семью. А теперь еще помрачнело и лицо старой Ульяши. Трудно человеку проявлять доброту на протяжении долгого времени. Начали сыпаться на Фейгиных уколы, сначала мелкие, едва заметные. Но чем дальше, тем длиннее становились иглы, тем глубже ранили они души нежеланных гостей. Фейгины не являлись исключением: большинство еврейских семей в пригороде ловили на себе такие же косые взгляды своих хозяев. Всё острее становились поначалу незначительные размолвки между евреями и приютившими их жителями Заяра. Говорили, что вот-вот прибудет в Гадяч отряд СС, что начнет работать гестапо, и тогда не поздоровится ни евреям, ни прячущим их украинцам. Одно дело помочь евреям жильем, и совсем другое – идти из-за них на смерть: нет таких безумцев!

Дом семьи Мазурок. Тамара стоит у русской печи и готовит обед: суп и кашу. Кошерная еда требует кошерной посуды, и это совсем не нравится хозяевам дома. Входит соседка, рассказывает о двух поселившихся у нее немецких солдатах. Пока жаловаться не на что: гости угощают хозяйку шнапсом и мясными консервами. Потом соседка уходит, но в комнате остаются косые взгляды и неприязненный шепоток. Время делать уборку; Ксения полагает, что эта обязанность целиком и полностью лежит теперь на евреях. И вот Тамара скребет пол, а Ксения сидит сложа руки и отпускает колкие замечания. Да, пока еще не освоила девочка искусство мытья полов, но ничего, научится.

– Дай сюда!

Ксения выхватывает тряпку, окунает ее в ведро и показывает еврейской неумехе, как это делается.

– Что, не подходит для белых твоих ручек? Тогда лучше не берись!

Кривая усмешка, косой взгляд... Едят по-прежнему вместе, но Песя получает более деликатную пищу. Это тоже не нравится хозяйкам, хотя больная едва притрагивается к еде. Как жить дальше? Вот открывается дверь, и входят два немецких солдата, просят воды напиться. Как назло, Хаим-Яков как раз в кухне со своей всклокоченной бородой и глазами навывкате. Ох, наведет этот еврей несчастье на ни в чем не повинных хозяев! Солдаты пьют и уходят, но косых взглядов становится еще больше.

Песя лежит в постели с температурой под сорок. Шапиро приводит доктора Энгертова на повторный визит. Врач осматривает больную, а Шапиро расспрашивает о ситуации, о настроении, царящем в доме, об отношении хозяев. Вначале были такие, которые согласились приютить евреев из чистой корысти. Думали, что немцы быстро уничтожат жидов, и тогда имущество достанется им, хозяевам. Но теперь люди больше говорят о наказаниях, которые грозят тем, кто пустил евреев к себе. Многие еврейские семьи уже вернулись в прежние свои квартиры.

С другой стороны, говорит Шапиро, есть и утешительные новости. Некоторые немецкие солдаты утверждают, что никто пока не думает трогать евреев; возможно, этого вообще не случится. И в самом деле, евреи снова видны в городе. Семья Берманов вернулась в дом на Вокзальной улице, а Хая-Сара – к спекуляции продуктами. А сосед Фейгиных по Садовому переулку сапожник Ицхак не только снова живет в своем доме, но еще и открыл мастерскую, накупил кожи и всерьез намеревается расширить дело.

Ушли старики. Песя лежит в постели, на лице ее бродит слабая улыбка. Ей очень неловко болеть в такое время, быть для близких обузой, а не подмогой. Хаим-Яков подходит к жене и долго с жалостью глядит на нее, моргая припухшими веками без ресниц. Потом он подтыкает одеяло, дает Песе жаропонижающее и шепчет молитву.

– Как ты чувствуешь себя, Песя?

Песя отвечает беспомощной улыбкой. Почему-то ей хочется сейчас говорить о тех далеких днях, когда она еще была девушкой в отцовском доме, а Хаим-Яков рыжим местечковым парнем. Нашла время вспоминать о таком пыльном прошлом!

Хаим-Яков чистит картошку, приносит воды из колодца и снова подходит к постели жены. Ему хочется успокоить ее, а заодно и себя самого. Люди рассказывают, что пока всё идет хорошо. Может статься, не тронут немцы евреев. Еще будут у нас, Песя, хорошие дни.

Он кладет ладонь на ее пылающий лоб, голос его полон чувства и нежности. Снова улыбается старая Песя, ее маленькая легкая рука трогает жесткую тяжелую руку мужа, покрытую рыжеватыми волосками. И снова на устах у

нее слова воспоминаний о далеком прошлом, которого не вернешь. Нет его давно, этого прошлого, кануло в бездну времени.

Песя засыпает. Ксения Мазурок выходит на улицу поговорить с соседками. Им есть о чем поболтать на мягком полтавском диалекте украинского языка. Этим женщинам тоже не улыбается сейчас жизнь. Мужья и сыновья воюют в Красной Армии, нет от них известий. А в Гадяче, Веприке и Сарах – грабежи и насилие. Ходят слухи, что начали хватать евреев. Никто из них не выживет, а имущество достанется немцам. Рассказывают о Петро Кравченко и о Трофиме Ищуке...

Да, есть люди, которые начали действовать сами, никого не спросив. Петро, к примеру, взломал еврейский дом, чьи хозяева сбежали на восток, и вынес оттуда множество всякого добра: посуду, мебель, одежду. А Трофим Ищук откопал целый клад в еврейском дворе. Везет же людям! Не то что наши заярские дураки: эти евреев совсем не трогают, да еще и в дома их пускают, невзирая на опасность!

– Что вы несете, женщины? – говорит одна из соседок. – Думаете, без евреев будет вам легче с немцами? Мало видели от них горя в Первую мировую?

Никто не поддерживает ее. Опасны нынче такие слова. Мало кому тут нравятся немцы, но зачем говорить об этом вслух?

Ксения Мазурок возвращается домой, где сидит этот рыжий еврей, Хаим-Яков Фейгин, где валяется в постели его жена Песя, а под ногами болтается девчонка Тамара. Ксения подходит к матери, и они начинают перешептываться.

Трудно человеку быть добрым долгое время. И вот начинается давно уже назревшая беседа между Ульяной Мазурок и Хаимом-Яковым.

– Ефим Айзекович, я советую вам вернуться домой. Я слышала, что немцы не трогают евреев. Наоборот, грабят украинцев.

– Но старуха моя больна, Ульяша. Куда же я пойду сейчас?

Но Ульяна не дает волю жалости. Хватит! Да, она проработала несколько лет на винном заводике. Да, Ефим Айзекович хорошо знает свое дело и всегда был добр к работникам. Но ведь договор был таков, что Фейгины погостят здесь всего несколько дней. К тому же говорят, что все, кто укрывает евреев, будут расстреляны.

Нет-нет, она очень извиняется, но дальше так продолжаться не может.

– Ефим Айзекович, если вы не уйдете сами, то придется уйти нам, хозяевам!

Вот ведь горе! Хаим-Яков не знает, что делать, лицо его мрачно и сосредоточено. Он посылает Тамару к Шапиро за советом. Шапиро немедленно приходит – он давно уже не страшится свободно разгуливать по улицам Заяра.

Странный еврей! Он входит в дом в сопровождении всех своих стонов и болячек, садится возле песиной постели. Сначала говорят о ее здоровье. Температура спала, но болезнь продолжает мучить старую женщину. Она исхудала, черты лица обострились и пожелтели. Затем мужчины отходят в сторонку, и Хаим-Яков рассказывает о своем разговоре с Мазурок.

– Надо возвращаться домой! – решительно говорит Шапиро.

Его аргументы просты и логичны. Немцы захватили не только центр Гадяча, но и Заяр. Дни первой паники и неразберихи прошли. Бомбежек больше не будет, жизнь вошла в нормальное русло. Правда, новый бургомистр Карпенко, этот злобный пес, набирает сейчас полицаев из отбросов общества, из тех, кто всегда ненавидел евреев. Кроме того, ожидается приезд офицера, который станет начальником местного отделения гестапо. Тогда-то и могут начаться главные беды. Но в том, что касается полиции и гестапо, нет разницы между центром и пригородом. Значит, можно возвращаться домой, особенно, если на этом

настаивают хозяева. Только потеплее оденьте Песю, чтобы не простудилась еще больше...

Ушел Шапиро. Реденькая бороденка задрана вверх, слабые ноги месят уличную грязь. Ходит старик из дома в дом, и вот ведь чудо: никто его не трогает!

Новое несчастье! Возчик Мордехай – первая жертва полицейского произвола. Сам он, слава Богу, уцелел, но его «ребятки», Павлик и Рыжий, конфискованы вместе с телегой, окончательно и безвозвратно.

Узнав, что Гинцбурги переехали неведомо куда, исполнился бургомистр Карпенко черной злобы. А тут еще кто-то открыл ему, что перевез их Мордехай на своей телеге. Возчик был известным человеком в Гадяче, знал его Карпенко. И вот заявились во двор к Мордехаю два полицейя с приказом доставить к бургомистру его самого, а также телегу с лошадьми. Комендатура размещалась в центре города, в бывшем здании райсобеса, недалеко от гостиницы и напротив городского сада. Странное это зрелище – возчик Мордехай в комендатуре, в кабинете бургомистра Карпенко. Вот стоит он пред начальственным взором в своей старой накидке, с тревогой, запрятанной глубоко в сердце.

– Ну, старый пес, прощайся со своими лошаденками, – говорит Карпенко. – Сегодня ты видел их в последний раз. Конфискация.

Бургомистр сидит в кресле. Есть что-то неестественное в его напряженной прямой спине. Чертов горбун смотрит на Мордехая, Мордехай – на горбуна.

– Как же так, пане бургомистр? Лошади – все мое имущество. Куда пойду теперь?

– Куда ты перевез Гинцбурга? – спрашивает Карпенко скрипучим голосом. Мордехай молчит, молчит и размышляет.

– Куда ты перевез Гинцбурга?

Снова скрещиваются два взгляда. Угроза и страх вползают в комнату и остаются в ней.

– Не помню, – отвечает Мордехай.

Карпенко звонит в колокольчик. Входит полицай, в руке у него плетка.

– А ну-ка, всыпь ему пяток горячих! – приказывает Карпенко.

Полицай поднимает плеть и начинает хлестать старика по голове и по спине.

– Куда ты перевез Гинцбурга?

Как сквозь туман доносятся до Мордехая слова Карпенко. Он молчит.

– Еще пяток!

Снова хлещет плеть по стариковской спине. Темнеет в глазах у Мордехая, он падает на пол.

Через какое-то время он приходит в себя на улице. Лицо всё в крови; возчик зажимает рану платком, пытается остановить кровотечение. Кое-как добирается он домой, к жене Батье, которая помогает мужу умыться и укладывает его в постель.

В самом деле, добрался Мордехай до дому, но пешком, без лошадей, без упряжи и без телеги, гол, как сокол. Вот лежит он, израненный и избитый, на своей кровати, слушает, как вздыхает Батья, как ходит она на цыпочках из комнаты в комнату.

Пришлось испить свою чашу страданий и Соломону с Вениамином. В тот день, когда они вместе с Адамчуком выехали из Гадяча в направлении Ахтырки, вокруг царила полнейшая неразбериха. По дороге они видели множество беженцев, телег, машин, отставших солдат. Проехав Великопавловку, машина повернула в сторону Зенькова. В деревне им говорили, что городок находится в руках немцев, но Соломон решил не верить слухам. И, как выяснилось, зря!

Вот они едут по дороге на Зеньков. Соломон сидит в кабине вместе с Адамчуком, Вениамин трясется в кузове. Вдруг они видят перед собой группу мотоциклистов. Немцы! Выстрелы раскалывают воздух. На горизонте – вражеская автоколонна, грузовики с солдатами. К счастью, сбоку обнаруживается проселок, уходящий в лесную чащу.

– Адамчук, сворачивай! – кричит Соломон. – Быстро! Быстро!

Грузовик сворачивает так резко, что Вениамин едва не выпадает из кузова.

– Жми, Адамчук! – кричит Соломон. – Давай, быстрее!

И Адамчук жмет. Шестьдесят километров в час. На кочковатом проселке при такой скорости либо развалится машина, либо вытрясет душу из ездоков.

– Хальт! Хальт! – сзади крики и выстрелы.

Несколько мотоциклистов сворачивают в лес, в погоню. Но что это с Адамчуком? Почему он останавливает машину?

– Хальт! – слышится сзади.

Соломон открывает дверцу кабины и выскакивает наружу.

– Вениамин, Адамчук, за мной!

Мотоциклисты уже почти рядом.

– Хенде хох! Хальт!

Вениамин хватается за скатку, спрыгивает на землю и бежит, петляя между соснами. Где Соломон? Лейтенант Соломон Фейгин стоит за сосной и целится в мотоциклистов из своего пистолета. Вениамин безоружен, поэтому он продолжает свой бег по склону среди сосен, кустов и усыпанных шишками лужаек. Дальше, дальше, еще и еще! Крики и выстрелы затихают, какое-то время слышен лишь отдаленный рокот автомобильных моторов, потом пропадает и он. Тишь, лес, полумрак. Равнодушная трель одинокой птицы. Теперь можно остановиться, отдохнуть, перевести дух. Вениамин расстилает шинель у подножия сосны и ложится. Сердце еще колотится у самого горла, дыхание прерывисто, спина мокра от пота. Только теперь он осознает, что остался один. Надо попробовать найти Соломона и Адамчука.

Нет, назад он уже не бежит, а движется перебежками от сосны к сосне, предварительно тщательно изучая местность. И вдруг видит Соломона, который в странной позе полулежит на земле. Этого им только не хватало: Соломон ранен! Правда, рана не тяжела: пуля попала в мякоть ноги. Но он успел потерять много крови и сейчас пытается перевязать рану при помощи полотняной полоски, вернее, оторванного от рубашки подола. Вениамин спешит помочь другу.

Ну и дела! Слухи оказались верными, теперь друзья попали в окружение, и у них нет при себе ничего, кроме шинелей. Адамчук и машина исчезли – как видно, теперь и шофер, и грузовик в руках у немцев. Но Соломону и Вениамину нельзя попадать в плен: известно, что немцы первым делом расстреливают евреев.

Соломон пробует подняться. Нога болит, голова кружится от потери крови. Все вещи и еда остались в грузовике. Что делать? Надо идти. Они медленно шагают по лесу; Вениамин поддерживает хромящего друга.

Вопрос – куда направляться? Приближается зима. Нога Соломона требует врачебного ухода. Но Гадяч наверняка вот-вот будет захвачен врагом. Не лучше ли двинуться на восток, в надежде перейти через линию фронта? Вот только где сейчас фронт? Придется идти медленно, по ночам, а днем прятаться. Если их обнаружат немцы или полицаи, то это верная смерть.

Они поворачивают в сторону Гадяча. Там у Соломона сын, родители, Тамара. В офицерском планшете – детальная карта и компас. Лейтенант Фейгин ранен и передвигается с трудом, опираясь на Вениамина.

Нелегко пешему солдату без еды и припасов преодолевать подобные расстояния, опасаясь каждой тропинки и каждого куста, на территории, оккупированной врагом. Они передвигаются только в темноте, остерегаясь населенных пунктов, но время от времени вынуждены стучаться в крестьянские дома в поисках продовольствия. Этим занимается Вениамин – он меньше похож на еврея. У него отросла рыжая бородка, а серо-голубые глаза и чистый русский выговор могут обмануть тех, кто не обратит должного внимания на безнадежно еврейский нос. Оставив Соломона в лесу, Вениамин долго наблюдает за деревней издали, выбирает наиболее подходящий дом, осторожно подкрадывается и стучит в дверь. В большинстве случаев его кормят и дают еду для раненого товарища.

Так проходит несколько дней. Ночи холодны, и друзья согреваются ходьбой, движением. Но и дни становятся всё прохладней. Обычно в дневное время они спят, затаившись в кустах и зарослях. Осенний дождь не щадит солдат; часто им приходится пережидать ливень под деревьями, дрожа от холода в насквозь мокрой одежде. Но самая большая напасть – вши. За это время парни мылись лишь раз, когда набрали на лесной ручей. Там же и прополоскали белье, что, впрочем, мало помогло от вшей, которые продолжают беспрепятственно размножаться.

Но человек в состоянии приспособиться ко всему, особенно в двадцатипятилетнем возрасте, не слишком подверженном болезням и простуде. Двое друзей продолжают свой путь в направлении Гадяча, и, чем ближе они подходят, тем больше одолевают Вениамина странные воспоминания. Как правило, эти мысли появляются рано утром, когда уставшие ходоки укладываются спать на ложе из травы, прошлогодней листвы и наломанных веток ельника. Вениамин ложится на эту пахнущую прелью и хвоей постель, укрывается шинелью и закрывает глаза. И тут же перед ним встают дальние тени, образы, призраки. Он чешется – проклятые насекомые! Рядом слышится легкий храп Соломона, но Вениамин не может уснуть. Мыслями он там, в далеком волынском местечке. Дядя Ханих, рай его душе, предостерегающе покачивает пальцем и шепчет: «Выше голову, Вениамин! Ведь ты внук династии Альперов! Никто лучше нас не знает, как справляться с нуждой и бедами!» В ивритских книгах из библиотеки дяди Ханиха много было написано о напастях, выпавших на долю народа Израиля в странах изгнания. Вот и сейчас вернулись они к нам, эти страшные беды.

А вот льняная голова Глаши. Вдвоем идут они по лесу, держась с двух сторон за велосипедный руль. Свет и тень играют на листве деревьев; между кронами – обрывки голубого неба, в ноздри бьют запахи леса и зелени. Вениамин отвечает Глаше, впервые говорит он ей эти дерзкие слова, слова дружбы и чувства.

– Да, Глаша, я приеду сюда на следующий год. И днем и ночью думаю я о тебе.

Молчание. Она идет рядом и молчит, и тоненькая жилка бьется на ее загорелой шее.

– Все это время я думал о тебе, Глаша. Даже удивительно, как глубоко ты запала мне в сердце.

Лицо девушки краснеет, жилка бьется еще сильнее, льняные волосы растрепались.

– Скажи это еще раз, дядя Вениамин...

– Ты так чиста, Глаша! Слово сам лес взял тебя в дочери! Пожалуйста, позволь мне иногда думать о тебе...

Она краснеет еще больше, эта молчаливая девушка, и взрослое выражение вдруг появляется на ее детском лице.

– Ты ухаживаешь за мной, дядя Вениамин?

Тишь и сияние. Двое идут по лесу, двое и велосипед между ними.

Глупости! Холодно. Вши ползут одновременно в двух-трех местах.

Вениамин ожесточенно чешется, плотнее заворачивается в шинель и засыпает. Глаша склоняется к изголовью, и ее легкие льняные волосы гладят его по лицу.

Через несколько часов он просыпается и снова думает о ней. Глаша привязалась к нему крепко, как наваждение. По соседству зевает проснувшийся Соломон.

– Как ты думаешь, Соломон, не зайти ли нам прежде в Вельбовку? Там живет Глаша – она поможет нам связаться со стариками.

Соломон встряхивается и перестает зевать. Вениамин рассказывает ему о своих отношениях с девушкой. Сколько ей сейчас? Шестнадцать... нет, уже семнадцать с небольшим. В прошлом году в последний день она провожала его до моста в нарядном платье. Обещала, что будет ждать. Соломон спрашивает, Вениамин отвечает, рассказывает о легких, невинных вещах, наивных сердечных заботах. Но Соломон не просто любопытствует – он хочет понять, не грозит ли им опасность со стороны Глаши. В конце концов, есть и у него в Гадяче знакомые русские и украинцы. Например, Анна Дмитриевна, медсестра из больницы...

Вениамин шумно протестует: как можно сравнивать? Глаша никогда не сделает ничего дурного, он готов за нее поручиться. Они поворачивают к Вельбовке. Осталось идти не больше нескольких километров, но Соломона очень беспокоит нога, и приходится идти в медленном темпе.

– Обопрись на меня сильнее! – говорит Вениамин.

Тьма окутывает лес, лишь высоко-высоко между сосновыми кронами мелькает время от времени одинокая звезда: мелькнет, подмигнет раз-другой из-за облака и снова молчаливо уставится вниз, дивясь на дела человеческие.

И вот наконец, несколько суток спустя, подходят наши парни к вельбовской околице. Они грязны, устали и бородаты. Парни ложатся на землю в укромном месте и начинают наблюдать за настиным домом. Соломон не хочет, чтобы об их местонахождении знал кто-либо еще, кроме Глаши. Он предлагает дежурить по очереди: один наблюдает, другой спит, по четыре часа.

Первым дежурит Вениамин, поэтому Соломон заворачивается в шинель и мгновенно засыпает. Между деревьями занимается рассвет. Настин дом дремлет. Выйди, Глаша! Немигающим взглядом Вениамин уставился на знакомую веранду. Выйди, Глаша! Он повторяет эти два слова, как молитву, вкладывая в них всю душу. Они летят от сосен до веранды, отражаются, поворачивают назад и летят снова. Они просто не могут не добраться до Глаши.

Открывается дверь. На пороге, завернувшись в большой платок, стоит девушка. Как привлечь ее внимание? Вениамин начинает тихонько напевать старую песенку:

Солнце ушло, вечер настал,
Выйди ко мне, сердце мое...

Девушка поворачивает голову на звук. В слабом утреннем свете Вениамин видит ее лицо – впервые с прошлого года. Как она изменилась! Прежде всего, глаза. Теперь у нее совсем другие глаза: серьезные, сосредоточенные, грустные, но при этом полные жизни – глаза взрослой женщины. Вениамин продолжает напевать, и это пение, как магнитом, притягивает Глашу к нему. Когда она подходит достаточно близко, он поднимается с земли.

– Глаша, сюда! Ты узнаешь меня?

– Это ты, Вениамин?

В ее глазах изумление, изумление и глубокий интерес. Полуоткрытые губы, блеск белых зубов. Лыняные волосы прячутся под серым платком.

– Это ты, Вениамин? – повторяет Глаша.

Она видит солдата в мятой шинели и грязных сапогах. На его грязном, заросшем рыжей щетиной лице вымученная улыбка.

– Да, Глаша, это я. А там мой товарищ Соломон Фейгин. Он ранен в ногу. Мы сюда долго добирались. Есть поблизости немцы?

Глаша отрицательно качает головой. Она пристально смотрит в лицо Вениамина, которого так ждала всё это время. Он пришел сюда издалека просить помощи и убежища. Девушка берет его за руку, ее длинные пальцы ласкают его своим теплом.

– Неужели это действительно ты, Вениамин? – голос у нее тоже изменился, теперь он низкий, грудной.

Проходит некоторое время, и все трое собираются в лесу на первое совещание. Прежде всего, нужно переодеться в гражданское. Глаша должна сходить в дом Фейгиных и принести оттуда одежду, бинты и иод. Не повредило бы также мыло и немного еды. Глаша предлагает парням спрятаться пока на чердаке времянки, где они с Настей живут летом, когда сдают дом дачникам. Пробраться туда следует ночью, в темноте. Нет необходимости ставить об этом в известность маму Настю и семью Эйдельманов. До ночи придется посидеть в лесу. И, конечно, помыться. Им обязательно нужно помыться, а то насекомые совсем замучили.

Тем временем поднимается солнце, позднее октябрьское солнце, силой продирающееся сквозь восточные тучи.

– Ждите здесь, парни, я постараюсь раздобыть что-нибудь!

Глаша убегает и несколько минут спустя возвращается с горшком горячей каши и двумя ломтями хлеба. Все трое едят. Будь благословенна, Глаша! Соломон пишет несколько слов на клочке бумаги – это записка для матери.

Время идти в Гадяч. Вениамин провожает девушку. Солнце наконец вошло. Глаша стоит между кустов, Вениамин подходит к ней ближе. Теперь он уже не «дядя Вениамин», на этот раз ей выпало играть роль опекуна.

– Ждите меня в лесу, я найду вас!

Лицо девушки серьезно, даже мрачно, но глаза сияют добротой. Она кивает на прощание и быстро уходит. Вениамин смотрит ей вслед, на глазах у него слезы.

Как все-таки необходимо человеку хоть немного тепла, хоть немного души, чтобы устоять на краю пропасти!

Глава 6

Неспроста мечтала Хая-Сара о возрождении прежнего великолепия семьи Берманов. В момент, когда советские войска покинули Гадяч, ее угасшие были надежды вспыхнули с новой силой. Хотя она и предпочитает не вмешиваться в политику, но время большевиков прошло, и нет в душе у Хаи-Сары никакого сожаления по этому поводу. Двадцать четыре года тому назад, придя к власти, большевики разрушили ее роскошный магазин колониальных товаров и обещали построить взамен новую жизнь. Тоже мне, новая жизнь! Многие бы отдала сейчас Хая-Сара, чтобы сменить эту новую жизнь на старую, прежнюю, когда еще жив был дядя Хаим Зайдель. Она уверена, что немцам понадобятся инициативные люди, способные открыть магазины и возродить промышленность. Хотя, конечно, следует немного выждать и посмотреть на их отношение к евреям.

Но «выждать» не значит «сидеть сложа руки». Человек должен чем-то питаться. А как это делать, если евреи боятся высунуть нос на рынок? Евреи предпочитают делать покупки в относительной безопасности, у Хаи-Сары Берман. И потому заполняется небольшая кладовка на Вокзальной улице мешками и мешочками, ящиками и горшками, банками и бутылками, а над всем этим богатством суетится и охает пузатая Хая-Сара. При этом она успевает и торговаться, и болтать, и собирать слухи, и распускать их.

Ох уж, эти слухи, ох уж, эти толкования! Самые плохие из них распространяются быстрее всего. Но когда человек в беде, то больше всего он нуждается не в плохих новостях, а в хороших. Вот их-то, хорошие новости, и раздает людям щедрая на утешения Хая-Сара Берман.

Как залетевший в ухо комар, жужжит в ее голове мечта о собственной лавке. Хая-Сара надевает субботнее платье и выходит пройтись по городскому центру. Она внимательно осматривает магазин за магазином, изучает, что где открыто, что где продается, вглядывается, запоминает, делает выводы. Она сошла с ума или глупа от рождения? Трудно поверить, но факт: Хая-Сара Берман выбирает место для новой лавки колониальных товаров.

Чем больше времени свекровь посвящает торговле, тем большая нагрузка падает на Голду. Девочка Ахува требует постоянной заботы: скоро малышке исполнится девять месяцев. Есть уже первые зубы и первое произнесенное слово: «ма-ма». Голда занимается дочерью и ведет хозяйство. Она ничего не говорит мужу о своей новой заботе: у молодой женщины задержка вот уже скоро три месяца. Голда считает дни, сомневается и переживает. Чтобы унять беспокойство, она оглушает себя работой: варит, стирает, моет полы, баюкает ребенка. Есть и другая надежда: может быть, такая нагрузка поможет избавиться от завязавшейся в животе новой жизни? Напрасные старания. Уж если потомки Гинцбурга получают шанс появиться на Божий свет, то никакая стирка и никакие полы не могут воспрепятствовать этому твердому намерению.

Берман не ходит на работу, опасаясь погромщиков и полицаев. Он помогает жене по дому. Голда не делится с ним своими тревогами, жалеет мужа, не хочет добавлять ему мрачных мыслей.

Другие ее заботы связаны с отцовской семьей. Батя, жена возчика Мордехая, со всеми предосторожностями навестила Гинцбургов, которые прячутся в доме Ааронсона. Навестила и рассказала о конфискации лошадей, о допросе у бургомистра. Над семьей нависла серьезная опасность, надо прятаться.

Но легко сказать – прятаться! Шесть человек – не иголка в стоге сена. Кроме самого Гинцбурга и его жены Ципы-Леи, слоняются по дому и дети: Сарка, Лейбл, Шимон и Аба. Младшему всего восемь. Поди спрячь такую компанию

малолетних шалопаев! Шимона и Абку переселяют на Вокзальную, в дом Берманов. Вот только свекровь Голды недовольна: корысть затмила ей всё на свете. Да и небезопасно это при таком количестве чужих людей, вечно толкущихся возле кладовки.

Торговля! Все чаще ссорятся женщины в доме Берманов. У Хаи-Сары луженая глотка, а рот всегда готов извергнуть колкие, обидные слова. Только и слышны в двух комнатах упреки в адрес нищей семьи черного габая вкуче с постоянными напоминаниями о высокородном происхождении Берманов. Сравнить ли аристократическое великолепие дома Берманов с убогим семейством какого-то Гинцбурга?

Что отвечает свекрови Голда? Берман с изумлением наблюдает, как его молодая жена превращается из безответной голубки в матерую волчицу. Всеми силами защищает она двух маленьких братьев Шимона и Абку – несчастных, растерянных детей, которые, забившись в угол, ожидают исхода поединка сестры с пузатой хозяйкой. А Голда распаляется всё больше и больше. На этот раз она выскажет свекрови всё до конца. Именно в эти дни, когда топор занесен над каждой головой, Хая-Сара хочет выгнать из дома двух ни в чем не повинных мальчиков?! Не бывать этому! Чем свекрови мешают эти дети? Кто-нибудь просит помощи от Хаи-Сары? Она, Голда, будет ухаживать за братьями. Она возьмет на себя всю домашнюю работу! Нельзя отказывать детям в пропитании в такое время. Кто знает, выживем ли завтра?

Черные голдины глаза мечут молнии, щеки покраснелись. Когда дело доходит до вопросов жизни и смерти, она сражается не на жизнь, а на смерть. Берман с любовью смотрит на жену. В дверь стучит покупатель, и Хая-Сара, оставив поле битвы, уединяется с ним в кладовке. Пользуясь затишьем, Берман нежно обнимает Голду на глазах у детей. Сам он не в состоянии возразить властной матери; слава Богу, что есть у него эта нежная Голдочка...

В результате, Шимон и Аба остаются на Вокзальной. Время от времени Хая-Сара еще взбрыкивает, но Голда тут же показывает когти, и свекровь отступает.

Теперь с Гинцбургом и Ципой-Леей остаются лишь Сарка и Лейбл. Но вы ошибаетесь, если думаете, что черный габай все это время прячется, опасаясь выйти на улицу. Разве может Гинцбург оставить без присмотра негасимый огонь на могиле Старого Рабби? Если, Боже упаси, погаснет светильник – что станет тогда с народом Израиля в эти ужасные времена? Вы скажете, а как же Карпенко, страшный враг, ангел смерти? Нет, Гинцбург не из тех, кто боится телесных страданий. Не зря говорил Старый Рабби: телесная боль – спасение от боли душевной. Тот, кто очистится от грехов в мире земном, избавит себя от очищения в геенне огненной.

Гинцбург выходит из дома затемно, когда улицы еще пусты, дома немые, вселенная спит, и еще не проснулись злые силы Ситра Ахра. Шагает по враждебному городу еврей с черной бородой, в которой давно уже поблескивают серебряные нити. Под ногами чавкает грязь, над головой занимается рассвет, поет свою неслышную песню. Вертится вокруг холодный утренний ветер, шепчет, шуршит, улетает и возвращается на круги своя. Хорошо Гинцбургу наедине с сумраком, ветром и звездой, без Карпенко и немцев! Губы шепчут стих Давидова псалма:

Выслеживает нечестивый праведника и ищет, чтобы умертвить его.
Господь не оставит праведника в руке нечестивого...¹

¹ Теилим (Книга Псалмов), 37:32.

Вот и кладбище. Габай минует надгробья – застывшую в камне память об ушедших, открывает дверь штибеля, снимает обувь и входит в шатер. Тяжкое безмолвие окутывает могилу Старого Рабби. Убогий светильник освещает малый клочок мира; его огонек как знак, как речь, обращенная к сердцу. Искра огня пробивается из шатра наружу, сквозь сумрак рассвета, летит по миру меж нищими и властителями, проникает в сердца хасидов, где бы они ни были.

Гинцбург осматривает светильник и поправляет то, что надо поправить. Потом он какое-то время стоит в полной неподвижности. Слуховое оконце шатра закрыто, задернута на нем черная занавеска. Время утренней молитвы, время милости и доброй воли. Габай подготавливает себя к ней. Старый Рабби говорил, что неискренняя молитва – как тело без души. Нужно сначала превозмочь земное, зажечь, высвободить душу из телесной тюрьмы, дабы чистой положить ее на колени Отца.

Он смотрит на огонек светильника и размышляет над словами Рабби. Вверх устремляется святое пламя, словно душа Израиля, вырвавшаяся из оков плоти, летящая к истоку, к корням Творения. Бесконечный свет затопляет мир. Он повсюду, даже в тех вещах, которые кажутся неодушевленными. Множество существ во вселенной, и уровней, и сфер, и всем им дает жизнь и душу этот негасимый свет. Он заполняет миры, он суть и смысл бытия.

Плохие времена настали для народа Израиля из-за грехов его многих. Не каждому человеку назначена праведность, не каждый может выбрать себе участь по нраву.

Страх Господень – мало его человеку. Любовь к каждой ближней душе – вот что завещали нам отцы наши. А потому каждый человек должен отыскать в своем сердце любовь, зажечь в душе ее огонек и лишь после этого предстать пред Господом с утренней молитвой, особенно во время «Шма»¹.

Любовь – вот что движет телом. Желательно человеку отрешиться от всего земного, чтобы ничто не мешало ему, ни телом, ни душой – ни жена, ни дети, ни имущество; отрешиться и предать всего себя в руки Его.

Праматерь Рахель – вот образ всего народа Израиля, источник душ наших; о ней просит Яков Всевышнего, чтобы даровал ей милость. Сказано: «И возвысил голос свой...» – к небесам обратился Яков, к верховному Владыке – «...и заплакал»² – милости просил он для Рахели, для источника душ наших, для всего народа.

Так говорил Старый Рабби. На цыпочках выходит Гинцбург в смежную комнату, заворачивается в талит, накладывает тфилин и обращается к молитве. Сereет снаружи утро, пробираясь в мир. За стенами штибеля проступают в полумраке надгробья, голые ветви деревьев, продолговатые могильные холмики, роща на откосе, река Псёл. Мало-помалу освещается день.

Освещается день. Осторожно выходят на улицы взрослые и дети. Прошел слух, что в Гадяч прибыла особая команда СС. Шломо Шапиро не оставляет своих деятельных забот. Многие евреи в городе едва сводят концы с концами. Деньги кончились. Особенно трудно немощным и одиноким, таким как реб Довид и Эстер, мастерица лапши. Старику до войны помогали деньгами сыновья – присылали немного, но на хлеб хватало. И вот именно сейчас, когда реб Довид окончательно ослеп, прервалась всякая связь с детьми. Кто поможет теперь престарелому резнику?

¹ Шма, Исраэль... (Слушай, Израиль...) – начальные слова одной из главных иудейских молитв.

² «И поцеловал Яков Рахель, и возвысил голос свой, и заплакал» – Берешит (Бытие) 29:11.

Эстер, мастерица лапши, самая старая среди евреев Гадяча. Да и дочь ее Нехамма не так молода. Кто позаботится о двух этих старухах? Неужели бросят их умирать от голода?

И Шапиро, окончательно войдя в роль главы бывшей еврейской общины города Гадяча, берется за организацию помощи старикам. Вновь видим мы его на городских улицах. Бесстрашно шагает он, выставив вперед куцую бороденку, нащупывая палкой дорогу в топкой уличной грязи. Стучится в двери, просит, объясняет. В каждом доме рады помочь, ведь не зря сказано: помощь слабым спасает от смерти!

Но ситуация ухудшается с каждым днем. Немцы в сопровождении полицаев стали ходить по домам и отбирать всё, что попадает под руку: деньги, ценности, вещи, одежду, продукты. Что делать? Ответ ясен: прятать, закапывать в землю. Пусть лучше пропадет, чем достанется немцам. Уж они-то не пожалеют евреев, когда настанет время погромов. Одновременно начали таскать людей на работы. Заставляют пожилых людей ворочать камни с раннего утра до темноты. По всему видно: вот-вот разразится большая беда. Шапиро советует заблаговременно подготовить укрытия, схроны, где можно будет спрятаться: на чердаках, в подвалах, в развалинах, у надежных украинцев.

А сам он прокладывает дорогу к покосившейся хижине Эстер, мастерицы лапши. Шапиро передает Нехамме деньги – теперь можно будет купить у Хаи-Сары Берман немного муки и подсолнечного масла. Старая Эстер сидит у плиты со своей вечной клюкой. Она ослабла и не может подняться с табурета без помощи палки и доброй порции стонов. Не знает человек, сколько дней осталось ему под солнцем. Вот и сидит Эстер у плиты, смотрит на закипающий чайник, на горшок, где варятся несколько картофелин. Нехамма наводит порядок в комнате. Не выпуская из рук метлы, она выслушивает наставления Шапиро.

– Женщины! – говорит он перед тем, как уйти. – Наступают плохие дни, время погромов и грабежей. Спрячьте всё, что можно спрятать. Постарайтесь найти укрытие и для себя.

Нехамма возвращается к подметанию пола.

– Ну как ты метешь? – слышится голос старой Эстер. – Только пыль поднимаешь! Смочи метлу водой, дурочка!

Для Нехаммы материнская ругань – как указания мудрейших мужей для верного ученика, и так пребудет до последнего часа. А что касается укрытия, то Эстер вовсе не нуждается в подобных советах. В полу есть квадратная дыра, а над ней – неприметная деревянная крышка. Поднимаешь крышку и спускаешься по лесенке в сухой земляной подпол. Это укрытие выкопал давным-давно еще Зерах, мир его праху, покойный муж Эстер.

Над чайником поднимаются клубы пара. Теплый запах вареной картошки распространяется по комнате. Две старухи садятся за свою скудную трапезу.

В Садовом переулке живут сейчас пятеро: дед с бабушкой, Тамара, Айзекль и кормилица Даша. Женщина дает ребенку грудь и материнское тепло. Она всей душой привязалась к осиротевшему мальчику. В жестоком мире, где появился на свет этот младенец, именно Даша может стать ему надежной защитой.

Бабушка Песя еще болеет, но уже пошла на поправку. Доктор Энгертон, который пришел навестить больную, видит странную картину: Айзекль спит на песиной кровати, а бабушка лежит рядышком на боку, смотрит на внука, и в глазах у нее счастье. Энгертон – опытный врач. Он находит явное улучшение в состоянии больной. Похоже, что этот крошечный мальчуган – самое эффективное лекарство! Песя уже пеленает младенца, а временами даже встает с постели ради той или иной домашней работы. Ее еще мучает кашель, но руки этой

труженицы ноют без дела. Слабой бесплотной тенью расхаживает Песя по комнатам.

Евреи Гадяча заняты заботами об укрытиях. Погромы и грабежи участились, надо подумать о том, как сберечь и вещи, и души. Просто удивительно, как вовремя озадачил Шапиро людей этой необходимостью! Умень этот человек, думает обо всех, как и подобает главе общины. Он говорит, что евреев в Гадяче осталось немного, и это дарит им некоторую надежду. Нужно лишь вести себя как можно незаметней, кутаться в шарф, в платок, выходить только по необходимости и даже тогда стараться передвигаться задворками, держаться в тени, не высовываться. Сейчас время остерегаться на каждом шагу и сохранять при этом надежду. Осторожность и надежда! Возможно, они помогут уцелеть – до времен, когда можно будет распрямиться и жить иначе.

Так говорит Шломо Шапиро. Укрытия готовят и в доме Фейгиных. Хаим-Яков проявляет в этом особенную изобретательность. Как следует защищаться от нашествия вредоносных врагов? Во-первых, следует позаботиться об Айзеке. С этой целью в заборе проделан проход: из двух досок извлечены гвозди. Со стороны этого не видно, но теперь доски можно повернуть и выбраться со двора наружу. Решено, что в случае тревоги первой спасается Даша с ребенком на руках, а за нею – Тамара. В дополнение к этому Хаим-Яков устроил хороший схрон на чердаке: можно забраться за глухую перегородку и там запереться. Туда же на всякий случай перенесено немного продуктов и одежды.

Эти меры предосторожности совсем не лишние, потому что и в самом деле настало время погромов. О чем Фейгины не имеют ни малейшего понятия, так это о том, что к ним направляется Глаша. Легкой походкой преодолевает она расстояние от Вельбовки до Гадяча. Стоит хорошая осенняя погода – ветер и солнце. Вот и мост через реку. Никто не обращает внимания на сероглазую украинскую девушку с льняными волосами. Она входит в Садовый переулок. Дом Фейгиных выглядит необитаемым: ставни плотно закрыты, ворота заперты. Глаша тихонько стучит в окно.

– Хаим-Яков, взгляни, кто там?

Стук повторяется. Хаим-Яков и Тамара безуспешно пытаются разглядеть что-то сквозь щель в ставне. Наконец они приоткрывают калитку и видят Глашу.

– Бабушка дома?

Глаша стоит в горнице и с любопытством оглядывается вокруг. Ставни задраены повсюду, кроме одного окна, выходящего во двор. У сарая – два дерева с голыми ветвями. Двор обнесен крепким дощатым забором. Бабушка Песя лежит на кушетке, рядом с ней младенец в колыбельке.

Серые глашины глаза внимательно изучают комнату. В ней собрались все жители дома, включая Дарью Петровну, которая прибежала из кухни. Все они недоуменно глядят на нежданную гостью.

– Я тебя знаю! – вдруг говорит Тамара. – Видела тебя в Вельбовке.

Глаша поворачивается к Песе:

– Вы мама Соломона Ефимовича Фейгина?

– Да.

– Я должна поговорить с вами наедине.

Хаим-Яков, Даша и Тамара выходят в соседнюю комнату. Глаша тщательно прикрывает дверь, расстегивает кофту и вытаскивает из рубашки записку Соломона.

Песя читает письмо сына и содрогается. Значит, Соломону не удалось выскользнуть из немецкого окружения и добраться до Красной Армии! Она обрушивает на Глашу град вопросов. Где он? Как он выглядит? Что рассказывает? В безопасности ли он? Что случилось с Вениамином?

Глаша отвечает не сразу. Она говорит не торопясь, тщательно подбирая слова. Песя во все глаза смотрит на девушку – та выглядит надежной. За долгие годы своей жизни бабушка Песя научилась хорошо разбираться в людях. Эта девушка не похожа на мошенницу, которая пытается обманом добыть еду и одежду. Кроме того, Соломон не стал бы передавать записку через человека, которому не доверяет.

Песя встает с постели, чтобы собрать все необходимое. Это два старых костюма Соломона, рубашки, белье, шапка, поношенное пальто и еще одно, поновее, с плеча Хаима-Яакова. Из еды Глаша берет хлеб, жир, лук, крупу, соль. Не забыты также спички и мыло. Хаим-Яаков упаковывает сверток. Дарью Петровну и Тамару в тайну возвращения Соломона решено не посвящать.

Собирается внушительное количество вещей. Куда это сложить? Конечно, в мешок! Мешок не привлекает внимания. Спустя полчаса Глаша уже стоит у дверей с мешком на плечах. Старая Песя провожает девушку. Она целует ее в обе щеки, целует и плачет.

– Бог тебя не забудет, девочка, – говорит Песя. – Плохо сейчас евреям. Украинцам тоже несладко, но евреев и вовсе сживают со свету...

Глаше некогда плакать – ее ждут в лесу двое парней. Надо идти.

– Если получится найти место понадежней, то пусть лучше держатся подальше от города, – добавляет старая мать. – Немцы ходят из дома в дом, грабят. Начали уже и убивать.

Глаша отвечает, что пока надежнее всего в лесу. Через несколько дней она постарается еще раз навестить стариков, передать привет от сына.

Глаша уходит. Дарья Петровна запирает за ней ворота. Но на этом не кончаются события этого дня. Не успела кормилица задвинуть засов, как приходится отодвигать его снова: во двор входят два немецких офицера. Они молоды, вооружены, самоуверенны, и руки у них загребушие. Немцы проходят в дом и требуют примус:

– Несите примус, понятно? Чтоб был через два часа! А не будет примуса – будет капут!

Офицеры живут в Садовом переулке, в доме Гаркуши. Их слова обращены к Хаиму-Яакову, «капут» относится тоже непосредственно к нему. Но где найти этот проклятый примус? Невзирая на опасность, связанную с выходом наружу, Фейгин отправляется на поиски. Он планирует сначала зайти к Хае-Саре Берман, затем к Шапиро, потом к Розенкранцу...

Проходит час, а Хаим-Яаков всё не возвращается. Но беда не приходит одна. Снова слышны удары по ставням и по калитке. Удары и крики: «Открывай!»

Песя стоит у плиты и готовит курицу – последнюю, зарезанную утром.

– Тамара, посмотри, кто там!

Тамара смотрит в щелку: у ворот толпится с десяток немецких солдат, на некоторых – черная униформа.

– Бабушка, фашисты!

В доме поднимается паника. Женщины бегут на цыпочках, стараясь не шуметь. На подоконник кладут пачку пеленок. Песя заворачивает Айзека в одеяло. Удары в калитку все сильнее, крики все громче. Даша и Тамара быстро накидывают куртки. Ходики на стене по-прежнему раскачивают маятником, но тиканья не слышно: его заглушает бешеный стук сердец. Руки и ноги действуют сами по себе. Быстро, быстро! Тамара хватает пеленки, Даша – ребенка. Они выскакивают во двор и бегут к тайному проходу. Кормилица отодвигает доски и выбирается в соседский двор, Тамара за ней. Доски возвращаются на место. Скорее, бежать! Через чужие сады и огороды они выбирают на дорогу, идущую в направлении Вельбовки. Погони нет, значит, можно перевести дух.

Дарья Петровна живет со своей русской свекровью на окраине города, на пологом склоне, который спускается к реке. Туда, в этот дом, она и несет сейчас ребенка.

– Входи, Тамара! – говорит кормилица, открывая дверь.

Приглашение звучит приветливо, но Тамара колеблется. Она еще не поняла, как велика ценность хорошего прибежища. Что-то заставляет ее отказаться. Наверно, то, что бабушка осталась одна против целой команды убийц. Этой наивной девочке всего тринадцать, подлость и ужас жизни еще не оставили следа в ее душе. А потому она поворачивается спиной к предлагаемому ей надежному укрытию и бегом возвращается в Садовый переулок.

Тем временем в доме Фейгиных происходят отвратительные события. Убедившись, что Тамара и Даша с ребенком покинули двор, Песя накидывает на голову серый платок и идет открывать. С гоготом и руганью вваливаются в дом незваные гости. Трое из них хорошо говорят по-русски. А за их спинами посмеиваются несколько украинских парней и среди них Витя Гаркуша, сын соседа Ивана Матвеевича. Стыд и позор! Неужели это они навели фашистов, указали на дом Фейгиных: вот, мол, евреи, громите их?

Для начала мародеры подходят к плите и обнаруживают на ней кастрюлю. Фашистская армия толпится вокруг еврейской курицы, которая была зарезана, ошипана, посолена и сварена самым кошерным образом. Хотя нет, довариться ей как раз не суждено: арийцы вытаскивают курицу из кастрюли и рвут ее на части – каждому достается кусочек.

Но зачем нам смотреть на это неприятное зрелище? Лучше выйдем наружу, глотнуть свежего воздуха. Вот в переулок вбегает голенастая девочка в простой куртке. Это Тамара. У ворот своего дома она видит группу подростков. Они перекидываются шуточками и скалятся.

– Как тебе не стыдно, Витя? – кричит Тамара соседскому парню. – Нас грабят, а ты смеешься...

Четырнадцатилетний Витя тычет пальцем в табличку, на которой написана фамилия хозяина дома и выпаливает с радостью и презрением:

– Фейгин! Жид Фейгин!

Подростки разражаются хохотом. Темнеет в глазах Тамары, которая впервые сталкивается с подобным. Она оглядывается на беленую стену дома Ивана Матвеевича и видит в соседском дворе двух офицеров, которые о чем-то беседуют и смеются. Девочка подбегает к ним и кричит на смеси немецкого с идишем:

– Мой дедушка пошел доставать для вас примус! Он ищет примус, а те люди над нами издеваются!

Офицеры не понимают, чего она хочет, но один из них решает по-своему отреагировать на жалобу Тамары. Он выхватывает из кобуры пистолет и делает несколько выстрелов. Тамара падает на землю. Нет, она не ранена. Офицеры заходят в дом Гаркуши. Девочка поднимается на ноги. У ворот еще стоят украинские подростки, теперь они не смеются. Беги, Тамара, беги! Но в ней еще колотится чувство обиды и возмущения, она еще готова ввязаться в безнадежную битву.

– Воры! – кричит она во всю мочь. – Грабители!

На улицу высовывается один из солдат, спрашивает по-русски:

– Это ты кричала?

Он затаскивает девочку в дом. Там расхаживают фашисты, жуют недоваренную курицу. Они грызут куриные кости и неторопливо шарят по комнатам. Им некуда спешить. Вывалив на пол содержимое комодов и шкафов, солдаты заинтересованно разглядывают каждую тряпку, вертят в руках каждую

вещь. На кушетке лежит купальный костюм Рахели – черный в красную полосу. Рядом сидит старая Песя, сидит и отвечает на вопросы.

– Чей купальник?

– Дочери.

– Где она?

– В Саратове.

– Скоро увидимся! – говорит один из русских и добавляет что-то грубое по-немецки. Его товарищи хохочут.

Тот, кто притащил с улицы Тамару, спрашивает:

– Это тоже дочь?

– Внучка.

Он поворачивается к Тамаре:

– Значит, ты говоришь, что мы воры и грабители?

Девочка показывает на вывороченные из ящиков вещи.

– А это что такое? Не грабеж?

Русский произносит что-то по-немецки. Солдат в черной форме подходит к девочке. Из рта у него торчит куриная ножка.

– Аух юде¹?

– Аух юде! – отвечает Тамара.

Она с силой произносит два этих слова, но при этом что-то ломается у нее внутри. Кончились душевные силы. Она проскакивает мимо немца, в два прыжка преодолевает коридор и оказывается во дворе. Ее цель – две доски в заборе, потайная дверь на свободу.

– Хальт! – кричит немец и бежит за ней. – Хальт, юде!

Тамара останавливается. Голова ее высоко поднята, руки опущены. Она стоит напротив человека в черной униформе и смотрит ему в лицо. Немец какое-то время колеблется, затем вытаскивает изо рта куриную кость, с отвращением отбрасывает ее в сторону, поворачивается и возвращается в дом. Что ж, на этот раз прошел мимо девочки ангел смерти. Она идет по улицам Гадяча, сердце ее колотится у горла, душа трепещет, глаза черного немца стоят перед ее глазами, сопровождают каждый ее шаг. Но вот и дом Шломо Шапиро. Тамаре открывает Берта Абрамовна.

– Что произошло, Тamarочка?

Тамара садится, закрывает обеими руками разом повзрослевшее лицо и разражается слезами. Слезы просачиваются меж пальцев, капают на загорелые колени. Кончилось детство. Отныне по-другому, по-взрослому, будет она вести себя во взрослом, кровавом мире.

А сейчас нам необходимо распрощаться с Хаимом-Яковом Фейгиным, который стоит на пороге дальнего неведомого пути.

Как мы помним, он побежал искать примус. Да и кто не побежал бы, когда над головой нависла угроза смерти? Хаиму-Якову еще не надоела жизнь. Каждый раз, когда он вспоминал про «капут», ноги сами увеличивали темп, как лошади, подстегнутые ударом кнута.

Вот он бежит по улицам Гадяча, и мы вместе с ним. Плохо выглядит этот старик. Как ни повязывай шарфом каштановую бороду, как ни жмись к стенам домов, все равно видно издалека: вот идет старый еврей. Спина его слегка согнута, нос крив, внешность убога. Глаза испуганно смотрят из-под голых, без единой реснички, век – смотрят, словно извиняются за то, что их обладатель все еще жив.

¹ Ты еврейка?(нем.)

Уже выбежав из дома, Хаим-Яков решил сначала навестить Нахмана Моисеевича Розенкранца. Но там уже побывали грабители. В квартире у Розенкранца кавардак, жуткий беспорядок. Сам Нахман Моисеевич, усатый герой, никогда до того не терявший присутствия духа, растерянно бродит из комнаты в комнату. Глаза его моргают в семь раз чаще обычного, а усы обвисли и словно поредели. Фрейда Львовна складывает в шкаф не подошедшие мародерам рваные тряпки, вставляет на место ящики, пытается вернуть жилью жилой вид. Последнее нелегко: со столов исчезли скатерти, на окнах нет занавесок, на кроватях – одеял и простыней. Рая сидит у стола, на лице ее застыла тупая, ничего не выражающая гримаса.

– Нет ли у вас примуса? – с порога спрашивает Хаим-Яков.

– Какого примуса? Мы остались без всего... – отвечает Фрейда Львовна.

Она никогда не отличалась большой красотой. Точнее сказать, довольно уродлива. В любом народе можно встретить особ женского пола с внешностью ведьм. Нет, в лице Фрейды Львовны нет ничего отталкивающего. Когда женщина говорит на идише с интонациями идиша, это выглядит вполне естественно. Но плохо дело, если тот же витиеватый еврейский акцент переходит в русскую речь – особенно, во времена, о которых идет речь в нашем повествовании. Добавьте к этому пронзительный взгляд, орлиный нос, низкий рост и великоватый живот – и во внешности не останется ничего привлекательного, кроме, разве что, бровей. Брови Фрейды Львовны – как два туго натянутых лука, два острых серпа. Они то взлетают вверх, то опускаются, трепещут, говорят.

Нахман Моисеевич старается взять себя в руки. Хаим-Яков рассказывает о требовании офицеров и о «капуде». Хозяева выражают сочувствие, но примуса у них нет.

Что ж, придется искать в другом месте. Без лишних слов Хаим-Яков накручивает на бороду шарф и бежит дальше. В другое время его ужаснул бы вид дома Розенкранцев, но сейчас все мысли Фейгина заняты примусом. Старику еще предстоит увидеть ограбленным собственный дом.

Хаим-Яков шагает по улицам Гадяча. Борода прикрыта шарфом, картуз надвинут так низко, что закрывает почти все поле зрения. Это похоже на наивную надежду страуса, зарывшего голову в песок: не вижу я, значит, не видно и меня.

Вокзальная улица, дом Берманов. Он пока не тронут погромщиками. Наверно, потому, что вход в квартиру неприметен: дверь выходит в узкий тупик, окна – во двор. В комнатах тесновато: кроме матери, Бермана, Голды и ребенка, здесь теперь проживают два молодых человека, Шимон и Абка Гинцбург. Уважаемого гостя усаживают за стол, предлагают чай и конфеты. Но не до чая сейчас Хаиму-Якову, он пришел по срочному делу. Примус! Он обязан во что бы то ни стало раздобыть примус. Иначе смерть.

– Иосиф, отдай ему наш примус! – говорит Голда.

Вообще-то примус предназначен для маленькой Ахувы – без него трудно будет быстро разогреть молоко и кашу.

Хая-Сара вонзает в невестку пронзительный взгляд. Легко быть добреньким за чужой счет! Теперь Хае-Саре придется добывать новый примус у своих покупателей. Хотя по нынешним временам за муку можно достать не только примус, но и птичье молоко.

Берман приносит старику примус. Два часа еще не миновали, но Хаим-Яков спешит вернуться в Садовый переулок. Вот и дом соседа Гаркуши. Многие годы стоят рядом их дома. Иван Матвеевич работает в бакалейном магазине. Добрый человек, но и своего не упустит. Он ведет хозяйство на широкую ногу, любит выпить, хотя в запоях не замечен. Хорошими были отношения между двумя

этими соседями – по крайней мере, до описываемого дня. А сейчас в доме у Гаркуши живут два немецких офицера.

Хаим-Яков стоит перед соседскими воротами. Во дворе заливаётся лаем собака. Цепной пес Султан не любит чужих, но, слава Богу, он привязан. Старик открывает калитку и входит во двор. Султан захлебывается в лае, мечется из стороны в сторону, гремит цепью. На крыльце появляется Евдокия Александровна, жена Гаркуши. Фейгин вручает ей примус, просит передать офицерам. Но в этот момент выходит один из немцев. Завтра утром, приказывает он, старик обязан прибыть на паровую мельницу.

Во время обстрела в мельницу попал снаряд. Теперь немцы решили восстановить ее, ведь в муке нуждаются не только горожане, но и новая власть. Надо очистить территорию от обломков.

Хаим-Яков идет к себе. Но почему ворота распахнуты настежь? Он входит в дом и замирает, как громом пораженный. Внутри все перевернуто вверх дном. Мебель сдвинута и опрокинута, святые книги валяются на полу среди тряпок и куриных костей. Большой шкаф перевернут, в доме ни души. Где Песя? Хаим-Яков слышит слабый стук; он поспешно переворачивает шкаф, распахивает дверцу и обнаруживает там жену.

Грабители ради забавы запихнули старую Песю в опустевший шкаф и опрокинули его на пол дверцами вниз. Хаим-Яков помогает Песе выбраться наружу. Нет, она не ранена, уцелело все, кроме души.

– Ой, Хаим-Яков! – слезы текут из песиных глаз.

Без сил ложится она на кушетку. Муж смотрит на Песю с заботой и жалостью: за день прибавилось седины в волосах старой женщины.

Входит Дарья Петровна.

– Вот ведь собаки! – говорит она, посмотрев на царящий повсюду разгром. Ребенка она оставила дома: Айзек спит. Добрая женщина принимается наводить порядок. Ей помогает Хаим-Яков; Песя долго не может подняться с кушетки. Совместными усилиями они расставляют по местам мебель. Но где Тамара?

Айзека решено оставить пока у Даши. Хорошо, что она успела захватить с собой пеленки, иначе воры забрали бы и их... Хаим-Яков, кряхтя, поднимается на чердак. Там он забирается в свой тайник, поворачивается лицом на восток и закрывает глаза. «Песня ступеней. Поднимаю глаза мои к горам – откуда придет помощь мне?»¹

Но вот закончена молитва. Хаим-Яков берет кое-что из вещей, зимний полушубок, спускается с чердака и отдает все Даше. Старик не произносит ни слова, но Даша прекрасно понимает, что он хочет сказать.

– Кто знает, увидимся ли еще? – говорят глаза Фейгина. – Возьми это, Даша, и не оставь Айзека своей заботой...

Даша берет вещи и кивает:

– Сыном мне будет этот мальчик.

Договор этот скреплен сердцами, хотя не написан на бумаге и нет на нем чернильных печатей. Вечером возвращается Тамара. Она тоже выглядит другой, изменившейся.

– Где ты была, Тамара?

Молчит девочка. Нет больше прежней беззаботной болтушки. Из подвала, из тайников приносит Хаим-Яков немного картошки, жира, луковицу. Песя собирает на стол скудный ужин. По комнате распространяется запах жареного лука. Наглухо заперты ставни, теплится масляная лампа. Три человека сидят за столом.

¹ Теилим (Книга Псалмов) 121:1.

– Что с тобой, Тамара? – осипшим голосом спрашивает Песя.

Глаза ее печальны.

– Ничего, – глядя в сторону, отвечает Тамара.

Этой тринадцатилетней девочке отчаянно хочется жить. Возможно, она уже что-то замыслила. Или пока еще думает, как ей поступить – наблюдает и думает...

Тамара ложится в постель, но не может заснуть. Долго лежит она с открытыми глазами, вглядываясь в темноту. Старики тоже не спят. Хаиму-Якову рано вставать на работу, но сердце его не может успокоиться, не дает отдыха израненной душе. Снаружи тихо. Лишь иногда слышится приглушенный лай собаки, и тут же откликается на него Султан в соседнем дворе.

Тамара задумала убежать из Гадяча, перейти линию фронта и добраться до мамы. Для этого надо переодеться украинкой. Даже если не удастся добраться до фронта, можно спрятаться в одном из колхозов и переждать войну. В ушах ее до сих пор звучит издевательский, страшный хохот соседского Вити Гаркуши. Но вот девочка погружается в сон. В доме тишина, не нарушаемая привычным тиканьем ходиков – их тоже забрали грабители. Впрочем, в тайнике есть у Фейгина карманные часы. Старик не удается сомкнуть глаз до самого утра. Но вот шестой час; кряхтя, Хаим-Яков встает с постели и одевается. Ох, видано ли такое, чтобы шестидесятилетний еврей таскал камни и кирпичи? Он быстро бормочет утреннюю молитву. Песя собирает ему поесть, заворачивает с собой ломоть хлеба и яблоки. С рассветом, натянув на плечи короткую поношенную телогрейку, старый Фейгин выходит на улицу и поворачивает в сторону мельницы. Тамара еще спит; на лице ее застыло недетское выражение печали. Бабушка Песя долго стоит рядом и смотрит на внучку.

У развалин мельницы собралось человек двадцать; ближе к утру приходит немец и с ним полицей. Они раздадут указания. Занимается влажный сумрачный день. Среди работников дюжина евреев, остальные русские. Полицейский коротко объясняет: нужно собрать мусор в отдельную кучу. Рабочий день – с семи утра до семи вечера. Оплата – две марки, евреи будут получать одну.

К несчастью Нахмана Моисеевича Розенкранца, он тоже здесь. Начинается разбор завалов. Хаим-Яков работает в паре с Розенкранцем. Тяжелые кирпичи на время заставляют их забыть о вчерашних бедах.

Наступает вечер, люди плетутся домой. Завтра в семь они обязаны вернуться на мельницу. Поспешим же и мы за Хаимом-Яковом Фейгиным – ведь это последние часы его жизни. Вот он подходит к своему дому, стучит в ставень. Тамара открывает калитку. Старик заходит в темную горницу; окна задраены, коптит масляная лампа. Песя ставит на стол немного еды. Они еще немного говорят о том, как прошел день, но глаза старого Фейгина слипаются. Он ложится и проваливается в сон.

В шестом часу он встает и отправляется на работу. Там чрезвычайное происшествие: ночью вблизи мельницы убит немецкий солдат. Его труп только что обнаружен. Беда! Со стороны центра города на скорости, сигналя и мигая фарами, подъезжает машина. Из нее выходит офицер СС и его помощники. Хорошо бы в такое время оказаться подальше, но как уйдешь, когда за тобой внимательно следят надсмотрщики – немец и полицей. Хаим-Яков и Нахман Розенкранц молча нагружают кирпичи на носилки и сваливают их во вчерашнюю кучу. Ничто не предвещает дурного конца, но можно ли предвидеть будущее? Офицер рассматривает труп солдата, затем переводит взгляд на рабочих, которые расчищают завал. Среди них евреи; это весьма кстати – ведь оберштурмбанфюрер потребует отчета о предпринятых мерах показательного

возмездия. Хаим-Яков, Розенкранц и остальные продолжают собирать кирпичи, но их судьба решена.

Час спустя к мельнице подъезжает грузовик. Двенадцать евреев отделяют от прочих работников и приказывают им забраться в кузов. Туда же запрыгивают четверо вооруженных эсэсовцев. В кабине рядом с водителем – командир взвода, унтер-офицер Петер Мейгерт. Машина едет в сторону Вельбовки. В кузове елозят по полу несколько лопат.

– Куда нас везут? – на ломаном немецком спрашивает Нахман Розенкранц.

– На работу! – отвечает эсэсовец.

Его товарищ усмехается.

Недалеко от Вельбоки находится насыпь, в это утро неведальке от нее можно увидеть Глашу. Она пришла сюда неспроста, но об этом позже. Пока же девушка слышит шум мотора, прячется и осторожно выглядывает из своего укрытия. Подъезжает грузовик, люди спрыгивают из него на землю. Глаша видит, что это евреи и вооруженные солдаты. Евреи берут лопаты и начинают копать. Немцы подгоняют: «Шнеллер! Шнеллер!»

Копается легко – почва песчаная, рыхлая, но люди обильно потеют, поминутно смахивают пот с лица. Внимание Глаши привлекает старик с каштановой бородой – ну, конечно, это же отец Соломона Фейгина!

Но вот яма выкопана; евреи сгрудились рядом, держа в руках лопаты. Но что это? Зачем они начинают раздеваться – ведь сейчас совсем не жарко? Осень, холодный ветер, слякоть, а люди снимают одежду и остаются в чем мать родила! Четверо подходят к краю рва; они стоят лицом к яме. Винтовочный залп разрывает тишину утра. Глаша смотрит широко раскрытыми глазами, в них застыл ужас. Восемь оставшихся евреев что-то кричат – наверно, зовут на помощь. Но кто им поможет? Прикладами убийцы подталкивают к яме следующую четверку, среди них видит Глаша и бороду Хаима-Якова. Снова звучит залп, застреленные падают в ров. Осталось еще четверо, они разделяют судьбу своих товарищей. Палачи подбирают лопаты и забрасывают еще теплые тела землей. Эта грязная работа не слишком подходит к представителям высшей расы – в следующий раз надо бы взять с собой местных помощников.

Все совершается в спешке. Забросав яму, солдаты грузят в кузов лопаты и одежду расстрелянных и влезают туда сами. Унтер-офицер садится рядом с водителем. Машина трогается с места и уезжает. Какое-то время Глаша еще слышит звук мотора, затем наступает тишина. Девушка выходит из своего укрытия и приближается к месту казни. Тела покрыты тонким слоем песка. Тишина, осенняя изморось, облачное небо. Но что это? Из ямы доносится слабый стон. В ужасе срывается с места Глаша, семнадцатилетняя девушка, дочь леса. Не помня себя, несется она прочь, подальше от страшного рва. Она мчится в холодном пространстве осени, как будто что-то ужасное гонится за ней по пятам, дышит в спину, хватая за плечи, норовит вцепиться кривыми когтями в глашино горло.

А мы, читатели и автор, прощаемся с одним из героев нашего рассказа, Хаимом-Яковым Фейгиным. Мы успели познакомиться с ним, с его прошлым и настоящим. Шестьдесят лет назад появился он на свет, рос в доме отца своего Айзека, сына резника Цви-Гирша, светлая ему память. Когда пришло время, женился и занялся тем же наследственным ремеслом резника. Резал птицу и скот по всем правилам кашрута, любил пение хазана Сироты, не упускал возможности осушить стаканчик и был хорошим отцом. После революции забросил свою профессию и занялся изготовлением плодового вина и медовухи. Родил сына и дочь, Соломона и красавицу Рахель. Но у них своя история, свой путь в этом мире.

Прощай, Хаим-Яков! Ты оставляешь нас, уходя по дороге, ведущей в дальние дали, которые неведомы нам.

Глава 7

Два дня назад мы оставили Вениамина и Соломона в вельбовском лесу ждать Глашу, которая, исполняя поручение Соломона, отправилась тогда за вещами в Гадяч, в дом Фейгиных. Теперь время посмотреть, что происходит с парнями. Мы видим их меж кустов: один вроде бы спит, другой вроде бы бодрствует. Ясный день опустился на лес. Осенью голубизна неба почему-то кажется глубже, солнце ниже, ветерок прохладней. Мир остался прежним. Высокие небеса, сосны, полуголые кусты, смесь зелени и желтизны. Под кустами слой сухих ветвей, листьев и шишек – опора ноге, постель усталому телу.

Кружными путями подбирается к парням Глаша, таща на плечах мешок. Каждый ее шаг сопровождается легким шорохом, шепотом лесной тропки. Вот хрустнула малая веточка, вот вдавилась в палую листву скользкая шишка. Соломон и Вениамин одновременно поворачивают головы на этот звук: Глаша!

Говорят шепотом. Мешок брошен под куст. Глаша отвечает на расспросы Соломона. Затем она показывает им содержимое мешка. Но переодеваться в гражданское рано – прежде следует помыться. Мытье запланировано после того как стемнеет.

И действительно, с наступлением темноты парни прокрадываются в пустую времянку. Там их уже ждут два таза – с горячей и холодной водой. Не так-то легко проделать эту операцию скрытно. В доме сейчас живет семья Эйдельманов и домработница Вера. Хорошо хоть мама Настя вот уже несколько дней не ночует дома. Зато Вера целыми днями крутится на кухне, и ничто не ускользает от ее зоркого взгляда.

Это не оставляет Глаше выбора: приходится посвятить в секрет еще и Веру. В последнее время они успели сдружиться; Вера ей как старшая сестра. Жизнь еще не научила Глашу подозрительности, она видит в людях прежде всего хорошее. Даже в Вере, некрасивой и рябой, не знавшей в жизни ни радости, ни счастья.

И вот перешептываются две девушки. Вера узнает о двух советских солдатах, которые спрячутся в вельбовском лесу, усталые, голодные и измученные вшами. Нужно подготовить ребятам баню во времянке. Все открывает Глаша подруге – все, кроме имен. Вера молчит. По своей воле она не вмешивается в подобные дела, но и не собирается избегать их. Есть у нее совесть, у этой не столь молодой девушки.

Глаша берется за ведра и коромысло и наполняет тазы водой; Вера тем временем растапливает плиту и помогает завесить окна для полной светомаскировки. В комнатке зажигают маленькую масляную лампу. Теперь все готово к приходу парней.

Через час мы видим Соломона и Вениамина на чердаке, чистыми, насколько это возможно. Нога Соломона перевязана. Лица парней покраснелись. На чердаке холодно. Они прижимаются друг к другу и проваливаются в глубокий сон. Внизу в комнате продолжает хозяйничать Глаша: она затеяла стирку одежды и белья своих подопечных. Вера потихоньку приносит еще одно ведро горячей воды. Проклятые вши! Раз за разом Глаша намыливает и стирает грязное белье, стирает и полощет. Наконец она гасит лампаду. На сегодня хватит. Завтра она высушит одежду и прогладит горячим утюгом.

Наутро происходит новое совещание. Теперь парни одеты в гражданское. Соломон не собирается отсиживаться на чердаке. Партия и комсомол требуют от нас постоянной борьбы с фашистскими захватчиками. Тут, в лесах Гадяча есть все условия для партизанской войны.

Глаша с воодушевлением поддерживает лейтенанта Фейгина. Если во времена Наполеона тут действовали партизанские отряды, то сейчас и подавно! Хотя она и не видела в лесу партизан, но ей хорошо известны все укромные уголки. Нужно просто лучше искать. Она готова отправиться на поиски хоть сейчас.

Храбрая девочка! Она исполнит свой долг без каких-либо колебаний. Соломон как будущий командир отряда описывает условия, необходимые для создания правильной партизанской базы. Это должна быть чаща; недалеко должна быть вода; землянки лучше рыть в песчаной почве и на склоне; нельзя сильно удаляться от населенных пунктов – ведь людям нужно чем-то питаться.

Вениамин добавляет несколько слов от себя. Он хотел бы присоединиться к Глаше в поисках места. Но Соломон не согласен – они еще слишком истощены после длинного лесного перехода. Вениамин должен отдохнуть день-другой. Кроме того, никто не заподозрит Глашу, ведь всем известна ее любовь к лесным прогулкам. И совсем другое дело, если ее заметят в сопровождении спутника.

Соломон вытаскивает из планшета карту, расстилает ее на кровати. Три головы склоняются над бумажным листом. Льяные волосы касаются щеки Вениамина, и к сердцу его приливает теплая волна. Палец Соломона гуляет по карте, чертит кружки и линии. Намечают несколько маршрутов.

Глаша приносит парням горячую еду, ведро воды и книги: два первых тома «Войны и мира». Понятно, что Степана Борисовича, хозяина книг, никто не спросил.

Время бежит, нога Соломона уже почти зажила, и он обращается мыслями к Садовому переулку. Что происходит сейчас с его родителями, сыном, Тamarой? Возможно, они нуждаются в помощи? Он должен навестить их. Можно выйти в темноте, когда дорога скрыта от чужих глаз. Чем больше Соломон думает об этом, тем больше доводов находится в пользу этой затеи. Если он действительно хочет набрать отряд, то нужно выяснить, кто из надежных парней остался в Гадяче. Да, решено: завтра в пять утра он постарается проникнуть в город. Пройдет огородами и задними дворами, так, что никто даже не заметит.

Вечером возвращается Глаша и совещание возобновляется. Весь день она ходила по лесу, но не нашла подходящих мест. Завтра пойдет в сторону насыпи – там есть и лес, и песчаные почвы.

Шепот, тихое бормотание, маленькие тайны в темноте чердака. Глашино лицо пылает. Вениамин находит во тьме глашину руку, осторожно поглаживает ее. Рука, помедлив, отодвигается. Девушка смущена.

Пять утра. Соломон бесшумно одевается и выходит. Сжимая в кармане рукоятку пистолета, он шагает в направлении города. Тьма и безмолвие в лесу и на дороге. Соломон пересекает Псёл по деревянному мосту. С реки дует прохладный ветер. Вот и первые дома вырисовываются в полумраке. Нужно удвоить осторожность. Кричат ранние петухи, где-то лениво тявкнула собака. Привыкшие к темноте глаза Соломона хорошо различают дорогу. Сбоку от нее появляются развалины – следы бомбежки. Вот то, что осталось от паровой мельницы...

– Хальт! – звучит вдруг немецкий окрик.

Перед Соломоном вырастает фигура часового в каске. В руках у немца автомат. Лейтенант Фейгин выхватывает пистолет. Выстрел! Часовой падает. Забрав у немца оружие, Соломон поворачивает назад. Быстрее, быстрее! Он не бежит, чтобы не шуметь, а шагает тихо, почти на цыпочках. Трофейный автомат спрятан под полу куртки. Вот и мост... быстрее, быстрее! Соломон обливается потом, сердце едва не выскакивает из груди. Лишь на опушке вельбовского леса он позволяет себе перевести дух. На востоке сереет рассвет. Соломон

прокрадывается к настиной времянке, поднимается на чердак. Вениамин еще спит. Соломон раздевается, заворачивается в одеяло и закрывает глаза.

Он даже не подозревает, что этот pistolетный выстрел косвенно убил его собственного отца; впрочем, скорее всего, отца убили бы в любом случае. Свинцовый свет просачивается сквозь щели в крыше. Мал чердак на времянке, мал и пуст. Деревянные балки, стропила и укосины поддерживают крышу. Рядом с постелью книга Толстого. Соломон решает ничего пока не рассказывать Вениамину и Глаше.

Но вот и утро. В тишине двора слышатся осторожные шаги. Это Глаша. Сегодня она одета совсем по-деревенски. На голове – два платка, на плечах – старая телогрейка, ноги обуты в грубые сапоги. Какие чувства может пробудить эта курносая деревенская девочка, одетая в бесформенные лохмотья? Отчего же так волнуется Вениамин при звуке ее шагов, почему так тянется к ней его душа?

Глаша снова принесла горячую еду и воду. Они едят втроем и тихо разговаривают. Сегодня Глаша идет в направлении насыпи. Она сбрасывает телогрейку, и парни видят коралловое ожерелье на шее девушки. Что за глупость! Все-таки странный человек этот Соломон. Ну как он не понимает, что иногда должен завернуться с головой в одеяло и притвориться спящим? Нет, не понимает. Глаша снова надевает телогрейку и уходит, а Вениамину кажется, что вместе с нею с чердака исчезает и дневной свет. На лице у него смущенная усмешка, теплое чувство сжимает сердце.

Девушка возвращается спустя два часа. Она смертельно бледна, в глазах следы пережитого ужаса. Глаша рассказывает парням о резне, свидетельницей которой стала. Она ни словом не упоминает Хаима-Якова. Но девушка совсем не умеет притворяться, и в сердце Соломона закрадываются страшные предчувствия.

Но пока он успокаивает Глашу и снова посылает ее в лес. Лицо его озабочено. Конечно, нужно обязательно пробраться в Садовый переулок. Но прежде хорошо бы устроить надежное убежище в лесу. Уже завтра они должны приниматься за работу. Сначала выкопают в укромном месте землянку, а потом найдут какой-нибудь транспорт, чтобы перевезти в лес необходимый инвентарь и припасы.

Тихо в обиталище двух парней. Прикинув к щели, Вениамин наблюдает за жизнью в настином дворе. Вот вернулась из леса Вера, таща на спине вязанку хвороста. Собирает топливо на зиму. Сквозь щелку виден лес, полоска облачного неба, кусок размокшей от осенних дождей земли.

Снова наступает ночь. Возвращается Глаша, снова слышна ее певучая украинская речь. На этот раз она нашла то, что нужно: скрытая полянка, поблизости родник, песчаная почва.

Снова шепчутся трое. Соломон говорит, что было бы неплохо найти кого-нибудь надежного из местных жителей. Глаша вспоминает имя Митрофана Петровича Гавриленко, который был директором вельбовской школы. Вениамину он тоже немного знаком. Правда, Вениамин? Глаша полагает, что Гавриленко может помочь с лошадью и телегой, и вообще, в дальнейшем...

Со стороны леса доносится сдержанное шуршание сосен. Странный мир, черный мир смотрит на молодых людей сквозь щели времянки. Ангел смерти мечется по городам и по полям сражений, кося направо-налево, собирая страшный свой урожай. Многоглазое чудовище затаилось там, замышляя недоброе, вынашивая зло в своем чреватом гибелью брюхе.

На чердаке шепчутся трое, но не замерла жизнь и в доме тети Насти, превратившемся в зимнюю дачу. Степан Борисович по-прежнему прикован к

постели. Но вот что поразительно: странные мысли приходят в голову этому здравомыслящему человеку, любителю порядка и обладателю сугубо технического взгляда на вещи. Как будто он слегка повредился в уме, лежа на смертном одре и глядя на желтые занавески. Глаша в последнее время уже не сидит у его постели. Целыми днями она пропадает в лесу, а по возвращении возится на кухне, тихонько при этом напевая. Как будто сейчас нет ничего важнее, чем какая-то пустая песенка! Иногда Глаша все же подходит к постели Степана Борисовича для короткой беседы. Старик удивленно смотрит на девушку: как расцвела она за эти несколько дней! Глаша похожа на птицу, которая расправляет крылья, готовясь взлететь. Не спрячешь счастье юности – оно заметно даже в годину бед.

Вера приносит Степану Борисовичу миску овсяной каши и кипяченое молоко. У больного нет аппетита, он словно уменьшился в размерах и сморщился. Клара Ильинична тоже равнодушно глядит на еду; болезнь прогрессирует, и женщина худеет день ото дня. Степан Борисович лежит и размышляет о прошлом. Начало века, Соединенные Штаты, Милуоки. Джейн, симпатичная дочь хозяйки миссис Робинс. Его первая голубоглазая любовь. Тридцать лет прошло с тех пор, тридцать лет работы, работы, работы. Сейчас ей около пятидесяти, но в мыслях профессора она по-прежнему стройна и молода, и по-прежнему полон тепла ее любящий взгляд.

– Почему ты не ешь, Сема? – спрашивает Клара Ильинична.

Он не отвечает. Далекое эхо другого, сладкого голоса звенит в ушах Степана Борисовича, заглушая прочие звуки.

– Пожалуйста, поешьте, мистер Эйдельман! – говорит Джейн Робинс.

Она стоит у постели больного, и улыбка ее сияет радостью и любовью. Степан Борисович хочет ответить, но приступ кашля одолевает его. Нет воздуха. Нет жизни. Профессор начинает познавать иной порядок, не связанный с четко определенной работой, с заранее известным образом действий, характеризующихся логикой и повторяемостью. Он думает о высшей последовательности строительства и разрушения, о суете живых организмов, несущих в себе свою собственную неизбежную смерть. Еще сегодня ты жив, полон надежд и целей, а завтра вдруг вянут надежды, бледнеют цели, и ты валяешься в бездну, в глубокое вечное безмолвие, которое душит тебя своей пустотой.

Нет причин для радости у Степана Борисовича. Планета совершила столько-то оборотов, а вместе с нею и Сема Эйдельман, гимназист реального училища, первый ученик в классе, обладатель острого и быстрого ума. Ползая туда и сюда по этой планете, он набрал какое-то количество знаний и впечатлений, высказал несколько неплохих мыслей, писал, печатался – и вот завершена его работа. Старый человек лежит в постели, молчит, а рядом на стуле стоит миска с овсянкой и стакан кипяченого молока.

В комнату входит Лида. Что произошло за эти два года с его любимой дочерью? История с Бобровым легла на ее душу, как грязь, и грязь, подобно раковой опухоли, расплзлась по всему существу этой некогда чистой девушки. Что-то болезненное есть в ее нынешней бледности – бледности человека, который родился и вырос на берегах Невы, в северном городе, дышащем дождями и туманами.

Что случилось с Лидой? Понятно, что в страшные эти дни девушка отчаянно нуждалась хоть в какой-нибудь опоре и поддержке. Если бы можно было уехать из Гадяча, она бежала бы отсюда сломя голову. Но болезнь родителей не позволила, приковала ее к этой даче.

Погибла Лида. Володя, советский офицер, с которым она подружилась, предлагал ей уехать вместе с ним на восток. Он подробно описывал те муки,

которые принесет оккупация местному населению, в особенности, евреям. Но Лида, во-первых, не считала себя еврейкой, а, во-вторых, не могла бросить больных родителей. И вот пришли немцы. На кого опереться теперь?

Вот и настало время поговорить о Сидоренко. Жил-был в Вельбовке некто Тихон Сидоренко, кряжистый сорокалетний мужчина, один из постоянных гостей тети Насти. В советские времена он работал цирюльником, но большую часть времени посвящал пьянству и безделью. Сидоренко был отцом семейства и мужем грубоватой крестьянки, по горло занятой домашним хозяйством и уходом за тремя детьми. Кроме того, он любил время от времени навещать Настю, накачиваться горилкой и петь под гармошку грустные и диковатые песни, а заодно уделять внимание тощему телу хозяйки, ее горячим до безумия глазам.

Но были у Тихона Сидоренко и другие вкусы и пристрастия. Еще два года назад этот грубый полуграмотный тип заглядывался на Лиду Эйдельман, бледную девушку, олицетворение нежности и музыкальности. После прихода немцев мерзавец начал преследовать ее, пока не добился своего: застал одну в лесу, завалил под куст и изнасиловал. Лида сопротивлялась изо всех сил, кричала и царапалась – но может ли совладать профессорская дочь с Тихоном Сидоренко? Униженной и оплеванной, ей оставалось лишь подняться на ноги, отряхнуться и бросить насильнику горькие слова презрения и отвращения.

Но Сидоренко был из тех мерзавцев, которых трудно обидеть. Он вовсе не собирался отпускать свою жертву на волю. И вот изумленная Лида слышит его приказ. Теперь они будут встречаться регулярно: один... нет, два раза в неделю. Он ведь давно за нею наблюдает. Лида встречалась с красными офицерами. И теперь, если она не хочет неприятностей с немцами, если ей дороги ее родители, то придется дважды в неделю проявлять благосклонность к нему, Сидоренко.

– Но я русская, русская! – затравленно выкрикнула Лида. – И мои родители тоже!

– Полно врать-то! Нынче-то все вы русские... – ухмыльнулся насильник.

Он уже принял свои триста грамм, и в воздухе стоит тяжелый запах перегара. Сидоренко равнодушно выслушивает поток ругательств, который обрушивает на него Лида:

– Подлец! Грязная свинья! Паршивый пес! Мы русские!

– Ну-ну, не сердись так, солнышко, – снова усмехается Сидоренко. – Я ведь о тебе забочусь...

Владыка мира! Еще чего не хватало – превратиться в наложницу Тихона Сидоренко! Но к кому обратиться за помощью? Кому пожаловаться, на кого опереться?

Как правило, грязные эти свидания происходили в лесу, но в дождливую погоду Сидоренко получал свое в пустующей настиной временке. Случилось так, что в один из октябрьских дней спрятавшиеся на чердаке Соломон и Вениамин стали невольными свидетелями очередного насилия над Лидой. Шел дождь, сосновые кроны пропитались водой, и бесконечная тоска сквозила в лесных зарослях, видных сквозь щели чердака. После полудня снизу послышались приглушенные голоса. Парни насторожились, Соломон приложил палец к губам: «Шш-ш...»

Один голос, сдавленный и раздраженный, явно принадлежал женщине:

– Что ты привязался ко мне, черт тебя побери?

– Ну-ну, солнышко, зачем так сердиться? – отвечал грубый мужской голос. –

Давай лучше присядем...

Короткая возня. Звук пощечины.

– Как ты смеешь, подлец?

И снова мужчина – он говорит медленно, с остановками, заплетающимся языком:

– Ну и дела! Еврейка ударила русского! За это, знаешь ли, убивают! И твоих родителей тоже уьем. От нас никто не уйдет!

Женский шепот – отчаянный, идущий из глубины души. Только сейчас узнает Вениамин голос Лиды Эйдельман.

– Я не еврейка! – полупшепчет полукричит она. – И мои родители тоже русские! Рус-ски-е!

– Не вертись, дура!

Звуки возни становятся громче, они сопровождаются пыхтением и стонами. Вениамина охватывает ярость. Он срывается с места, но Соломон успевает вовремя схватить его за ногу.

– Куда?!

– Убью их обоих... и себя тоже!

– С ума сошел?!

Тишина внизу слышен тихий плач Лиды.

– Я русская, русская... что ты пристал?

– Хорошо, хорошо... На-ка, глотни! – сонным голосом произносит мужчина.

Похоже, что он задремал, а Лида ушла. Парни вслушиваются в тишину. Снаружи играет свою однообразную мелодию дождь, а в ушах Вениамина звучит старая песня о погибшей любви:

Сердце отдал я любимой своей –

Дотронься – заплачу от счастья...

Как будто сто лет назад слышал он эту песню. Не кошмарный ли сон приснился ему сейчас?

Нет, не во сне стали парни свидетелями позора Лиды Эйдельман. В самом деле, разверзлась земля под ногами этой девушки. Осень, непрерывный тоскливый дождь, смертельно больные родители, молчаливый мокрый лес, тьма, ползущая от дерева к дереву.

После долгих сомнений решила она обратиться за помощью к Роману Назаровичу Иванчуку.

С началом оккупации занятия в школе закончились, и Иванчук остался безработным. Десятки лет воспитывал он подрастающее поколение, пестовал и обучал. Многие его ученики воевали сейчас на полях сражений, страдали и терпели лишения. Кое-что понимал Роман Назарович и в большой политике. Он не сомневался, что в конце концов Гитлер потерпит поражение, хотя и не ожидал, что фашистам удастся всего за три месяца продвинуться так глубоко в сердце России. Тем не менее, старый учитель продолжал верить в то, что неудачи нашей армии носят временный характер.

Он приветливо встретил Лиду. Девушка снимает плащ и садится к столу. На Лиде – красивое платье, хотя и несколько поблекла всегда сопровождавшая ее атмосфера аккуратности и чистоты. За те несколько месяцев, что не видел ее Иванчук, девушка словно постарела и съежилась.

Хозяйева приглашают Лиду отобедать. Кислый украинский борщ, картофельные котлеты, стакан домашнего кваса. Простая еда, составленная из плодов хозяйского огорода.

После обеда Таня садится за вышивание, Мария Матвеевна моет посуду, а Роман Назарович и Лида беседуют в соседней комнате.

– Вот, хотела посоветоваться с вами, Роман Назарович, – с вымученной улыбкой произносит Лида.

Учитель закуривает трубку и слушает. Улыбка быстро исчезает с лица Лиды; перед Иванчуком – отчаявшаяся, сломленная девушка. Сначала она рассказывает о двух застрявших в Вельбовке смертельно больных стариках. Затем в комнате звучит имя отвратительного насильника Тихона Сидоренко. На щеках ее проступает румянец, черные глаза смотрят на собеседника из-под длинных ресниц. Лида говорит, глотая слова, будто боится потерять их. Тихон Сидоренко, подлец и насильник, угрожает, что убьет и ее, и родителей. Говорит, что они евреи, а евреев вырежут всех до одного.

Иванчук поднимается с места и начинает расхаживать по комнате с трубкой в руке. Затем он останавливается перед окном и смотрит на свой огород.

Старый учитель поворачивается к Лиде. Та сидит, сгорбившись и побледнев; на ее чистом, тщательно отглаженном платье – скверна и поражение. Старик советует ей немедленно переехать в Гадяч вместе с родителями. В городе сейчас много пустующих домов. Один такой есть, например, рядом с ним. Проживавшая там еврейская семья еще в августе уехала на восток, оставив ключи от дома у Романа Назаровича. Теперь он полагает, что семья Эйдельманов может вселиться туда.

Они говорят о практической стороне дела. Нужна телега. Больные родители не в состоянии проделать такую дорогу пешком. Кроме того, остались еще кое-какие вещи. Иванчук и тут предлагает подходящее решение.

– Не выходите пока из дома, – говорит он. – Соберите вещи и никому ни слова. Возможно, так удастся избавиться от Сидоренко. Я найду вам телегу.

Они возвращаются в горницу. Таня по-прежнему вышивает. В углу поблескивает лакированная крышка пианино. Девушки немного болтают о том, о сем, и это успокаивает Лиду. Распрощавшись с Иванчуками, она отправляется назад. Серый пасмурный день. Холодный ветер сушит следы дождя. Вот и вельбовский лес.

– Лида!

Сейчас, с возродившейся надеждой на избавление, хриплый голос Сидоренко звучит особенно отвратительно. Насильник выходит из-за сосны на дорогу. Как видно, он ждал там ее возвращения.

– Птичка моя! Откуда ты идешь?

Он приближается к девушке и толкает ее в направлении кустов. Сегодня Сидоренко пьян больше обычного. Мутные глаза, размякшие губы, острый запах перегара. Лиду тошнит от одного его вида. Она отталкивает мерзавца, старается высвободиться, убежать. Напрасные усилия. Сидоренко продолжает толкать ее в кусты, что-то бормоча и брызгая слюной.

Он сбрасывает телогрейку, расстилает ее на земле, садится сам и тянет к себе Лиду. Девушку охватывает безграничное отвращение и ненависть. Собрав все силы, она вонзает ногти в горло Сидоренко.

Но сопротивление заранее обречено на неудачу. Тяжелый мужчина без труда подминает под себя слабую русскую-еврейку. Какое-то время он отдыхает от усилий, дыша Лиде в лицо зловонным перегаром, а затем насилует ее. Кровь сочится из свежих царапин. Дрожа от ненависти, Лида снова вонзает ногти в шею мерзавца. На этот раз она попадает в чувствительное место, и Сидоренко взвизгивает от боли.

– Морда жидовская! – хрипит он. – Проклятая жидовка!

Глаза его налиты кровью и яростью, грязные руки смыкаются на тонкой лидиной шее.

Час спустя по дороге из Гадяча проходит Таня Иванчук. Отец послал ее с поручением к своему коллеге Митрофану Петровичу Гавриленко. Роман

Назарович просит со всеми предосторожностями и по возможности тайно перевезти в Гадяч семью Эйдельманов.

Второй час пополудни. В лесу стынет тишина. Где-то, прижимая руку к сочащимся кровью царапинам, тяжело шагает Тихон Сидоренко. Между кустами распростерто мертвое тело Лиды. Остекленевшие глаза смотрят в небо.

Испуганно кричит осенняя птица, и крик ее как стон, как жалоба на то, что творится под солнцем.

После того, как Хаим-Яков не вернулся домой, и все усилия Песи прояснить его судьбу ни к чему не привели, настало время утешений. Говорили разное. Как всегда, наиболее благоприятная версия пришла со стороны Хаи-Сары Берман. Она утверждала, что мужчин распределили по отдаленным деревням в качестве переводчиков с украинского ввиду большой близости между немецким и идишем. А что касается Хаима-Якова, так того и вовсе мобилизовали как винодела: всем ведь известно, что нет в округе лучшего специалиста по плодово-ягодным винам.

Так говорит Хая-Сара. Нельзя сказать, что она очень нравится автору, но и он признает удивительное умение этой пузатой женщины выстраивать воздушные замки и тем самым дарить людям утешение в трудные минуты.

Двенадцать евреев, ушедших на очистку территории паровой мельницы, не вернулись домой. Кто-то сказал, что их расстреляли. Песя волнуется, тревога морщит ее озабоченное лицо. Фрейда Львовна и ее дочь Рая Розенкранц беспокоятся за Нахмана Моисеевича. Не обошла беда и дом бывшего возчика Мордехая. После того, как высекли его в кабинете бургомистра Карпенко, утратил Мордехай уверенность в жизни. Ведь что отличало этого еврея от других? Прежде всего – острый, все подмечающий взгляд.

Был он простым человеком, любил пропустить стаканчик, потрепать языком и выкурить трубку, а то и просто махорочную самокрутку. Понимающими глазами взирал он на этот непростой мир. И вот избили старика смертным боем. Много ли надо восьмидесятилетнему еврею? Принято думать, что чем старше еврей, тем ближе он к тому, чтобы стать Метушелахом¹. Но вот приходит в мир болезнь, и выясняется, что первые ее жертвы – как раз те древние старцы, чьи корни, казалось бы, крепче всего держатся за землю.

После того, как забрали у Мордехая его друзей-лошадей, его телегу и его заработок, а взамен вlepили удары плетью, понял старик, что не стоит жизнь ломаного гроша – по крайней мере, на этой земле. Все свои годы он имел дело с еврейскими домохозяйками, глупыми коровами, чью душу понимал досконально, и умел рассказать о них кучу историй от мясницкого прилавка до кузова телеги. Понимал он и настоящих коров, и лошадей, и других животных. Немало скота было зарезано на его глазах, так что Мордехай хорошо знал, где проходит грань между жизнью и смертью, умел читать в грустных и теплых коровьих глазах, полных смиренного и невыразимого чувства, – ведь с каждым зарезанным животным исчезает часть тайного сокровища жизни. С последним спазмом агонии подходил мясник Мордехай к теплому еще телу и приступал к работе: сдирал кожу, разделывал тушу, развешивал парное мясо на мясницких крюках, продавал их хозяйкам. Кончено! Еще вчера ходило животное по земле, а уже сегодня исчезло в желудках мужчин и женщин города Гадяча. Таков заведенный порядок, и не Мордехаю менять его.

Но с чего это вдруг стал он размышлять о мировом порядке? Куда подевались его веселость, его неизменный оптимизм и жизненная сила? Батья

¹ Метушelah (Мафусаил) – старейший человек, чей возраст указан в Танахе (969 лет).

ходит по комнатам и вздыхает. Она тоже не очень молода: семьдесят с лишним. Не такое это простое дело – быть женой Мордехая, а ведь Батья уже полвека тянет нелегкую эту колесницу. Тянет, во всем слушается мужа.

– Батья! – зовет Мордехай слабым голосом.

Жена подходит.

– Батья, – говорит он. – Когда уйду я отсюда, не жалею ни о чем и не падай духом. Прости меня за то, что иногда повышал на тебя голос. Что поделаешь: любовь всегда тиха, зато ссора любит кричать... Батечка...

Медленно выговаривает слова Мордехай. Батья кивает, пытаюсь припомнить: а слышала ли она когда-нибудь от мужа хоть полсловечка о любви? Слезы ползут по ее морщинистому лицу.

– Батечка! – продолжает старик. – Все эти годы была ты мне верной женой. О чем же теперь плакать? Человек стареет и слабеет, наступает время уходить в лучший мир. Карпенко всего лишь немного приблизил мой час...

Батья берет со стола кружку сладкого киселя и подает мужу – она хорошо знает, как любит Мордехай этот кисель.

– Глотни хоть немножко, Мордехай!

Голос ее мягок, полон тепла и любви. Но муж отрицательно мотает головой, отводит ее руку. Ему важно успеть, важно договорить.

– Батья! Когда я уйду, ты должна похоронить меня, как это заведено в народе Израиля. Сходи к Спиридонычу и скажи ему так: «Сергей Спиридонович! Мой муж Мордехай умер и перед смертью просил, чтобы ты отвез его на еврейское кладбище, чтобы схоронить по еврейскому обычаю»...

Так говорит Мордехай перед тем, как умолкнуть навсегда. Спиридоныч – второй возчик в Гадяче, вечный соперник и конкурент Мордехая. Батья плачет у постели мужа. Он перестает дышать еще через час-другой. Кончилась жизнь возчика Мордехая, никогда больше не услышим мы его неторопливый рассказ, не увидим, как сидит он на козлах телеги, влекомой задумчивым меринком Павликом по дороге из Гадяча в Вельбовку. Батья запирает дом и отправляется к Спиридонычу. Она привыкла слушаться мужа как при жизни, так и после смерти.

Два гадячских возчика, Мордехай и Спиридоныч, никогда не враждовали, хотя и соперничали. Но не таков Спиридоныч, чтобы бросить попавшего в беду коллегу. И вот катится по улицам Гадяча телега, а на ней тело нашего приятеля Мордехая, обернутое, как положено по закону, и укрытое черным покрывалом. Лишь двое идут за телегой: Батья и служка Беломордик. В руках у служки мятая коробка для пожертвований.

Осенний день в Гадяче. На улице играют дети, играют и бьют в ладоши. Десятилетняя девочка бросает в стену резиновый мяч и прыгает через него.

– Пожертвование спасает от смерти! – тихо бормочет служка, как оно заведено на похоронах.

Батья, сгорбившись, плетется за телегой. Она пока еще жива, пока еще дышит, а значит, и сердце ее болит, и слезы льются.

– Стой!

Полицейский – один из тех, кто избивали Мордехая, подходит к телеге и приподнимает покрывало. Затем он приказывает возчику свернуть на боковую улицу и погрузить на телегу еще одно тело, которое валяется там на дороге. Это безымянный еврей из беженцев, которые в последнее время прибывают в город из окрестных деревень.

Вот и кладбище. Из штабеля выходят несколько евреев, среди них габай Гинцбург. Они берут лопаты и принимаются за рытье могил. Возчик Спиридоныч уезжает. Пусть евреи сами хоронят своих мертвецов. Земля нынче жадная до еврейских тел – разверзла пасть и знай себе требует: «Еще! Еще!»

Тела опускают в могилы, закапывают. Два свежих холмика высятся над кладбищенской землей. Под одним из них – бывший возчик Мордехай, под другим – неизвестный еврей, как видно, из деревенских. Прочитан кадиш, «Эль мале рахамим». Вот и всё.

Аарон Гинцбург переехал жить в штибель. Но он такой не один: в последнее время приходит сюда все больше хасидов, просить милости и защиты. Уж если прятаться, то лучше делать это в святом месте. В Судный день, который в этом году пришелся на первое октября, состоялась общая молитва. Каким-то образом удалось Аарону Гинцбургу собрать миньян. Пришел и реб Шломо Шапиро – без него вряд ли удалось бы собрать в одном месте и в такое страшное время десяток евреев. Как всегда, у Шапиро одно на уме: утешить людей рассказами о Святой земле. Да, изгнаны мы с нашей земли, далеки от нее дальше некуда. Но есть, есть там наши братья, новый свободный народ, живущий, в том числе, и нашими бедами! Если суждено прийти избавлению, то оттуда, из земли Сиона и Ерушалаима! Живут там евреи каждый под своей лозой, работают на земле и в промышленности, занимаются Торой и наукой, радуются жизни. И он, Шломо Шапиро, видел это собственными глазами. Жив народ Израиля!

Слыхали? Жив народ Израиля! И одновременно с распространением этих утешительных небылиц, старается реб Шапиро сделать все, что возможно, ради спасения людей. В доме, где до оккупации собирался миньян, организована столовая для беженцев, стариков и неимущих. И кто, вы думаете, работает там постоянно? Песя Фейгина и Бейла Беломордик, жена служки. Продукты Шапиро покупает за наличные у Хаи-Сары Берман. Лейбка и Шимон Гинцбурги, а также наша Тамара помогают доставить их из дома Берманов на кухню миньяна. Еда простая и сытная. Тем, кто сам не может добраться до столовой, приносят обед домой. И всем этим заправляет он, Шапиро: находит деньги, делает закупки, составляет списки...

Жив народ Израиля... Вот только все больше и больше свежих холмиков на еврейском кладбище Гадяча. Есть и молодежь, готовая отдать жизнь борьбе против врага. В лесу наши старые знакомые Соломон и Вениамин строят себе землянку, Глаша помогает.

Работа эта непростая. Сначала нужно заготовить стройматериалы: бревна для каркаса будущего земляного помещения. Бревна надо отмерить, напилить, снять с них кору. Затем столбы вкапываются в землю, на них укладываются доски и ветки, и все это засыпается сверху лесной почвой.

Парни стараются, как могут, Глаша тоже не отстает. Люди строят себе лесное убежище, первую партизанскую землянку в глубине чащи. Две пары глаз не знают устали, мечутся, не находят себе места – то встретятся на мгновение, то снова разбегутся в разные стороны. Глаше кажется, что мир вернулся на землю. Странное дело! Прошло всего несколько дней с момента возвращения Вениамина, но она уже видит перед собой лишь его, лишь он один и существует для нее, один в целом свете. Она постоянно думает об этом парне, о его белозубой улыбке, о его слегка покатых плечах, о его серых глазах, поглядывающих на нее со смесью грусти и радости. Эти глаза и просят, и требуют, и притягивают к себе. Они зовут, и Глаша не хочет противиться этому зову; в сердце ее поет древняя песня, поет и рвется наружу, неслышная песня без слов.

Землянка построена и хорошо замаскирована. Начинается лесная жизнь. Глаша получает приказ. Ей поручено вернуться в Вельбовку и поговорить с Гавриленко. Вениамин идет проводить девушку. Они молча шагают между соснами. Сейчас, когда остались наедине, смущение овладело обоими. Хвойный ковер глушит шаги, но сердца стучат так, что закладывает уши.

– Возвращайся, Вениамин, еще заблудишься.

Они останавливаются. Глаша поднимает глаза и встречает его горячий взгляд.

– Глаша, – говорит Вениамин, – знала бы ты, как хорошо видеть тебя здесь!

Она краснеет, а потом отвечает – отвечает упреком, который, впрочем, тут же сменяется совсем другой интонацией.

– Ну да, конечно. Два года назад ты видел только Лидию Степановну... –

Глаша на секунду замолкает и вдруг выпаливает: – Заколдовал ты меня, Вениамин!

Она резко поворачивается и убегает. Вечереет. Глаша исчезла за стволами сосен. Вениамин возвращается к землянке; на губах его трепещет едва заметная улыбка.

Глаша тоже торопится домой, она мчится по лесу, не глядя по сторонам. Осенний вечер опускается на леса и дороги, но в глашином сердце сияет рассвет. Душа ее поет и знать не хочет никакой темноты. Она ускоряет свой бег и вдруг видит женщину, лежащую в кустах. Что тут делает Лидия Степановна?

Она приближается к мертвому телу, видит остекленевшие глаза, трогает холодную руку и, наконец, понимает, что здесь произошло. Радость Глаши мгновенно испаряется. Это наверняка Тихон Васильевич. Глаша уже давно заметила кое-какие признаки; кроме того, она прекрасно знает, кто такой Тихон Сидоренко. Знает железную силу его рук, его дикий характер, его пьяные песни.

Но как теперь рассказать обо всем больным старикам? Глаша бежит домой и приводит Веру. Две девушки в ужасе стоят над телом задушенной Лиды. Потемнело небо, молчит земля, нет у нее слов. Всё исчезает под темным и холодным покрывалом ночи.

Глава 8

Когда весть об убийстве Лидии Степановны дошла до Романа Назаровича Иванчука, он снова послал дочь в Вельбовку пригласить к себе Гавриленко и Веру. Гавриленко, бывший ученик Романа Назаровича, не привык отказывать старому учителю; между ними давно уже установились сердечные дружеские отношения. По просьбе Веры к ним присоединилась и Глаша.

В доме Иванчука состоялось короткое совещание. Перед смертью Лида обо всем рассказала Роману Назаровичу, и он хорошо запомнил имя Тихона Сидоренко. Вера и Глаша добавили то, что было известно им. По сути, обсуждение быстро превратилось в заочный суд.

– Таким, как Сидоренко, нет места под солнцем! – сердито сказал Роман Назарович.

– Не жить ему! – подытожил Гавриленко.

Вот и вынесен приговор убийце. Затем Гавриленко просит рассказать ему о больном ленинградском профессоре. Вера и Глаша подробно описывают состояние стариков Эйдельманов. Решено перевезти их и Веру в Гадяч, где будет легче организовать уход за больными.

Теперь Вера – единственная опора стариков. Они с Глашей возвращаются в Вельбовку. Для профессора и Клары Ильиничны придуман рассказ, объясняющий исчезновение Лиды. Якобы один из старших немецких офицеров случайно услышал, как Лида играет на пианино Иванчуков, и тут же забрал ее в Полтаву, чтобы она дала там несколько концертов. А перед отъездом Лида попросила перевезти стариков в город – там уже подготовлено для них удобное жильё.

Со слабой улыбкой на неподвижном лице выслушивает Степан Борисович эту историю. Не так уж много дней осталось ему. Профессор постепенно отдаляется от этой жизни. Дышать все труднее, скоро от легких не останется ничего. Жаль, что Лида уехала именно сейчас. Найдёт ли она отца в живых, когда вернется из Полтавы?

И вот стоит телега возле дома тети Насти. Вера увязывает вещи. Эйдельманы переезжают в Гадяч. Прежде Степан Борисович сам управлял собственной жизнью, но теперь ослаб профессор, совсем ослаб. Ухудшилось и состояние Клары Ильиничны.

Кто-то уходит, кто-то приходит. В первой части нашей повести мы уже познакомились с Митрофаном Петровичем Гавриленко и его выдающимся кадыком. Он постоянно проживал в Вельбовке и не был мобилизован в начале войны по причине язвы. Советские власти возложили на него партийное поручение, связанное с работой во вражеском тылу, поэтому Гавриленко остался на месте с приходом фашистов. Он помог Соломону, Вениамину и Глаше в строительстве первой землянки в местном лесу, а потом, лично осмотрев облюбованную ими поляну, пришел к выводу, что она подходит для организации более крупной партизанской базы.

Как выяснилось, у Гавриленко были определенные полномочия и связи. Землянка Соломона и Вениамина недолго оставалась одинокой: население леса постоянно увеличивалось. Месяц назад большая часть Юго-Западного фронта попала в окружение, под жестокие удары немецкой группы армий «Юг». Многие погибли, попали в плен, другие рассеялись по лесам и окрестным деревням. Стекались такие люди и в вельбовский лес – по одному, по два; некоторые были вооружены. Кто-то из них был одержим стремлением прорваться к своим, пересечь линию фронта; другие организовывались в партизанские отряды для сопротивления на месте.

Группа Гавриленко состояла в основном из попавших в окружение военных, но были в ней и гражданские беженцы. В лесу выросли новые землянки, возник боеспособный партизанский отряд. Им командовал майор Тихонов, деятельный офицер с немалыми организационными способностями. Соломон Фейгин стал его заместителем. Глаша действовала как связная между лесом и Гадячем. Ей приходилось ежедневно преодолевать пешком значительные расстояния. Гавриленко, переселившийся в лес в качестве комиссара, требовал от нее проявлять максимальную осторожность. Обычно Глаша ночевала дома, у мамы Насти, но временами удобнее было остаться в лесном лагере, и тогда девушка получала возможность встретиться с Вениамином. Эти встречи по-прежнему сопровождались взаимным смущением и пустой болтовней, единственный смысл которой заключался в том, чтобы это смущение заглушить.

Глаша нашла-таки дорогу к сердцу парня. Он влюбился не на шутку: все в ней кажется ему совершенным. Он любит ее серые серьезные глаза, ее мягкий сердечный голос, ее легкие ноги, обутые в грубые сапоги. Ему нравится ее сосредоточенность, ее постоянная готовность к действию, ее прямота, упругая точность ее движений. Долгие часы он лежит в землянке с открытыми глазами, глядя в темноту и думая о Глаше. Но вот приходит время встречи, они остаются вдвоем, и Вениамин вдруг теряется, не знает, что сказать. Чем дороже становится ему эта девушка, тем меньше нужных слов приходит на ум. А она... – ей нравится его смущение: улыбка играет у нее на лице, когда они шагают рядом по осеннему лесу.

Они идут рядом, совсем как когда-то, и сосны бормочут у них над головами, поют свои грустные песни. Вениамин снова молчит. Глаша понимает причину этого молчания. Теперь, когда она уверена в своей красоте, в своей утвердившейся власти над парнем, пришло время для женских уловок. Если уж достался ей такой молчаливец, придется говорить за двоих. И она болтает о том и о сем, о вчерашних глупостях, о сегодняшней ерунде.

Но затем вырывается наружу и то, что давно уже мучает Глашу: расстрел двенадцати евреев у насыпи. Убийство, свидетельницей которому она стала. Девушка наконец рассказывает Вениамину, что среди расстрелянных был отец Соломона. Парень потрясен.

– Нужно известить об этом Песю, – говорит он. – Люди должны знать, какая опасность им угрожает.

Глаша подробно описывает все, что видела – все детали, о которых не смогла рассказать сразу. Мир темнеет вокруг Вениамина. Долго потом не может он избавиться от страшной картины расстрела.

С наступлением темноты Глаша прокрадывается в Садовый переулок. Песя уже вернулась с работы в столовой, но Тамары еще нет – она у Розенкранцев. Между ней и Раей завязалась странная дружба – странная потому, что уж больно велика разница в возрасте. Рая уже окончила школу, а Тамаре всего тринадцать. Тем не менее, они постоянно вместе, о чем-то шепчутся, что-то замышляют.

Итак, Глаша опять стоит в горнице дома Фейгиных и смотрит вокруг, поражаясь царящему там запустению. Грабители не обошли этот дом своим вниманием – повсюду видны следы погрома. Всего несколько дней прошло с момента их прошлой встречи, но сколько страшных событий они вместили! Вот и в волосах бабушки Песи добавилось седины.

– Бабушка, – начинает Глаша и замолкает.

Она сидит у стола и смотрит в окно на двор и на два дерева во дворе. Молчаливые и печальные, они будто кивают девушке из темноты: говори, говори дальше! Лицо Песи окаменело: она уже чувствует недоброе.

– Бабушка, – смущенно повторяет Глаша, – у Соломона Ефимовича все в порядке. Они с Вениамином находятся в безопасном месте. Они ни в чем не нуждаются – ну, разве что, в табаке.

Глаша снова умолкает, собираясь с духом, перед тем как выложить плохую весть. Песя тем временем ставит на стол чайник и стаканы. Ставит и встает напротив девушки. Она уже представляет себе, что ей предстоит сейчас услышать. Глаша вздыхает: как ни оттягивай, когда-то придется произнести эти слова.

– Бабушка, – говорит она твердо. – Я видела последние минуты вашего мужа. Фашисты убили его вместе с другими людьми. Я видела это своими глазами.

Стакан падает на пол, а вслед за ним валится и старая Песя. Валится со слабым стоном, легко, как подстреленная птица. Как раз в этот момент входит Тамара. Вместе с Глашей они склоняются над потерявшей сознание бабушкой.

Плохо на Украине. Плохо и на всей территории Советской России. С 9 по 15 октября врагом захвачены Брянск, Орел, Вязьма. Фашисты взяли Харьков, подошли к Москве.

Во второй половине октября на городских улицах Гадяча был расклеен приказ, обязывающий всех евреев – от детей до стариков – завтра в десять утра явиться на главную городскую площадь для всеобщей регистрации. Те, кто не явятся, будут жестоко наказаны.

Среди евреев немедленно вспыхнули споры: исполнять ли немецкое указание? Говорили разное. По мнению Шапиро, исполнение любых немецких приказов ведет к гибели. Необходимо спрятаться. Те, кто приготовил себе убежища, должны немедленно воспользоваться ими. Остальным тоже рекомендуется скрыться, кто где может. Из рассказов беженцев хорошо известно, что означает подобный приказ. Либо умертвят всех сразу, либо убьют детей и стариков, а трудоспособных отправят на каторжные работы. Так говорят беженцы – люди, испытавшие это на своей шкуре или видевшие, что произошло с их родными и близкими.

Так говорит глава общины. Но нелегко пойти против приказа, когда ты оказался между молотом и наковальней. Пассивные люди, привыкшие всегда и всюду исполнять указания любого начальства, полагают, что надо явиться на площадь. Есть и такие, кто уверен, что следует положиться на Божью волю. Среди сторонников исполнения приказа и Моше Сохоринский, вечный отпимист. Глупости, говорит он. Немцы – известные любители порядка. Возможно ли такое, что они убьют сотни людей просто так, без суда и следствия? К примеру, в чем провинился я, Моше Сохоринский? Никогда в жизни я не шел против властей – ни против русских, ни против немцев, будь они прокляты. С какой стати мне тогда прятаться?

Были и наивные простые люди, упорно не верившие в приближающуюся беду. Сапожник Ицхак из Садового переулка успел открыть мастерскую и прекрасно зарабатывал в последние недели. Он даже не думал прятаться – чего это вдруг? Зря он, что ли, шьет сапоги полицаям и даже нескольким немецким офицерам? Шьет даром – лишь бы не трогали и позволяли зарабатывать на пропитание! Какой смысл убивать такого полезного человека? Он сходит с семьей на площадь, запишется где скажут и вернется домой, в мастерскую. Кто-то ведь должен закончить сапоги для бургомистра Карпенко и для еще одного германского офицера!

Да, меняет человека тяга к деньгам. Хая-Сара Берман рассуждает примерно так же, как и сапожник Ицхак. Мечта о собственной лавке по-прежнему застит ей белый свет, по-прежнему надеется она повернуть назад колесо судьбы.

Невозможно переубедить эту пузатую старуху. Подумаешь, записаться! Она пойдет и запишется, большое дело! А потом снова займется торговлей в своих двух комнатах на Вокзальной улице. Слушайте, что вам говорит Хая-Сара Берман: пройдет совсем немного времени, и вы увидите ее в собственном магазине с несколькими отделами и приказчиками в роскошных ливреях! А на цветных бумажных пакетах будет напечатано большими золотыми буквами: «Х. С. Берман»...

С горечью и отвращением слушает Голда похвальбу свекрови. Уж ее-то глаза не слепит блеск никаких золотых букв. Она несет прямую ответственность за жизнь маленькой Ахувы и, возможно, за еще одну жизнь, уже зародившуюся в глубине ее материнского живота. Опять вспыхивает ссора в семействе Берманов. Никак не могут поладить между собой две эти женщины. Берман мечется от матери к жене и обратно; по мягкости характера он не может стукнуть кулаком по столу, принять мужское самостоятельное решение. Так, в криках и спорах, проходит день. На Гадяч опускается вечер.

«Зарегистрироваться!» – вызывает со стен приказ, напечатанный на двух языках: слева на немецком, справа – на украинском.

«Прятаться!» – стоит на своем Шломо Шапиро. В конце концов, спрятавшимся мало что угрожает. Если они увидят, что тем немногим, кто явится на площадь, немцы не причинят никакого вреда, всегда можно будет через пару дней выйти из укрытия и пройти регистрацию. Мало ли какая может быть уважительная причина: болезнь, незнание, отъезд...

Из уст в уста передают эти слова городские евреи. Кто-то в лихорадочной спешке строит укрытие. В вечерней тишине предательски стучат молотки и топоры, лопаты вонзаются в землю. Приглушенная речь, шорохи, лихорадочная возня. Ицик Слуцкий разделяет мнение Шапиро. Он никогда не ждет от жизни хорошего, этот низкорослый широкоплечий еврей с рабочими руками. До войны он посвящал все свое время фруктовому саду. Яблоки, сливы, груши, вишня... – десятки плодовых деревьев требуют постоянного ухода, и Ицик Слуцкий никогда не отлынивал от работы. А тут еще мальчишки не дают покоя. Стоит зазеленеть на ветках яблокам, как тут же лезут в сад незваные гости. Поневоле обозлишься на весь белый свет.

И уж если Ицик в принципе не верил никому из рожденных женщиной, то что тогда говорить о его отношении к фашистам! Явиться на регистрацию? Да лучше уж сразу повеситься. Не такой он дурак, чтобы самому даться в руки этим поганым убийцам. Если Моше Сохоринский, привыкший верить в любую чепуху, желает совершить самоубийство – что ж, его воля, пусть идет на площадь. Он, Ицик Слуцкий, останется дома. Слава Богу, есть куда спрятаться.

Умелые руки Слуцкого давно подготовили славное, хорошо замаскированное укрытие. Есть у Ицика пес по кличке Жук. Честно говоря, по причине старости он уже мало на что способен и никак не помогает хозяину в его вечной войне с мальчишками. Зато собачья будка Жука служит хорошим прикрытием для схрона. В подвале установлена глухая перегородка, а с другой ее стороны – свободное пространство с небольшим подземным туннелем, норой, которая выходит прямо под собачье обиталище.

Чего только не придумывают люди, как только не исхитряются. Но совсем не радостны эти приготовления: страх и дурные предчувствия видны в глазах у каждого.

Идут приготовления и в штабеле. Аарон Гинцбург действует там от имени Старого Рабби, адмора Шнеура Залмана, да благословится имя святого. Над могилой – невысокий купол. Золотые буквы светятся на мраморных плитах.

Малый огонек теплится в светильнике на столе – малый, но видный отовсюду, с земли и с небес. Аарон хранит его от темных сил Ситра Ахра, заботится, чтобы, Боже упаси, не погас. Не уснет, не задремлет хранитель Негасимого огня. Добавилось серебра в его бороде, красны глаза от бессонницы, но не сдается Аарон Гинцбург, не уходит со своего поста.

Ему помогает сын Лейбка. Он теперь все время с отцом, этот паренек, который прежде думал лишь о проказах и о налетах на чужие сады. Его загорелое лицо потемнело, щеки ввалились, в глазах поселилось выражение сосредоточенности. Повзрослел парень. Он послушно исполняет все указания отца, приносит ему еду, служит связным между штибелем и евреями Гадяча.

Гинцбург уверен, что только Рабби в состоянии спасти людей от уничтожения. Фашисты не осмелятся приблизиться к могиле, а если попробуют – узнают на себе силу Господней руки.

Когда до Аарона доходит известие о расклеенном приказе, он посылает Лейбла в город. Пусть созовёт всех сюда, под защиту адмора. Опасно сейчас ходить по улицам города, но Лейбка подчиняется – надо спасать людей. Главное не попасться на глаза Карпенко или Маргарите Фридриховне. Мальчик понимает, что это верная смерть и ему, и, возможно, всем прочим членам семьи. Но посланец праведного дела все ловушки обойдет... – вот Лейбка и обходит, стучится в двери, передает испуганным людям благую весть. Держите выше голову и не бойтесь! Отправляйтесь в штибель – там не случится с вами ничего дурного!

И что вы думаете? В штибеле действительно собирается горстка евреев. В самом деле, непонятно, где можно найти защиту, а время идет, и надо на что-то решаться. В этот вечер евреи вылезли из нор и почти открыто снуют по улицам Гадяча. Сегодня последний день, когда они еще могут ходить здесь относительно свободно. Люди приходят в штибель целыми семьями. Как знать? Возможно, и впрямь сотворит чудо дух святого Рабби? Даже малoverы полагают, что сила праведника не действует на расстоянии, а лучше всего проявляется в непосредственной близости от святой могилы. А коли так, то и вправду стоит прийти в штибель, спрятаться на кладбище, переждать, пока схлынет опасность, затопившая город.

И люди предадут свою судьбу в руки Старого Рабби, лежащего в земле под куполом могилы, в руки его представителя, кладбищенского габая Аарона Гинцбурга. Главное – вера, евреи! Гинцбург сидит в штибеле, на своем обычном месте возле святого ковчега, и губы его шевелятся, произнося слова молитвы. С почтительным страхом взирают растерянные люди на черного габая.

Под вечер пробираются в штибель новые беженцы. Вот так сюрприз: среди них Шломо Шапиро и его жена Берта Абрамовна. Глава общины верен своей привычке находиться там, где собирается большинство соплеменников. Странно другое: если Шапиро призывает всех прятаться в неприметных укрытиях, то почему тогда сам он пришел в кладбищенский штибель, открытый на все четыре стороны света? Похоже, беспокойство за людей опять перевесило в нем чувство опасности. Пока Гинцбург общается с Богом, Шапиро заводит простую беседу с собравшимися в штибеле беженцами.

Вот уже вечер наступил, а люди всё подходят. Пришел врач Энгерт, в руке у него чемоданчик с лекарствами. Пришла акушерка Голда; многим детям помогла она появиться на свет, а теперь сама ищет спасения.

Люди перешептываются под глухо закрытыми окнами, Шапиро переходит от одного к другому, утешает, поддерживает. В последний момент, когда уже совсем стемнело, приходит семья Гинцбурга: Ципа-Лея с Саркой, а затем и Голда Берман

с Ахувой на руках, в сопровождении трех братьев – Лейбла, Шимона и Абки. Парикмахер Берман тоже с ними. Но где же Хая-Сара?

Смех и слезы: как ни уходил от решения мягкосердечный Берман, но и он вынужден был сделать выбор. Взяв сторону Голды, он сделал всё, чтобы убедить мать спрятаться. Однако старуха уперлась так, что не сдвинуть. Она и помыслить не могла о том, чтобы оставить без присмотра свою заветную кладовку – ядро будущего роскошного магазина. Нет, никуда она не пойдет – не лишилась еще ума Хая-Сара Берман!

В разгар спора на Вокзальную прибежал Лейбка с вестью от отца. Паренек так набегался за день, что буквально валится с ног.

– Папа говорит, что всем надо идти в штабеля! Туда фашисты не доберутся!

Хая-Сара слышит и раздражается смехом. Фальшиво звучит этот смех, как у плохого актера на сцене. Если уж быть до конца честным, даже ее душу раздражают сомнения.

– С чего он взял, что туда не доберутся? Что им помешает?

– Пошли! – решительно говорит Голда.

Она мать, на ней лежит ответственность за детей. Кроме того, Голда беспрекословно верит отцу. Несмотря на все свои странности, он всегда был ласков и убедителен с детьми. Она начинает собираться. Теперь очередь за Берманом.

– Мама, пойдем, – говорит он, в первый и последний раз в жизни осмеливаясь возразить матери. – Ну, пожалуйста. Как ты останешься одна в такой страшный день?

– Ничего страшного, не украдут меня! – сердито отвечает Хая-Сара.

Тем временем Голда завершает свои поспешные сборы. Она стоит у двери с ребенком на руках. Стоит и молчит, но молчание ее говорит само за себя.

– Ну и проваливайте! – кричит вдруг Хая-Сара. – Идите все к черту! Я остаюсь здесь!

– Что ж, всего тебе доброго, – печально говорит Берман и целует разгневанную мать в щеку.

И тут словно что-то ломается в душе непреклонной старухи. Она крепко обнимает сына, прижимает его к себе и замирает так на несколько мгновений. Не то стон, не то всхлип вырывается у нее – короткий, прощальный.

Все берутся за узлы; своя ноша выпала даже усталому Лейблу, даже самым маленьким, Шимону и Абке. Беженцы в собственном городе, они крадучись выходят из дому. Серыми тенями полны этой ночью улицы Гадяча. Хая-Сара запирает дверь изнутри. Ее вдруг охватывает ужас. Еще не так темно, чтобы зажигать свет. Старуха садится у окна и смотрит на Вокзальную улицу. Сумерки. Напротив сидит на скамье украинка и что-то жует так поспешно, будто боится, что кто-то вырвет еду у нее изо рта. Но вот она проглатывает и равнодушно глядит прямо перед собой. На женщине мягкое цветастое платье, вязаная кофта и туфли со стоптанными каблуками.

Что-то знакомое в этой женщине... – ах да, это ведь Ксения, дочь Ульяны Мазурок. Вот она встает и медленно идет прочь от скамейки.

Страх продолжает терзать сердце Хаи-Сары Берман. Она вздыхает, отходит от окна и, не раздеваясь, ложится на кровать. Вокруг тишина – лишь мыши скребутся в кладовке.

Пожалуй, в этот момент мы и оставим Хаю-Сару Берман. Неизвестно, удалось ли ей задремать в эту ночь – во всяком случае, никто не слышал ее обычного храпа. Лучше посмотрим, что происходит в Садовом переулке. Там вовсю готовятся: Песя пригласила в свое укрытие семью Розенкранцев, Фрейду

Львовну и ее дочь Раю. Хаим-Яков и Нахман Моисеевич погибли бок о бок, и общее несчастье как бы породнило двух вдов. Фрейда Львовна моложе Песи на десять лет, и это сказывается на их повседневном быте. Например, Песя блюдет кашрут, в то время как Фрейда Львовна не придает ему особого значения. Песя – скромная простая еврейка, а Фрейда Львовна считает себя образованной современной гражданкой. Но вряд ли сейчас есть время обращать внимание на подобные разногласия.

Итак, две женщины и две девочки готовятся занять место в укрытии на чердаке. Говорят шепотом, двигаются осторожно, готовят еду, которую планируют взять с собой. В укрытие переносится запас воды, одеяла, подушки. Затем они крепко запирают двери и ставни и ложатся спать – пока еще в комнатах. Завтра в десять утра им придется подняться в укрытие и молчать, надеясь на лучшее.

Рая и Тамара лежат рядом и шепчутся до полуночи. О чем они говорят? Настало время открыть их тайну. Девочки собираются переодеться украинками и сбежать из Гадяча. Пока они никому не рассказывают о своем намерении, не желая раньше времени вступать в споры с мамой и бабушкой.

Тамара решила уйти из города давно – в день разгрома дедушкиного дома, в день, когда немецкий офицер несколько раз выстрелил у нее над головой. Оставаться в городе еврейкой – значит погибнуть. Тринадцатилетняя девочка хочет жить, и если взрослые не могут обеспечить ее безопасность, приходится заботиться об этом самой. Она всегда была послушной, любила маму и бабушку Песю. Но разве виновата Тамара в том, что родилась еврейкой? Кто-нибудь спросил ее об этом? Нет. Почему же сейчас она должна погибать?

Жить в Гадяче становится всё опасней и опасней. Значит, нужно убежать туда, где никто ее не знает. А за компанию, чтобы не было скучно, можно взять с собой Раю Розенкранц.

Рая – красивая девочка со светлыми волосами и голубыми глазами. Еврейского в ее облике – лишь слегка горбатый нос и глаза навывкате, а в остальном – обычная внешность. Сейчас девочки обсуждают, где достать такую одежду, чтобы сойти за деревенских.

Наговорившись, они засыпают. Вот оно, преимущество бездумной юности: пожилые женщины всю ночь ворочаются с боку на бок в своих постелях, вздыхают, встают и снова ложатся.

Пройдем дальше по темному Гадячу, к дому Мириам Левитиной. Нет, не улучшилось ее положение с момента ухода в армию мужа. Тяжело ей с двумя детьми, особенно, с Леей, на которой сказывается страх и напряжение последних дней. Припадки участились, теперь девочка все время лежит в постели и глотает лекарства. Песя Фейгина звала Левитиных переселиться в Садовый переулок, но Лее трудно перейти в новое место, так что пришлось остаться в доме. С появлением немецкого приказа о регистрации Мириам решила спрятаться в задней комнате, кое-как замаскировав вход.

К Левитиным тоже приходили грабители; забрали всё – и вещи, и свиней, так что семья осталась ни с чем. Хорошо, что Мириам успела обменять на продукты выходной костюм Ехезкеля – все остальное унесли воры.

А что происходит с самыми старыми? Как мы помним, укрытие в доме Эстер, мастерицы лапши, было построено еще покойным Зерахом во времена первых погромов. Теперь Нехама перенесла туда постели и запас продуктов. Излишне говорить, что каждое действие дочери совершалось под строгим контролем старой Эстер.

Резник реб Довид живет у своих дальних родственников. Он не собирается прятаться. Слепой старик твердо полагается на Бога, который, как известно, «есть еще у нас в небесах». Много видел он в своей жизни и усвоил, что миром правит

Божественный промысел. Во время шести дней Творения создал Бог небо и землю, свет и тьму, растения и животных, а также первого человека. И вместе со всем этим создал Он войну. Воюют друг с другом свет и тьма, глушат друг друга растения, звери рвут друг друга на части. Вот и люди заняты непрерывным кровопролитием. Благословенный Господь избрал евреев своим народом, дал им Тору и правила жизни. И вот приходят нахальные невежи и насмеваются над всем этим. Удивительно ли, что иссякло терпение Господа, и решил он стереть с лица земли неблагодарное поколение? А что касается самого ребя Довида – есть у него и вера, и уверенность. Владыке мира сверху всё видать – каждого человека, каждый шаг его, каждый грех, каждое преступление. Когда придет время, завернется реб Довид в талит и погрузится в молитву. И если уж суждено ему, ребу Довиду, заплатить за грехи никчемного поколения, то так тому и быть. Нет, не станет старый резник прятаться от Божьей руки!

Так говорит слепой реб Довид, и никакая сила в мире не изменит его решения.

И была ночь, и было утро.

До последнего момента не выдавали немцы своих намерений. Так они обычно и действовали: втайне готовили «акции», чтобы люди не успели убежать и спрятаться.

С раннего утра Гадяч заполнили эсэсовцы и полицаи. Они перекрыли все выходы из города, на каждом перекрестке дежурили патрули. Ближе к десяти на улицах появились евреи, которые двигались в направлении главной площади. Вот только их было так мало, что начальник гестапо едва не лопнул со злости. Согласно первоначальным оценкам, в Гадяче оставалось от двухсот до двухсот пятидесяти евреев, в то время как перед комендатурой собралось меньше тридцати.

Тогда прозвучала команда, и в город устремились машины СС. Началась облава с целью вытащить евреев из укрытий и собрать их на площади. Из домов слышались крики, стоны и звуки ударов. Толпа людей на площади перед комендатурой постепенно росла.

Трудно поверить, но одними из первых были приведены сюда Степан Борисович и Клара Ильинична Эйдельманы, русские люди из Ленинграда. Свои последние дни они прожили в условиях, которые были намного удобнее деревенских. Просторная и светлая квартира, достаточное количество дров для отопления, небольшой запас продуктов, теплая одежда. Вера не стеснялась пользоваться всем, что находила в доме – так или иначе его содержимое рано или поздно должно было достаться немцам. А после войны, когда наши одержат победу, в чем Вера не сомневалась ни минуты, профессор вернет хозяевам всё в двойном размере. Если, конечно, выздоровеет.

В тот день Вера затеяла стирку. Весело трещат сухие дрова, на плите закипает вода в тазу. Девушка стоит над корытом, ее рябое лицо залито потом. Степан Борисович спит: ночь выдалась бессонной, и теперь больной отдыхает. Клара Ильинична делает легкую работу по хозяйству, помогает по мере сил своей бывшей домработнице, которая теперь превратилась в единственную надежду и опору. Все трое знают, что сегодня евреям назначена регистрация. Но их это не касается никак – ведь они русские.

Беда приходит внезапно.

Входная дверь не заперта, поэтому два эсэсовца в черной форме и сопровождающий их полицай входят без стука. Сначала они заглядывают на кухню. Им достаточно одного взгляда на рябое растерянное лицо Веры, чтобы

понять: она их не интересуется. Затем незваные гости входят в комнату стариков. Топот сапог будит Степана Борисовича, он испуганно приподнимается на постели.

– Юден? – спрашивает эсэсовец.

– Их зинд русен, – слабым голосом отвечает Степан Борисович.

Он хорошо говорит по-немецки и по-английски, а при необходимости может поддержать беседу и на французском.

Где паспорта? Профессор принимается шарить вокруг дрожащими руками. Ведь там написано черным по белому, что он русский. Где же они, Боже мой? Скорее, профессор, скорее! Голова Степана Борисовича кружится, он никак не может вспомнить, куда положил документы. Вдобавок ко всему, он не брился несколько дней и теперь выглядит еврей-евреем. Где же они, эти чертовы, эти спасительные паспорта? Нету, нигде нету! Что же делать? Вдруг его осеняет: конечно, он ведь положил их в томик Толстого, на тумбочке.

– Клара, – в панике кричит он, – передай мне Толстого! Быстрее!

Уфф... Слава Богу, паспорта на месте. Степан Борисович показывает эсэсовцам документы, сопровождая это обстоятельным объяснением. Он профессор из Ленинграда, находится здесь на лечении. Легочный туберкулез, постельный режим. Немцы смотрят на него и колеблются. Но тут находчивый полицай сдергивает с профессора одеяло, задирает его рубаху и демонстрирует всему миру убедительный признак еврейства. Да, Степан Борисович родился в Киеве, в богатой образованной семье, но в те времена даже такие семьи не отказывались от брита, объясняя это, впрочем, соображениями гигиены.

Какой признак предпочесть? Сомнительную запись в сомнительном советском документе или несомненное свидетельство брита Авраама? Решение ясно: паспорта фальшивые. Снаружи беснуется начальник гестапо, требуя согнать на площадь как можно больше евреев. Надо торопиться вытащить их из нор.

– Встать! Быстро!

– Куда вы берете его? – растерянно спрашивает Вера с порога комнаты. С ее красных от стирки рук капает вода. – Ведь он болен!

– Молчи, а то и тебя возьмут, – по-русски вполголоса советует ей полицай.

Снаружи ждет машина. Полицай тащит Степана Борисовича на себе, как мешок. За ними семенит Клара Ильинична. Ее выпученные глаза полны слез, она повторяет, как заведенная:

– Осторожней! Осторожней!

Как будто полицейский тащит хрупкую хрустальную люстру... Но вот и грузовик. Профессора закидывают в кузов, туда же подсаживают и Клару Ильиничну. Она не возражает.

Вера с тревогой на лице провожает отъезжающий грузовик. Наверху в кухне все так же весело трещат сухие поленья, кипит вода в тазике, в корыте лежит белье и лопаются пузыри мыльной пены.

На улицах Гадяча облава, грузовики с палачами-гестаповцами.

Осторожней, евреи! Сидите тихо! Пусть никто не пикнет в укрытии, пусть не застонет старик, не закричит младенец. Слышите? Гремят сапоги в запертые ворота: «Открывайте!»

Охота продолжается – пришла беда и в дом Левитиных. Вот стучат в дверь; мать с сыном и дочерью прячутся в задней комнате. Вход в нее замаскирован чисто символически – закрыт куском обоев. Шум усиливается – это начинают ломать входную дверь.

– Екель, – быстро шепчет Мириам сыну, – выбирайся наружу и прячься!

Паренек открывает окно и выпрыгивает во двор, но почти сразу в окне появляется его голова:

– Мама, а как же вы с Леей?

– Екель! Немедленно беги! – командует мать.

В этот момент у Леи начинается приступ. Судороги, пена у рта, матрас дрожит под ее вибрирующим телом. Мириам быстро закрывает окно. Почти сразу же в комнату врываются немцы.

– Почему не открывала, еврейская свинья?

Мириам прикрывает телом больную дочь, как птица своего птенца.

– Шнеллер! Шнеллер!

Бессознательную девочку и Мириам волокут в грузовик. Еще на двух человек увеличилось число собравшихся на площади евреев. Моше Сохоринский, который пришел по своей воле, приветливо встречает вновь прибывших. Ну, и зачем было прятаться? Все равно ведь найдут. Проходит еще некоторое время, и привозят старого реба Довида. Он прижимает к груди черный вельветовый футляр с талитом, губы шепчут слова Давидова псалма. Реб Довид мал ростом, зато борода его пышна и густа. Мы с вами давно уже знаем этого слепого, но неукротимого воина. Слышали его суровые слова в адрес молодых наглецов и невеж, забывших Тору и наставления мудрецов прошлого. Слышали гневные его предсказания «босьякам», полагающим, что подмяли они под себя Божий мир. Твердо знает слепой старик, что есть еще у нас Бог в небесах – Он и будет единственным судьей, когда настанет день последнего суда.

А не настал ли он уже сейчас? И что происходит с Хаяй-Сарой Берман? Беда: дочиста ограбили ее кладовку. Не иначе как кто-то донес. Неудивительно, ведь в последнее время у нее было множество покупателей, евреев и не евреев. Кладовка обнаружена почти сразу, в самом начале обыска. Воры извлекают свиной окорок, начинают искать водку. Нюх у них, что ли, на эти бутылки? – Нашли, нашли, проклятые! стакан водки и сало на закуску – хорошо!

Хая-Сара смотрит, как испаряется ее богатство, и сердце женщины разрывается от горя.

– Оставь сало! – в отчаянии кричит она вору. – Не твое!

Каждый глоток водки, каждый откушенный от окорока кусок болью отзываются в душе толстухи.

Но вот бутылки опорожнены, сало съедено. Полицай командует: на выход! Хая-Сара выходит и хочет запереть дверь.

– Не надо, – ухмыляется эсэсовец и подталкивает ее к грузовику.

Но женщина не уступает, тычет в замок ключом. Немец вырывает его из рук старухи, запирает дверь и кладет ключ себе в карман.

– Мой ключ! – вопит Хая-Сара по дороге к машине. – Отдай мне ключ!

Проходит какое-то время. Число евреев на площади увеличивается до шестидесяти. Они сбились в кучу и терпеливо ждут решения своей судьбы. Моше Сохоринский удивлен: почему не начинают регистрацию? Ведь в приказе было ясно написано, что еврейское население должно явиться в десять утра для регистрации.

Люди начинают беспокоиться. Привозят Нехаму, дочь Эстер, мастерицы лапши. Поистине, старая Эстер выжила из ума. Они вдвоем были в полной безопасности в своем замечательном укрытии: тихо-мирно сидели там с утра, три или четыре часа. И тут вдруг матери захотелось взглянуть, не миновала ли опасность!

– Нехам! – приказывает она дочери, как приказывала всю жизнь. – Выйди и посмотри, что творится в городе!

Нехам отказывается: как знать, а вдруг опасность еще существует? Но Эстер настаивает на своем. Она возмущена этим неожиданным бунтом со стороны всегда послушной дочери.

– Выйди, мерзавка!

Совсем обезумела старуха: даже в такой день она требует беспрекословного соблюдения дисциплины!

– Говорят тебе, иди! Тревога кончилась. Слышишь: в городе тихо!

Нехама сдвигает крышку подпола, поднимается в комнату и закрывает за собой люк. В этой комнате прошли семьдесят лет ее жизни. Здесь царит бедность. Мебель рассохлась и растрескалась, стены не видели побелки вот уже не один десяток лет. Входная дверь приоткрыта; Нехама захлопывает ее и по привычке задвигает засов. Роковая ошибка! Женщина подходит к окну и прислушивается. В городе и в самом деле тихо... Хотя нет: слышен шум мотора приближающейся машины. Пока Нехама соображает, что к чему, грузовик въезжает во двор, и вот уже дверь дрожит от ударов.

Что делать? Дверь заперта изнутри, значит, в доме кто-то есть, кто-то прячется. Даже если Нехама успеет спуститься в подпол, тщательный обыск непременно обнаружит укрытие, и тогда они погибнут вдвоем – и она, и мама. Остается одно. Ей кажется, что она слышит сердитый окрик матери из глубины подпола: «Открывай, мерзавка!»

И Нехама открывает. Эсэсовцы врываются в дом и обнаруживают в нем одну семидесятилетнюю старуху. Обыск тороплив и поверхностен, так что укрытие Эстер остается незамеченным. Немцы едут дальше, прихватив с собой Нехаму.

Грузовики продолжают рычать моторами по притихшим улицам. Но давайте отвлечемся на минуту от страшной гестаповской охоты. Давайте заглянем на чердак дома в Садовом переулке, где в укрытии лежит Тамара, уставившись на темные от времени балки. Ни с того ни с сего вспоминает она Кима Вортмана. Кажется ей, будто она только что слышала его голос: во сне или наяву?

Откуда приходит к человеку любовь? Кто-то взмахивает волшебной палочкой, и в душе вдруг заводит свою мелодию скрипка. Один за другим присоединяются к ней другие инструменты, и вот уже целый оркестр немо гремит торжественной симфонией, заглушая все остальные звуки.

Ким Вортман жил со своей тетей Агриппиной Андреевной в Веприке, и там тоже было совсем несладко. В деревне стояли оккупанты, там тоже проводилась «регистрация», тоже грабили людей по домам и тоже отправляли на принудительные работы.

В обычное время Ким любил возвращаться осенью в школу. После летнего безделья уроки казались особенно интересными. Теперь же школы не было. Не было ничего – ни уроков, ни друзей. Была лишь скучная очкастая тетя, старая дева сорока лет. Нет, такая жизнь не могла понравиться никому. А тут еще и тоска по Тамаре. Днем и ночью видел он перед собой образ то грустной, то насмешливой, то своенравной девчонки. Воспоминаниями о ней наполнилась душа этого маленького статного мужчины с выпуклыми еврейскими глазами.

И Ким решил сбежать из Веприка. Но куда? Прежде всего, он отправится в Гадяч повидаться с друзьями, а точнее, с Тамарой. А затем попробует добраться до Харькова, узнать, как там родители. Ночью он почти не сомкнул глаз. Адресованное тете прощальное письмо было написано еще с вечера. Несмотря на чисто подростковое презрение, которое Ким испытывал к Агриппине Андреевне, он понимал, что тетя искренне любит его, и не хотел ее обижать.

«Дорогая тетя, – стояло в письме, – я ухожу. Пожалуйста, не ищи меня, потому что все равно не найдешь. До свидания. Ким».

Агриппина Андреевна еще спала богатырским сном, а Ким уже шагнул по лесной дороге в направлении Гадяча. Через три часа он уже стоял в Садовом переулке. Ворота фейгинского дома заперты, но что такое полутораметровый

забор для четырнадцатилетнего парня? Один прыжок – и Ким во дворе. Ставни тоже заперты; открыта лишь дверь в подвал, где когда-то они с Тамарой собирали бутылки. Он спускается туда, вдыхает запах соленых огурцов. Вот здесь стоял он, а тут она... – грустная улыбка появляется на лице мальчика. Он выходит из подвала и подбирается поближе к окну.

– Тамара! – тихо зовет Ким. – Это я, Ким. Я пришел. Где ты?

Но Тамара в это время лежит в укрытии на чердаке рядом с Раей, бабушкой Песей и Фрейдой Львовной. Лежит, и кажется ей, что слышит она голос Кима Вортмана. Во сне? Наяву? Голос идет снизу, зовет девочку в комнаты, во двор. Но в это время слышится звук мотора и голоса: «Открывайте!»! Это не к ним, а в дом сапожника Ицхака. Он отправился на регистрацию по своей воле и со всей семьей, но это не спасает его дом от обыска и разграбления. Обнаруженные в мастерской кожи и сапоги немцы переносят в грузовик. Ходить теперь бургомистру Карпенко без сапог, изготовленных сапожником Ицхаком. Ким слышит шум из соседнего двора. Он снова перемахивает через забор и прячется поблизости.

Теперь гестаповцы переходят к дому Фейгиных. Стук, шум, угрозы. Ворота заперты изнутри – значит, есть кого искать. Две женщины и две девочки, оцепенев от ужаса, лежат в своем укрытии на чердаке. Кровь стынет в жилах, лишь страх стучит молотом по вискам.

Убийцы врываются во двор, ломают дверь, вот они уже внутри дома. Ким лежит за забором и смотрит в щель за происходящим во дворе. Проходит десяток-другой томительных минут. Эсэсовцы покидают дом. Они не нашли никого и ничего – ни евреев, ни заслуживающих внимания вещей.

Машина уезжает. Прыжок – и Ким снова во дворе. Дверь дома распахнута настежь. Внутри полный кавардак. Может, Тамара все же прячется где-то здесь?

– Тамара! – зовет он. – Это я, Ким!

Нет ответа. Ким выходит наружу, слоняется по городу, доходит до главной площади. На ее краю стоит группа украинских подростков, и парню удается затесаться между ними. Около шестидесяти евреев стоят, сидят и лежат на земле возле комендатуры. Слышен детский плач, он поднимается высоко, к самому небу. Пасмурно осеннее небо. Вокруг евреев стоит цепь вооруженных эсэсовцев. Ким вглядывается в лица людей: Тамары там нет. Кто-то из соседних парней украинцев говорит ему тихо:

– Це ты часом не еврей, хлопчик? Тикай отсюда...

Ким уходит с площади и, покругив по городу, возвращается в дом Фейгиных. словно магнитом тянет его к Тамаре. Он входит в дом, прикрывает сломанную дверь и ложится на кушетку. Парень смертельно устал: бессонная ночь и долгая дорога от Веприка дают себя знать. Чуть-чуть полежу, отдохну, думает он и тут же проваливается в глубокий сон.

Глава 9

Два часа пополудни. Евреи все еще толпятся на главной площади Гадяча, и чем дальше, тем больше опасаются они за свою судьбу. Вокруг людей – оцепление из вооруженных эсэсовцев и полицаев.

Полежав на влажной холодной земле, начинает проявлять активность тяжело больной профессор Эйдельман. На прекрасном немецком языке он жалуется на ошибку людей, которые привезли его на площадь. Это просто неслыханно. Он никакой не еврей, он русский! Автор нескольких книг, которые снискали ему известность не только в России, но и за рубежом. Дома у них – у него и у жены – остались паспорта, где ясно написано...

Не в первый раз человек пытается отмежеваться от евреев; когда-то он уже проделал это посредством крещения. Сейчас его слова обращены к ближайшему эсэсовцу. Это бледноватый немец в черном мундире, украшенном металлическими черепами; на носу у него очки, придающие зверю обманчивый человеческий облик. Степан Борисович говорит, не переставая, убеждает, доказывает; очки на носу гестаповца вселяют в него надежду. Наконец немцу надоедает это непрерывное жужжание, и он достаивает профессора пристальным взглядом.

– Прикажи ему снять штаны! – советует очкастому другой эсэсовец, из тех, что привезли Эйдельманов на площадь и посвящены в преступную тайну профессора.

В этот момент на Степана Борисовича нападает очередной приступ кашля. Пока профессор содрогается, лежа на земле, очкастый немец грубо стягивает с него штаны и являет на обозрение всей площади сморщенные гениталии старика, обрезанные по всем правилам брита Авраама. Эсэсовцы и полицаи раздражаются хохотом. Смех и скабрзные шутки летят над площадью. Степан Борисович корчится от кашля, последние силы оставляют его. На время старик умолкает; Клара Ильинична, склонившись над мужем, что-то шепчет ему на ухо – не то утешает, не то уговаривает.

Резник реб Довид стоит неподвижно, губы шепчут молитву, отрывки из Давидовых псалмов. Ничто не может сбить его с толку – ни небо, ни земля, ни земные жители. Нехама смотрит на старика. Она не слышит ни слова из его беззвучной молитвы, но знает: этот дряхлый резник служит сейчас единственным посредником между нею и Владыкой миров. Несладкая выпала ей жизнь. Нехама рано осталась без отца. После того, как отошел в мир иной возчик Зерах, властная мать превратила девочку в рабыню. Что видела она? Лишь тяжкий труд, упреки и ругань. И все равно любила свою деспотичную маму Эстер. Даже сейчас, глядя на шевелящиеся губы реба Довида, думает Нехама об оставшейся в подполе матери. Кто теперь позаботится о ней, кто поможет?

Впервые в своей семидесятилетней жизни Нехама осталась одна, без материнского присмотра – и сразу ошиблась, зачем-то заперла дверь...

Глаза Мириам Левитиной рыщут по площади, высматривают сыночка, Екеля. Она и хочет, и боится увидеть его здесь. В небе сгущаются тучи, первые капли дождя падают на площадь, на людей. Лея лежит неподвижно; трудно понять, в сознании она или нет. Мать склонилась над нею, держит голову дочери на коленях.

Привозят еще одного еврея – это служка Беломордик. В руках у него неизменная коробка для пожертвований. Беломордика поймали на улице, когда он возвращался с похорон. В эти дни на улицах то и дело находят мертвых – замерзших, застреленных, забитых насмерть, и каждого из них провожает Беломордик до могилы, читает над ним кадиш и «Эль мале рахамим».

Три пополудни. Дальше ждать невозможно: немцы хотят успеть до наступления темноты. «Встать!» Полицаи повторяют прозвучавшую немецкую команду по-русски. Евреи поднимаются с земли, поднимают больных. Степана Борисовича держат двое: сам он не может устоять на ногах. Как и Лея Левитина – ее с двух сторон поддерживают Моше Сохоринский и мама Мириам.

– Сейчас начнут регистрацию! – с облегчением говорит Сохоринский.

Людей выстраивают в колонну по шесть. Получается десять рядов и еще один, неполный – всего шестьдесят пять человек. Вокруг колонны – полицаи и эсэсовцы.

Идет нудный осенний дождь. Низкое, серое, давящее небо нависло над городом. Колонна сворачивает на Ромнинскую улицу. Справа – двухэтажное здание гостиницы. Ресторан открыт, из него доносится дразнящий запах тушеного мяса. Теперь здесь обедают только немецкие офицеры – солдатам и местным гражданским жителям вход воспрещен. Слева – закрытые магазины, часть из них разграблены. Улица продолжает жить своей жизнью. Что может остановить эту жизнь? Уж во всяком случае не звук шагов проходящей скорбной колонны. Чьи-то глаза опасно смотрят из-за слегка приоткрытых ставней. Справа кинотеатр. Дождь орошает деревья, неподвижно застывшие по обеим сторонам улицы. Весь мир словно затаил дыхание. В тишине слышен лишь звук шагов и тихое бормотание дождя.

Куда ведут евреев? Не на станцию ли? Гадяч – это вам не большой город, коротки его улицы. Ромнинская улица впадает в Вокзальную. Вот и дом Хаи-Сары Берман. Она шагает в своем ряду, низенькая, пузатая, желтолица. Слышен детский плач. Степана Борисовича тащат на плечах двое мужчин. Болезнь превратила его в почти бесплотную тень.

Читатели, наверно, уже поняли, куда ведут этих людей, но сами они не имеют о том ни малейшего понятия. Моше Сохоринский высказывает предположение, что пункт назначения – станция. Оттуда их, видимо, распределят на работу.

Но даже в сердце этого неисправимого оптимиста закрадываются дурные предчувствия. Куда направляется колонна? Когда наконец начнут регистрацию?

Ряды давно уже смешались. Теперь это никакая не колонна, а стадо уставших, измученных людей. Клара Ильинична семенит за двумя мужчинами, несущими на плечах беспомощного Степана Борисовича. Время от времени она напоминает им: «Осторожно! Осторожно!» Все мысли ее сейчас о том, как бы не повредить деликатную ношу.

Беломордик потряхивает своей коробкой. По его мнению, шествие очень смахивает на похороны, причем хоронят всю похоронную процессию. Моше Сохоринский укоризненно смотрит на служку. Он по-прежнему верит в лучшее. Здесь, в колонне, его жена и двое детей.

Поворот налево, к железнодорожным путям, но не в направлении станции, а мимо – в сторону свинофермы. Слева сереет высокий силуэт элеватора, слышно, как кудахчут куры. Белобрысый украинский мальчик стоит у забора и удивленно смотрит на странную процессию. Рот его открыт. Хлопает дверь; выскочившая из дома мать подхватывает ребенка и уносит его от греха подальше.

Свиноферма. До войны здесь было большое хозяйство, сотни голов; сейчас не осталось ни одного животного – немцы забрали всех. Зато вонь по-прежнему здесь. «Шнеллер!» – понукают эсэсовцы. Наполненный миазмами воздух проникает в грудь Степана Борисовича, и профессор раздражается сильнейшим кашлем. Осталось ли что-нибудь от его легких? Неужели никто не поможет умирающему человеку? Клара Ильинична ломает руки. Она слегка отстает и

обращается к одному из эсэсовцев. В ее выпуклых глазах мольба и отчаяние. Женщина просит как можно скорее отправить Степана Борисовича в больницу.

– Назад! – коротко взлаивает немец и наставляет на Клару Ильиничну ствол автомата.

Но женщина не отстает. Она кричит, настаивает, требует. Выстрелы. Теперь Клара Ильинична уже не требует ничего. Она падает на спину, несколько раз дергается и затихает.

Надо бы сказать несколько слов в память об этой женщине, чей труп валяется сейчас на обочине дороги в грязи и застарелом свином навозе. Она была дочерью Элиягу Бродера, обладателя неимоверного капитала, промышленника и чайного магната, чье имя гремело тогда по всему миру. В своем далеком детстве автор этих строк тоже, бывало, откусывал крошку сахара от выданного мамой маленького кусочка и прихлебывал глоток чая Бродера. Клара была его любимой дочерью. Она неплохо пела, знала несколько европейских языков и играла на фортепьяно. До старости сохранился у Клары Ильиничны приятный глубокий голос, радующий ухо своим теплом и мелодичностью.

И вот такой конец... Степан Борисович не слышит выстрелов: он давно уже смотрит лишь в глаза собственной смерти. Кашель сотрясает все его существо. Но остальные поворачивают головы на звук и видят распростертое на дороге мертвое тело, первую жертву этого дня. Ужас охватывает сердца. «Шнеллер!» Испуганные люди ускоряют шаги. Даже Моше Сохоринский осознает, что речь тут не идет о простой регистрации. Колонна еще раз сворачивает налево, проходит под маленьким мостиком и оказывается на грязном узеньком проселке. Справа простирается широкое поле, слева – глубокий овраг. На его краю примостились несколько тополей, внизу журчит ручеек.

Дождь перестал, но небо по-прежнему серо. Ноги людей вязнут в грязи.

– Хальт!

Шестьдесят четыре человека стоят в поле. Вокруг них – вооруженные солдаты. Несколько эсэсовцев заходят в кусты за тополями, но быстро возвращаются. Подъезжает машина. Рядом с водителем Петер Мейгерт, командир взвода СС.

Проходит несколько минут. Машина подает назад, в сторону тополей и встает там, между евреями и оврагом. От толпы отделяют несколько человек. Это Моше Сохоринский с женой и двумя детьми, а также двое мужчин, которым приказано взять с собой Степана Борисовича.

Их ведут в тополя, за машину. Теперь они вне поля зрения остальных. Зато их собственным глазам открывается глубокий овраг. Неужели он станет их могилой? Следует команда раздеться. Палачи подозревают, что евреи прячут золото и драгоценности. Намного удобнее обыскивать одежду отдельно от человека, уже после смерти последнего. Кроме того, еврейские тряпки пригодятся рачительному Третьему рейху.

Моше Сохоринский раздевается первым. Он худ и тонкорук, грудь и ноги покрыты волосами, кожа подрагивает от холода, в глазах ужас. За отцом раздеваются дети, они начинают плакать.

Степан Борисович открывает глаза.

– Раздевайся, старый жид! – кричит один из полицаев.

Но профессор понимает и по-немецки. Он медленно оглядывается вокруг. Значит, конец. Где Клара? Степан Борисович лежит на пожухлой траве. Полицай грубо срывает с него одежду. Из груди старика вырывается рыдание.

– Пожалейте детей! – молит жена Сохоринского.

Полицаи собирают одежду и забрасывают ее в кузов грузовика. Затем прикладами подталкивают голых людей к краю рва, лицом к яме, спиной к

палачам. Выстрелы. Трупы падают в ров. Кровь, судороги агонии. Выпало профессору-выкресту Степану Борисовичу Эйдельману найти последнее успокоение рядом с Моше Сохоринским, скромным евреем, ничем при жизни не выделявшимся.

Приводят следующую группу. Это сапожник Ицхак с семьей. До последнего момента он что-то лепечет, пытается объяснить, что исполняет срочный заказ бургомистра Карпенко и господина офицера. Кто теперь стачает им сапоги?

– Раздеваться! – отвечает ему грубый окрик.

Группа за группой падает в ров. На дне оврага растет груда мертвых тел. Приходит очередь Хаи-Сары Берман. Что им нужно от нее? Раздеться? Не бывать этому! Упрямство овладевает старухой на пороге смерти. Наверно, и впрямь прячет в одежде неимоверные ценности. Хая-Сара наотрез отказывается раздеться. Крики, возня. К старухе подсакивает разгневанный эсэсовец. В руке у него хлыст. Немец начинает наотмашь хлестать старуху. Та вскрикивает, охает, но по-прежнему настаивает на своем. И не только настаивает – Хая-Сара начинает поливать палачей самыми последними словами, которые только приходят на ум. Сволочи! Подонки! Убийцы! Чтоб вы все сгнили заживо – вы и ваш Гитлер!

Нет, эта женщина не склонит головы даже перед смертью. Ее пронзительные вопли далеко разносятся над замершим полем, от них дрожит горизонт и вибрируют голые ветви тополей. В конце концов Хая-Сара выхватывает хлыст из рук оторопевшего немца и замахивается на него сама. С честью уходит из жизни эта толстуха. Несколько выстрелов обрывают слитный поток ее ругани. Эсэсовец брезгливо вытаскивает хлыст из мертвых рук старухи и ногами сталкивает труп в яму. Хая-Сара Берман падает вниз, но падает в одежде, непобежденной.

Она оказалась единственной, кто отважился на протест. Все остальные торопливо раздеваются – в том числе, Мириам Левитина и ее дочь Лея. Их тоже видим мы в последний раз в этом рассказе. Видим молодое лицо Мириам и ее седые волосы. Мать, жена и домохозяйка, всю жизнь выбивавшаяся из сил во имя детей и семьи. Вот и сейчас, на краю рва, нет страха в ее сердце – оно до краев затоплено материнской жалостью и отчаянным желанием облегчить смертную минуту больной дочери. Голые стоят они над страшной ямой.

– Мама! – зовет Лея, и Мириам обнимает ее, прикрывает от страха и от предсмертной горечи.

Лишь выстрелы палачей разрывают эту крепкую связь, разрывают вместе с жизнью.

В последней группе реб Довид, Нехама и Беломордик. Завернувшись в талит, мелкими шажками приближается к смерти старый резник. Громким голосом читает он «Шма», свою предсмертную молитву. Звучит и благословение, дозволенное к произнесению вслух лишь во время Судного дня. Нехама не отходит от старика, верит в защитную силу его молитв.

Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим,
Всею душой твоей и всем существом твоим...¹

Старый резник молится с воодушевлением, весь отдаваясь молитве. Слепые глаза его устремлены в небо, он ощущает себя сейчас представителем всего народа Израиля, ведомого на плаху.

¹ Из молитвы «Шма» (Слушай)

– Раздеться! – раздается у самых его ушей, и грубая рука палача сдергивает со старика белый тапит.

– Давайте, я помогу вам, реб Довид, – мягко говорит Нехама.

Она помогает старику раздеться и раздевается сама. И вот он, последний миг. Толчок. Потрясение. Темнота.

Но что это? Чудом пули минуют служку Беломордика. В чем мать родила, он продолжает стоять на краю рва, сжимая в руке коробку для пожертвований.

– Пожертвование спасает от смерти... – шепчут его губы. – Пожертвование спасает от смерти...

Это последние слова, прозвучавшие в тот день на краю оврага. Возможно, в их произнесении и заключалась роль служки Беломордика в этой жизни. Гремит еще один выстрел, на этот раз точный. Служка падает в овраг на груду залитых кровью тел.

Полиции разбирают лопаты и кое-как забрасывают трупы землей. Эсэсовцы шарят в вещах убитых, перетряхивают одежду, ищут ценности. Темнеет, опускается вечер. Петер Мейгерт садится в кабину, остальные убийцы забираются в кузов. В горячке работы Мейгерт не успел пообедать. Машина везет его напрямик в офицерский ресторан при гостинице. Там по-прежнему вкусно пахнет тушеным мясом. Мейгерт заходит в зал, садится за мраморный столик. Симпатичная официантка Полина в кружевной наколке и нарядном переднике подходит обслужить уважаемого клиента.

Ким спит на кушетке в горнице дома Фейгиных. Наверху в укрытии лежат две женщины и две девочки. Глаза Тамары открыты. Ее не покидает ощущение, что она и в самом деле слышала голос своего приятеля.

Женщины перешептываются в темноте. Разгорается спор. Во всем виновата непоседливая Тамара. Ей вздумалось спуститься в комнаты, и она требует от Песи разрешения. Вот ведь безумная коза! Фрейда Львовна протестует. Это опасно! Женщина упрекает Тамару в легкомыслии, а с нею и всех других неразумных девчонок, не знающих, что такое дисциплина и уважение к старшим.

Тамара никогда особенно не любила тетю Фрейду. Она пропускает мимо ушей ее упреки и нотации. Слава Богу, у девочки есть проверенный временем подход к сердцу бабушки Песи. Она продолжает настойчиво уговаривать бабушку, пока та не сдастся. Фрейда Львовна возмущенно поджимает губы: ну и воспитание! Если так баловать детей, то в итоге они перестают слушаться вовсе, хоть ты кол им на голове теши!

Девочка бесшумно открывает хорошо замаскированный проход и выползает наружу. Затем она тихонько спускается в комнату. Здесь повсюду следы фашистов. Тамара бросает случайный взгляд на кушетку и замирает. Кто-то лежит там. Ой, это и в самом деле Ким!

Ким спит так уютно, что все вокруг него кажется спящим. Тамара присаживается рядом и смотрит на лицо мальчика, на его длинные ресницы. Во сне он кажется ей совсем маленьким, намного младше нее. Теплая волна почти материнского чувства поднимается в тамариной груди.

Парень просыпается и видит перед собой серьезные глаза Тамары.

– Все-таки пришел? – спрашивает она и поправляет волосы инстинктивным женским движением.

Ким встряхивается и садится на кушетке. Его губы еще опухли от сна.

– Тамара! А я думал, что не найду тебя дома!

– Ты, наверно, проголодался. Сейчас поищу что-нибудь.

Пошарив в плите, она извлекает несколько холодных картофелин и простоквашу.

– Ешь!

Пока парень жует, Тамара рассказывает о последних событиях. Гибель дедушки, «регистрация». Вдруг она вспоминает, что столь долгое отсутствие может встревожить бабушку.

– Жди тут, я сейчас вернусь, – говорит она и исчезает.

Тамара легко взлетает на чердак, протискивается в укрытие и быстро рассказывает бабушке о том, что нашла внизу Кима. Она хочет привести его сюда, в безопасное место: не бросать же мальчика одного! Фрейда Львовна протестует: здесь и без того слишком тесно. Запасы еды ограничены. И помимо всего прочего, нехорошо помещать молодого парня в компанию четырех женщин.

У красавицы Раи тоже есть свое мнение. Она немного знает Кима Вортмана. Он смелый парень, который может оказаться полезным. Наконец Песя принимает решение. Пока еще рано показывать укрытие Киму. Но если он и впрямь хочет помочь, то было бы неплохо выяснить, что происходит сейчас снаружи. Пусть выйдет в город, пусть узнает, что случилось с теми, кто попал на площадь. И вообще, нужно понять, могут ли они уже покинуть укрытие.

Тамара снова спускается к Киму и передает ему просьбу бабушки.

– Когда вернешься, стукни пять раз, – говорит она. – Три коротких и два длинных.

Ким выходит в город и через некоторое время возвращается с дурными вестями. Все евреи, что были на площади, расстреляны в овраге за свинофермой. Ужас охватывает спрятавшихся женщин. На этот раз Киму разрешено присоединиться к ним. Он поднимается в укрытие. Темно на чердаке – ни лампы, ни свечи. Парень ложится на место Тамары, девочка пристраивается рядом с Песей. Говорят шепотом. Ким рассказывает, что видел в городе.

Итак, многие евреи Гадяча безжалостно умерщвлены. Понятно, что такая же участь ожидает и остальных. Тамара пользуется случаем, чтобы известить взрослых о решении – своем и Раи. Они переоденутся украинками и уйдут из Гадяча. Совершенно ясно, что на чердаке долго не просидишь. Как оставаться незаметными? Где доставать еду? Никто не знает, сколько еще времени продлится война. Говорят, что немцы захватили Киев, Москву и Ленинград. Нет-нет, они с Раей должны уходить. В Гадяче все знают об их еврействе, а в другом городе будет иначе.

Фрейда Львовна шокирована. Свистящим шепотом она перебивает Тамару. Ни при каких условиях она не позволит Рае принять участие в этом безумии. Если Тамара хочет сходить с ума – пусть делает это без Раи! А дочь Фрейды Львовны останется с матерью!

Наверно, читателям не очень симпатична эта некрасивая женщина, но вряд ли кто-либо из нас хотел бы оказаться сейчас на ее месте. Нахман Моисеевич убит. Хотя Фрейда Львовна полагает, что покойный далеко не всегда должным образом исполнял свой долг по отношению к семье, но нельзя отрицать, что в общем и целом он все же был достойным мужем и отцом, опорой в трудные дни. Кто остался у нее теперь? Одна только Рая. Неужели она бросит мать на произвол убийц?

Но Рая подтверждает сказанное Тамарой. Да, у них есть план, и этот план вполне может сработать. Фрейда Львовна начинает плакать. Конечно, Рая уже большая и может не спрашивать позволения матери. Но неужели окончательно воцарился в мире закон джунглей?

– Не плачь, мама! – говорит девушка. – Если хочешь, можешь идти с нами.

Тамара молчит, и ее молчание красноречивей многих слов. Она вовсе не в восторге от участия Фрейды Львовны. Зато слышен голос Кима Вортмана:

– Я тоже пойду с вами! – громко восклицает он, забыв всякую осторожность.

– Тихо! – дружно шикают на него женщины.

Наступает молчание. Тамара рада парню. В эту трудную минуту новое чувство шевелится в ее юном сердечке. Она поворачивается к бабушке:

– Бабушка, ты тоже пойдешь с нами!

Но Песя отрицательно качает головой; в глазах ее застыло выражение отчаяния. Скитаться по лесам и деревням? Она не продержится в лесу и дня. Молодые должны стремиться выжить в любых условиях, но у стариков другой расчет.

– Не говори глупостей, Тамарка. Ну куда я пойду? Во-первых, нет у меня таких сил. А во-вторых, такую старую еврейку, как я, видно за версту. Со мной вы быстро пропадете. Нет уж, лучше мне оставаться здесь, и будь, что будет.

Что ж, решено. Завтра утром Тамара, Рая и Фрейда Львовна постараются выбраться из Гадяча. Ким присоединится к ним. Странная компания! Но в то время много скиталось по лесам таких беженцев – уцелевшие осколки разных разбитых семей, которые объединялись в небольшие группы и старались выжить вместе.

Наступает тишина. Тамара задремывает в объятиях старой Песи. Бабушка вслушивается в ровное дыхание девочки. Губы ее легко касаются прохладного лба внучки. Бог даст, уцелеет Тамарочка...

Брезжит рассвет. Просыпаются люди, открывают глаза, и первая мысль – о грозящей опасности. Горячая волна крови омывает сердце, вместе с человеком просыпается и страх. Песя почти не спала в эту ночь. Молча она готовит завтрак: ломти хлеба с маслом, соленые огурцы. Молча едят.

Если выходить, то сейчас, не медля. Тамара и Рая тщательно подбирают одежду. Три платка: белый, голубой и коричневый – подходящий комплект на голову. Простые платья, мятые кофты, телогрейки, подпоясанные веревкой. Истинный бал-маскарад. И вот уже стоят две украинки на чердаке дома Фейгиных. Ким удивленно смотрит на Тамару. Девочки помогают переодеться и Фрейде Львовне. Она повязывает цветастый платок, мнет куртку, засовывает в боковой кармашек все свое богатство – две тысячи рублей. Кто знает, понадобятся ли эти деньги? Честно говоря, усилия женщины изменить внешность не слишком помогают. Да и акцент сразу выдает ее с головой.

Песя собирает еду в дорогу – привычное занятие хозяйки. В небольших котомках самое необходимое. Время прощаться с бабушкой. Сердце Тамары сжимается при взгляде на родное морщинистое лицо. Девочка выросла за этот год, теперь ей не приходится подниматься на цыпочки, чтобы поцеловать старую Песю. Обе плачут – и бабушка, и внучка – так уж заведено у женщин.

– Бабушка, я приду забрать тебя, слышишь?

– Не надо, Тамарка! Думай лучше о себе, о том, как спастись!

Фрейда Львовна, Рая и Ким стоят в сторонке, готовые к выходу.

– Присмотрите за девочкой, – обращается Песя к Фрейде Львовне.

Просьба не очень к месту: неизвестно, кому тут за кем придется присматривать. Скорее уж помощь понадобится носатой Фрейде Львовне с ее еврейским акцентом.

Прощальный шепот, напутственная молитва, слезы. Ким выходит первым, осматривается: в переулке никого, путь свободен. Все уходят, и Песя остается одна в пустых комнатах. Отчаяние охватывает старую женщину. Рухнула семья, потрясены основы всей ее жизни. Она неподвижно сидит на табурете, сложив праздные руки и уставившись в одну точку. Чего ей ждать тут, в одиночестве?

Лучше уж перебраться в штибель. Там прячутся знакомые евреи – Гинцбурги, Бейла Беломордик и другие. Вместе и помирать не так страшно.

Вот только как туда пробраться?

Но не зря сказано мудрецами, что Господь предупреждает болезнь лекарством. Снова мы возвращаемся к Глаше.

Быстро разлетелось по округе известие о расстреле шестидесяти пяти евреев. К вечеру оно достигло и лесной партизанской базы. Сердце Соломона разрывается от тревоги за мать, за Тамару, за сына. И какова судьба остальных евреев Гадяча? После совещания с Тихоновым и Гавриленко решено немедленно послать в город Глашу.

И вот снова входит Глаша в разгромленный фейгинский дом. В горнице дремлет старая Песя. Какое-то время девушка смотрит в сморщенное, сильно постаревшее лицо, затем трогает Песю за плечо.

– Доброе утро, бабушка!

Ее тихий ласковый голос не может разбудить Песю, которая немало намучилась за предыдущие сутки. Глаша повышает голос.

– Ну? – говорит она, улыбаясь. – Так и будем молчать? Кто же тогда расскажет мне обо всем, что тут было?

Песя наконец открывает глаза и видит светловолосую девушку, связанную Соломона, которая уже в третий раз появляется в доме Фейгиных. Видит Глашу, а с нею и надежду на спасение.

– Здравствуй, Глашенька! Как Соломон?

– Соломон Ефимович и Вениамин живы-здоровы. А что произошло здесь? И где ваша внучка?

Песя рассказывает.

– Плохо, – качает головой Глаша. – Как она могла бросить вас одну?

Песя делает слабое движение рукой: ничего не поделаешь.

– Нельзя оставаться одной в такое время, – стоит на своем Глаша.

– А что ты предлагаешь?

Глаша раздумывает секунду-другую. В партизанском лагере военная дисциплина, и она не может своей волей привести туда старушку.

– Подождите тут до завтра-послезавтра, – говорит она. – Я приду на рассвете и заберу вас в другое место.

– Доведи меня сейчас до еврейского кладбища, – просит Песя. – Там я и подожду.

«Значит, там прячутся люди», – соображает девушка. Конечно, она поможет Песе добраться до кладбища.

Дожили! Песя Фейгина переодевается слепой нищенкой! Она надевает старый пиджак Хаима-Яакова, берет в руки длинную палку, повязывает голову черным платком. Платок низко надвинут на лоб, концы завязаны на затылке. Затем под наблюдением Глаши Песя разучивает походку слепцов. В котомку кладут немного еды и теплой одежды.

Вот и настало время расстаться с домом Фейгиных, где мы провели столько хороших дней. Женщины запирают дверь и направляются в сторону еврейского кладбища. Идут медленно, не торопясь, Глаша – в роли поводыря. Глаза Песи закрыты.

– Подайте, Христа ради!

Никто не обращает внимания на слепую нищенку. Много шаталось в то время по дорогам нищих, убогих и сирот, просивших милости. Мало кто тогда проявлял к ним милость.

– Подайте, Христа ради!

Так, шаг за шагом, добираются они до ворот еврейского кладбища. Вторая половина октября. Поблескивает лента реки Псёл. В воде отражаются голые кусты. В зарослях тростника дремлют утки. На кладбище качаются, шумят, беседуют друг с другом рослые деревья. Резкий крик ворона разрывает осеннюю тишину.

В штибеле собралось двадцать пять человек. Известие о расстреле евреев принес Екель Левитин, который смог убежать, когда в дом вломились убийцы. Он появился в штибеле глубокой ночью, дрожащий и испуганный.

Зайдем туда вслед за ним и мы.

Окна закрыты наглухо, лишь свет масляной коптилки освещает комнату. Молча сидят люди, пораженные ужасной вестью. Первым приходит в себя Гинцбург.

– Надо отсидеть по ним «шиву»¹, – говорит он и соскальзывает со скамьи на пол.

Аарон здесь отвечает за небесные правила и обычаи, а вот Шапиро больше занят повседневными вопросами. Оправдались самые мрачные его предвидения. Угрожает смерть и собравшимся в штибеле. Погруженный в мрачные мысли, он сидит на полу – старый, больной человек. Бейла Беломордик всхлипывает. Сегодня ее муж и могильщики принесли на кладбище три тела, два из них – убитые. Могилы вырыли на склоне, в укромном месте, чтобы снаружи не было видно движения на еврейском кладбище. После завершения поспешной церемонии Бейла долго уговаривала мужа остаться в штибеле. И что вы думаете? Заупрямился служка:

– Завтра тоже будет день в мире Господнем. Будет день – будут мертвые. А мертвых надо хоронить.

Что ж тут поделаешь, если взял на себя человек такую обязанность – провожать евреев в последний путь по обычаю народа Израиля...

За всхлипываниями Бейлы последовали вздохи, стоны и плач других женщин. Не прошло и нескольких минут, как весь штибель погрузился в слезы и скорбь по убитым. Берман скорбит по матери; тихие мужские слезы катятся по его лицу. Как всегда, сама выбрала Хая-Сара свою судьбу.

– Женщины! – негромко, но внушительно говорит Шапиро. – Надо бы умерить плач и скорбные жалобы. Как бы, оплакивая мертвых, не навлечь беду на живых. Тише, прошу вас!

И в самом деле, есть у него власть над людьми. Умолкают женщины. Теперь в тишине штибеля слышно лишь бормотание молитвы Аарона Гинцбурга. Шапиро не молится. Хотя он и не показывает вида, но отчаяние поселилось в сердце этого сильного духом человека. Хищное чудовище разверзло пасть у самого порога. Нет выхода, нет спасения, близок конец.

Неужели окутался тьмой безнадежности светлый ум Шапиро? Неужели и его подмял под себя страх? Нет, даже в черном провале пропасти может он разглядеть проблеск слабого света, некое подобие плана, тень надежды. В чем сейчас заключается главная опасность? В том, что эсэсовцы узнают, что в штибеле прячутся евреи. Единственный выход таков: при появлении солдат разбежаться в разные стороны и спрятаться в лесу, который окружает кладбище. Тот, кому повезет уцелеть, сможет потом вернуться в штибель. Лес сейчас подходит для игры в прятки.

Поэтому нужно организовать наблюдение за дорогой, чтобы вовремя заметить приближение убийц. Шапиро подзывает к себе Гинцбурга и Бермана и

¹ Шива – 7 дней скорби по умершему родственнику, которые принято проводить дома, сидя на полу.

держит совет с этим небольшим штабом. Устанавливается расположение наблюдательных постов и очередность трехчасовых дежурств. Значительная доля этой нагрузки падает на семейство Гинцбургов. Среди дежурных Сарка, Лейбл, Шимон, а также Иосиф Берман, Екель Левитин и другие. Стариков и женщин освобождают от наблюдения, но и они не остаются без работы. Ципа-Лея Гинцбург и Бейла Беломордик отвечают за воду. Доктор Энгертон и Голда-акушерка – за медицинскую помощь. Жена Шапиро Берта Абрамовна и Батя, вдова возчика Мордехая, – за чистоту в штабеле. Аарон Гинцбург следит за негасимым огнем и читает молитвы. Шломо Шапиро исполняет обязанности главы общины, иными словами, отвечает за всё и за всех.

Два первых дежурных получают указания и уходят каждый на свой пост: один – к речному откосу, другой – на противоположную сторону кладбища. Аарон Гинцбург относится к этим глупостям скептически. Если мы не заслужили спасения, то не поможет никакая охрана, а если заслужили, то Господь охранит нас и без дежурств.

Гасят лампу, и становится совсем темно. Дверь приоткрыта, чтобы не задохнуться в тесном помещении. Ципа-Лея Гинцбург и Бейла Беломордик выходят с ведрами: они должны принести воды из ближайшей колонки – столько, чтобы хватило на завтра. Люди погружаются в беспокойный сон. Шломо Шапиро лежит с открытыми глазами, думает, рассматривает варианты. Теперь им предстоит выживать здесь, в штабеле. Те, кто уцелели, должны забраться в отдаленную лесную чащу и ждать там окончания войны. Ах, если бы тут было хотя бы небольшое число молодых, сильных, инициативных людей!

Светает. Лейбка Гинцбург лежит под кустом на своем наблюдательном пункте и смотрит по сторонам. Не стоит смеяться над этим постовым – он и не думает дремать! Лейбка сразу замечает движение со стороны города. На кладбище входят две женщины, старая и молодая. Они шагают осторожно, с оглядкой; в руке у старой длинная палка, она словно бы нащупывает ей дорогу на манер слепых. Следуя указаниям, мальчик бежит в штабель, доложить Шапиро.

Ведущая в помещение дверь прикрыта деревьями, можно входить и выходить почти незаметно. Шапиро, Берман и Лейбл отправляются навстречу женщинам. Глаза старика уже не те, что в молодости, Берман тоже близорук. Зато паренек не жалуется на зрение, он еще издали узнает одну из женщин.

– Эта Песя Фейгина, – шепчет он. – А с ней какая-то украинка.

Песя и Глаша приближаются к штабелю. Внезапно перед ними вырастают три темные фигуры и заступают дорогу.

– Ой, реб Шломо! – испуганно и в то же время облегченно восклицает старая Песя.

– Кто эта девушка? – спрашивает Шапиро.

– Она с нами, – говорит Песя. – Соломон послал ее ко мне.

Теперь Песя полностью доверяет Глаше. Они подходят к двери штабеля.

– Что ж, – говорит Шапиро, – пусть заходит и она. Лейбка, возвращайся на пост.

В самом деле, паренек еще не закончил своего дежурства. Остальные входят в тесную комнату. Кто же в Гадяче не знает Песю Фейгину? Ее появлению в штабеле рады, причем некоторые женщины не упускают случая немного всплакнуть. Глаша видит, как они обнимаются со старой Песей. Поднимаются со своих мест и старики. Немалым уважением пользуется здесь эта скромная пожилая женщина.

– Мне пора, – говорит Глаша.

Песя обнимает ее и целует:

– Храни тебя Господь, дочка!

В глазах у нее блестят слезы. На фоне всеобщего волнения звучит трезвый голос Шапиро:

– Нужно передать Соломону, чтобы нашел возможность переправить в лес уцелевших людей. Иначе все мы тут обречены.

Песя знает, что это непростая и опасная задача, но не сомневается ни секунды. Если уж молодые и сильные еврейские парни не помогут в беде своим старикам, женщинам и малолетним, то кто тогда поможет? Она некоторое время шепчется с Глашей. Наконец та кивает.

– Хорошо, бабушка.

Перед тем, как уйти, она еще раз окидывает комнату взглядом. На длинной скамье сидит молодая женщина и, прикрываясь рукой, кормит грудью ребенка. На лице у нее выражение отчаяния. Глаша осторожно выскальзывает наружу. Абка Гинцбург запирает за ней дверь.

И вот Глаша шагает по дорогам и по лесным тропкам. Перед ее глазами стоит отчаявшееся лицо молодой матери – оно взывает к помощи, требует поторопиться. В тот же день она докладывает майору Тихонову о том, что на еврейском кладбище прячутся двадцать пять человек, чудом уцелевших во время ликвидации.

В лагере свои проблемы: не хватает оружия и продовольствия. Тихонов, Гавриленко и Соломон обсуждают ситуацию. На партизанской базе уже скопилось немало беженцев, среди них дети; ясно, что они являются обузой для боевого подразделения. Решено разбить в лесу отдельный семейный лагерь в пяти километрах от партизанского отряда. Завтра же нужно начать строительство землянок, а ночью переправить туда людей с кладбища, чтобы они тоже включились в устройство своей будущей лесной жизни. У отряда другие задачи, поэтому он будет помогать гражданским лишь в первое время. Возможно, Тихонов пошлет в семейный лагерь нескольких вооруженных парней для охраны.

Задача организации лесного убежища и спасения евреев возложена на Соломона и Вениамина: они хорошо знают людей, которые прячутся в штибеле. Парни хотят пробраться на кладбище под покровом темноты и без промедления выходят в направлении Гадяча.

Их провожает Глаша. Соломон чувствует, что эти двое хотели бы попрощаться наедине, и ускоряет шаги, чтобы дать им такую возможность. Парень и девушка шепчутся в лесном полумраке. В глазах Глаши тревога, тревога женщины, которая провожает своего мужчину в опасный путь.

– Будь осторожен, Вениамин! – тихо просит она.

Вениамин берет ее за руку. Темнота сгущается между деревьями. Уже совсем не виден ушедший вперед Соломон. Глаша обвивает руками шею Вениамина, их губы встречаются. Вениамин прижимает девушку к себе, поднимает ее, отрывает от земли, покрывает поспешными поцелуями ее глаза, лицо, шею. Щемящая тоска любви сжимает его сердце. Глаша зажмуривается; на лице ее блуждает легкая, немного грустная улыбка.

Из леса слышен свист. Это Соломон торопит друга.

– Я должен идти, – грустно говорит Вениамин и осторожно ставит девушку на землю. – Прощай, Глаша!

Он гладит ее по лицу; нежный шелк девичьей щеки прижимается к его огрубевшей ладони.

– Прощай, Вениамин!

Глаша провожает его глазами, пока парень не скрывается за деревьями.

Двенадцать километров по лесу – нелегкий путь, и Соломон с Вениамином добираются до кладбища уже в полной темноте. Песя первой узнает их.

– Ой, Соломон!

Она крепко обнимает сына и замирает на несколько мгновений. Как постарела она за эти недели! Добавилось морщин, голова совсем поседела. С глубокой симпатией глядит Вениамин на старую Песю. Они обмениваются несколькими словами, задают вопросы, получают ответы. В штибеле звучат имена людей, погибших и выживших. Слышится среди них и имя Хаима-Яакова Фейгина.

Проснувшиеся обитатели штибеля толпятся вокруг парней. Отчаявшиеся люди смотрят на Соломона и Вениамина как на своих спасителей. Шломо Шапиро собирает свой штаб в шатре, рядом с могилой Старого Рабби. Кроме главы общины, в совещании участвуют Аарон Гинцбург, Берман, Песя и лесные гости, Соломон с Вениамином. Штаб штабом, но обувь при входе снимают все.

Вениамин с любопытством глядит вокруг. В гробнице всё по-прежнему; как и раньше, светится на столике скудный огонек, дарит тепло сердцам. Собравшиеся здесь люди не раз сживали за одним столом в доме Хаима-Яакова Фейгина. Как они изменились с того времени!

Шапиро коротко описывает ситуацию. Из двухсот евреев Гадяча расстреляны семьдесят семь: сначала двенадцать, затем шестьдесят пять. Двадцать пять находятся здесь, в штибеле. Следовательно, еще около восьмидесяти человек прячутся где-то в лесах и в укрытиях. Всех их нужно переправить в безопасное место.

Затем говорит Соломон. На первом этапе нужно заняться теми, кто собрался на кладбище. Как заместитель командира партизанского отряда он берется сопроводить их туда, где можно построить семейный лагерь. Жаль только, что мало тут молодых...

– Мы сами сделаем все, что надо, – отвечает Берман. – Только выведи отсюда людей.

– Хорошо, – кивает Соломон. – Я возвращаюсь в лес и позабочусь о том, чтобы найти подходящее место и все подготовить. Следующей же ночью мы переведем людей. Вениамин пока останется с вами.

Что ж, решено. Молчание наступает в шатре. Глаза собравшихся прикованы к колеблющемуся огоньку светильника. Кажется Вениамину, будто душа целого народа теплится на этом маленьком столике. Душа народа, распростертого сейчас в луже собственной крови, истерзанного, измученного, убиваемого. К нему, к слабому этому огоньку устремлены сейчас глаза – почти уже отчаявшиеся, ищущие спасения, надежды, милости, справедливого суда. Кажется Вениамину, будто стоит он на полу тайной синагоги, пещеры Хасмонеев¹, убежища испанских мучеников².

– Пора! – говорит Соломон, прерывая тем самым невольную минуту молчания.

¹ Хасмоней (Хашмонаим) – семейство из Модиина, возглавившее народное восстание против эллинского владычества в Иудее во II в. до н.э.

² Испанские мученики (Анусей Сфарад) – евреи в начале XVI в. в Испании, насильно или под угрозой смерти обращенные в христианство и продолжавшие тайно исповедовать иудаизм. Были главными жертвами преследований со стороны инквизиции.

Глава 10

Ночь. Ленивый ветерок гуляет по кладбищу, шуршит листьями, оглаживает могильные холмики. Только что был здесь, у соседнего надгробья – и вот нет его, шепчется с осенней стынью где-то в другом месте.

В штибеле тесно и душно. Люди лежат на скамьях и на полу. Дети спят, но старшие ворочаются, снедаемые беспокойством. Иосиф Берман отвечает за наблюдателей, которые сменяются каждые три часа. Сейчас очередь Екеля Левитина. Еще два месяца назад парень знал лишь одно: валяться на кушетке с книгой в руках. Сейчас он лежит на влажной земле под кустом, всматривается в темноту и дрожит от холода и страха.

Страх сжимает в своих тисках и детей, и взрослых, правит бал в лесах и в укрытиях. Много у него путей и много обличий. Временами стынет от страха кровь, временами вскипает. То одиночкой он овладеет, то огромной толпой.

Ты лежишь в холодном и сыром подвале, вокруг безмолвие. Но вот пробуждается вдали неслышимый голосок страха. Кто-то крадется сюда, ты чувствуешь его осторожные шаги, его тихое дыхание за своей беззащитной спиной. Вот он занес свой топор – вот сейчас его тупое лезвие обрушится на твою голову, размозжит, развалит пополам... Ты с трудом удерживаешь рвущийся из горла вопль. Все твоё тело напряжено до последней жилки, мышцы, косточки, напряжено так, что вот-вот взорвется.

А вот ты стоишь на пыльном щелястом чердаке, вслушиваясь в доносящиеся снизу звуки. Это подкованные гвоздями сапоги – они топают, шаркают, стучат в дверь. «Открывай!» Этот крик гремит, нарастает, отдается в ушах. Кулаки молотят по ставням, стенам, дверям. Это душегубы пришли по твою скорчившуюся от страха душу.

А вот ты шагаешь в колонне таких же, как ты, твоих братьев и сестер. Куда вас ведут? Женщины несут на руках детей; те, что посильнее, поддерживают немощных стариков. Куда, Господи? Сморщены бледные лица, предсмертная желтизна заливает глубокие морщины. Глаза подернулись тусклой пленкой, ноги заплетаются, вязнут в грязи. На плечах котомки, мешки, в руках узлы и чемоданы. Молчание в толпе – каждый занят своей непомерной бедой.

Повсюду страх, меняющий форму и обличье. Вот кто-то, не выдержав, разражается истерическим криком. Куда?! Куда нас ведут?! Соседи поспешно шикают, загораживают кричащего: нельзя раздражать палачей. Но за первым криком следуют другие, словно прорвало плотину. Страшные вопли, стоны, плач разрывают тишину, поднимаясь в равнодушное небо.

И кто-нибудь вдруг принимается хохотать. Соседи с ужасом глядят на обезумевшего человека. Но он тут самый счастливый: его помутившийся мозг уже не осознает, что происходит вокруг, сумасшедший не ведает страха. Боже, почему ты не забираешь рассудок у всех ведомых на бойню людей? В такие минуты он только в тягость.

Все подчиняет себе страх. Оглушает человеческую душу, стирает человеческие чувства. Ничего не остается в сердце, кроме липкого ужаса. Издерганные нервы натянуты, как струны, настроены на одну ноту: страх, страх, страх! Человеком овладевает паника; любое движение, звук, запах заставляют его вздрагивать. Он не может ничего делать, говорить, есть, сидеть, стоять, лежать.

Снова легкий шорох. Кто-то приближается. Сердце Екеля сжимается. Шаг, еще шаг. Мальчик съёживается в своем укрытии. Вот сейчас зверь прыгнет прямо на него...

– Екель...

Ах, это ведь Берман пришел сменить его. Камень сваливается с души парня. Он поспешно возвращается в душную темноту штибеля, ложится на пол и тут же засыпает.

Да-да, засыпает. Даже страх не может вечно владеть человеческой душой. Как знать, может, и Екель еще научится справляться с паникой. Может, и этот слабый кузнечик еще отрастит себе крылья.

Да-да, отрастит. Потому что мало-помалу привыкает даже самый маленький человек к страху, овладевает и управляет им. Вот он уже не вздрагивает от каждой хрустнувшей ветки. Вот он уже распрямляется, одевает сердце в броню и начинает вспоминать о том, что есть и у него кулаки.

Светает. Туманная полоска краснеет на востоке. В штибеле просыпаются, слышен сдавленный кашель. Питьевой воды за ночь запасено достаточно, но на умывание выдают всего по чашке на человека. Подает голос проснувшаяся маленькая Ахува; Голда поспешно дает ей грудь. Как и в любом тесном месте, где собралось больше двух десятков людей, в штибеле завязываются свои отношения, симпатии и антипатии. В воздухе витает напряжение. Людей душит страх. Сердце Голды тоже не высечено из камня. Страх проникает в молоко, и желудок маленькой Ахувы немедленно реагирует на эту перемену. Девочка раздражается криками. Голда и другие женщины наперебой успокаивают малышку: шум может привлечь внимание и навести несчастье на всех. Доктор Энгертов пытается помочь верещащей девочке теплым компрессом. Но крик не прекращается и после компресса. Врача просят вколоть малышке снотворное.

Нечего делать, Энгертов достает шприц. Стены штибеля впервые видят укол. Девочка умолкает. Голда прижимает спящую малышку к груди: на лице у матери тревога, ее одолевают дурные предчувствия.

Женщины перешептываются, обмениваясь впечатлениями последнего времени, как это заведено у дочерей Евы с первых дней Творения. Берта Абрамовна Шапиро тоже включается в разговор: ее никогда нельзя было причислить к молчальницам. У Шломо Шапиро нет детей. Сам он постоянно болел и сидел днями и ночами над ивритскими книгами, и Берте Абрамовне пришлось взять на себя дела мира сего. У бездетной женщины – как молодой, так и не очень – всегда есть бездна свободного времени. Берта Абрамовна увлекалась готовкой и умела приготовить самые затейливые кушанья по традиционным и современным рецептам. Не зря еще со времен юности говорили, что у нее золотые руки. Шапиро нуждался в диете, и никто лучше Берты Абрамовны не мог бы обеспечить ему нужной еды.

Женщины перешептываются. Вокруг Берты Абрамовны и Песи Фейгиной собрались Ципа-Лея Гинцбург, Бейла Беломордик, вдова возчика Мордехая Батья, акушерка Голда и еще несколько пожилых женщин. Обычно в это время они готовят еду, чтобы накормить семью: варят овощи, тушат мясо... Но в условиях штибеля даже стакана воды не вскипятить. Едят всухомятку, да и то скудно. Но если нет мяса в тарелке, то можно, по крайней мере, поговорить о нем. И Берта Абрамовна предается воспоминаниям о способах приготовления вкусного жаркого. Тут важна правильная последовательность. Сначала берется морковь и помидоры... Хотя, если речь идет о традиционном тушеном мясе по-еврейски, то вполне можно ограничиться водой, луком, солью, перцем, лавровым листом, ну и, конечно, самим мясом. Берта Абрамовна рассказывает подробно и со вкусом, а у слушателей слюнки текут. Нашли тему для разговора!

Каждые три часа сменяются дежурные. У Сарки Гинцбург тоже своя смена. В прошлом году и даже годом раньше она еще обучалась у Вениамина искусству плавания. Сейчас это девушка четырнадцати с лишним лет. Ее фигура еще не оформилась. Но в семействе Гинцбургов дети рано взрослеют, и Сарка уже

ощущает приближение сладких дней юности. Кроме того, она успела пройти через первое разочарование неразделенного чувства, и этот опыт оставил отпечаток грусти в ее карих глазах. К счастью, в четырнадцать лет быстро заживают сердечные раны – их немедленно захлестывают волны новых впечатлений. Да и вообще, Сарка Гинцбург была из тех, кто не вешает носа ни при каких обстоятельствах.

Дети тоже шепчутся – у каждого поколения свои секреты. И откуда только Лейбка набрался таких детальных знаний о всевозможных видах вооружений, об особенностях танков и самолетов? Что делать: мир отражается в широко раскрытых детских глазах, мир, каков он есть... Лейбка уверен в неминуемой победе наших. Красная Армия еще покажет фашистам, где раки зимуют!

Вениамину поручено провести в штабеле сутки и при возникновении неожиданностей действовать по обстоятельствам. Как-то само собой получилось, что он постоянно находится в обществе Шломо Шапиро. Им есть о чем поговорить. Выше уже упоминалось, что Ханих Альпер, дядя Вениамина, видел свой долг в том, чтобы воспитать в еврейском духе если не сына Липу, то хотя бы племянника. Липа, как мог, отлынивал от скучной премудрости, а вот Вениамин серьезно увлекся ивритской литературой. Он читал Давида Фришмана¹ и доктора Иосифа Клаузнера², но больше всех любил Бялика³, Гнесина⁴ и Бердичевского⁵. Все эти имена были хорошо знакомы и Шломо Шапиро.

Старик вообще очень любил иврит – привязанность, которая считалась тогда запретной в нашей стране. Но в отдаленном от столиц городке Гадяче полтавской области нашел Шапиро укромный уголок, где можно было целиком посвятить себя чтению и изучению ивритских текстов. А теперь он еще и обнаружил благодарного слушателя в лице Вениамина.

Слышите ли вы, как под боком у могилы адмора Шнеура Залмана Шнеерсона звучат слова о заветном будущем нашего народа? Шапиро произносит выверенные, многократно обдуманые слова, и они попадают прямо в сердце. С начала века учился он у первых сионистов. Многих из нас еще не было тогда на свете, но уже подали свой голос люди, указавшие остальным прямую дорогу в запутанной паутине путей этого сложного мира. В конечном счете, их направляла Книга книг – Танах. Книга, полная поэтических строк и повествований об истории народа, книга, содержащая странные законы и заветы священников и пророков. Еврейские дети веками заучивали эти стихи и строки в хедерах, школах и молельных домах. Как в камне, были высечены эти слова и законы в душах многих поколений. Но дети выросли, и обнаруживалось, что само слово «еврей» воспринимается вокруг с презрением и гадливостью. И когда появились сионисты, молодежь с энтузиазмом последовала за ними. В том числе и Шломо Шапиро.

Вениамин внимательно слушает, а Шапиро говорит. Глубокое чувство звучит в его словах. Таковы его убеждения, его вера. Возможно, это даже завещание, дар, передаваемый от одного поколения другому в годину тяжелых испытаний, во времена народной катастрофы.

¹ Давид Фришман (1859-1922) – писатель, критик, переводчик, работавший на иврите и идише. Родился в Лодзи, жил в Варшаве, умер в Берлине.

² Иосиф-Гедалия Клаузнер (1874-1958) – историк, писатель, литературовед. Родился в Литве, работал в Одессе, с 1919 года – в Израиле.

³ Хаим-Нахман Бялик (1873-1934) – поэт, писатель, считающийся национальным поэтом современного Израиля. Родился на Волыни, жил и работал в России, Германии и Израиле.

⁴ Ури-Нисан Гнесин (1881-1913) – автор первых психологических повестей на современном иврите. Родился в Брянской губернии, жил в Варшаве.

⁵ Миха Йосеф Бердичевский (1851-1921) – писатель, философ, работавший на иврите. Потомок хасидских раввинов. Родился и вырос в Меджибоже, учился, жил и работал в Бреслау и Берлине.

О жизни и смерти еврейского народа говорит Шапиро. Несколько путей предложено для решения этого вопроса. Гитлер настаивает на полном уничтожении. Другие, и в том числе марксисты, говорят о полном растворении, ассимиляции. А сионисты борются за еврейское государство в Земле Израиля, куда съедутся евреи из всех стран диаспоры.

Шапиро полагает, что этот спор идет уже давно, на протяжении многих поколений. Средневековые массовые убийства, резня во времена Хмельницкого, погромы в царской России и на Украине, нынешняя планомерная ликвидация унесли жизни сотен тысяч людей. Казалось бы, это наиболее эффективное решение. При почти полном отсутствии сопротивления можно малыми силами уничтожить огромные массы людей. Но для повсеместного уничтожения потребуются согласные усилия многих народов, а Шапиро уверен, что далеко не везде ненавидят евреев. Есть места, где их режут при первой возможности, а есть такие страны, где, напротив, дают равные права. Сейчас праздник у первых, и они делают свое черное дело. Остальные молчат: никому нет дела до еврейского горя. Редко кто станет подвергать себя опасности, помогая гонимым и убиваемым. И все же Шапиро думает, что невозможно уничтожить весь народ без остатка. Уже были трудные времена, когда нас насчитывалось всего несколько десятков тысяч на весь мир. Поднялись тогда, поднимемся и теперь.

А дальше – Господи спаси! – Шапиро ступает в спор с самим Владимиром Ильичом, человеком, который дорог каждому сердцу! Сорок лет назад Ленин напечатал в газете «Искра» статью против Бунда, где призывал к полной ассимиляции евреев в странах диаспоры. В то время бундовцы мешали ленинскому плану строительства большевистской партии. Это и стало причиной появления статьи. К примеру, Ленин ничего не писал об ассимиляции цыган – ведь у них не было своего Бунда. Шапиро уверен, что если бы Ленин жил в наши дни, он непременно изменил бы высказанное в статье мнение. Тогда, в начале века, невозможно было предвидеть появление Гитлера и его планов по уничтожению целого народа.

Ассимиляция, даже насильственная, не в состоянии решить проблем еврейского народа. Во-первых, большинство евреев не желает ассимилироваться. Во-вторых, большинство преобладающего населения не хочет «впитывать» в себя чуждый по духу народ. Волна жестокого антисемитизма убеждает нас в этом и помогает сионистам убедить людей в своей правоте. Сионизм уже вышел за рамки теоретических обсуждений – сегодня это практика. Сионисты зовут евреев со всего мира приезжать в обезлюдившую, ждущую их страну. Лишь наш народ сможет возродить ее, и лишь она сможет защитить наш народ.

Шапиро рассказывает Вениамину о своей поездке в Землю Израиля перед Первой мировой войной. Ему было тогда около тридцати. Он видел там евреев-рабочих и евреев-земледельцев, учеников и учителей, религиозных и атеистов. Видел голубое небо и зеленые волны моря, омывающие берег. Слышал повседневную ивритскую речь. Его ноги ступали по улицам Иерусалима и Яффо, Хайфы и Тверии, он шел по красной каменистой дороге, ведущей в деревню с древним именем Модиин, деревню Хасмонеев...

Волшебные речи, полные мира и покоя! Вениамин слушает, как старик рассказывает ему свою сладкую сказку. Снаружи рыскает фашистский зверь-людоед, жаждет крови людей, сгрудившихся вокруг могилы Старого Рабби, а Шапиро нашел время для того, чтобы рисовать картинки своей мечты перед удивленными глазами еврейского парня! За стенами штибеля расстилается кладбище, торчат из земли молчаливые надгробья, каменные плиты с высеченными на них еврейскими буквами.

Из-за них, из-за этих надгробий, и произошли те события, о которых будет рассказано дальше.

Медленно ползет время, настает полдень. Сарка Гинцбург заступает на дежурство. Она надевает телогрейку, повязывает голову платком и прокрадывается на наблюдательный пункт. Сарка лежит в маленьком овражке, скрытая от постороннего глаза камнями надгробий и голыми ветвями кустарника, лежит и поглядывает вокруг.

Так, слушая и наблюдая, ей предстоит провести целых три часа. Сарка – не Екель Левитин, из другого теста скроена эта девчонка. Не иначе как от отца в ней эта странная сила характера. Екель – типичный сын народа Книги, его взгляд задумчив и порхает поверх реальной жизни. Мир кажется ему составленным из книжных образов и слов. Полная противоположность ему легконогая Сарка, подвижная, как ртуть, глядящая миру прямо в глаза.

Она лежит в небольшой выемке, не то природной, не то образованной заступами могильщиков, и лишь голова ее торчит над поверхностью земли. День ясен, хотя солнце почти не греет. Листья уже все облетели, но хвойные деревья остались зелеными – они шуршат теперь и за себя и за оголившихся соседей. Жухлая трава колыхается под порывами ветра. Сарка предпочитает лежать здесь, а не киснуть в душной клетке штибеля. На белом свете столько движения и жизни! Если сидеть все время со стариками, глядеть на их морщинистые лица и сгорбленные спины, слушать шелест их шепота и печаль их молчания, то скоро и сама почувствуешь себя старше на двадцать лет! Зато под открытым небом, с перистыми облаками над головой, вспоминаешь, что где-то еще есть жизнь, и радость, и детство.

Такие мысли плывут в голове этой неглупой четырнадцатилетней девочки, лежащей на наблюдательном посту среди старых еврейских надгробий. Но вдруг что-то привлекает ее внимание. К кладбищу приближается телега. Откуда и зачем она здесь? Колеса скрипят все ближе и ближе. На телеге двое. Это явно не евреи. Согласно указаниями Шапиро, Сарка должна немедленно бежать с донесением к взрослому в штибеле. Но она так долго глазела на телегу, что упустила момент. Гости остановились совсем рядом с ее ямкой, и девочка не может двинуться без того, чтобы не обнаружить свое присутствие.

Скорчившись и почти не дыша, она лежит в овражке и лишь изредка выглядывает наружу. Мужчины спрыгивают с телеги, берут молоты и лопаты и начинают выкорчевывать одно из надгробий. «Зачем им понадобилось надгробье?» – недоумевает Сарка.

А между тем недоумевать тут не о чем. Гранит – превосходный строительный материал, особенно под фундамент. Когда начались гонения на евреев, мародеры взялись за еврейские дома, а теперь вот настала очередь кладбищ.

Удача с теми, кто быстро соображает. Братья Петро и Филимон Грищуки давно уже задумали строить новый дом, и вот теперь первыми догадались отправиться за добычей на еврейский погост. Поплевав на ладони, они начинают раскачивать первое надгробье. Молоты бьют по земле, по могильному граниту. Удары то глухие, то звонкие, и каждый из них болью отдается в саркином сердце. В семье Гинцбургов привыкли с уважением относиться к памяти ушедших, к могилам, к надгробьям и, особенно, к гробнице Старого Рабби. В жизни не ступала нога Сарки на могильный холмик или надгробную плиту. Она знает, что это страшное богохульство.

Кряхтя и надрываясь от усилия, мародеры поднимают на телегу первое надгробье и берутся за следующее. Гнев вскипает в Сарке, и она начисто

забывает о своих обязанностях часового и наблюдателя. Как чертик из табакерки, она выскакивает перед грабителями.

– Что вы тут делаете?

Четыре сердитых глаза смотрят на девочку. Это глаза воров, которым мешают красть.

– Не твоё дело! – говорит Филимон, младший из братьев.

– Вы не имеете права брать надгробья! Они наши!

– Чьи это «наши»? – спрашивает Филимон, опершись на лопату. – А ну, дуй отсюда, если жизнь дорога!

– Это наше кладбище! – упрямо повторяет Сарка. – Возвращайтесь к себе!

Как вам нравятся эти переговоры между еврейской девочкой-подростком и двумя здоровенными мародерами?

– А ну, катись отсюда! – вступает в разговор старший, Петро, и для пущей убедительности замахивается на Сарку молотом.

На лице у него угрожающее выражение. Петро привык подчиняться властям, но не станет же он слушать эту соплившую еврейку, чудом выжившую после ликвидации? Не ей учить его, взрослого мужчину.

Сарка видит злобную физиономию вора и отступает. Она бежит к штибелю, распахивает дверь, и в лицо ей ударяет душный запах многих человеческих тел. В спешке она забывает о том, кому надо докладывать, и бежит не к Шапиро, а к отцу, который, как всегда, склонился над книгой.

– Что случилось, Сарка?

– Папа, там воруют надгробья!

Гинцбург – кладбищенский габай, следить за надгробьями – одна из его прямых обязанностей.

– Воруют надгробья? – переспрашивает он, поднимаясь с места. – Как это?

Шапиро, погруженный в беседу с Вениамином, понятия не имеет, что за его спиной разворачиваются довольно значительные события. Гинцбург и Сарка выходят из штибеля и направляются к мародерам. Габай шагает широко, выпрямившись во весь рост. Правителю кладбища не пристало ползать в своем царстве. Увидев грабителей и дело их рук, он не сомневается ни мгновения. Гинцбург вскакивает на телегу и берется за камень, намереваясь скинуть его на землю. Что он задумал, люди добрые? Ведь не только свою жизнь подвергает опасности Аарон Гинцбург, но и жизни тех, кто прячется в штибеле! Сил у него поуменьшилось в последнее время, но кое-что еще осталось. Камень сдвигается с места, еще, еще и, наконец, соскальзывает с чужой телеги на родную кладбищенскую землю. Спрыгивает и Аарон. Он тяжело дышит. Борода габая растрепана, глаза потускнели, странная желтизна покрывает его обычно бледное лицо. Надо бы отдохнуть Аарону Гинцбургу после такого усилия. Но в этот момент подступают к нему братья Грищуки.

– Ты что это? – грозно кричит Петро, вплотную подходя к Гинцбургу.

Но не на того напал – габай и не думает отступать.

– А ты это что? – эхом повторяет он слова мародера. – Возвращайся откуда пришел!

Гинцбург не успевает закончить фразу, как на него обрушивается первый удар. Петро вовсе не шутит. Братьям действительно нужен камень под фундамент. Приближается зима, есть еще много работы до первых холодов. Ну зачем этим евреям надгробья? Пройдет еще несколько дней, и даже памяти от них не останется в Гадяче. Чего ж тогда пропадать такому прекрасному граниту? Надо заткнуть глотку этому безумному еврею.

Гинцбург падает на землю. Падает и встает. В глазах его зажигаются два огонька. Перед нами тот давний одессит Арик Гинцбург в ботиночках со скрипом.

Это Арик, король улицы Старопортофранковской, который никогда не отступал перед хулиганами.

На кладбище разворачивается неравная схватка. Удивленно смотрят на нее старые надгробья. Посмеиваются под землей белые от времени скелеты. Печально глядит серое небо, вздыхают леса на горизонте. Могильный камень, камень преткновения тихо лежит под колесами телеги. Безмолвно стоят две лошади. Бойцы тоже молчат, лишь тяжелое дыхание и хрипы нарушают тишину. Гинцбург получает удары, кулаки братьев в еврейской крови.

– Папа, пойдем! – молит Сарка.

Она уже чувствует свою вину в том, что происходит. В этот момент Гинцбург получает особенно тяжелый удар и падает. Лица братьев пылают злобой. Петро хочет поднять молот, но Филимон останавливает брата. Ему, младшему, чуть меньше сорока пяти. Это Петро подбил его ехать за надгробьями.

– Черт с ним! – пробует он уговорить брата. – Не убегут же отсюда эти камни. Приедем потом.

Победа! Грабители садятся в телегу и уезжают восвояси. Филимон держит вожжи, Петро сидит сзади и грозит Гинцбургу кулаком. Надгробья молчат. Победа – то победа, но уж не пиррова ли она? Достаточно посмотреть на разбитое в кровь лицо кладбищенского габая. Нелегко пришлось этому несгибаемому бойцу. Отец и дочь возвращаются в штабель. Пока Энгертов перевязывает голову Гинцбурга, Шапиро, Вениамин и Берман выслушивают сбивчивый саркин рассказ. Их лица полны тревоги. Беда! Беда! Непродуманные действия габая и Сарки могут навлечь несчастье на обитателей штабеля. Град упреков обрушивается на головы обоих Гинцбургов. Сарка выслушивает обвинения с опущенной головой, слезы стоят в ее глазах, непокорные черные кудри выбиваются из-под платка. Аарон Гинцбург не реагирует никак. Если бы все повторилось вновь, он реагировал бы точно так же.

Мертвые евреи нашли в нем истинного защитника. Тем более, что Аарон отнюдь не одинок. Дети семейства Гинцбургов целиком и полностью на стороне отца. Они тесно сгрудились вокруг него – черные курчавые головы детей окружают перебинтованную голову отца.

Остальные собираются вокруг Шапиро и Вениамина и слушают хриплый шепот старого сиониста. Шапиро полагает, что, несмотря на возросшую опасность, надо оставаться в штабеле. До наступления темноты осталось всего два-три часа. Ночью придет Соломон и выведет всех с кладбища. Пока же следует выставить усиленные караулы: Вениамина, Бермана и Лейбку. На этих постовых можно положиться – они не станут подвергать риску живых из-за нескольких камней.

И вот мы видим Вениамина лежащим на наблюдательном пункте среди надгробий. Над ним кроны сосен, и холодное небо, и медленно сгущающиеся сумерки.

Четыре часа пополудни. Как медленно ползет время! Скорее бы уже наступил вечер! Вениамин думает о Глаше. Сердце его полностью принадлежит сейчас этой светловолосой украинской девушке. Когда-то – сейчас парню кажется, что это было сотни лет назад, – он так же возвращался мыслями к Рахели Фейгиной. Тогда Рахель была ему женой, в те чудесные летние ночи на берегу реки Псёл и в комнате на улице Дубининской. Но время идет, забываются поцелуи и вздохи, стихают душевные бури, блекнет вчерашняя любовь. Теперь от Рахели осталось лишь неясное теплое чувство, зыбкое, как запах ее духов. И все же странно это, ведь Рахель – красавица, хотя и переменчивая, ветреная, не знающая, на чем остановиться в этой жизни. А Глашу нельзя назвать красивой –

на вид это обычная деревенская девчонка. Что же такого особенного нашел в ней Вениамин?

Медленно ползет время. Вот и пять. Приближается вечер, а с ним и беда в виде трех вооруженных полицаев. Все-таки не утерпели мародеры, рассказали полиции о прячущемся на кладбище еврее.

Вениамин, Берман и Лейбка одновременно замечают опасность. Все трое спешат к штибелю. Но тут и полицаи обращают внимание на суету между деревьями. Слышны крики: «Стой!» За криками следуют выстрелы. Топот ног. Быстрые шаги. Паническое бегство. «Стой!» Снова выстрелы. В сгущающихся сумерках трудно попасть в движущуюся цель.

Вениамин и Лейбка врываются в штибель; за ними вбегает Берман. Всем уходить! Бежать! Наружу! Люди в панике бросаются к двери. Первым выскакивает Шимка Гинцбург: чего еще ждать от перепуганного десятилетнего мальчугана? Он слышит: «Спасайтесь!» – и спасается.

– Шимка, сюда! – кричит ему мать Ципа-Лея, но мальчик уже исчез в темноте между деревьями.

Он бежит прямо на полицаев. Выстрелы. Крик. Пуля попадает в Шимку. Теперь уже кричит Ципа-Лея – отчаянно, страшно. Люди втаскивают ее назад в штибель и запирают дверь изнутри. Но полицаи тоже не зевают. Они посылают одного в город за подкреплением, двое других остаются сторожить возле штибеля. Уж не прячутся ли на кладбище партизаны? Полицаи вслушиваются в доносящиеся из здания звуки панической суеты. Ого! Похоже, туда набилось довольно много евреев. Что ж, бургомистр и начальник гестапо будут довольны.

Ловушка захлопнулась. Вооруженные убийцы стерегут единственный выход.

Теперь действительно наступает ночь. Темнота. Узенький серп месяца едва виден сквозь толстый слой облаков. Слышен дальний собачий лай, неясные шорохи и вздохи; шевелится, затихая, темный курятник ночи.

Двадцать пять еврейских душ заперты в штибеле, как в мышеловке. Нечего сказать, достойный конец, типичный для того времени: обнаружено еще одно укрытие, где прячутся евреи. Теперь все они обречены на скорую смерть.

Внутри штибеля тьма. Масляная лампа погашена. Шапиро и Вениамин решают, что надо попробовать прорваться наружу и разбежаться в разные стороны. В этом заключается сейчас единственный шанс на спасение. И вот слышится в штибеле голос Шапиро. Он не предлагает, он приказывает, и приказ его не подлежит обсуждению. И этот тон не только заставляет людей прислушаться, но и немного успокаивает их.

– Приготовьтесь к прорыву, – говорит старик. – Если сделать это достаточно быстро, то есть надежда. Ночью придут забрать нас в лес. А пока нужно рассеяться по кладбищу. Берта, подойди ко мне!

Лучик надежды забрезжил во мраке штибеля. Люди подхватывают свои котомки, перешептываются.

– Голда, где ты?

– Тут, тут, Иосиф...

Голда Берман прижимает к груди ребенка. Маленькая Ахува еще спит, но действие снотворного уже подходит к концу. Лейбка зовет отца. Молчит кладбищенский габай, не говорит ни слова. Быстрее, быстрее! Люди выстраиваются у входа с узлами и котомками в руках. Вениамин должен внезапно распахнуть дверь и первым вырваться наружу.

– Все готовы? Ну, Вениамин... раз... два... три!

Увы! Дверь крепко заперта снаружи. Предусмотрительные полицаи навесили замок с внешней стороны. Они твердо намерены дождаться подкрепления, чтобы не ушел ни один из евреев. Вокруг молчит старое кладбище. Тихо. Но люди в штибеле оглушены громом собственных сердец. Люди в панике, рты пересохли, руки дрожат. Кончено, нет выхода, нет надежды.

В соседней комнате, в шатре гробницы, по-прежнему горит светильник. Черный габай Аарон Гинцбург стоит рядом с могилой. Его голова перевязана, под глазом синяк. Лицом к лицу со Старым Рабби стоит черный габай.

Это он виноват в случившемся. Но мог ли кладбищенский габай допустить осквернение могил? Ведь Ари¹, благословенна память его, сказал, что душа есть даже в неживом – в камнях, земле, воде. Как же тогда стерпеть грязную руку мародера на надгробьях, где высечены еврейские буквы, в каждой из которых есть искра Негасимого огня?

Две души в человеке – божественная и животная; пока жив он, сражаются они между собой. Лишь в момент смерти одерживает победу божественная душа. Ярким огнем вспыхивает она, огнем, что рвется ввысь и стремится оторваться от своего фитиля.

Душа человеческая похожа на Господню свечу. При жизни душа стремится крепче привязаться к своему земному корню, к земным основам бытия. В это время божественная душа заключена внутри души животной. Но настает момент, когда назначено ей вернуться в отцовский дом, дом ее юности, туда, где была она частичкой Негасимого огня.

Наступает конец этой жизни, и тьма превращается в свет. Радость наполняет Гинцбурга. Кажется ему, будто сам Рабби, встав из могилы, смотрит ему в лицо, проникая взглядом в глубину сердца. Святой Рабби, адмор! Помоги детям твоим, попавшим в беду! Спаси их силой своей молитвы! Ведь без молитвы святых душ из иного мира давно пришел бы конец миру земному...

Глаза Гинцбурга закрыты. Он чувствует, как светлая волна заполняет шатер. Ее дуновение идет сверху, снизу, со всех сторон. А вместе с нею слышится голос, повторенный эхом – двойным, тоекратным.

«Не мог я вытерпеть дольше, – говорит голос. – Ведь обычай Яакова – обычай милости. Открой пещеру под негасимым огнем! Открой пещеру под негасимым огнем! Открой пещеру под негасимым огнем!»

Гинцбург открывает глаза. Что это? Какая пещера? Вокруг все по-прежнему. Колышется в полумраке язычок огня. Над могилой Рабби невысокий купол. Поблескивают в тусклом свете золотые буквы на мраморных плитах. А вокруг слышны вздохи, шепот и приглушенные голоса. В самом деле – каждый здесь уже осознал, что у запертых в штибеле не осталось надежды. И вот сгрудились они все в последнем прибежище, у могилы Старого Рабби.

Снаружи доносятся новые звуки. Топот сапог у входа. Звук открываемой двери. Грохот шагов по полу штибеля. В шатер врываются три вооруженных эсэсовца и два полицая.

– Вот они где! – лучи фонарей скользят по испуганным лицам людей, жмущихся по углам гробницы.

На хорошем немецком обращается к эсэсовцу Берта Абрамовна Шапиро. Она говорит ему, что люди собрались здесь, чтобы помолиться у святой молитвы.

– Деньги! – рявкает в ответ Курт Вирт, командир взвода.

¹ Ари – сокращение имени рабби Ицхака Лурии Ашкенази (1534-1572). Один из виднейших каббалистов, создатель т.н. «лурианской Каббалы». Жил в Иерусалиме и Цфате.

Это полный немец лет тридцати с пронзительным взглядом и торчащими вверх усами. Евреи должны немедленно сдать все имеющиеся у них деньги и ценности. Тот, кто утаит хоть копейку, будет убит на месте.

Люди развязывают узлы, шарят по карманам, вытаскивают банкноты, монеты, часы. «Еще! Давай еще!» – всё исчезает в загребущих эсэсовских руках. Молчат глухие стены гробницы; лишь крошечное слуховое оконце, сквозь которое не протиснуться и ребенку, слепо смотрит на обреченных людей.

– Ждите тут до утра! – говорит эсэсовец.

Палачи выходят в соседнюю комнату и запирают за собой дверь. На рассвете евреи сами выроют себе могилу. Эсэсовцы перешучиваются: довольными останутся все – и начальник гестапо, и сами евреи. В конце концов, они лягут в землю не где-нибудь, а на собственном кладбище.

Немцы и полицаи устраиваются в штибеле на ночлег. Делать нечего, придется посторожить этих грязных евреев. Они предусмотрительно захватили с собой поесть и теперь достают еду из машины, которая привезла их сюда. На столе появляется бутылка. Палачи услаждают утробу выпивкой и жратвой. Самодовольный гогот и сытое рыгание с этой стороны двери; молчание сломленных людей – с той. Лишь бормотание Гинцбурга слышится в мертвой тишине. Он наизусть читает Давидовы псалмы. Глаза черного габая закрыты, в напряженном безмолвии звучит его неистовый шепот.

Сидит он в засаде в селах, в потайных местах убивает невинного, глаза его высматривают несчастного... Встань, Господь, Бог, вознеси руку Свою, не забудь смиренных!¹

С грохотом распахивается дверь. Осоловелые глаза эсэсовца всматриваются в лица евреев. Доннерветтер! Они и вправду молятся! Вместо того, чтобы прощаться с жизнью, прощаются со своим еврейским Богом. Не сомневайтесь, завтра утречком вы повстречаетесь с ним лицом к лицу...

Взрыв хохота, звон бутылки о стакан. Немец вновь захлопывает дверь и навешивает на нее замок. Палачи больше не планируют отвлекаться – зачем? Все равно до утра их жертвы никуда не денутся. Вдруг Гинцбург подзывает Вениамина. Тот неохотно подходит и подставляет ухо под сиплый взволнованный шепот габая:

– Я слышал голос! Под светильником есть пещера! Можно спасти людей...

Вениамин отстраняется; перед его глазами покачивается безумное лицо с горящими глазами. Станные слова, но, когда нет выхода, цепляешься и за такие.

– Молитесь, молитесь, реб Аарон, – шепчет Вениамин.

Не удаляйся от меня, ибо бедствие близко, ибо нет помощника...

Ибо окружили меня псы, толпа злых обступила меня...

Спаси от меча душу мою...

Даже если иду долиной тьмы, не устрашусь зла, ибо Ты со мной...²

Вениамин осторожно сдвигает в сторону маленький столик и обнаруживает под ним пыльную плетеную дорожку. А что под ней? Деревянная крышка! Он приподнимает крышку – яма! Вниз ведет несколько ступеней. Вениамин спускается в яму и обнаруживает дверь. Она закрыта, но поддается нажиму его руки. Парень протискивается в тесный проем, зажигает спичку и видит пещеру.

¹ Псалмы (Теилим), 10:8 и 10:12.

² Там же, 22:12, 22:17, 22:22, 23:4

Его не покидает ощущение, что он уже побывал тут когда-то. В рассказе старой Эстер? В собственном сне, навеянном этим рассказом? Так или иначе, туннель должен вывести к реке.

Парень возвращается в шатер. Глаза обращаются к нему с немым вопросом и надеждой. Вениамин прикладывает палец к губам. Главное – не поддаваться панике. Из-за двери доносятся пьяные песни и выкрики немцев. А здесь – здесь должны звучать печальные молитвы. Пока немцы слышат их, они уверены, что все в порядке.

– Молитесь, реб Аарон, молитесь!

Сердце мое волнуется, покинула меня сила моя, даже свет глаз моих – и его нет у меня...

Не оставляй меня, Господи Боже мой, не удаляйся от меня! Спешి на помощь мне, Господи, спасение мое...¹

Легкое движение в комнате. Слышен приглушенный голос Шапиро. Он призывает к полной тишине. Впереди пойдут Вениамин и Екель Левитин. За ними – Голда с Ахувой, Песя, Батья, Сарка, акушерка Голда, доктор Энгертов, другие старики. Шапиро, Лейбка и Берман будут замыкающими. Аарон Гинцбург уйдет последним.

– Молитесь, реб Аарон, молитесь!

Пошли свет Твой и истину Твою, пусть они ведут меня... кто даст мне крылья, как у голубя?.. Поспешил бы я в убежище для меня от вихря, от бури...²

Ахува потягивается на руках у Голды. Энгертов срочно вкалывает ей новую дозу снотворного. Люди начинают спускаться в дыру согласно установленной Шапиро очередности. В руках они несут свои узлы и котомки. Одного за другим поглощает пещера. Вот дошла очередь до Шапиро, за ним уходит Берман. Теперь настало время последнего – Аарона Гинцбурга. Но что делает он, этот безумец? Вместо того, чтобы последовать за остальными, он закрывает дыру деревянной крышкой, расстилает дорожку и возвращает на место столик со светильником. Делая это, он продолжает нараспев повторять строки псалмов.

От края земли к тебе взываю в слабости сердца моего...
Жаждет тебя душа моя, стремится к тебе плоть моя...³

Шапиро, Берман и Лейбка какое-то время стоят, пригнувшись, у последней ступеньки, ждут Гинцбурга. Но, как видно, он не собирается прекращать своей молитвы. Глухо доносится сверху через закрытый люк его голос, проникающий во все миры и пространства:

Спаси меня из грязи, чтобы не утонуть мне...
Помощь моя и избавитель мой Ты, Господи, не медли!
Пусть дойдет до тебя стенание узника!⁴

¹ Псалмы (Теилим), 38:11 и 38:22-23.

² Там же, 43:3, 55:7 и 55:9.

³ Там же, 61:3 и 63:2.

⁴ Там же, 69:15, 70:6, 79:11.

Лейбка глотает слезы: «Папа!» Шапиро одергивает мальчика. Гинцбург хочет как можно дольше задержать убийц. Когда они задремлют, уйдет из гробницы и черный габай. А пока – пока немцы слышат из-за двери молитву, они думают, что всё спокойно. Аарон Гинцбург рискует собой ради общей безопасности...

– Идем! – командует Шапиро.

Неслышные шаги по полу пещеры. Люди стараются даже дышать потихоньку. Вениамин идет впереди. Время от времени он останавливается, чтобы посветить себе спичкой. Ее неверный огонек освещает стены пещеры. За спиной парень слышит тревожное дыхание Голды. Маленькая Ахува спит у нее на руках. Лейбка замыкает; время от времени он приостанавливается и вслушивается – не идет ли отец? Спустя несколько минут Вениамин добирается до конца пещеры.

Но тут его ждет разочарование: выход завален. Люди толпятся вокруг, их надежды угасли, не успев пробудиться.

– Погодите горевать, – говорит Вениамин. – Здесь должен быть выход к реке. Я никогда тут не был, но слышал разные слухи. Этот завал не должен быть большим. Мягкая земля, песок... – надо попробовать...

Вдвоем с Екелем они принимаются за работу. Лопат нет, так что приходится рыть руками. Затем их сменяют Берман и Лейбка. Пот заливал глаза землекопов, но они не снижают темпа. Проходит полчаса, час...

Но вот в затхлое пространство пещеры врывается волна холодного речного воздуха. Вениамин и Екель со свежими силами начинают расширять отверстие. Екель первым выбирается на поверхность. Еще несколько усилий – и выход открыт для всех. Одна за другой поднимаются из земли безмолвные тени, серые – в черноту ночи. Воодушевленные неожиданным спасением, они еще не чувствуют холода ночи. Остатки еврейской общины города Гадяча сгрудились на речном берегу под покровом ночного неба.

Пора уходить. Но один из спасшихся остается, уходит в сторону от общей колонны. Это Лейбка. Он не может бросить отца. Надо вернуться на кладбище. Кроме судьбы оставшегося в гробнице габая, Лейбку волнует судьба подстреленного брата. Возможно, Шимка еще жив? Может, он лежит раненый и нуждается в помощи?

На берегу под кронами сосен продолжается движение безмолвных теней. Нужно во что бы то ни стало пересечь Псёл. Вода холодна, черна, грозит глубиной. Большинство здесь – старики на исходе сил. Но выбора нет: дорога в лес лежит через реку.

И тут чьи-то глаза замечают на другом берегу лодку. Вот уж действительно, чудо из чудес! Как она попала сюда, кем забыта? Но времени долго раздумывать нет. Вениамин быстро сбрасывает с себя одежду. Студеная вода обжигает тело. Парень ныряет. За один нырок он преодолевает половину реки. Еще нырок – и Вениамин у лодки. На ее дне – лишь одно сломанное весло. Но путь недолог; в несколько гребков Вениамин переправляет лодку к товарищам и поспешно одевается.

Быстрее, быстрее! В несколько приемов людей перевозят через реку. Гребет Вениамин: ему срочно требуется согреться. Но вот переправа закончена – толпа теней поспешно движется в направлении Вельбовки. Они не выходят на шоссе, а идут вдоль обочины, за кустами, пригнувшись, перебегают через открытые места. Но вот и лесная опушка. Теперь можно спрятаться за деревьями и передохнуть.

Вениамин прокрадывается к дому тети Насти: Глаша должна ночевать здесь сегодня. Он тихонько стучит в окно, и девушка выходит – теплая со сна, она

кажется совсем ребенком. На ней одна телогрейка. Глаша узнает Вениамина и тянется к нему.

– Что случилось, Вениамин?

– Глаша, надо торопиться, – поспешно говорит он. – Там в лесу прячутся больше двадцати человек. Они только что спаслись от верной смерти. Нужно срочно переправить их к партизанам. Немцы могут в любую минуту пуститься в погоню.

Глаша кивает. Сейчас не время думать о любви и о любимом. Через несколько минут она уже поспешно шагает по лесу вместе с Вениамином. Люди ждут под деревьями, готовые ко всему. До рассвета осталось примерно пять часов. Этого достаточно, чтобы добраться до лагеря. И все же трудно провести такое количество немощных стариков по ночному лесу. Никто лучше Глаши не справится с этой задачей.

Ципа-Лея плачет. Она лишь сейчас обнаружила, что пропал Лейбка. Черный день в семье Гинцбургов! Убили Шимку, Аарон остался в зверином логове, а теперь еще и Лейбл исчез... Песя тоже тревожится, ведь Соломону грозит смертельная опасность, когда он, ничего не подозревая, подойдет к штибелю, полному фашистов! Если что-то случится с сыном, то вся вина будет на ней!

Шапиро говорит, что надо обязательно предупредить Соломона. Он предлагает Вениамину вернуться и перехватить друга возле кладбища. Нужно подождать час-другой вблизи дороги, а если Соломон не появится, пробраться на кладбище и узнать, что там происходит.

– Нет! – вырывается у Глаши.

Она хватает Вениамина за рукав – влюбленная девушка, чья цветущая весна пришлась на кровавую осень мира.

– Я должен, Глаша, – ласково шепчет ей Вениамин и мягко высвобождает свой рукав из ее ладони.

Он кивает остальным и уходит. Секунду-другую еще слышны его осторожные шаги, но вскоре Вениамин растворяется в темноте.

Вперед! Глаша идет впереди своей немощной команды. Светла для нее глухая лесная темь; сильные молодые ноги сами находят нужные тропки. Рядом с ней шагает Голда с Ахувой на руках, здесь же Шапиро. Он тяжело дышит, с трудом переставляет ноги. Другие старики не лучше – похоже, с такими ходами придется долго добираться до партизанской базы. Голда тоже еле идет: она не спала несколько ночей. Тревога за малышку иссушила ее кормящую грудь. Глаша замедляет ход.

– Давай мне ребенка, – говорит она Голде.

В детском саду она научилась обращаться с детьми, хотя и не такими маленькими. Короткий отдых – и снова в путь. Медленно ковыляют по лесу серые тени. С облачного неба глядят на них удивленные звезды.

Глаша ведет людей через лесную чащу; где-то в противоположном направлении движется Соломон и с ним три вооруженных партизана. Девушка знает об этом и смотрит во все глаза, стараясь не пропустить товарищей. Темно в чаще, но разве что-то скроется от глаз этой дикой лесной белки? Вот Глаша замечает движение где-то далеко в стороне. Она приказывает Шапиро остановиться, собрать людей и ждать, а сама устремляется туда, где скользят между деревьями неприметные лесные жители. Это действительно оказывается Соломон с товарищами. Глаша быстро описывает ему последние события, и партизаны подходят к группе беглецов. Не в таких условиях мечтала Песя встретить своего сына, но выбирать не приходится. Лейтенант Фейгин обнимает мать.

– Сейчас ты пойдешь с нами? – спрашивает она.

Соломон отрицательно качает головой:

– Нет, мы должны идти дальше.

У партизан не хватает оружия и одежды, и Соломон решает воспользоваться удобным случаем. Эсэсовцы и полицаи не ожидают нападения, так что можно будет застать их врасплох, убить несколько врагов, а заодно разжиться несколькими винтовками и теплыми вещами. Кроме того, нужно встретиться с Вениамином и узнать о судьбе Гинцбургов – отца и сыновей.

– Я иду с вами! – говорит Глаша.

Но Соломон решительно отказывает: сначала Глаша должна доставить в лагерь измученных людей. Две группы расстаются. Глаша снова забирает ребенка из рук Голды и углубляется в лес вместе с беглецами. Песя прощается с сыном:

– Иди, сынок, с миром, и вернись с миром!

– Не волнуйся, мама, скоро увидимся! – отвечает Соломон.

Партизаны продолжают свой путь. Они выходят к вельбовской дороге и, пригнувшись, движутся по обочине за кустами. Время от времени Соломон принимается тихо насвистывать. Это не просто свист, а песенка-намек, идишский мотивчик о десяти братьях, хорошо знакомый Вениамину.

Вениамин, притаившийся невдалеке в кювете, слышит знакомый мотив, бесконечную легкомысленную песню, которую некогда насвистывали два друга-студента в комнате московского общежития.

И вот еще одна встреча – партизан с Вениамином. Пятеро вооруженных людей – немалая сила. Теперь группу ведет Вениамин. Они быстро спускаются к реке, находят лодку и пересекают реку. Проходит несколько минут, и вот они уже стоят в тени деревьев рядом со штибелем. Здесь к ним присоединяется подросток – Лейбка Гинцбург. Паренек сильно повзрослел за эти дни. Он лежит в укрытии рядом с мертвым телом своего брата Шимки, наблюдает за тем, что происходит в штибеле.

В шатре Старого Рабби по-прежнему бормочет псалмы черный габай Аарон Гинцбург. Его глаза зажмурены, лицо обращено на восток, губы бормочут древние слова древнего языка.

Измучен я и умираю, переносу ужасы Твои, боюсь! Прошла надо мной ярость твоя, ужасы Твои истребили меня...¹

Беда! Ужасная беда приближается к Гинцбургу. Курт Вирт, командир фашистского взвода, пробуждается от дремоты. Он зевает и смотрит на часы: час тридцать. Черт подери! Снова напильсь... Немец встает, потягивается и направляется в соседнюю комнату – проверить, что делают евреи, а заодно, возможно, вытрясти из них еще немножечко ценностей. Они ведь хитрые, наверняка, припрятали что-нибудь. Он открывает дверь и в изумлении выпучивает глаза: жертвы исчезли! Его вопль поднимает на ноги остальных. Так и есть! Гробница опустела, и лишь старик в кипе продолжает бормотать свои молитвы:

Не скрывай лицо Твое от меня... уподоблюсь нисходящим в могилу...
Объяви мне путь тот, по которому идти мне...²

¹ Псалмы (Теилим) 88:16-17.

² Там же, 27:9, 28:1 и 143:8.

Сначала на него кричали; Аарон Гинцбург молчал. Затем стали избивать кулаками, прикладами, сапогами; Аарон Гинцбург молчал. Прострелили колени; Аарон Гинцбург молчал. Тогда три автоматные очереди прервали жизнь кладбищенского габая Аарона Гинцбурга. Одна из пуль рикошетом задела светильник; стекло лопнуло, огонек взметнулся и погас.

И тут же дрогнула земля, странный звук послышался в ночном небе. Закружилась голова у эсэсовца Вирта. Немец встряхнулся – прилично же он накачался этим вечером! Уже и землетрясение чудится. Не землетрясения ему нужно бояться сейчас, а начальника гестапо. Вот уж кто всыплет ему по первое число за то, что упустил евреев. Может даже послать на фронт. Доннерветтер!

Где бы теперь раздобыть новых евреев, чтобы оправдаться? Наверное, и сбежавшие не успели уйти далеко, так что не стоит терять времени. В темноте шатра слышны слова команды. Один за другим эсэсовцы и полицаи выходят из гробницы прямо под наставленные винтовки партизан. «Хенде хох!»

Через пять минут всё кончено. Мертвые враги лежат у порога штибеля. Партизаны собирают трофейное оружие, снимают с эсэсовцев униформу, увязывают в узел теплую одежду и сапоги. Вениамин предлагает провести их скрытой дорогой, через пещеру. Партизаны входят в гробницу; масляная лампа из штибеля освещает шатер, могилу, угасший светильник на столике, распростертое на полу тело габая. Аарон Гинцбург лежит лицом вниз, в землю.

Лейбка бросается к мертвому отцу, заливается слезами.

– Быстро! – командует Вениамин.

Он сдвигает в сторону столик, поднимает дорожку... Что это? Чудеса, да и только! Под плетеной дорожкой нет ни крышки, ни дыры, ни ступеней. Сомкнула земля свой зев, нет больше пещеры, если вообще была...

– Дядя Соломон! – молит Лейбка. – Надо похоронить папу и Шимку!

Соломон колеблется – уже поздно. Но он не может отказать этой мольбе. В углу штибеля находятся заступы и другой инвентарь могильщиков. Партизаны молча выкапывают неглубокую могилу рядом со штибелем. Белый киттель габая служит последним покрывалом для него самого и для сына. Люди работают молча, не произнося ни слова. Тела опускают в могилу и забрасывают землей. Кончено. Молча стоит Лейбка над свежей могилой отца и брата.

– Пойдем, хлопчик... – говорит ему один из партизан и обнимает за плечи.

Они возвращаются той же дорогой, по которой пришли. В гробнице Шнеура Залмана Шнеерсона, наставника и учителя хасидов Хабада, великого адмора, чья святость защитит нас, лежит на полу мертвый светильник. Тьма завладела Господним миром. Не горит больше негасимый огонь, искра Бесконечного Света на могиле Старого Рабби. Не греет больше его пламя эту часть огромного мира.

Глава 11

В сентябре 41-го была захвачена немцами полтавская земля, в сентябре 43-го освобождена Красной Армией. Это значит, что Тамаре пришлось выживать в условиях фашистской оккупации два года за вычетом четырех дней.

А в те октябрьские дни и ночи, когда все еще только начиналось, можно было увидеть Тамару Фейгину, Кима Вортмана, Фрейду Львовну и ее дочь Раю Розенкранц на лесных дорогах в районе Гадяч – Ромны. Тогда многие брали себе вымышленные имена; так Тамара Фейгина превратилась в Нину Макарову, сироту, родившуюся в Саратове в 1929 году и жившую позже в Москве. Согласно легенде, ее детский дом перевели из Москвы в Полтаву. С началом войны воспитатели разбежались, а воспитанники рассеялись по области, спасаясь от войны и бомбежек. Сейчас она пытается пробраться к тете в родной Саратов. Такие вот фантазии.

Рая Розенкранц, назвавшаяся Надей Сосновой, тоже придумала себе историю. Но самая смешная метаморфоза произошла с Фрейдой Львовной: она стала Прасковьей Ивановной Тарасюк, в просторечии – тетей Пашей. «Тетя Паша» якобы держала путь с юга страны, где остался ее разбомбленный дом, в город Мичуринск, к сыну. Нечего и говорить, что внешность и акцент «тети Паши» совершенно не соответствовали ее новому имени. Неудивительно, что молодые, включая и дочь Фрейды Львовны Раю-Надю, старались держаться подальше от своей странной попутчицы.

Ким назвался Кимом Андреевичем Вороненко; фамилию он придумал, а отчество позаимствовал у покойного деда со стороны матери. По легенде, не слишком отличавшейся от правды, он хотел добраться к матери в Харьков.

В начале ноября на дорогах стала появляться по утрам ледяная корочка. Крестьяне пока не гнали беженцев, принимали их приветливо, кормили и оставляли ночевать. Молодые стучались в дома ближе к ночи, просились на ночлег. К ним, стараясь помалкивать и поменьше высовываться, присоединялась и старая «тетя Паша». Но как урод не видит своего уродства, так и Фрейда Львовна частенько неосмотрительно вступала в разговор, не чувствуя, что тем самым может подвести под монастырь и себя, и всю молодую команду.

Так в конце концов и случилось. Вот Тамара и ее спутники сидят вокруг стола в кухне одного из крестьянских домов в двух днях пути от Гадяча. Вечер. Хозяйка подает гостям хлеб и миски с украинским борщом. Две ее дочери лет пятнадцати-шестнадцати пристально смотрят на наших героев и на их зверский аппетит.

– Вы уж не еврейки ли часом? – спрашивает одна из них.

На шее у девушки маленький крестик, тонкие ноздри ее носа раздуваются.

– Тарасюк я, Прасковья Ивановна, – поспешно отвечает Фрейда Львовна, сразу выдавая себя с головой.

Ее ужасный акцент в добавление к выпуклым глазам и огромному носу не оставляют сомнения в еврействе женщины. И кто только тянул ее за язык?

Тамара быстро заталкивает в себя ломоть хлеба, ложка за ложкой поглощает борщ. Разговор идет о том, о сем. Выясняется, что родственник хозяйки, Петр Гаврилович, служит в местной полиции.

Гостей приглашают переночевать на полу в кухне; они ложатся и мгновенно засыпают. После долгого дневного перехода в холодном лесу и сытного обеда в тепле редко кто будет страдать от бессонницы. Фрейда Львовна захрапела первой, за нею – Рая и Ким. Лишь Тамара, чувствуя недоброе, лежала с открытыми глазами: ей не дают уснуть мысли о неизвестном, вскользь упомянутом Петре Гавриловиче.

И действительно, через некоторое время тихо отворилась дверь, и в кухню вошла хозяйская дочь в сопровождении высокого мужчины в гражданской одежде. Петр Гаврилович – а это, видимо, был он – тщательно изучил лица спящих при свете масляной лампы. Тамара тоже зажмурилась и не вызвала подозрений, но когда гости вышли в сени пошептаться, вскочила и прокралась к двери ровно в то время, когда полицейский заверял свою бдительную родственницу, что скоро вернется с подмогой.

Хлопает дверь. В кухне храп. Громко стучит сердце. Нужно немедленно уходить! Тамара натягивает одежду и наклоняется к Киму. В комнате темно, петухи еще и не думали просыпаться. Девочка трясет Кима за плечо.

– Ким, надо уходить!

Лицо парня едва различимо в полумраке, на губах его – легкая улыбка.

– Ким, вставай!

Он открывает глаза; прямо перед ним – встревоженное лицо любимой, которую Ким только что видел во сне. Парень притягивает Тамару к себе и начинает целовать ее глаза. Нашел время!

Ресницы девушки трепещут под губами Кима; она замирает на секунду-другую, вся отдаваясь чувству, которое уже не вернется. Но страх смерти пересиливает и это.

– Довольно, Ким! – Тамара отстраняется. – Надо бежать. Сейчас тут будут полицейские. Надо бежать, немедленно!

Она вскакивает посмотреть в окно. Выясняется, что дело еще неотложней, чем полагала девушка: в свете луны хорошо видны полицейские, которые приближаются к дому.

– Они идут! – в ужасе кричит Тамара.

От ее крика просыпаются Рая и Фрейда Львовна. Не мешкая больше ни секунды, Тамара проскакивает через сени во двор, и дальше – к плетню, и дальше – по огороду: бегом, сломя голову, прочь от смертельной опасности! К счастью, ее не замечают. Девушка прячется за забором. Она видит, как на крыльцо вылетает Ким. Поздно! Полицейские уже совсем рядом.

– Стой!

Топот сапог, крики, лай собак во дворах. Кончено! Ким, Рая и Фрейда Львовна в руках убийц. Тамара отрывается от забора и устремляется в бегство. Она мчится по спящим улицам деревни, сопровождаемая залившимся собачьим лаем. Быстрее, быстрее! Но вот, слава Богу, лес принимает ее под свою защиту. Тамара останавливается под деревом. Лишь здесь, слушая ласковый шорох сосновых крон, она понемногу успокаивается, приходит в себя.

На рассвете девочка снова пускается в путь. Теперь она осталась совсем одна, без спутников. Ей предстоит еще не раз столкнуться с волками, но не раз и согреет ее добрая бескорыстная душа. Восемь дней продолжался ее путь в Ромны, много всякого повидала она за это время. Видела беженцев и дезертиров, пленных и раненых. Однажды судьба свела ее с человеком, который, по его словам, был татарин и пробирался в Крым. Этот тридцатилетний мужчина сильно смахивал на еврея – глазами, лицом, отросшей щетиной на подбородке. Наверно, он тоже почувствовал в девочке соплеменницу. Они смотрели друг на друга, и взгляды их говорили так много, так красноречиво. Вот только вслух так и не было сказано ни слова.

Поздним вечером Тамара добралась до Гринева, в четырех километрах от города Ромны. В Ромнах уже начали истреблять евреев; те, кому удалось сбежать, бродили по окрестностям в поисках спасения. Во всех пригородных селах были развешены объявления на двух языках – немецком и украинском. Жителям приказывалось отлавливать евреев и сдавать их в руки полиции. Строго

запрещалось пускать евреев в дома, кормить и помогать им. Такие же объявления висели и на стенах домов в Гринево; тамошние жители от греха подальше не пускали в дома вообще никого. Дрожащая от усталости и холода, девочка ходила от двери к двери, пока наконец не втиснулась в чью-то кухню, едва ли не против воли хозяев.

Рано утром она направилась в Ромны. Ей удалось беспрепятственно пересечь мост через Сулу – там не проверяли документов. Так Тамара добралась до городского центра. Часовой-украинец, стоявший у входа в комендатуру, не пустил ее внутрь: требовалось прежде записаться на прием. И в самом деле, у регистрационного окошка толпился народ. Прежде чем попасть к бургомистру, коменданту и прочему начальству, нужно было получить разрешение там. Тамара встала в очередь. Медленно тянулось время. Полдень. Два часа дня. Четыре. Плохо дело: без документов никто здесь не пустит ее на ночлег. Люди боятся внезапных обысков. Если немцы обнаруживают беспаспортных гостей, ответственность ложится на хозяина дома.

Не видя иного выхода, Тамара стала пробиваться к окошку без очереди. Люди с возмущением смотрели на нахальную девчонку, которая работала локтями, не обращая внимания на окрики и ругань. Желание выжить гнало ее вперед. Когда Тамара наконец пробилась к окошку, ей было сказано, что прием будет не раньше, чем через три дня. Это могло ввергнуть в отчаяние кого угодно, но только не Тамару. Не отходя от окошка, она закричала на чиновника по-украински: она сирота, беженка и должна найти себе ночлег. Очередь перестала возмущаться и с интересом наблюдала за исходом ее поединка с чиновником. Тамара победила: ее записали на сегодня, хотя и без какой-либо гарантии, сто пятьдесят третьим номером.

Зато клочок бумаги с сегодняшним числом позволил ей пройти внутрь, в тепло. Миновав часового, Тамара уселась на скамье в зале ожидания. В забитом людьми помещении стоял гул голосов. Женщины и старики говорили о повседневных событиях и о том, что привело их сюда: о пропавшей корове, о ликвидации евреев, о разрешении открыть киоск на рынке, о разбомбленном доме и помощи детям. Тамара молчала. Через некоторое время вышел секретарь и объявил, что бургомистр закончил прием, который возобновится лишь завтра в девять утра.

Люди стали уходить, но Тамара перешла в другую очередь – к заместителю бургомистра Васильеву. Здесь было поменьше народу. Девочка бессильно прислонилась к стене; она уже не помнила, когда ела в последний раз, на исхудавшем лице лихорадочно блестели темные глаза. На этот раз Тамаре повезло: она была последней, кого принял в тот день Васильев.

В комнате сидели трое. В середине стояло кресло самого Васильева – сорокалетнего мужчины с желтоватым лицом и темными кругами вокруг глаз. Вторым был усатый парень с чубом; из кармана его пиджака торчало горлышко водочной бутылки. И, наконец, женщина – она казалась самой приятной и улыбочивой из всех. Когда Тамара вошла, все трое что-то оживленно обсуждали, и не обращали никакого внимания на девочку, которая, опустив голову, стояла у дверей.

– Ладно, пойдем, Вася! – сказал усатый, подытоживая тем самым разговор и поднимаясь со стула.

Остальные тоже встанут, но Тамара делает шаг вперед и заступает Васильеву дорогу.

– Ну, чего тебе? – нетерпеливо спрашивает он.

Чиновник торопится и даже не смотрит на оборванную девочку, которая, умоляюще блестя глазами, лепечет что-то о сиротстве, о Саратове и о Полтаве.

Но вот Васильев вылавливает из ее путаной речи слова «детский дом», и это подсказывает ему решение, позволяющее быстро отвязаться от назойливой посетительницы.

– Детский дом? – переспрашивает он. – Есть и у нас детский дом...

Он возвращается к столу и не садясь пишет направление директору детского дома, в котором приказывает принять на воспитание уроженку Саратова сироту Макарову Нину Ивановну, двенадцати лет от роду. Затем он ставит витиеватую подпись и придавливает документ имперской печатью со свастикой и орлом. Заветный документ, разрешение на жизнь.

Детский дом находился за рекой в Засулье. Тамара пришла туда уже вечером, но тем не менее застала на месте и директора, и завхоза. Немолодой директор внимательно рассмотрел ее с ног до головы, затем перевел взгляд на завхоза и снова уставился на девочку. Та протянула ему записку Васильева.

Директор долго разглядывал документ.

– Ладно, – сказал он через некоторое время и, повернувшись к двери, крикнул: – Тетя Груня!

Пришла тетя Груня, она же Агриппина Анисимовна Ярмоленко, и начался процесс приема новой воспитанницы. Тамара вымылась и натянула на себя поношенную форму. Затем ее поместили в отдельную комнату на двухнедельный карантин.

Агриппина Анисимовна принесла ужин: кашу, ломоть хлеба, чай. Тамара поела. Ее никак не отпускало напряжение, въевшийся в душу страх смерти. В карантинной комнате два входа; глядя на двери, девочка думает, что, если полицаи ворвутся в одну из них, будет возможность убежать через другую.

На нее смотрят грязные стены, кислым запахом воняет постель; все тут чужое и пугающее. Но выбора нет. Тамара раздевается, ложится и заворачивается в вонючее одеяло. Слезы текут из ее зажмуренных глаз, текут тихо и долго.

Помимо центральной деревни, колхоз «Путь к социализму» включал несколько небольших хуторов; всего же в нем состояло около пятисот семей. Деревня стояла в стороне от крупных населенных пунктов, а потому оккупационную власть представляли здесь всего три человека: староста Ложкин и два полицая: Шатов и Панасенко. Немцы заглядывали сюда крайне редко. В этой деревне и проживала Хася Гинцбург со своими тремя сестренками Ханой, Мирой и Ривочкой. Последней едва исполнилось пять лет. Была с ними и пегая корова, которой, впрочем, не угрожала та смертельная опасность, которой подвергались еврейские девочки.

Начав работать в колхозе после окончания техникума, Хася поселилась в доме у доброй женщины, которую звали Мария Максимовна Майборода. Муж Марии Максимовны ушел в армию в первые дни войны, и она осталась с двумя детьми: десятилетней дочерью Наташей и шестилетним Мишей. Деревня была не из больших, и многие в ней носили ту же фамилию Майборода: близкие родственники, дальние родственники, друзья и соседи. В начале сентября, когда немцы захватывали полтавскую землю, заболела корова Марии Максимовны. Ближайший ветеринар жил в Липовой Долине, дороги были забиты, и, пока врач добрался до коровы, та испустила дух.

Трудно прожить без коровы в голодное время с двумя малыми детьми. У родственников, сколько бы их ни было, свои беды. Решение нашлось, когда Хася вернулась из поездки в Гадяч не только с тремя сестрами, но и со своей коровой. У Марии Максимовны было запасено достаточно кормов, и молока пегой хватало на всех.

Положение ухудшилось, когда в деревню пришли немцы. Староста Ложкин оказался не слишком вредным и старался по возможности не докучать крестьянам. Но немцы постоянно присылали циркуляры с разнарядкой: от деревни требовали давать Рейху изрядное количество мяса, молока, зерна и кормов. В этих условиях Ложкин вынужден был требовать от каждого вносить свою долю. Полицаи тоже не сидели сложа руки. Шатов, широкоплечий мужик лет сорока, ходил по домам с обысками, конфискуя припрятанное продовольствие. Он был из кулаков и хорошо понимал тонкости крестьянского хозяйства, а потому не отбирал всего, оставляя людям и на пропитание, и на будущий посев.

Зато второй полицай, Иван Григорьевич Панасенко, вспыльчивый драчун и горький пьяница, был полной противоположностью спокойному уравновешенному Шатову. Он с трудом окончил пять классов, связался с компанией бездельников и участвовал в попытке ограбления кооперативной лавки. Однако, когда пришли немцы и разогнали прежнюю администрацию, дурная репутация сослужила пьянчуге хорошую службу. Так девятнадцатилетний Ванька Панасенко надел форму полицая и превратился в Ивана Григорьевича. Теперь он не просыхал и охотно исполнял самые грязные приказы фашистов. Панасенко рыскал по округе, выискивая скрывающихся евреев, коммунистов, партизан и выходящих из окружения советских солдат. Все деревенские боялись его подозрительного взгляда, вечно затуманенного спиртом или горилкой.

Хася и Мария Максимовна решили, что неразумно размещать четырех еврейских девочек в одном месте, поэтому две младшие, Мирка и Ривочка, были переданы в другие дома, также принадлежавшие родственникам из семейства Майборода. Обе приемные семьи были многодетными, и еще один детский рот для них мало что менял. Но осторожность требовалась повседневная: внешность Хаси, Миры и Ривочки не оставляла сомнений в их еврействе.

Иное дело Хана. Длинные, блестящие, черные, как вороново крыло, волосы, нежные черты лица, точеный нос, слегка выдающиеся скулы, темные невинные глаза с длинными ресницами и чудный запах юности – все это придавало ей особое восточное очарование. Хана не любила зря молоть языком; мечтательный молчаливый характер придавал ее красоте дополнительное благородство. Родная сестра Хася, курчавая и простоватая лицом, не походила на нее вовсе – ну, разве что, цветом глаз и волос. Все в Хасе было обычным, непримечательным.

Мария Максимовна, их тридцатипятилетняя хозяйка, владела умением шить: ее мать некогда зарабатывала на жизнь портняжным мастерством. С началом войны Мария Максимовна села за материнскую швейную машинку и не знала недостатка в клиентах. В те времена люди редко покупали новую одежду, предпочитая чинить старую – этим и занималась хозяйка. Большой объем работы требовал помощи, и Хана тоже научилась шить. Это занятие ей очень подходило: сидеть у окна, строчить на машинке и мечтать.

Хася почти не выходила со двора, и в деревне полагали, что она ушла при отступлении Красной Армии. Но бездельничать девушке не приходилось: в хлеву, на огороде и в домашнем хозяйстве всегда была уйма работы. Немало забот требовали и дети, Наташа с Мишенькой. При появлении чужих Хася пряталась на сеновале.

Кем только не объявляли себя тогда сыновья и дочери нашего народа! Хана, к примеру, стала грузинкой по имени Лола Кеташвили. Впрочем, подобной красавицей гордился бы любой народ. Совместными усилиями для нее изобрели целую историю. Якобы, отец Лолы происходил из Грузии. Занесенный в Россию ветрами Гражданской войны, он женился на русской и осел в Калинин. С приближением войны Лола с матерью решили перебраться в Грузию к

родственникам. Но недалеко от Лохвице эшелон разбомбили, мать погибла, а чудом уцелевшая Хана покатила по дорогам войны вместе с другими беженцами. Так и катилась, пока не нашла себе пристанище в этой деревне. Марии Максимовне как раз требовалась помощница для шитья...

Но как убережешь секрет в деревне? Вскоре поползли слухи, что в доме портнихи прячется еврейка, и однажды в ноябре к Марии Максимовне заявили незваные гости – два полица. Хася успела спрятаться на сеновале, а Хана осталась сидеть за стрекочущей машинкой.

– Кто эта девушка? – спросил Шатов и потребовал, чтобы Хана предъявила документы.

Документов не было. Вместо них Мария Максимовна могла предложить лишь рассказ о разбомбленном эшелоне.

– Она пойдет с нами, – решил Шатов. – Посидит в полиции до выяснения.

– погоди, не трожь ее! – остановил товарища Панасенко.

Он был не слишком пьян, и с первого момента не отрывал глаз от Ханы. Как видно, красоту девушки поразила полица в самое сердце. В вопросах охоты на евреев решал именно Панасенко, и Шатову оставалось лишь пожать плечами и подчиниться.

Заботы, тревоги... Девочки всегда нуждаются в матери, а уж в смутные времена и подавно. Не имея возможности заниматься сестрами в открытую, Хася действовала исподтишка. Ривочка попала в состоятельную семью, а вот Мирку приходилось подкармливать, и Хася время от времени посылала Наташу принести сестренке немного еды. Невелика была эта полтавская деревня, и дома располагались недалеко друг от друга.

Зимой началась эпидемия гриппа, не обошла она и девочек. Первой заболела Мирка, жившая у многодетной вдовы. Пять дней пролежала она с высокой температурой. Лекарств, конечно, не было, так что девочку просто отпаивали малиновым отваром и накрывали одеялами, чтобы хорошенько пропотела. Затем свалилась Хана. Она металась в постели с пылающим от жара лицом, а выше, на сеновале, беззвучно плакала ее старшая сестра. В семье Гинцбургов Хася пользовалась репутацией нестигаемого бойца. Но как не заплакать в ситуации, когда на твои юные плечи возложена ответственность за трех младших сестер, а ты не можешь даже носа высунуть наружу, чтобы помочь им! Наплакавшись, Хася затихала, словно лишившись сил, но сердце ее по-прежнему ныло от тревоги за девочек.

Помощь Хане пришла с неожиданной стороны. Полицай Панасенко принес для нее лекарства, в том числе только-только появившийся тогда сульфидин.

Что прикажете делать с этой внезапной любовью полица? Хася не знала, что и думать. Панасенко заявлялся в дом чуть ли не ежедневно, справлялся о здоровье Лолы и усаживался у ее постели, преданно и влюбленно глядя на разметавшиеся по подушке волосы, на бледные от жара губы, на горячий блеск глаз.

Выздоровев, Хана снова уселась за швейную машинку ставить заплатки на кофты и штаны. Но визиты Панасенко продолжались. Он приходил, садился в сторонке и молча сидел, пожирая глазами точеную шею и аккуратный пробор на гладко причесанной, склоненной над шитьем голове. Он сидел и молчал, а наверху на сеновале разрывалось от страха и тревоги хасино сердце.

Что же делать, как поступить? Развязка наступила неожиданно и оказалась жестокой. В один из вечеров полицай долго не приходил. Марии Максимовны тоже не было дома – вместе с Наташей она навещала одну из своих клиенток. Шел густой снег, вечер клонился к ночи, и Хася решила, что сегодня Панасенко уже не появится. Она приготовила горшок болтанки для коровы и отправилась в

хлев кормить пегую. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через двор. Ничто не предвещало беды, и Хася даже не услышала, как отворилась калитка. Панасенко вошел во двор и сразу увидел за снежной пеленой девушку. Хася осторожно, чтобы не расплескать, поставила болтанку, распахнула дверь хлева и снова нагнулась за горшком.

– Ты кто? – послышался у нее за спиной грубый голос полиция.

Хася вздрогнула и разогнулась, глаза палача и жертвы встретились. Панасенко узнал ее в ту же секунду. Еще бы – ведь он ненавидел Хасю еще с советских времен. Тогда она заведовала вопросами культуры в комсомольской ячейке и не раз конфликтовала с тунеядцем и пьяницей Панасенко, который постоянно устраивал в колхозном клубе драки и дебоши.

– А, это ты! – радостно воскликнул Панасенко. – Наконец-то я нашел тебя, проклятая еврейка!

Бежать! Увернувшись от полиция, Хася бросается к открытой калитке. Но не так-то просто ускользнуть от Панасенко. В его руке появляется пистолет.

– Стой! – он бежит за Хасей, которая уже почти выскочила за калитку. Бежит и стреляет в ненавистную цель. Девушка падает у забора. По снегу расплзается пятно крови. Несколько раз дернувшись, она затихает.

В это время на крыльцо выскакивает Хана. Оглянувшись, она видит распростертое на снегу тело сестры и с криком бросается к ней.

– Хася! Хася!

Не помня себя от горя, она падает на мертвое тело, и рыдает, и кричит, и бормочет что-то бессвязное. Медленно ползет по белому снегу красное пятно.

– Хася!..

– Это что, твоя родственница? – изумленно спрашивает Панасенко.

Теперь ему все становится ясно. Его обманывали все это время. Лола тоже еврейка!

– А ну, пойдём! – он грубо сдергивает девушку с тела сестры.

– Миша... – бормочет Хана, захлебываясь слезами. – Миша один в доме...

– Пошла, пошла! – полицией толкает ее за калитку.

Хана бредет по улице, спотыкаясь в глубоком снегу. Она в одном платье – как была, когда выскочила из дома на звук выстрелов.

Тем временем в душе полиция разыгрывается настоящая буря. Он ведь действительно боготворил эту девушку. Он, Иван Григорьевич Панасенко, бог и царь этой деревни, имеющий право по собственной прихоти лишить жизни любого, выставил себя полным дураком, позволил надругаться над своими благородными чувствами! И кому позволил? Презренной еврейке, которая притворилась царевной в изгнании!

– Она твоя родственница? – снова спрашивает он сквозь зубы.

С бледного лица Панасенко смотрят на девушку безумные, полные обиды глаза.

– Сестра, – тихо отвечает Хана.

Она знает, что жизнь ее висит на волоске, но сейчас девушке не до вымыслов и не до фантазий. Что-то сломалось в ее душе, и Хане уже все равно, что ее ждет – жизнь или смерть. Идет снег, мир тонет в белой пелене. Панасенко отпирает дверь дома – тут помещается деревенская полиция. Он толкает девушку внутрь. Сейчас он отомстит за свое поруганное чувство. Он поступит с ней, как с дешевой девкой. Его любовь унижена и растоптана, теперь Панасенко оплатит сторицей!

Всю ночь мучил девушку полицией на замызганной койке в полицейской хате, провонявшей потом и перегаром. А утром отправил ее домой, к Марии Максимовне. Зачем добру пропадать? Панасенко собирается еще не раз

попользоваться этим красивым телом. Перед тем, как вытолкать девушку на улицу, он приказал ей помалкивать о своем еврействе. Пусть пока остается грузинкой. Пусть скажет спасибо благородству Вани Панасенко!

На подгибающихся ногах Хана пробирается меж сугробов. Снежинки еще танцуют в утреннем воздухе. Тут и там подают голос петухи. Слепые оконца глядят со стен безмолвных домов. На голых плодовых деревьях высокие шапки снега. Истерзанная и оскверненная, плетется по глухой деревне самая красивая девочка семьи Гинцбургов. Душа ее пуста, как выпотрошенная шкурка. Снег падает ей на голову, на шею, на обнаженные руки.

Вот и дом Марии Максимовны. Хана открывает калитку. Тело Хаси уже куда-то оттащили; кровь припорошило снегом. Девушка стучится, и Мария Максимовна впускает ее в дом.

– Где ты была, Лола?

В голосе этой доброй женщины слышится оттенок разочарования. Не так-то легко вдове с двумя малыми детьми укрывать у себя евреев.

Хасино тело лежит на полу в комнате. Хана сухими глазами смотрит на труп и отворачивается.

– Я на сеновал...

Она поднимается наверх и ложится на постель старшей сестры. Утопая в душистом сене, лежит Хана и смотрит на стропила – между ними натянуты бельевые веревки. Уже занялся день, полосы света сияют на деревянных боках досок и балок. Хана отвязывает одну из веревок и перекидывает ее через балку. Движения ее неверны, как у лунатика. В волосах у девушки застряли сухие травинки, тусклые глаза поблескивают из-под красных распухших век. Хана пристраивает на шее тугую петлю. Из курятника во дворе слышен крик петуха.

В полдень крестьяне из семейства Майборода похоронили обеих сестер в одной могиле, в стороне от христианского кладбища. Закопали, сняли шапки, постояли в молчании.

Так погибли Хася и Хана Гинцбурги. Но младшие сестры, Мирка и Ривочка, стараниями своих приемных семей уцелели и дотянули до конца войны.

Казнь эсэсовцев и полицаев на еврейском кладбище Гадяча повергла гестаповское начальство в гнев и смятение. После короткого следствия немцы пришли к заключению, что речь идет о нападении партизан. Неспроста ведь нападавшие забрали с собой оружие и одежду убитых. Полицейская собака привела гестаповцев на берег реки и там потеряла след.

От нечего делать арестовали братьев Грищуков – ведь это по их доносу полицаи отправились на кладбище. Не иначе как Грищуки намеренно завели полицию и СС в тщательно расставленную ловушку.

Да, горады на выдумку гестаповские головы, когда требуется найти виноватых. Теперь не позавидуешь братьям. Знали бы они, что придется заплатить такую цену за еврейские надгробья, близко не подошли бы к проклятому погосту! После жестоких пыток Грищуков повесили в городском саду, прикрепив на тела таблички с надписью: «Партизан-убийца».

Бургомистра Карпенко вызвали к начальнику гестапо. Маргарита Фридриховна исполняла обязанности переводчицы. Немец обрушил на голову Карпенко град упреков и угроз. Почему в городе все еще остаются евреи? При чем преступном попустительстве прячутся они по своим норам и чердакам? И что делает при этом бургомистр и его полицаи? Сидят сложа руки и позволяют чертовым евреям дурачить великую Германию!

Жестокий выговор, открытые угрозы! В дурном настроении вышел Карпенко от высокого начальства. Весь состав полиции был тут же направлен на поиски

евреев, ночные патрули удвоены, а на городских стенах появились объявления, обещающие награду за каждого выданного еврея.

Пришла беда и к Ицику Слуцкому и его семье. Как мы помним, он загодя выстроил себе прекрасное убежище в подвале за глухой перегородкой. Лаз туда был замаскирован собачьей будкой, где обычно дремал Жук, старый ленивый пес. Но каким бы хорошим ни было убежище, в нем нельзя сидеть вечно. Боже милостивый, любой человек нуждается хотя бы в небольшом свободном пространстве!

Дом Слуцких был отдан на жительство «фольксдойче»¹, работникам комендатуры. Новые хозяева сразу вошли во владение комнатами, вещами, мебелью и ухоженным плодовым садом Слуцкого. Это решило судьбу старого Жука. Кому нужен пес, который целыми днями дремлет в своей будке? Фольксдойче выгнали собаку на улицу, а когда удивленный таким оборотом событий Жук попробовал было вернуться во двор, его попросту пристрелили. Место старого пса заняла злобная немецкая овчарка, которая сразу учуяла убежище и яростным лаем встречала любую попытку выбраться наружу.

Через несколько дней иссякли вода и продовольствие. Слуцкий, его жена Злата и двое детей были на исходе сил. Еврейская семья оказалась запертой в темном подвале. Что же – умирать от голода, жажды и недостатка воздуха?

Поняв, что иного выхода нет, Ицик решил прорываться на свободу. Для начала следовало устранить овчарку. Ночью Слуцкий взял лопату – свое единственное оружие – и стал продвигаться к выходу. Немедленно поднялся лай. Чем ближе Ицик подбирается к собаке, тем яростней становится ее злобное рычание. Вот и крышка люка. Слуцкий решительно сдвигает дощатую крышку и сразу видит перед собой оскаленную пасть и два горящих глаза. Собрав все свои силы, он резко выбрасывает вперед руку с зажатой в ней лопатой. Остро наточенное лезвие вонзается в собачью шею. Лай сменяется коротким визгом, затем смолкает и он.

Путь вверх свободен, но это еще не значит, что можно выходить. Ицик напряженно вслушивается в ночные звуки. Слава Богу, все тихо в доме. Вроде бы никто не слышал предсмертного визга овчарки. Ицик берет ведро и выбирается во двор. Теперь нужно набрать воды. Он пробирается к колодцу, привязывает к цепи дужку ведра, опускает его вниз. Тихо поскрипывает ворот. Ведро наполняется, натягивается цепь. Ицик медленно крутит рукоятку. Скрип. Плеск воды. Теперь можно напиться. Он припадает к ведру и пьет студеную колодезную воду. Теперь можно отнести ведро вниз, жене и детям.

Проходит еще немного времени, и мы видим, как две тени скользят по улицам Гадяча. Это Ицик и его жена Злата. На руках матери двухлетняя Нина; Ицик несет четырехлетнюю Фаню. Семья Слуцких покидает свой дом, свой двор, свой плодовый сад. В Заяре у них есть знакомые украинцы – авось пустят, авось приютят. Мертвая тишина на улице, только снег скрипит под башмаками. Ноги плохо слушаются после многих дней, проведенных в подвале, в неподвижности, в голоде, в вони и в грязи. На снегу отпечатываются неверные, петляющие, странные следы. Тяжело тащить на себе детей и узлы, но страх вдыхает жизнь в обессиленные мышцы.

Нет, удача не сопутствует Слуцким! Ниночка начинает плакать, и это привлекает внимание ночного патруля. Полицай волокут семью в подвал гестапо. Субботняя ночь, шестая свеча Хануки...

¹ Фольксдойче – термин, которым обозначались этнические немцы, проживавшие вне пределов Германии. На территориях, оккупированных во время Третьего рейха, они располагали особым правовым статусом.

Кто-то волочет, кого-то волокут. Те времена полны примеров человеческой мерзости и человеческой самоотверженности. Партизанская база в лесах Гадяча не бездействовала. Каждый день что-то происходило. Командир отряда, майор Тихонов, деятельный и инициативный человек, смог установить связь с центром, с советскими органами. По тайным каналам в отряд доставлялось оружие, медикаменты, продовольствие. Действовала радиосвязь, совершались диверсии против фашистов и их помощников. Был пущен под откос первый немецкий эшелон. Теперь Глаша уже не была единственной девушкой в лагере. Кто-то сидел у радиоприемника, кто-то помогал доктору Энгертову, кто-то вел лагерное хозяйство.

Прошла зима, появились в лесу признаки приближающейся весны. В ветре уже чувствовалось тепло, посветлели небеса, все чаще улыбалось солнце. Снег еще не сошел весь, но тут и там высунулись подснежники, качнули своими легкомысленными головками, напомнили кое о чем молодым сердцам. В шепоте сосен слышался властный зов жизни. Парни и девушки в лагере тоже не оставались в стороне от весны.

В переменчивой партизанской повседневности росла и крепла дружба между Вениамином и Глашей. Девушке вот-вот должно было исполниться восемнадцать. Все меньше подростковых черт оставалось в ее облике, все больше походила она на молодую женщину, хорошо осознающую свою женскую силу. Внешне она мало чем выделялась из других девушек: льняные волосы, серьезные глаза, ничем не примечательное лицо. Одежда тоже не отличалась изяществом: скучная роба скрывала ее гибкое цветущее тело. Головной платок, завязанный на подбородке, грубые башмаки, толстые серые носки.

Партизанский образ жизни предполагал лишь случайные свидания. Они были полны и радости, и грусти. Влюбленные встречались в укромных местах недалеко от лагеря. Уж кто-кто, а Глаша хорошо знала такие уголки. Не зря она была дочерью леса, сестрой каждому шуршащему дереву, каждому кусту, ветке, шишке, травинке, белке, жуку, цветку. Она понимала значение каждого звука, каждого дуновения лесного ветерка. Ее душа была настежь открыта миру, и мир охотно отражался в этой чистой душе.

Менялся и Вениамин, книжный человек. Жизнь вынуждала его приспособливаться к тяжелому быту ежедневного выживания. Теперь он привык часами лежать в засаде, в холоде и в сырости. При необходимости он мог совершить безостановочный пеший переход на полсотни километров с автоматом на плече, гранатами на поясе и грузом за плечами. Не робел он и в стычках с фашистами. Его ближайшим другом среди партизан стал северянин Пашка Овчинников, широкоплечий парень, научивший Вениамина стрелять с удивительной точностью. Он же научил, как бодрствовать несколько суток подряд, а при возможности мгновенно засыпать в любом положении и просыпаться через шестнадцать часов.

Человек в состоянии приспособиться к любым обстоятельствам, куда бы ни забросила его судьба. Из всех довоенных привычек Вениамин оставил лишь одну: обычаем вести дневник, куда он время от времени записывал по несколько строк. Из опасений, что тетрадка попадет во вражеские руки, он ничего не писал о партизанской жизни, а только о том, что касалось лично его.

Воскресенье, 15 марта. Глаша вернулась из Гадяча. Ворвалась в землянку: «Привет, Вениамин!» Поздоровалась и с Пашкой. Мы не виделись целых три дня. Пошли поговорить в наше убежище в лесу. Она снова говорит: «Ну, здравствуй, дорогой!» и закрывает глаза. Тут уже понятно, как отвечать и что делать. И я отвечаю ей так долго, что даже сосны перестают шептаться. «Как я по тебе

соскучилась, – говорит она. – Кажется, вечность не видела...» Как мягко и красиво звучит ее украинская речь!

Среда, 18 марта. Сегодня снова сидели в своем убежище. Никогда до этого не видел ее плачущей, а тут вдруг слезы на глазах. Спрашиваю, что с ней – молчит. Ничего, придет время, расскажет. Наверняка, какая-нибудь ерунда, сорок сороков болтовни.

Я беру ее на руки и несу через лес. Она обнимает меня за шею и целует в глаза. Я говорю: «Перестань, Глаша, ведь, того гляди, наткнемся на что-нибудь». А она продолжает – никак не может оторваться от моих глаз. Нашла себе игрушку. В итоге мы таки натыкаемся на сосну, которая не догадалась вовремя уступить нам дорогу.

А потом мы лежим на спине и смотрим в небо. Там сегодня легкий туман – в нем смесь голубизны, тени и золота. Моя подружка лежит рядом. «Мне страшно, – вдруг говорит она. – Страшно, что это кончится». Она наклоняется надо мной, и вместо туманно-голубого неба я вижу ее чистые глаза и вдыхаю ее запах, запах лесных цветов. Глаша прижимается ко мне крепко-крепко, со всей доверчивостью, какая только есть на земле.

Глаша часто ночует в лагере, но иногда приходит на ночь домой, в Вельбовку. Тетя Настя тем временем продолжает грешить выпивкой, да и Тихон Сидоренко не забыл дорожку к ее дому. Настя не знает, что это он убил Лиду Эйдельман. Ее любовь к спиртному с годами лишь возрастает, да и с Тихоном Настя сошлась еще задолго до войны.

Сидоренко, кстати говоря, сделал карьеру – теперь он староста и ходит, задрав нос. Тем не менее, Тихон продолжает навещать Настю. Поэтому Глаша побаивается ночевать дома: перед ее мысленным взором встает мертвое тело в кустах и остекленевшие глаза задушенной Лиды. И в самом деле, однажды ночью, накачавшись водкой, Сидоренко полез на Глашу. Настя к тому времени уже сильно опьянела и спала в горнице под иконами Христа и Николая Угодника. Трудно поднять ото сна хмельного человека, но глашины крики разбудили бы и каменную стену. Настя открыла глаза и увидела, как полуголая дочь мечется по дому, а за ней гоняется Сидоренко. Визг дочери и пьяный гогот Тихона потрясли и протрезвили Настю – она вскочила с лавки и бросилась на защиту Глаши. Даже такому опытному насильнику, как Тихон Сидоренко, нелегко справиться с двумя кричащими и царапающимися женщинами. Он выругался, натянул на себя одежду и ушел.

Глаша рассказала о случившемся Тихонову, Гавриленко и Фейгину. Гавриленко, хорошо знавший Тихона, добавил несколько слов от себя. Вспомнили и ужасную смерть Лиды. После совещания было принято решение не тянуть больше с ликвидацией преступника и предателя.

На следующий вечер Глаша повела Вениамина и Пашку в Вельбовку для исполнения приговора. Два дня партизаны просидели в засаде на чердаке летней временки. Глаша носила им еду и книги, оставшиеся от Степана Борисовича. Вениамин читал Толстого, а Пашка остановил свой выбор на сказках Андерсена. Сидоренко пришел лишь на третий вечер. Все было продумано заранее. Глаша сидела на веранде и первой поздоровалась с гостем.

– Здорово, коли не шутишь, – со значением ответил Сидоренко. – Мать дома?

Насти не было – она пошла к соседке одолжить керосина. Глаша улыбается. Эта улыбка плохо соответствует колючему взгляду, но Тихон Сидоренко никогда не отличался излишней чувствительностью. С тех пор, как

стал старостой, он постоянно видит вокруг себя почтительные улыбки. Сидоренко по-приятельски хлопает по спине сидящую на веранде девушку. Глашино сердце уходит в пятки, но улыбка по-прежнему играет на ее губах.

– Мама скоро придет!

– Если так, то, может, пойдем погуляем? – предлагает Тихон.

Эта девушка ему положительно нравится. Скоро будет во всем похожа на мать. Чем дальше, тем больше распаляется сластолюбивый насильник. Надо торопиться, пока не пришла старшая. В лесу тоже есть где лечь.

– Давай, одевайся! – командует он, озираясь по сторонам.

Глаша послушно натягивает на плечи телогрейку – это знак для ребят, наблюдающих за нею с чердака времянки. Девушка и староста спускаются с веранды. Дом Насти стоит на опушке леса. Вечереет, сумерки, и вокруг нет никого, лишь две пары внимательных глаз не выпускают из вида партизанскую связную и осужденного преступника.

– Вперед! – командует Овчинников.

Сидоренко шагает по лесу вслед за Глашей. Он смотрит на девичью спину и почти задыхается от вожделения. Уж здесь-то, в чаще, птичка не ускользнет из его рук! Лиду он тоже изнасиловал примерно в таких же кустах. Тем временем Глаша начинает расспрашивать его о том, о сем. Староста на короткой ноге с немцами, он охотно бахвалится перед наивной девчонкой. Вокруг никого, лишь какая-то старуха собирает хворост в лесу. Глаша вслушивается – ее острый слух улавливает сзади осторожные шаги товарищей. Проходит еще несколько минут, Сидоренко продолжает распушать хвост.

– Мама, наверно, вернулась, – говорит Глаша. – Пора возвращаться.

Она уже выведала у старосты все, что хотела, так что пора выводить его к товарищам. Но не так-то просто вырваться из хватки Тихона Сидоренко!

– Ты что, смеешься? – хрипит он.

Староста хватает девушку за руку и тянет ее в кусты. Она не кричит – зачем привлекать лишнее внимание? Глаша твердо знает, что товарищи рядом. Овчинников никому не позволит ее обидеть, а Вениамин так и вовсе отдаст за нее жизнь.

Сидоренко с шумом падает в кусты и утягивает за собой Глашу. Она испуганно шепчет:

– Не надо, Тихон Васильич, Тихон Васильич!

Но насильник крепко держит ее за руку. Глаша пытается вырваться – безуспешно! Где же парни? Наконец слышится шорох кустов; внезапная буря обрушивается сзади на старосту. Короткий стон – два штыка вонзаются в спину Сидоренко. Обыскав мертвое тело, партизаны уходят. Перед уходом Вениамин прикрепляет на грудь мертвеца записку: «Смерть предателю!» Он своей рукой написал ее на чердаке времянки.

Смерть предателю! Практичный Пашка Овчинников снял со старосты сапоги и не забыл прихватить две бутылки самогона, обнаруженные ребятами в карманах Сидоренко. Глаша забегает домой. Мать уже вернулась.

– Мама, сегодня я не буду ночевать дома.

Настя кивает – она уже привыкла не задавать лишних вопросов. Тускло мерцает масляная лампа. На столе ужин – картошка в мундире, хлеб, соленые огурцы.

– Глашенька, душа моя, поешь чего-нибудь!

– Лучше возьму с собой!

Она забирает изрядную порцию еды и целует Настю, которая смотрит на дочь с тревогой и смущением.

– До свидания, мама! Я приду через несколько дней.

Глаша повязывает платок и исчезает. В лесу ждут Пашка и Вениамин. Трое партизан углубляются в лес. А вокруг весна. Она тормошит лес, будит его от спячки. Ее молодые руки лупят, толкают, выталкивают прочь иссохшую старуху-зиму. Свежие силы жизни поднимаются из глубин земли. На небо праздничным парадом выходят звезды. Словно намекая на что-то, они подмигивают между деревьями, шлют привет трем возвращающимся с задания бойцам.

Начало весеннего месяца нисана. Несмотря на все ужасы и разрушения, что-то уже пробуждается, поднимает голову, тянется к свету. Дух весны несет с собой надежду и обещание. Еще немного – и набухнут почки на кустах и деревьях.

Глава 12

Обычно новички проводили в карантине детского дома не больше одной недели. Но пребывание там Тамары Фейгиной растянулось на месяц. Одна из воспитанниц заболела чесоткой, и ее поместили в ту же комнату. В результате, заразилась и Тамара.

Три раза в день тетя Груня приносит еду. Эта украинская женщина – воплощение доброты и тепла. Сиротский вид Тамары, черная тень перенесенных несчастий в ее не по-детски взрослых глазах тронули сердце даже издавшей виды Агриппины Анисимовны.

Но вот кончились дни карантина, и Тамара снова стоит перед директором. Детдому требуется работница в помощь поварихе: чистить картошку и следить за чистотой. Макарова уже достаточно взрослая девочка для такой работы. Так что пусть отправляется на кухню.

Это решение принято по рекомендации Агриппины Анисимовны: девочка сама напросилась к ней в помощницы.

– Так тому и быть! – директор что-то записывает в анкете воспитанницы Нины Макаровой.

Поношенная форма, мокрый серый передник, чистка картофеля, мытье посуды и полов, грязная утомительная работа. Думала ли она еще год назад о таком будущем? Тамара Фейгина превратилась в чернорабочую! Но не непосильный труд тяготит ее, а недавнее прошлое. Мы видим, как она всеми силами старается избавиться, отрешиться от своего еврейского происхождения. Но как забудешь маму и бабушку, реку Псёл и улицу Дубининскую, школу и подруг, лицо Кима? Как забыть в жестоком изгнании все то, что было ей так близко?

Не все работники детдома относились к девочке с симпатией. Старшая воспитательница Мария Федоровна, старая дева со скверным характером, невзлюбила Тамару с первого взгляда. К счастью, им редко приходилось сталкиваться. Куда существенней была неприязнь Дуси, которая тоже работала на кухне. Тамара почему-то не нравилась этой грубой раздражительной женщине с низким голосом.

– Уж не жидовка ли ты, Нина? – с таким вопросом она частенько обращалась к Тамаре вместо утреннего приветствия.

– Не говори глупостей, Евдокия! – отвечала за Тамару тетя Груня.

А Тамара, опустив голову, с горечью в душе приступала к работе. Не было для нее ничего тяжелей этих вопросов.

Большинство воспитателей относились к детям по-волчьему. Кроме того, в детдом регулярно наведывались полицаи, копались в личных делах воспитанников, разыскивали евреев – полных и «половинок».

Ликвидация евреев в городе Ромны проходила в три этапа. Сначала убили тех, кто явился для «регистрации» согласно приказу властей. Но многим удалось спрятаться в укрытиях, в чужих домах, в сельской местности. Кто-то пробовал изображать из себя нееврея. Тогда власти распространили слух, будто в Берлине решено сохранить евреям жизнь, собрав их в специально отведенных местах для работы на благо Рейха. Большинство спрятавшихся поверили в эту небылицу, вернулись в городское гетто и были расстреляны.

Затем начался третий этап – планомерная охота на уцелевших, а также на детей от смешанных браков, то есть на тех, в чьих жилах текла половина или четверть еврейской крови. Этим занимались и полицаи, рывшиеся в архивах детдома. Детей, которые казались им подозрительными, вводили в комендатуру. Почти никто из них не вернулся назад.

Особенно запомнился Тамаре маленький Толя – семилетний мальчик из Ленинграда, чей отец был русским, а мать еврейкой. Война застала его в Ромнах, в доме бабушки с материнской стороны, которая души не чаяла во внуке и баловала его, как могла. Внешность у мальчика была самой что ни на есть арийской. Когда их с бабушкой вели на расстрел, Толя улизнул из колонны и спрятался в одном из дворов. Затем он попал к русским знакомым бабушки, а те сдали мальчика в детдом. Можно ли научить семилетнего мальчонку убедительно врать взрослому дяде? Толя искренне ответил на вопросы директора, и тот вписал в личное дело еврейское имя мамы.

Тамара очень полюбила мальчика за его веселый нрав. Когда полицаи пришли забирать его, Толя будто почувствовал недоброе и ни в какую не хотел уходить.

– Толик, одевайся, пойдем на прогулку, – сказала ему воспитательница Катя.

– Не хочу на прогулку! – заплакал мальчик. – Я лучше убегу...

Катя силой натянула на него пальтишко. Полицаи взяли Толю за руку.

– Я все равно убегу!

Не убежал. Да и куда он мог убежать? Никто не сказал доброго слова уводимому на гибель семилетнему мальчонке. Промолчала и Тамара.

Все дети, в чьих личных делах были указаны еврейские родственники, пошли под фашистский топор. Не уцелел никто. Но Тамару не тронули: записка, написанная торопливой рукой Васильева, оказалась надежной защитой.

В труде и страхе тянулись тамарины дни, складывались в месяцы. Мало-помалу она научилась отличать людей от волков в человеческом обличье. Добрых женщин в детдоме было немного, и почти все они принадлежали к секте евангелистов. Так, евангелистками были Агриппина Анисимовна и ее старшая дочь Нина, ровесница Тамары. Иногда Тамара бывала в их доме.

Тетя Груня, простая сорокалетняя женщина, относилась к девочке с материнским теплом. Это началось еще со времен карантина, когда Агриппина Анисимовна приносила Тамаре чай и, присев на край кровати, утешала и ободряла девочку. Муж тети Груни был в Красной Армии, она старалась выжить с тремя детьми.

В те дни начали хватать молодежь и отправлять на принудительные работы в Германию. Опасаясь за Нину, тетя Груня пристроила ее в детдом на должность портнихи. Две Нины сдружились, и вскоре Тамара уже читала Новый Завет вместе со своей мнимой тезкой. Удачное миссионерство считалось в секте большой добродетелью.

Осенью 42-го Тамара впервые попала одно из молитвенных собраний. Обычно они происходили по воскресеньям, средам и субботам. Был вечер. В комнате горела керосиновая лампа. Собрание продолжалось примерно два часа. Сначала произнес проповедь пресвитер, глава секты. Затем все опустили на колени и один за другим читали молитвы. После этого верующие расселись по скамьям и выслушали несколько поучений, подготовленных разными членами секты. После каждого выступления люди хором пели печальные гимны. Закончили заключительным словом пресвитера и коленопреклоненной молитвой.

Тамара видела в собравшихся простых и добрых людей, чьи речи были полны милости и утешения. Там она впервые за долгое время ощутила себя равной среди равных, без деления на хищников и жертвы. Она продолжила ходить на собрания, и со временем секта превратилась для нее в убежище от страшного мира. Она пока еще не очень понимала смысла проповедей, зато песни и гимны согревали ей душу. В детдоме она забывала себя в тяжелой работе, а все остальное время ходила, опустив голову, и остерегалась произнести

лишнее слово, сделать лишнее движение. Лишь на собраниях евангелистов Тамара позволяла себе немного расслабиться, ощутить на себе чье-то внимание, чью-то симпатию. По воскресеньям после собраний ее обычно приглашали к себе на обед разные члены общины.

Тем временем, в Ромны пришла осень, грязь покрывала улицы и дворы. Башмаки Тамары совсем прохудились, ноги были постоянно мокрыми. В детдом присылали кое-что из одежды убитых евреев, но обуви всегда не доставало. Однажды, придя на собрание, она получила неожиданный подарок: новые сапоги. Выяснилось, что члены секты собрали для нее деньги на покупку обуви.

Это не только избавило девочку от постоянных простуд, но и согрело душу. И Тамара начала задумываться о том, что раньше показалось бы ей невозможным.

В доме своего деда, бывшего общинного резника Хаима-Якова Фейгина, Тамара получила некоторое представление о духе еврейства, о его славном прошлом и угасающем настоящем. Несколько раз посещала она и штабель: бабушка Песя водила ее туда по праздникам и субботам. Честно говоря, Тамаре, пионерке и ученице советской школы, не очень-то нравились эти визиты. Зато она любила народные еврейские песни. Кухня бабушки Песи была кошерной, по субботам в доме зажигались свечи. Надо признать, что и от праздников Тамара получала немалое удовольствие. Арбузы и виноград на еврейский Новый год, куриные пупки в канун Судного дня, ханукальные оладьи и пончики, сухофрукты Ту-би-Швата, печенье из мацы в Песах, молочное празднество Шавуота... Питание в детдоме было скудным, и Тамара с тоской вспоминала еду, которую готовила бабушка Песя.

Но все это принадлежало прошлому. Девочка своими глазами видела поражение Бога Израиля. Он не смог противостоять силам зла, оказался слаб и беззащитен. Зато Бог евангелистов не оставил своих в беде.

Нет-нет, Тамара Фейгина, она же Нина Макарова, начисто утратила уважение к Богу евреев. Даже в обычное время она отличалась способностью прекрасно приспосабливаться к чужому окружению; в минуту несчастий ценность этого умения возросла семикратно. Мало-помалу в голове Тамары созрело решение присоединиться к секте евангелистов. Для крещения требовалось сначала пройти процедуру публичного посвящения, а также проверку молитвой и проповедью. Лишь тогда она будет считаться дочерью Духа святого.

Каждый раз, когда с членом общины происходила какая-нибудь неприятность, там объявлялся всеобщий пост, продолжавшийся от полусуток до двух дней. По завершении поста евангелисты устраивали церемонию преломления хлеба. Буханка разрезалась на маленькие кусочки, и каждый евангелист вкушал символ тела Христова. В один из таких дней Тамара и решила совершить свою первую христианскую молитву.

И вот собрание. Заканчивается первая очередь молитв, начинаются толкования и песнопения, а Тамара все сомневается, не может решиться. Неужели она и в самом деле не родилась от святого Духа? Ведь девочка уже искренне уверовала в то, что есть милостивый Бог, верховный Судья, указующий праведный путь страдающему человечеству. После заключительной проповеди Тамара собралась с духом и взволнованным голосом произнесла свою первую молитву. О чем именно она молилась? Больше всего на свете девочка мечтала увидеть свою маму-еврейку, но об этом нельзя было говорить вслух даже среди евангелистов. Поэтому молитва Тамары была иносказательной. Она просила Небесного Отца, чтобы исполнил ее заветное желание, чтобы вернул в мир добро и чтобы даровал людям Свою милость.

Лиха беда начало. С тех пор Тамара часто молилась на собраниях секты, а вскоре отважилась и на первое толкование. В молельном доме она нашла несколько брошюр «Христианина» – официального издания евангелистов. На их обложках был изображен Иисус, который проповедовал, стоя в рыбацкой лодке. Ученики слушали с берега, невдалеке играли на траве дети, задумчиво клонились к воде деревья.

Брошюры содержали наивные песни, простые толкования историй Ветхого и Нового заветов. Тамара использовала их для своих молитв и выступлений.

Она еще больше повзрослела, выросла грудь, голос изменился, из него пропала детская интонация, появились глубина и чувство. Братья и сестры любили слушать ее толкования. Часто Тамара читала заученные наизусть отрывки из «Христианина».

Почему, скажи, повесил ты голову свою, опустил глаза свои, потемнел лицом своим? Почему печален ты?

То тяжко вздохнешь, то горько заплачешь.

Посмотри вокруг, приободришься! Славит Творца живая природа, поет радостные гимны благословения.

Взгляни на цветы – разве они печальны? Разве грустные песни поют соловьи в саду?

Взгляни на рощу, стоящую в сиянии, на голубизну небес.

Почему же тогда повесил ты голову свою, опустил глаза свои? Почему печален твой образ?

Почему не расскажешь Творцу о печали своей, о тревоге сердечной?

Вознеси глаза свои к чистым и чудным небесам, усеянным звездами – взгляни, как сияют они!

Так же воссияет и сердце твое в мрачные дни, чистотой и юностью воссияет. И весь облик твой будет чист, как чудное небо, усеянное звездами! И восславится в тебе вечный дух Отца нашего Иисуса, защитника твоего и спасителя!

Нелишним будет привести тут и несколько притч, также использованных Тамарой во время молитвенных собраний.

...Корабль тонет в открытом море, и шлюпок не хватает на всех. С палубы идущего ко дну судна прыгает в воду мужчина, плывет к одной из переполненных шлюпок и из последних сил цепляется рукой за борт. Кто-то из сидящих в шлюпке выхватывает саблю и отрубает вцепившиеся в шлюпку пальцы. Тогда тонущий хватается за борт другой рукой. Отрубают и ее. Несчастный вцепляется в борт зубами. Теперь уже никто не решается помешать ему – ведь теперь уже придется рубить голову. И беднягу втаскивают в шлюпку. Мораль: спасение приходит к тем, кто борется до последнего. С таким же упорством должны и мы устремляться к нашему Спасителю.

...В военном госпитале есть легкораненые и тяжелораненые – кому первому поможет врач? Конечно, тем, чья рана тяжелее, кто больше нуждается в помощи. Так же и милостивый Иисус.

...Проповедник объявил, что только что в молитвенном зале потерялась драгоценная жемчужина. Она будет принадлежать тому, кто найдет ее по окончании проповеди. Теперь лишь немногие вслушиваются в слова проповеди: кто-то внимательно смотрит на пол, кто-то мечтает о находке, кто-то думает о том,

что сделает, когда разбогатеет. Едва лишь замолк проповедник, как тут же все бросились на поиски жемчужины.

Только представить себе, что было бы, если бы с тем же пылом искали они Христа! А ведь Он неизмеримо дороже самой драгоценной жемчужины!

...«Как ожесточилось сердце мое! – пожаловался пресвитеру один из братьев. – Как предстану пред Господом в тяжких этих оковах?»

«Так и иди к Нему, в своих кандалах», – ответил пресвитер.

И Христос в милости Своей освободил узника от оков.

...Вот юноши, пришедшие в армию. Богатые разодеты в пух и прах, бедняки в лохмотьях. Но в первый же день все надевают одну и ту же форму. Так и Христос одевает в чистоту и святость всех, пришедших к Нему – и праведников и грешников.

Евангелистам нравились простые и искренние толкования четырнадцатилетней девочки. Из одежды убитых евреек, которую немцы прислали в детский дом, Тамаре досталось шелковое голубое платье. Подруга Нина, портниха, перешила и подогнала его по размеру. И вот мы видим, как стоит еврейская девочка с темными глазами перед залом, полным христианских братьев и сестер, стоит и проповедует им слова, дышащие верой и надеждой.

В один из сентябрьских дней Тамара приняла крещение в реке Сула вместе с еще семнадцатью людьми, в большинстве юношами и девушками. Было холодно, но евангелисты верят, что даже во время зимнего крещения невозможно простудиться.

Ранним воскресным утром вся община собралась на берегу. Серо-голубые небеса, утренняя прохлада, прибрежный тростник, осока. В прозрачной воде покачиваются желтые головки кувшинок.

Хор негромко поет гимны. Затем новообращенные в длинных белых рубашках заходят в воду; впереди – пресвитер. Он подходит к каждому по очереди, возлагает ему одну руку на грудь, а другую на спину и спрашивает:

– Веришь ли ты в Отца, Сына и Духа святого?

Услышав положительный ответ, окунает пресвитер новообращенного с головой в холодную воду Сулы. Ответила «Да!» и наша Тамара. Кончено дело. Облаченная в белую рубашку, покинула дочь Израиля свой народ. На шее у нее теперь железный крестик. Впервые со времен оккупации вернулось выражение покоя на тамарино лицо.

Идут дни, все больше взрослеет девушка. По утрам она просыпается с ощущением сладкого томления. В ранние часы, когда глаза еще закрыты, молодое тело окутано странным мечтательным туманом. О чем оно мечтает? Но вот звенит колокольчик. Пора вставать. Сегодня ее ожидает утомительная работа на кухне, а затем молитвы в собрании секты. Тамара опускается на колени возле постели.

– Господи, спаси! Дай мне увидеть маму еще при этой жизни!

Затем девушка быстро одевается и спешит на кухню. Нужно принести воды, начистить картофеля, выслушать грубые замечания Евдокии Захаровны, вымыть посуду после завтрака...

Там мы и оставим Тамару Фейгину – на кухне детского дома, под защитой секты евангелистов. Возможно, тот святой Дух, от которого родились встреченные Тамарой евангелисты, и в самом деле добр.

Вот история Тамары. Цви-Гирш родил Айзека, Айзек родил Хаима-Яакова, Хаим-Яаков родил Рахель, Рахель родила Тамару, внучку «шобов», детей «шобов»¹ в Израиле.

Несчастье сидит в засаде, несчастье ползет, замирает на минуту и снова ползет. Оно набрасывается неожиданно, выбирая самых лучших из людей. На этот раз пришла очередь Глаши, девушки, дорогой нашему сердцу.

Оказалось, что собиравшая хворост старуха видела, как Сидоренко направлялся в лес в обществе Глаши. Невелика Вельбовка, и люди хорошо знают друг друга. Тетя Настя пользовалась в деревне очень плохой репутацией. Большинство женщин открыто осуждали и ненавидели ее за легкое поведение. Многих мужчин и парней она сбила с пути истинного. Вот и зять той старухи с хворостом захаживал перед войной в настину летнюю времянку.

Женщины известны своей мстительностью. После того, как было найдено тело Сидоренко и прибывшие из Гадяча жандармы начали следствие, не утерпела старуха и рассказала, что видела в тот вечер старосту с Настинной дочкой.

В дом Насти нагрянули с обыском. На чердаке времянки обнаружили следы пребывания людей, остатки еды, книги. Вот и пришел конец тете Насте. Не будет больше пить водку, не будет соблазнять чужих мужей и женихов. В гестапо Насте задавали всего один вопрос: «Где Глаша?»

Откуда ей знать? Девушка выросла и не спрашивает у матери разрешения. С детства любила болтаться по лесу, проводила там дни и ночи. Не иначе как не все в порядке у нее с мозгами.

– Что она делает в лесу?

– А шут ее знает...

Возможно, эта худенькая женщина с тощей косичкой и знала что-то, но на допросе в гестапо она обнаружила удивительную увертливость и упрямство. И чем больше ее били, тем упрямей она становилась.

– Когда Глаша вернется?

– Да кто ж ее знает? Может, через несколько дней.

Не слишком удачный ответ, хотя и без него в Вельбовке устроена постоянная засада. Два вооруженных эсэсовца поселились в настином доме. Хищные звери поджидают жертву. Если удастся поймать эту птичку, от нее можно будет узнать местоположение партизанской базы.

Проходит три дня. Глаша шагает по лесу в направлении Вельбовки, и сердце ее поет. Она планирует сначала навестить мать, а затем отправиться в Гадяч, к учителю Иванчуку.

Она поднимается по ступеням крыльца, открывает дверь: «Мама, привет!»

Голос девушки полон радости – в последний раз. Цепкие руки хватают Глашу. Ловушка захлопнулась. Безвозвратно ушло счастье, радость юности и жизни. Теперь Глаше предстоят пытки и мучения, выдержать которые выше сил человеческих.

Девушку перевезли в подвал гестапо. Днем и ночью ее таскают на допросы. Та ли это счастливая девочка, которую мы знали? Нет прежней Глаши. Ее тело покрыто ранами и шрамами, лицо распухло, левый глаз заплыл, на голове – пролысины от выдеранных волос.

– Где ты была? Что делала в лесу? Кто убил Сидоренко? Где партизаны? Кто прятался на чердаке времянки?

¹ Шоб – первые буквы ивритских слов «шохат-ве-бодэк» – резник и проверяющий кашрута. Так сокращенно именовалась эта должность в еврейских общинах.

Ни на один из этих вопросов Глаша не отвечает. Она решила отрицать все. Нет, она не встречалась с Сидоренко в тот вечер. Никогда не слышала о партизанах. Не знает, кто был на чердаке. Наверно, кто-то залез туда без ведома хозяек. Она с детства живет в лесу больше, чем дома. Навещает знакомых белок, здоровается с соснами, дружит с птицами и куропатками. А люди... – нет, людей она не видела, люди ей неинтересны.

Ее мучили неделю и не добились ничего. Отчаявшись вытащить из Глаши что-либо путное, фашисты повесили ее и тетю Настю на всеобщее обозрение. Трое суток висели их тела в городском саду Гадяча. Мимо шли люди, в том числе, и жители Вельбовки, простые колхозники; останавливались, молча смотрели и шли дальше. В смерти своей обрела Настя, грешная душа, уважение и жалость односельчан.

Партизаны приняли известие о Глашином конце с гневом и скорбью. Девушку в лагере любили все без исключения. Что уж говорить о Вениамине... Погибла его любовь, погибла в страшных муках. Парень уходил один в лес, падал ничком и катался по земле, стараясь заглушить боль и тоску. Глубокая сердечная рана мешала ему общаться с людьми; даже ближайший друг Пашка Овчинников, и тот оставил Вениамина в покое. Образ Глаши не покидал его. Перед ним стояла ее улыбка, ее преданные глаза; в его ушах звучала ее беззаботная болтовня; он чувствовал на своей щеке ее легкую ладонь. Буря бушевала в душе парня, ярость кипела в сердце. Спустя несколько дней острота утраты притупилась, осталось лишь одно: жажда мести.

С тех пор он просил Тихонова, Соломона и Гавриленко посылать его на самые дерзкие операции. Вениамин, Овчинников и еще один партизан, Петриков, образовали звено снайперов, охотников на немецкие автомобили. Сидя в придорожных кустах, они поджидали одиночные машины и расстреливали их. Нелегко попасть в движущуюся на большой скорости машину. Обычно Пашка брал на себя водителя, а Вениамин и Петриков – пассажиров. Их звено уничтожило немало германских солдат и офицеров; было захвачено много трофейного оружия и документов.

Временами завязывалась перестрелка. В такие моменты Вениамин проявлял безрассудную храбрость. Это не осталось без последствий: в одном из боев он получил пулю в плечо и вынужден был отлеживаться в лесном лазарете под присмотром старого доктора Энгертова.

Но и после того, как рана зажила, Вениамин еще долго не мог держать в руках оружия. Таких раненых переправляли в семейный лагерь, который находился на расстоянии нескольких километров от базы. Отправили туда и Вениамина.

Лето в лесу! Тут и там слышен звук падающих шишек. Земля усыпана ими – и хвоей, и прошлогодней листвой, и лесными цветами на травянистых полянах. Слышен голос птицы. Она поет непрестанно, свистит, щебечет, ищет, зовет, обещает любовь. Белка скачет с ветки на ветку, тащит за собой свой завитой в кольцо хвост, больший, чем она сама. Перья облаков неподвижно лежат на голубом небе. Снова летит с верхушки сосны шишка, шуршит, задевая ветки. Но вот она падает на землю, отскакивает два-три раза и успокаивается – здесь теперь ее пристанище до окончания времен. Лето в лесу! Свет, тепло, голубизна и шорохи. Запах сосен. Тишина.

В семейном лагере живут в землянках около полусотни человек, из них тридцать евреев – в основном, старики, женщины и дети. Зимой они питались мерзлой картошкой, которую добывали на заброшенных огородах. Фашисты разрушили удаленные хутора, чтобы те не могли помогать партизанам.

Картофель остался в земле. Через некоторое время добыли лошадей и подводы, на них и ездили за продовольствием в сопровождении вооруженной охраны.

Чего только не придумает человек ради выживания... Среди обитателей лагеря были мастеровые люди, ремесленники, люди привычные к труду. Обязанности были распределены четко: этот валил лес на дрова и на землянки, тот снимал с бревен кору, третья разжигала костер и следила за огнем, четвертая варила, пятый убирал... Шломо Шапиро по прежнему руководил остатками общины. Командиром лагеря был русский, партизан Бахмутов – выздоравливающий боец, назначенный на эту должность майором Тихоновым. Ему помогал Иосиф Берман, который не мог участвовать в боях по причине сильной близорукости.

Мало-помалу боль утраты оставила Вениамина, и он стал посматривать по сторонам, включаться в жизнь. Он жил в землянке, где были устроены нары на десятерых. Дров хватало, так что печку-буржуйку можно было топить докрасна. Землянка была госпиталем в миниатюре.

Сюда же положили и Шломо Шапиро, когда того настиг-таки тяжелый сердечный приступ. Старик долгое время лежал на спине, не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой. Горчичники, таблетки и уколы не слишком помогали, однако через несколько дней Шапиро полегчало, и он смог садиться на нарах. Лицо его еще больше исхудало, пожелтело и сморщилось, а борода, и без того куцая, теперь висела жалкой тряпицей. Но в этом убогом кувшине еще кипела жизнь, ум был по-прежнему острым, а сознание ясным. Да-да, представьте себе: даже лежа на смертном одре, этот человек не переставал твердить о Сионе и Иерусалиме! А уж когда немного оклемался, то и вовсе вернулся к своему любимому детищу – ивритскому кружку, который организовал в лагере.

Поистине, неисправимый человек этот Шломо Шапиро! Такое впечатление, что, чем труднее жизнь, тем крепче становится его любовь к далекому Сиону. При советской власти, которая не одобряла занятия ивритом, Шапиро вел себя довольно сдержанно. Зато теперь, в лесу и под фашистской оккупацией, он решил перейти от теории к практике, и ивритский кружок стал первым таким практическим шагом. Этот кружок собирался от случая к случаю.

Опираясь на Вениамина и БERTУ Абрамовну, выбирается Шапиро из землянки. Он усаживается под сосной; рядом пристраиваются члены кружка. Среди них есть наши старые знакомые. Семья Гинцбургов представлена особенно хорошо: Сарка, Лейбл, Голда Берман. Временами прибегает и Абкашалопаи. Здесь же Песя Фейгина и Екель Левитин – есть в кружке слушатели от мала до велика. Всем им рассказывает Шапиро длинную историю народа Израиля. Сегодня дошла очередь до царя Шломо, называемого еще Соломоном.

Состарился царь Давид, а наследника себе так и не выбрал. Одна сильная партия поддерживает Адониягу, старшего брата Шломо. Но не дремлют и их соперники в лице пророка Натана и Бат-Шевы, матери Шломо. Они и одерживают победу. Шломо восходит на престол и сразу же уничтожает своих противников: брата Адониягу, военачальника Йоава, отстраняет первосвященника Авиатара. Он выбирает себе верных помощников – полководца Бнаягу, казначея Адонирама и других. Главное достижение Шломо – постройка Первого храма. С тех пор минуло три тысячи лет, но до сих пор служит этот Храм символом и надеждой для всех евреев во все времена. А о мудрости Шломо рассказывают легенды. Всем известна история о мальчике и двух матерях. Даже царица Савская приехала из далекой Африки подивиться на мудрость великого царя – увидела и поразилась.

Неужели вот так, без капли поэтичности, рассказывают о золотом веке нашей истории? Но сидящие вокруг Шапиро с неослабевающим интересом слушают его суховатый рассказ. Немного передохнув, Шапиро продолжает.

Поистине неистощим этот человек. Пока стучит его больное сердце, пока есть вокруг внимающие уши, он будет рассказывать своим братьям и сестрам о славной истории Сиона. «Если вы действительно захотите, сказка станет былью»¹. Шапиро говорит о лидере и пророке, который бросил этот клич, адресовав его евреям рассеяния, веками пытающимся выжить среди диких хищников. Мы должны объединиться и вернуться в свою страну. Ее небеса голубы, солнце горячо, цветы душисты, а земля плодородна. Наш язык иврит звенит там в голосах играющих детей. Парни и девушки, мужчины и женщины трудятся там в полях и садах, в школах и на заводах. Каждое утро выходят в свет ивритские газеты. По этой земле ступали ноги наших предков. Там каждая гора и овраг, каждый камень древних развалин свидетельствуют о прошлом нашего народа.

Без устали повторяет старый больной еврей эти слова, указывает дорогу тем, кто потерял ее во тьме несчастий, сеет в сердцах семена, которые еще прорастут. Невдалеке стоит Голда Берман, молодая мать с огромным уже животом. Скоро ей рожать, вот-вот появится на свет еще один маленький Берман-Гинцбург.

Одна из таких бесед стала для Шапиро последней. Ночью произошел новый сердечный приступ, и старик оказался на грани смерти. Он лежит на спине, рот приоткрыт, глаза глубоко запали. Вениамин сидит у его постели, вслушивается в слабый хрипловатый голос умирающего. Прямо в душу ему проникает этот голос – ведь это последние слова, духовное завещание старого Шапиро. Всю жизнь они с Бертой мечтали о восхождении в Страну Израиля. Но Шапиро считал, что кто-то должен остаться и здесь, в изгнании. Остаться, чтобы помочь народу, наставить и научить людей. А потом алиа² стала и вовсе невозможной. Путь оказался перекрытым, и евреи мало-помалу забыли о родной Земле. Но и сейчас Шапиро уверен, что его усилия не пропали даром. Еще придет время, когда все уцелевшие евреи соберутся в своей стране.

– Ты еще молод, Вениамин... ты еще увидишь поражение Гитлера. У тебя еврейское сердце... нельзя позволять народу забывать свое прошлое... нужно помнить прошлое и верить в будущее... Лишь одна родина есть у еврея...

Таким было завещание умирающего старика молодому человеку из следующего поколения. С этими словами умер Шапиро. В землянке слышится тихий плач Берты Абрамовны.

На похороны Шапиро собрался весь лагерь. Вениамин написал на деревянной табличке то, что принято у нас писать на надгробьях. После того, как могилу забросали землей, табличку укрепили на столбике, и Лейбка Гинцбург произнес кадиш, погребальную молитву осиротевшего сына. Ему помогли лесные птицы, шорохи леса шуршали над свежим могильным холмиком.

Один ушел – другой пришел на смену. Счастье в семье Берманов: Голда родила сына! Вот и пригодилось умение ее тезки-акушерки. Мальчика назвали Аароном – в память о кладбищенском габае, который пал на своем посту у могилы Старого Рабби. Новые заботы, новые тревоги. Маленькая Ахува еще требует постоянного внимания, и вот вам добавка – крошечный Ареле! Но молодая мать не вешает носа. Таково ее жизненное назначение: рожать детей, кормить, одевать, согревать теплом материнского сердца. Поэтому Голда и не думает жаловаться на судьбу. Ее руки проворны, глаза и уши внимательны, а душа

¹ Известный лозунг одного из главных лидеров сионизма Т.Герцля (1860-1904).

² Алиа (букв. – «восхождение», ивр.) – принятый у сионистов термин, описывающий возвращение евреев в Страну Израиля.

всегда открыта для детей. Может, и повезет ей, выживут маленькие в трудных лесных условиях.

Идет время, в лагере тоже все движется своим чередом, по четкому распорядку. Одно из самых ответственных дел – охрана. На некотором удалении от лагеря расставлены лесные наблюдательные посты; караульные сменяются каждые три часа. Сегодня ночью – очередь Сарки Гинцбург. Вот она стоит, всматриваясь в темноту. На плече у нее винтовка, но, правду говоря, Сарка немного побаивается. При каждом лесном шорохе замирает девичье сердце. Ей кажется, что из темноты смотрят на нее два мерцающих зрачка. Не иначе, волк подкрадывается к посту. Видели бы вы Сарку в эту минуту! Вот она, боевая кровь Гинцбургов! Девушка срывает с плеча винтовку и берет ее наизготовку. Ох, не поздоровится зверю, если отважится он померяться силами с самой Саркой Гинцбург! Но нет, волк предусмотрительно сворачивает в сторону, гаснут страшные зрачки. Сарка успокаивается. Одержанная победа прибавляет ей уверенности, и теперь уже не бежит у нее мороз по коже от каждого малого звука. Гордо стоит она на посту. Ружье на плече, глаза сверлят черноту ночи.

В один из осенних вечеров можно увидеть что-то вроде праздника в семейном лагере. Вчера из деревни доставили телятину, и женщины готовят мясную трапезу впервые за все это время. Вряд ли это мясо кошерное, но тем не менее поварихи хотят приготовить его по всем правилам еврейской кухни.

И вот люди торопятся в землянку, которая служит лагерю и кухней, и столовой. Раскрасневшиеся хозяйки раздают порции мяса. Райский вкус, пальчики оближешь! Что за искусница эта Берта Абрамовна! Только дайте ей кусок мяса, а уж она сообразит, что с ним делать. После трапезы поднимается со своего места Берман – есть у этого человека слабость не только к вкусной еде, но и к застольным речам.

В своей речи Берман воздаст должное кудесницам лесной кухни: Берте Абрамовне, Ципе-Лее Гинцбург и Бейле Беломордик. Эти замечательные хозяйки, говорит он, постарались вернуть нас на несколько минут в наш потерянный дом, где пахнет тушеным мясом, где накрыт субботний стол, а на подоконнике уютно дремлет сытая кошка. Спасибо вам, женщины и матери! Мы еще увидим падение Гитлера! Мы еще вернемся в свои разграбленные дома!

Плечо Вениамина уже почти зажило, и он рвется вернуться на боевую базу. Сколько можно прохлаждаться в семейном лагере с женщинами, детьми и стариками? Как всегда, за ним здесь неотступно ходят подростки: они привыкли видеть в Вениамине старшего наставника. Прежде всего, это старая знакомая по занятиям плаванием Сарка Гинцбург, а с нею – Лейбка и Екель Левитин. Есть и другие. После мясного обеда они не прочь послушать интересный рассказ. Вениамин не отказывается – на этот раз он хочет поведать ребятам о пророке Элише, пророке Элиягу и о совершенных ими чудесах. Можно сказать, что парень продолжает дело покойного Шапиро.

Древние истории прошедших веков звучат в темнеющем осеннем лесу. От них становится теплей, они будят мысль и рождают надежду. Вечером приходит Соломон. Он раз в неделю навещает мать. Песя ослабла, она болеет. Старую женщину беспокоит сердце, живот тоже не в порядке. Вся ее прежняя сила заключалась в семье. Когда рухнул дом, потеряла опору и Песя. В конце концов не из стали сделано материнское сердце.

С закрытыми глазами лежит Песя на нарах, вспоминает. Неспешной и спокойной была ее юность. Тогда положил на нее глаз рыжий Хаимке, сын резника. Было это весной в Гадяче. Когда встречалась с ним взглядами, краснела до ушей, опускала голову...

В землянку входит Соломон. Он приносит с собой запахи леса и дороги. Он весел и энергичен.

– Как ты себя чувствуешь, мама?

Соломон целует материнский лоб. Песя открывает глаза, встряхивается, садится на нарах. На ее щеках горит слабый румянец. Предчувствуя приход сына, с утра она надела праздничное платье и гладко причесалась. Слава Богу, мальчик жив и здоров. В последнее время Соломон сильно изменился. Это уже не прежний студент с маской киногероя на лице, в тщательно отглаженных брюках и модно повязанным галстуком. Теперь перед Песей стоит высокий, слегка погрузневший мужчина, днем и ночью занятый борьбой с силами зла за победу правого дела. На нем оставила отпечаток партизанская жизнь, нападения и бои, ветра и дожди, холода и лесная темень. Грустными глазами смотрит он на мать, скорчившуюся на нарах в убогой землянке. Как исхудало ее лицо! За прошедшую неделю оно еще больше сморщилось и потемнело. Шея тонка и морщиниста, спина сгорблена, пальцы источились и пожелтели. Лишь в глазах у Песи прежняя материнская любовь, и тепло, и бесконечная забота.

Соломон рассказывает об Айзеке. Вчера он получил известия из Гадяча. Мальчишечка жив и здоров, у него уже прорезались первые зубы. Ловко ползает и пробует ходить. Кормилица Дарья Петровна ухаживает за ним со всей душой, как за собственным сыном. Вид у него вполне арийский, за исключением одного скрытого признака, и можно надеяться, что Айзеку ничего не угрожает. Глаза у парня голубые, он очень похож на Фирочку. Помнишь Фирочку, мама?

Тем временем в землянку набиваются люди, звучат вопросы. Все тут рады Соломону, хотят увидеть его, пожать ему руку, услышать новости. Фейгин пересказывает услышанные по радио последние сводки с фронтов, анализирует ситуацию, поднимает настроение.

На следующее утро группа людей выходит из семейного лагеря в боевой. Там готовится большая операция, и требуется помощь бойцам. В числе спутников Соломона и Вениамин. С ними также Берман, Лейбка Гинцбург и Екель Левитин. Оба подростка повзрослели раньше времени. Фашисты разрушили их семьи, убили близких, и парни горят желанием отомстить. Лейбка никогда не был трусом, унаследовав смелость от покойного отца. Но и с Екелем Левитиным произошли перемены. Это уже не тот бледный подросток, который глотал без разбора одну книгу за другой и жил в своем вымышленном мире. Теперь он живет реальной жизнью, полной опасностей и проблем. Новая кожа выросла на парне. Помогла ему и дружба с Лейбкой, который не позволяет другу увлекаться фантазиями. Ребята уже умеют пользоваться оружием и могут серьезно помочь партизанским бойцам.

Осеннее утро. Лесная петляющая тропинка соединяет два лагеря. Впереди шагают Соломон и Вениамин. Вокруг высятся задумчивые сосны. Справа от тропки – могильный холмик с табличкой. На табличке ивритская надпись: «Тут похоронен реб Шломо Шапиро, сын Давида».

Вдруг выглядывает солнце, и разом меняется мир вокруг идущих. У подножия деревьев, вытянувшись в одном направлении, залегают резкие тени. В небе голубое сияние. Встряхиваются, прихорашиваясь, сосны. Птицы зовут, приглашают в глубь леса. Партизаны ускоряют шаг. Впереди еще много кровавой работы, пока не будет уничтожен Гитлер, пока не сметут фашизм с лица земли.

Наша армия освобождает Украину. Фронт приближается к полтавской земле. В лесах появляются немецкие дезертиры и отставшие от своих частей солдаты. Партизаны ловят их и уничтожают по одному, по два. Иногда приходится

сталкиваться с группами в несколько человек. Сейчас отряд оказывает прямую помощь регулярным частям.

Гадяч был освобожден 12 сентября 1943 года. Ночью немцы еще рыли окопы на берегу реки Псёл. Утром начался артобстрел. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, но наши части форсировали реку и приступили к штурму укрепленных позиций. Прорвав оборону фашистов, наши солдаты вошли в городские предместья. Затем, одновременно с продолжавшимися боями к северу от Гадяча, наши форсировали реку с юга и, взяв город в клещи, вышибли из него немцев.

Погода была дождливой, и дороги размякли. Это притормозило наступление нашей армии, но не остановило его. 16-го числа был освобожден город Ромны, 23-го – Полтава. Война покатила дальше.

Истощенные и бледные, как странные ночные совы, вылезают уцелевшие евреи из своих укрытий и бункеров, осматриваются, смотрят на развалины прежней жизни. Мало евреев осталось в живых.

Люди ищут пропавших близких, родственников, друзей. Ищут тех, кто ушел в армию, кто успел эвакуироваться на восток. Почта завалена письмами. Письма и открытки летят на все четыре стороны света. В них один вопрос: где? Где родные? Большинства из них уже нет в живых. Но время от времени происходят и чудеса. Скорбь и радость звучат по соседству.

Свобода! Прекрасно чувство избавления от рабства. Радостна возможность дышать свободно и спать без кошмаров. Возможность раздеться и лечь в настоящую постель, возможность жить без оглядки на раззявленную пасть зверя-людоеда.

Семья Гинцбургов тоже вернулась в город. Теперь они поселились в роскошном доме бывшего бургомистра Карпенко и его жены Маргариты Фридриховны. Последние сбежали вместе с отступающими немцами, и советские власти решили отдать дом многодетной семье, чей старший сын Нахман сражается в рядах Красной Армии.

После дождей настала золотая осень; солнце, хотя и скупится по-осеннему на тепло лучей, но не обходит своим светом и Гадяч. Утром из речной долины поднимается туман, но затем он рассеивается, уступая место сиянию солнечного нежаркого дня.

Невелико количество вернувшихся в город евреев. Редко когда встретишь на улице еврейское лицо. Иосиф Берман снова работает в парикмахерской, звенит ножницами, скребет бритвой намыленные подбородки и брызжет одеколоном в неопределенном направлении. Это уже не тот молодящийся кавалер, каким мы видели его в доме матери Хаи-Сары. Вокруг глаз и на лбу у него разрастается густая сетка морщин. Сорокалетний мужчина, отец двоих детей, и – кто знает? – возможно, заложены основы и для третьего. Потомки Гинцбурга используют любую, даже самую малую возможность для того, чтобы появиться на свет.

Сарка и Лейбка считают себя взрослыми. Еще бы – ведь они не кто-нибудь, а партизаны! И вообще Лейбл поговаривает об отъезде из Гадяча. Жизнь здесь кажется ему неподходящей. Местные косо смотрят на уцелевших евреев. Видится Лейбке вопрос в их удивленных взглядах: «Как же вы выжили? Нет ли тут обмана? Нет ли какой-то еврейской хитрости?»

Нет, недоволен парень жизнью в Гадяче. Далеко заглядывает парень, не хочет пускать корни в залитую кровью землю. Воздух здесь еще полон угрозы, повсюду чудится оскал хищного чудовища, люди просыпаются по ночам в холодном поту.

Последние годы утвердили Лейбку в этом мнении. Он готов уехать куда угодно – в Полтаву, в Киев, к черту на рога – лишь бы не оставаться здесь. Но Берман советует ему прежде съездить к колхоз «Путь к социализму», разузнать о судьбе четырех сестреночек, а заодно и пегой коровы.

Сказано – сделано. К брату присоединяется Сарка. Ципа-Лея собирает детей в дорогу, кладет в котомки немного еды, и вот они уже шагают по шоссе и по лесным проселкам. Там сейчас большое движение, есть попутки в обе стороны. Брат с сестрой голосуют с обочины. Не у каждого шофера каменное сердце. Часть пути ребята проделывают на колесах, часть пешком, и уже к полудню оказываются в колхозной деревне. В правлении сидит один из представителей семьи Майборода, он объясняет, как добраться до дома Марии Максимовны. У этой портнихи по-прежнему много заказов. За время войны одежда у людей прохудилась, а новой всё еще не купить. Вот и строчит, не переставая, швейная машинка Марии Максимовны. А как же иначе? Надо ведь растить детей – Наташу и Мишку.

Она принимает Лейбла и Сарку приветливо, но сразу сообщает им дурную весть. Нет больше среди живых ни Хаси, любимой старшей сестры, ни красавицы Ханы, гордости семьи Гинцбургов. Сарка начинает плакать, каменеет, желтеет от гнева лицо Лейбла. Мария Максимовна ведет их в дом тети Оксаны, где два года жила Машенька – она же Мирка Гинцбург. У Оксаны четверо своих, с Миркой пятеро; родственники помогают ей, кто деньгами, кто продовольствием. Ривочка живет в лучших условиях; правда, теперь она отзывается на имя Ира. Ей уже семь, Мира старше сестры на полтора года. Стараниями семьи Майборода выжили и они, и пегая корова.

Далека от больших населенных пунктов эта колхозная деревня, жители ее не считают спасение еврейских детей чем-то особенным. В доме Марии Максимовны собирается близкая родня. На столе – обед; кроме украинского борща есть тут и мясо. Непокойно сердце Марии Максимовны, когда вспоминает она погибших сестер. Хозяйка достает бутылку самогона, разливает по стаканам мутную жидкость. Заставляют выпить по глотку и брата с сестрой – помянуть невинно убиенных. Таков обычай.

Глаза Сарки снова наполняются слезами; слезы текут по щекам, капают в миску с борщом. Солен борщ от саркиных слез. Лейбка не плачет – не к лицу это мужчине и партизану. Он внимательно прислушивается к беседе, где раз за разом упоминается имя полицака Ивана Панасенко. Лейбл сжимает кулаки. Таких полицаев партизаны уничтожали безжалостно.

– Где он теперь, этот Панасенко?

Панасенко схвачен и сидит в тюрьме в Липовой Долине. Он еще получит по заслугам. Мария Максимовна осушает еще один стакан самогона. Приносят новую бутылку – таков обычай. Люди пьют, поминают сестер Гинцбург. Сарка целует спасенных сестричек. Как они выросли за эти два года! Девочки, не узнавшие ее поначалу, теперь уже и узнали, и признали. В углу молчит швейная машинка. Она и не упомнит, когда еще собиралась в доме Марии Максимовны такая большая компания.

Четверых детей Гинцбургов ведут на деревенское кладбище. Мария Максимовна показывает им просевший холмик на могиле двух сестер. Одна застрелена, другая повесилась. Молча стоят захмелевшие люди вокруг холмика, торчащего в отдалении от других могил. Дети бывшего кладбищенского габая города Гадяча срывают несколько полевых цветов и кладут их на могилу.

Назавтра Гинцбурги и корова возвращаются в Гадяч. В доме радость, смешанная со скорбью. Из двенадцати членов семейства погибли четверо: глава семьи Аарон, а также дети – Шимон, Хася и Хана.

Долго не было вести и от старшего сына Нахмана, воевавшего в армии. Не было, а когда пришла, то лучше бы не приходила: «Нахман Аронович Гинцбург пал смертью храбрых в бою за Родину».

Ципа-Лея и Голда заняты с утра до вечера: не так-то просто управиться с такой оравой. Корова тоже требует ухода. Отец семейства Иосиф, да продлятся его дни, много часов проводит на ногах и по возвращении домой нуждается в обеде и отдыхе. Покойная мать Хая-Сара приучила его к хорошему питанию.

В общем, дел хватает. Первого октября начались занятия в школе. Ривочке туда еще рано, а остальным Гинцбургам – в самый раз. Митрофан Петрович Гавриленко тоже вернулся к гражданской жизни. Через несколько дней откроет свои двери и вельбовская школа. Взрослые и старшеклассники уже ремонтируют парты, штукатурят и белят стены, моют полы. Гавриленко и его выдающийся кадык управляют работами.

Соломон Фейгин несколько дней пробыл в освобожденном Гадяче, а затем был заново мобилизован. Бабушка Песя, хотя и сильно ослабла в лесу, но выжила и вернулась домой. Да, снова заметно движение возле дома Фейгиных в Садовом переулке. Старая Песя, собравшись с силами, взялась за восстановление своего домашнего очага. Ей есть о ком позаботиться: под ее материнской опекой сейчас Соломон, Вениамин и Екель Левитин. Да, Песя не забыла обещания, данного Ехезкелю. Его жена Мириам и дочь Лея погибли, но сын Екель остался в живых, и Песя взяла подростка в свою семью.

Перед приходом немцев Хаим-Яков зарыл в подвале сверток с деньгами и ценностями. Теперь эти средства пошли на ремонт, на дрова, на запас картофеля и овощей. Из дома все было расхищено, не осталось ни мебели, ни посуды, ни одежды, ни белья. Пришла Даша с Айзеком на руках – теперь его зовут Эдик. Мальчику всего два года, и он мало что понимает в происходящих вокруг переменах. Матерью ему стала Даша, а отца он не знал вовсе.

Бледный ребенок с голубыми глазами и еврейским лбом стоит в горнице и подозрительно озирается по сторонам. Печально глядит Соломон на маленького сына. На лице у него грустная улыбка, слегка поблескивают золотые зубы. Фирочка! Образ любимой Фирочки угадывает он в чертах голубоглазого мальчугана.

– Эдик, иди сюда!

Тот не двигается, лишь палец его следует по привычному маршруту в рот. Эдик размышляет, как поступить. Соломон подхватывает сына на руки, прижимает к себе, гладит по голове.

– Не узнаешь отца, Айзекль?

По щекам Песи катятся слезы.

Она готовит ужин. Парни вернулись с рынка, где раздобыли немало съестного. Есть картофель, подсолнечное масло, лук, помидоры, хлеб, яблоки, яйца. Роскошная трапеза! Комнаты наполняются восхитительным запахом яичницы. Снова поднимается дым из труб нескольких еврейских домов. Клочок жизни на пустыре обломков и запустения. Снова привычные запахи и цвета, снова хлопчет мать по хозяйству, убирает посуду после ужина.

Наутро, позавтракав, Соломон и Вениамин отправляются в больницу поговорить с медсестрой Анной Дмитриевной. Перед ними грузная седая женщина. От тщательного отглаженного халата и накрахмаленной шапочки веет чистотой и добрым отношением.

Женщина сильно изменилась за прошедшие годы. Мы знавали ее на пороге старости – теперь она состарилась совсем. Оккупацию медсестра провела в Гадяче, продолжала работать в больнице и служила фашистам. Теперь эта подлая старуха видит Соломона и вспоминает хорошие времена. Во рту молодого

мужчины поблескивает золото; она хорошо помнит этот рот. Тогда он был вообще без передних зубов. Сколько времени минуло с тех пор? Казалось бы, кому может понравиться беззубый парень? Но Анне Дмитриевне был симпатичен этот храбрый студент, который приходил к ней в комнату с бутылкой вина и десятком-другим анекдотов.

– Анна Дмитриевна, – говорит Соломон, и тон его не слишком приветлив, – тут в больнице умерла моя жена. Какова была причина смерти?

Анна Дмитриевна вздыхает. Что эти два парня понимают в медицине? Она хорошо помнит эту роженицу, потому что много за ней ухаживала. Доктор Орлов, профессиональный врач-акушер из военного госпиталя, тоже навещал ее два раза в сутки. Воспаление почек – смертельный бич для рожаящих женщин...

Произнесены слова оправдания, и в глазах медсестры загорается кошачий огонек.

– Заходите вечером, Соломон Ефимович! – произносит она мягким жеманным голоском.

Соломон смотрит на ужимки белой старухи, и ненависть ослепляет его.

– Грязная шлюха! – выпаливает он и прибавляет к этому ругательству еще несколько куда более сильных и обидных, из тех, которыми так богат могучий русский язык.

Но хватит об Анне Дмитриевне. Фирочки уже не воскресишь. Соломон предстал перед медкомиссией и был признан годным к повторной мобилизации. Последние часы перед отъездом на фронт он проведет в обществе сына и матери. Вениамину определили дополнительный месяц отпуска – залечивать последствия недавней раны плеча. Целый месяц – как его использовать? Куда поехать? Мать и брат эвакуировались из Харькова вместе с заводом еще в начале войны; их нынешний адрес неизвестен. Вениамин обратился с запросом в бюро розыска родственников, но кто знает, когда придет ответ?

Бабушка Песя предлагает ему остаться пока в Садовом переулке. Ей трудно вынести нынешнее одиночество. Кроме нее постоянно в доме живет лишь Екель Левитин. Хорошо еще, что домашняя работа отвлекает. Уже наведен порядок в подвале. Помогают знакомые и друзья – каждый приносит что-нибудь полезное. Даша с Айзеком ежедневно навещают бабушку, и тогда в доме слышен детский смех и плач. Слава Богу, у Айзека Соломоновича сильный голос и здоровые легкие. Хлопоты по хозяйству стали для Песи лучшим лекарством. Она уже чувствует себя значительно лучше, и доктор Энгерт, который нередко заходит в Садовый переулок поболтать и выпить чашку чая, уже не смотрит на хозяйку с прежней грустью.

Вениамин скитается по Гадячу, смотрит на то, как изменился город, наблюдает за происходящими переменами, знакомится с людьми. На городском рынке, который постепенно оживает, продают осенние цветы. Находятся даже покупатели. Обмен преимущественно товарный: продукты за одежду и обувь. Но быстро возрождается и советский рубль.

Временами за Вениамином увязывается Сарка Гинцбург, курчавая девчонка. Она стремительно взрослеет, в ее повадке уже сквозят манеры молодой девушки.

– Что слышно о Киме, Сарка?

– Какое мне дело до Кима? В жизни не интересовалась никаким Кимом...

Поди пойми, что происходит в расцветающих душах семнадцатилетних девчонок!

В своих скитаниях по городу Вениамин добирается и до дома Эстер, мастерицы лапши. Сейчас там живет украинская семья. На хозяйке замызганный передник и худые башмаки. По дому ползают два чумазных ребенка. Бедность и

нужда. Такова, видимо, судьба этой хижины – никогда не знала она состоятельных хозяев.

– Не знаете ли вы, что случилось с двумя старухами-еврейками, которые жили здесь до войны? – вежливо обращается к женщине Вениамин.

Да, хозяйка знает. Дочь расстреляли немцы вместе с другими евреями во время первой ликвидации. Мать просидела несколько дней в подполе, но и она вынуждена была выйти наружу, когда кончились вода и продукты. Кто-то из соседей увидел ее во дворе и донес в полицию. Пришли гестаповцы и уволокли старуху на смерть.

В воображении Вениамина встает образ худящей – кожа да кости – старухи. Вот она с трудом выползает из погребца, в несколько приемов поднимается на ноги. Есть нечего, голова кружится от голода и жажды. Вот, опираясь на палку, она ковыляет во двор, в запахе нечистот и близкой смерти. Вот она добирается до своей вечной скамейки и садится. Серое осеннее небо отражается в ее блеклых глазах. Она ждет Нехаму: эта мерзавка где-то шляется, забыв свои обязанности перед матерью. Эстер почти сто лет, она похожа на дряхлое замшелое чудовище, но она хочет есть, пить, дышать. Вокруг холодно, мокро, серо. Чего хотят от нее все эти люди? Почему нет в мире покоя?

Добирается Вениамин и до дома своего хорошего знакомого Иванчука. Старый учитель по-прежнему возится с огородом. Сейчас он готовит почву к новому сезону: вскапывает и вносит удобрения.

– А ну, а ну, товарищ студент! Заходи!

Мария Матвеевна, полная женщина с добрым лицом, хозяйничает на кухне. Все тут блестит и сияет чистотой. На подоконнике горшки с цветами. Хозяйка встречает Вениамина широкой улыбкой. Само собой, Роман Назарович сразу начинает говорить о политике. В тишине горницы звучат названия стран и городов, имена политиков и полководцев.

О Лиде не говорят, но память о ней незримо присутствует здесь. Таня Иванчук тоже дома. Ширококостная и грудастая, она сидит у окна и вышивает. Ей уже хорошо за двадцать, скоро перезреет, да вот беда: нет в Гадяче достойных женихов. Да и вообще не так уж много парней для девушек этого поколения. Гибнут женихи на войне один за другим, а невестам остается лишь сидеть у окна и вышивать.

Ночь. Вениамин лежит с открытыми глазами. Екель Левитин, который делит с ним комнату, только что заснул. Парень снова погружен в книги, читает до полуночи, пока глаза не смыкаются от усталости. Агриппина Андреевна в начале октября вновь открыла городскую библиотеку, и Екель, конечно же, стал одним из первых ее посетителей. Сейчас он уже кое-что понимает в жизни и вполне может разобраться в Мопассане, Голсуорси и Бальзаке. Этим вечером парень проглотил приличный кусок «Человеческой комедии» и теперь сыто похрапывает. Вениамин не спит, вслушивается в шорохи дома и в наружные звуки. Вот со двора соседа Гаркуши слышится голос соседского пса Султана. По-прежнему в силе эта собака, громок ее яростный лай, остры зубы; горе тому непрошеному гостю, который отважится забраться во двор Ивана Матвеевича.

Наутро Вениамин отправляется на еврейское кладбище. Когда-то здесь стояли сотни надгробий, теперь не осталось ни одного. Братья Грищуки, начавшие разграбление могил, поплатились за это жизнью. Но у них нашлось много продолжателей. Большинство новых домов, построенных за эти два года, стоят на фундаментах, сложенных из еврейских надгробий. И что же – смирился с этим Бог Израиля: не рухнули дома осквернителей, не покосились.

Вениамин ходит по кладбищу. Тут и там попадаются под ногами осколки гранита, обломки могильных плит с древними ивритскими буквами. Невдалеке

склонилась над могильным холмиком женщина в платке. Голова ее опущена, и вся она выглядит как символ еврейской печали. Это Батья, вдова возчика Мордехая: Вениамин знает ее по лесному семейному лагерю. Батья ищет могилу своего мужа. Два года назад привез сюда возчик Спиридоныч два мертвых тела – неизвестного еврея, убитого на улице, и почившего в своей постели возчика Мордехая. Их похоронили по отдельности, но одновременно. Похоже, что вот они, два эти холмика... – но под каким из них лежит Мордехай? Забыла старая Батья. И вот стоит она над двумя могилами, переводит взгляд с одной на другую. Нет, не вспомнить, и подсказать некому.

Вот так. Люди ищут своих живых родственников, а эта старая еврейка – своего мертвеца. Зачем, Батья? На что он сдался тебе, этот мертвый могильный холмик? А затем, что хочет она поставить достойный памятник своему покойному мужу. Возможно, наступят такие времена, когда будет дозволено еврейским надгробьям безбоязненно стоять под этими небесами. И тогда не сотрется память о славном Мордехае, который когда-то был мясником, а когда-то возчиком, но больше всего разбирался в природе женской души.

Что тут можно посоветовать? Уж не установить ли надгробье между двумя могилами – так, чтобы память досталась обоим покойникам?

Серый осенний день. Ветер гуляет по запущенному полю. Но что случилось со штибелем? То ли попала туда бомба, то ли и это здание растащили мародеры на строительный камень. Теперь от гробницы остался один шатер. Вениамин сдвигает в сторону закопченные каменные обломки, открывает дверь и протискивается внутрь. Там тихо и темно; слабый свет едва сочится сквозь разбитое слуховое оконце. Выломаны и унесены мраморные плиты с золотыми надписями. На стене осталось несколько обломков; там еще можно различить следы нескольких ивритских букв. «Тут... гробница... великий...» – при свете спички Вениамин больше угадывает, чем читает обрывки слов. Не осталось даже памяти о Негасимом огне. Непроглядная тьма властвует вокруг, безмолвие смерти. Погас язычок пламени, искра Бесконечного. Уничтожена, стерта с лица земли частица святого огня. Завалена и пещера, идущая от могилы Старого Рабби к берегу реки.

А впрочем... – действительно ли завалена? Вениамин чувствует под ногами деревянную крышку. Он сдвигает ее – вот и ступени, а за ними дверь, запертая на засов. Вениамин спускается, отодвигает задвижку, вслушивается в скрип дверных петель. Он чиркает спичкой; язычок огня освещает пещеру и уходящий к реке туннель. Слава Богу, ничего не завалено. Пещера цела, дорога существует! И не только существует, но и хорошо знакома ему, Вениамину: ведь он прошел по ней дважды, во сне и наяву. Зажигая спичку за спичкой, Вениамин идет по туннелю. Радость переполняет его. Нет, ее не порвать эту связь. Вот он, огонек под грудой остывшей золы. Не вырезан весь народ, еще восстанет он к жизни. И доносчик Авигдор, вечный странник, еще вернется сюда.

Вениамин принимается тихонько напевать «Ха-тикву», ивритскую песню, которую некогда певали наши отцы и старики. Погасла спичка, но гимн продолжает звучать в темноте пещеры. Этот одинокий голос прорывает тьму, вылетает на свет, к речному берегу, взмывает ввысь, ныряет в чистую текущую воду. И река подхватывает голос, несет его дальше, к другим берегам – к могучему Днепру, куда впадает Псёл возле города Кременчуга. Но и Днепр не стоит на месте: его воды выплескивают песню в Черное море, а оттуда – во все моря и океаны, омывающие земли нашей планеты.

Проходит еще несколько дней. Вот и подошел к концу отпуск Вениамина. С тяжелым сердцем шагает он на железнодорожную станцию Гадяча. В вещмешке, помимо обычных солдатских вещей, мыла, бритвы и пирожков тети Песи, лежит

томик Танаха. Раннее утро на исходе октября. Недавно прошел дождь, и толстый слой грязи покрывает дорогу. Навстречу солдату – тоненькая курчавая девушка.

– Ты куда, Сарка?

– Немного провожу тебя, Вениамин!

В глазах девушки смех и грусть. Из-под платка выбился черный локон, выбился и празднует свободу в прохладном осеннем воздухе. Вениамин и Сарка продираются сквозь липкую грязь и болтают о разном. Девушка не упускает случая похохотать. Ее голос повзрослел, стал глубже. Поди улови момент, когда девочка превращается в девушку. Сарка младше Вениамина на десять лет. Если бы не война, она училась бы сейчас в десятом классе. Но теперь два года потеряны, и Сарка пошла в восьмой. Невеста среди подростков, единственная еврейка в классе. Но может ли пасть духом Сарка Гинцбург, прошедшая семь кругов ада? Страшные испытания лишь закалили ее; сильная красивая девушка месит городскую грязь бок о бок с Вениамином, вся напор и веселая мощь.

На станции Вениамин идет к кассе за билетом, а Сарка садится в стороне. Зал ожидания полон людей и махорочного дыма. Сарка сидит на скамье, глаза ее уже не смеются, на лице печаль, а веселье как ветром сдуло. Вернувшийся Вениамин с удивлением глядит на эту перемену. В глазах у девушки слезы.

– Что с тобой, Сарка?

Она поднимает на него горячие, полные слез глаза.

– Ничего.

– Ну тогда пошли.

Эшелон уже стоит на путях, прерывисто дышит паровоз – то длинный вздох, то короткий. Вениамину следовать до станции Н. Там его распределят в боевую часть. Время прощаться.

– Ты должен сообщить мне свой адрес, Вениамин. Я буду тебе писать! – говорит Сарка. Она вдруг обнимает солдата, горячие губы прижимаются к его щеке. – Я буду ждать тебя, слышишь? Я буду ждать!

Это похоже на клятву верности. Голова Вениамина видна в вагонном окне. Состав трогается с места. Удаляется платформа, удаляется тоненькая фигурка в ветхом пальтишке и грязных сапогах. Ее поднятая рука машет солдату, прощается и обещает. Учащается стук колес, вот уже и скрылась из виду станция. Прощай Сарка! Прощай, Гадяч! Прощай, Псёл!

Кто знает, Гадяч, может, и выпадет мне еще поцеловать твою землю!

Прошли годы. Пыль забвения покрыла события, описанные в этой повести. Весной 1962 года некоторые из ее героев собрались в квартире Рахили Ефимовны Поповой. Свадьба в столице: женится Айзек! Ему всего двадцать один год, но парень влюблен по уши и не собирается ждать ни минуты. Яблоко от яблони недалеко катится. Как и отец его Соломон в дни своей юности, наш Айзек, он же Эдуард Семенович, с ранних лет не избегает женского общества. Невеста тоже еврейка. Может ли внук Хаим-Якова Фейгина, «шоба» и мозля славной общины города Гадяча, взять себе в жены дочь другого народа? Бронечка – тоненькая студентка в темных очках, за которыми скрываются темные, наивно моргающие глаза. В ее еврейском происхождении невозможно усомниться.

Как два голубка, восседают жених и невеста во главе длинного стола. Но мы не станем наблюдать за ними слишком долго – они ведь и без того получают достаточно внимания. Лучше посмотрим на гостей: часть из них знакома нам по событиям двадцатилетней давности.

Рахель превратилась с годами в важную птицу. Владимир Антонович Попов, народный артист и превосходный режиссер, распознал в ней недюжинный актерский талант. Сейчас это ее муж, человек неопределенного возраста с

прямой осанкой и гладко выбритыми щеками. Они встретились в эвакуации, куда Рахель переехала вместе со своим трестом в начале войны. Театр Попова прибыл в тот же город на гастроли и осел там до самой Победы. Получилось так, что они жили по соседству, и это решило дело: Рахель всегда была хорошей охотницей. А когда выяснилось, что она хороша еще и на сцене, у Попова просто не оставалось иного выхода, кроме как предложить ей руку и сердце.

Владимир Антонович много лет проработал в драматическом театре. Нельзя сказать, что эта работа принесла ему много счастья. Они с Рахелью жили в просторной квартире, где, кроме них, обитала также собака Лора с красивым кожаным ошейником. Каждое утро Попов выводит собаку погулять. В руке у него крепко зажат поводок. Лора резво тащит актера на проспект и дальше, к площади.

У Поповых нет детей. В 1944-ом, когда возобновилась связь Рахели с дочерью, Тамара переехала к ним. Прошло немало месяцев, прежде чем удалось соскрести с девушки толстый слой плесени, накопившийся со времен евангелистских собраний в городе Ромны. Посудите сами: как совместить роскошную квартиру на Кропоткинской, общество артистов и музыкантов, людей искусства и культуры – и темную обскурантку-дочь, которая поддерживает связь с какой-то подозрительной провинциальной сектой?

В конце концов Тамара забыла-таки секту, вступила в комсомол и, окончив школу, пошла учиться на врача. Сейчас она работает в поликлинике вместе со своим мужем Володей. Несмотря на молодой возраст – всего-то тридцать пять лет – она не слишком хорошо себя чувствует. Что-то не в порядке с пищеварением, есть подозрение на язву.

В паспорте Тамара записана украинкой; муж Володя, тоже еврей от рождения – русским. Многие евреи теперь отрекаются от своей национальности и стараются пристать к более надежному берегу коренного народа страны. Впрочем, есть и такие, кто поступает иначе; среди них много молодых.

Жених Эдик сирота. Его мать умерла при родах в 1941-ом, отец погиб на войне тремя годами позже. Бабушка Песя тоже после этого долго не протянула. Но это не значит, что сторона жениха скудно представлена на этой свадьбе. Тетка Рахиль Ефимовна созвала на праздник немало друзей и близких. Скажем сразу, что мало кто узнал бы в этой дородной матроне ту Рахель, с которой мы познакомились до начала войны. Но вряд ли Владимир Антонович пожалел о своем выборе. Рахель с честью несет нелегкую ношу актрисы и светской львицы. Их дом навещают знаменитости, народные артисты республики и Советского Союза. Да и сам Попов, которому уже за шестьдесят, считается известным, обремененным славой человеком. Рахель тоже перемахнула за пятьдесят, но пока еще тешит себя иллюзиями относительно прежней силы своих женских чар. Возможно, до сих пор еще кто-нибудь из молодых подчиненных Попова попадает в лапы этой дородной «жены Потифара», которая все еще любит окружать себя тонким облаком духов «Красная Москва».

Итак, есть тут гости со стороны жениха. Среди них и наш Вениамин с женой. Он инженер, работает в проектно-машиностроительном институте. Усидчивый по природе, Вениамин с отличием окончил свой вуз, так что покойный профессор Эйдельман был бы им, несомненно, доволен.

Память о Глаше не стерлась из его души. Влюбленности приходят и уходят, но лишь одна любовь остается в сердце навсегда. Глубоко-глубоко внутри прячется этот узелок привязанности и тоски, и никаким жизненным бурям не вымести его наружу. Но жизнь продолжается. Справа от Вениамина сидит его жена Сара Ароновна, некогда Сарка Гинцбург. Трое их детей остались дома под присмотром соседки. Сарке еще не исполнилось сорока, она в расцвете зрелого женского возраста. Высокая завитая прическа, последний крик моды,

возвышается на ее голове, как двухэтажный дом. Лицо Сарки покраснелось после нескольких рюмок, вишневые глаза блестят, шелковая красная блузка добавляет очарования ее красивому лицу. После окончания текстильного института она устроилась на фабрику и с тех пор работает там. Все дети семейства Гинцбургов переехали из Гадяча в большие города. Все давно замужем и женаты. Не в характере потомков черного габая оставаться в одиночестве, без семьи и детей. А вот Голда Берман по-прежнему живет в Гадяче со своим многочисленным выводком.

Но это еще не все: представители семьи Шотландов тоже здесь. Самое удивительное, что жив еще и дед жениха – старый цыган Залман Шотланд! Он уже на пенсии, но по-прежнему полон жизни и не собирается уходить со сцены. Состарился боевой конь, но все еще тянет его на широкие просторы, особенно, сейчас, по весне. Раиса Исааковна, его золотоволосая супруга, умерла спустя несколько месяцев после того, как получила известие о фирочкиной смерти. Фирочка была любимицей этой болтливой домоседки; видимо, материнское сердце не перенесло горечи утраты.

Залман живет с семьей старшей дочери Елены, которая тоже овдовела: Шауль Левин погиб на войне. Из всей семьи остались, таким образом, лишь сам старик, Лена и внук Борис, широкоплечий красавец, которому тоже уже подошло время завести собственную семью. Все трое сидят за свадебным столом.

Владимир Антонович занят сегодня в спектакле, и Рахель не поспешила на приглашенных гостей. Стол накрыт без потуги на аристократичность; вместо марочного коньяка стоят бутылки обычной «Московской», чьи сорок градусов так способствуют поднятию духа.

Оказался в числе приглашенных и я, автор этой повести, благодаря тесной дружбе с одним из ее героев. Да что там скрывать: в противоположность некоторым другим авторам, которые имеют обыкновение высасывать своих персонажей из пальца, я давно знаком с каждым из тех, кто пришел на свадьбу со стороны жениха.

Сторона невесты тоже не подкачала; количество гостей там несколько не уступает числу близких и друзей нашего Айзека. Всего в квартире собралось не меньше тридцати человек. Звенят стаканы, произносятся тосты, многие из гостей уже прилично захмелели: сорок градусов – не шутка. Среди последних особо следует упомянуть деда Залмана Шотланда. Прошедшие годы несколько не изменили его привычек. Чем больше выпивки вливается в эту цыганскую глотку, тем сильнее тянет ее обладателя к старым напевам еврейской Варшавы, которой нет уже и не будет.

Паренек ужасно зол, паренек ужасно зол,
Он завидует ломтю хлеба в моей руке...
А того не знает он, а того не знает он,
Что душа моя угасла и дыряв карман.
Ах, лучше смерть,
Чем жить вором...

Фальшивым рыком рычит старый Залман варшавскую воровскую песню. Нечего сказать, нашел место: за приличным столом Рахили Ефимовны, где сживают народные артисты и всемирно известные певцы! Нет, за двадцать лет не научился петь Залман Шотланд. По-прежнему он фальшивит и орет, как ломовой извозчик. И бас его тоже остался прежним: он гремит на всю Москву, сотрясая мировые основы. Что ж, не каждый день люди женят любимых внуков. Да, Залман Шотланд не Шаляпин, но что поделаешь, если песня рвется наружу?

Впрочем, гости со стороны невесты не остаются в долгу: они заводят известный свадебный напев.

Ну-ка вместе сядем, сядем, как один,
Встретим-ка невесту, встретим, как один...

Да-да, еще живут в сердцах еврейские мотивы... Щеки Рахили Ефимовны покраснелись. Что ни говорите, а приятно временами забыть о роли светской львицы. Она тоже запекает народную песню. Ее прекрасные зубы поблескивают, напоминая о той, давней Рахели Фейгиной, красивой бухгалтерше с улицы Дубининской, которая щелкала на счетах и имела столь переменчивый нрав, что ты никогда не знал, какая тебя ожидает встреча: поцелуй или пощечина.

Да-да, еще жива в сердцах давняя связь, не оборвалась совсем. Снова наполняются рюмки, поднимается со своего места Вениамин. На висках у него седина, чуб поредел, сквозь шевелюру просвечивают кое-где небольшие пролысины, а морщинки захватывают все больше и больше места на лбу и вокруг глаз. Сара Ароновна смотрит на мужа с улыбкой, в которой сквозит что-то материнское.

– Товарищи и друзья! – говорит Вениамин. – Счастья нам всем! Я хочу поздравить нашу молодую пару. Пусть живут долго, и пусть жизнь будет к ним благосклонна. Мы должны создать новое поколение, такое, которое не станет отрекаться от своего народа. Мы не должны забывать, что треть его погибла от рук фашистов и их помощников. Многие убийцы еще ходят по земле и мечтают нас уничтожить. Но известно, что на каждое действие находится противодействие. Нам надо объединиться и отразить угрозу резни. В свое время нашим главным врагом была вера в пустые слова, в иллюзии. Фашисты умело воспользовались этим. Мы должны навсегда запомнить этот урок.

Как вам это нравится? Еврейский мужчина, хорошо побитый и потрепанный жизнью, стоит за свадебным столом и призывает к национальному единству! Еретик, да и только. Если не остановить его, то он еще, пожалуй, предложит тост за здоровье далекого государства Израиль, куда собрались многие из тех, кто уцелел. Удивительней всего, что остальные собравшиеся, включая молодежь, слушают его с таким вниманием. Боже милостивый, если так пойдет и дальше, то скоро все гости поднимутся в едином порыве и выпьют за то, что имели счастье родиться евреями!

Двадцать лет назад в лесной землянке продиктовал умирающий Шломо Шапиро свое завещание одному молодому партизану. И те слова навсегда запечатлелись в сердце парня – до последнего дыхания пронесет он их по своей жизни.

– В будущем году в Иерусалиме! – кричит со своего места старый Шотланд.

Он явно хватил лишнего и не думает о том, что некоторые вещи не стоит произносить вслух. Около полуночи из театра возвращается Владимир Антонович. Его принимают с пьяным воодушевлением и подносят «штрафную» порцию выпивки. Но народный артист вежливо уклоняется: в его положении нужно следить за питанием и режимом, избегать алкоголя и жаркого, масла и колбас. Он старается придерживаться фруктовой диеты, капусты, ржаного хлеба и прочих скучных вещей.

А пока Владимир Антонович кисло улыбается, глядя на бурное еврейское веселье. Ему не слишком нравятся столпившиеся в квартире люди. Гости начинают расходиться. Какое-то время еще гудит фальшивый бас деда Залмана Шотланда, но вот уходит и старик. Вениамин, прощаясь, прикладывает к ручке хозяйки, Рахили Ефимовны. Сара берет мужа под руку; привычным покоем веет

от ее теплого плеча. Сегодня она красиво одета, причесана и надушена, в ней бурлит воодушевление жизни. Но будь она даже в домашнем халате и тапочках – это мало что изменило бы в ее отношении к Вениамину, ее любви и опоре.

Они идут по Кропоткинской, и Сара болтает, не умолкая, – у нее сегодня прекрасное настроение. Полночь. Улица пуста, иссяк поток машин, почти не видны прохожие. Над городом светятся цветные огни рекламных щитов. Сияют и витрины магазинов, но окна домов темны. Закончились сеансы в кино, завершены театральные представления, последние троллейбусы спешат домой, в парк. На постах со скучающими лицами стоят дежурные милиционеры, готовые к любой неожиданности.

О чем болтает Сара? О молодых Эдике и Бронечке, о Тамаре и о ее матери. Рахель сильно постарела, а Тамара погружена в свои болезни. Сегодня за столом ни крошки не съела. Ты обратил внимание на ее лицо? Тень, а не лицо.

Вениамин отвечает неопределенными междометиями.

– Интересно, как вели себя дети? – спрашивает Сара.

Имеются в виду те трое, кого они оставили дома на попечение соседки. Хася, Нахман и Шимон названы в честь саркиных братьев и сестры, погибших во время войны. Красавица Хана тоже не забыта: ее имя носит одна из дочерей Лейбла Гинцбурга. У Лейбла, Абы, Мириам и Ривки есть, слава Богу, много детей. По всем четырем сторонам света разнесла жизнь потомков кладбищенского габая. Лишь старшая, Голда осталась жить в Гадяче, по соседству с его могилой.

– Хасенька присмотрит за всеми, – отвечает Вениамин.

Хасе уже шестнадцать, на нее можно положиться. Сара с сомнением качает головой: в последнее время ее серьезно беспокоит хасино поведение. Похоже, что за ней ухаживает какой-то школьный воздыхатель. Она еще так молода, но уже красится как взрослая, вертится перед зеркалом, похохатывает, гримасничает. Вчера заявила матери: «Мама, а я красивая!» А три дня назад пришла домой с букетом цветов – как видно, подарок того паренька. Вениамин молчит: не в его обыкновении вмешиваться в женские проблемы. Его дело – сыновья. Он часто рассказывает детям о еврейской истории. Шимону девять, у него прекрасный слух. В доме часто слышны пластинки с еврейскими напевами. Но можно ли назвать это настоящим еврейским образованием?

Тихо. Справа лежит широкое пространство открытого бассейна. Поблескивают в темноте колонны Пушкинского музея. Завтра – новый весенний день. Проснутся в своих колыбелях младенцы. Девочки будут крутить скакалки и прыгать по кривоватым квадратам «классиков», нарисованных мелком на асфальте. Преисполнятся томлением юности парни и девушки. Поколение уходит, поколение появляется. Каждый займет назначенное ему место под равнодушным небесным куполом.

Вениамин и Сара поднимаются по лестнице, он отпирает ключом дверь. Входят тихонько, на цыпочках, чтобы не потревожить детей. В комнате горит лампа с зеленым абажуром. Вениамин раздевается. Завтра ему на работу, осталось всего шесть часов сна. Сара стоит у зеркала, разбирая свою замысловатую прическу. Волны курчавых волос падают на ее обнаженные плечи. Проходит еще немного времени. Короткий шепот. Тишина.

эйяр, 5722¹

¹ апрель-май 1962 года.